А. В. Проноза

ПОДРОСТКОВАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СССР «ЭПОХИ ЗАСТОЯ»

(опыт качественного социологического исследования)

Монография

DirectMEDIA

Москва
2025

УДК 159.923.31:316.346.32-053.6
ББК 88.415-99+60.542.15
П81

Рецензенты:
Чигрин Виктор Александрович, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель и главный научный сотрудник Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;

Гузенина Светлана Валерьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»;

Соловьев Александр Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Автор:
Проноза Андрей Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;
председатель Рязанского регионального отделения Российского общества социологов;
председатель исследовательского комитета РОС «социология повседневности».

Проноза, А. В.

П81 Подростковая сексуальность и половое воспитание в СССР «эпохи застоя» (опыт качественного социологического исследования) : монография / А. В. Проноза. — Москва : Директ-Медиа, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-4499-4955-4

Настоящая монография посвящена вопросам сексуального воспитания детей и подростков в СССР эпохи застоя. Традиционно принято считать, что «в СССР секса не было». Но на самом деле, конечно же, был и секс, и сексуальное воспитание. Однако в условиях советской действительности преемственность полового воспитания прослеживается не во взаимоотношениях родителей и детей, не в передаче опыта и знаний от старшего поколения младшему, а исключительно в среде детско-подростковой. Актуальная сексуальная информация и информация о межполовых взаимоотношениях взрослых в детско-подростковой среде, передавалась из уст в уста. О том, какие существовали механизмы трансляции сексуального опыта, какие формы раннего сексуального поведения детей и подростков доминировали в то время как раз и описываются в данной книге.

Настоящая монография будет интересна для студентов гуманитарных специальностей (социологов, культурологов, историков, филологов, психологов и др.), исследователей в области социологии культуры и повседневности, семьи и молодежи, гендерной социологии, а также всех интересующихся данной проблематикой — историков, культурологов, искусствоведов, сексологов, психологов, филологов и просто заинтересованных читателей.

УДК 159.923.31:316.346.32-053.6
ББК 88.415-99+60.542.15

ISBN 978-5-4499-4955-4
© Проноза А. В., текст, 2025
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ 7

ВВЕДЕНИЕ 8

ЧАСТЬ I. Общая характеристика полового воспитания в СССР 12

Глава 1.1. Особенности методики изучения полового воспитания и сексуальности 12

Глава 1.2. Консерватизм, традиционализм и сексуальное экспериментаторство; государственные и общественные начала сексуального воспитания в СССР 21

Глава 1.3. Спонтанность полового воспитания 26

Глава 1.4. Сексуальное воспитание и девиантное поведение. Взаимосвязь и взаимозависимость — теоретический аспект 40

Глава 1.5. Периодизация межполовых отношений школьного возраста 44

ЧАСТЬ II. Аудио-вербальный контекст полового воспитания и детско-подростковой сексуальности и эротизма 47

Глава 2.1. Ненормативная лексика и половое воспитание. Взаимосвязь и взаимообусловленность 47

Глава 2.2. Эротические анекдоты и их место в системе полового воспитания 57

Глава 2.3. Речевые обороты эротической направленности: стишки, каламбуры, ослышки, оговорки, приговорки, загадки в системе сексуального самовоспитания 79

§ 2.3.1. Общая характеристика 79

§ 2.3.2. Стишки эротического содержания 80

§ 2.3.3. Эротические каламбуры, оговорки и ослышки 84

§ 2.3.4. Приговорки эротической направленности 88

§ 2.3.5. Эротические загадки в системе сексуального самовоспитания 90

Глава 2.4. Подслушанные разговоры взрослых как источник знаний о сексе и половых отношениях 93

Глава 2.5. Секс и эротика в доступной художественной литературе 95

Глава 2.6. Печатная продукция и сексуальное самовоспитание в СССР 103

Глава 2.7. Музыка и секс 110

§ 2.7.1. Легкая музыка и власть — у «них» и у «нас» 110

§ 2.7.2. Сексуальность поп-музыки 111

§ 2.7.3. Каналы распространения поп-музыки в СССР 115
§ 2.7.4. Особенности воздействия поп-музыки на молодежь 122
ЧАСТЬ III. Визуальный контекст полового воспитания и детско-подростковой сексуальности и эротизма..... 128
Глава 3.1. В мире животных..... 128
Глава 3.2. Секс и эротика на советском экране сквозь призму подросткового восприятия 131
§ 3.2.1. Обнаженная натура в советском кинематографе семидесятых 131
§ 3.2.2. Эротика зарубежного кинематографа на советском экране 140
§ 3.2.3. Эротика в жанре кинокомедии у них и у нас..... 144
§ 3.2.4. Что эротичного можно было узреть в западных фильмах 147
Глава 3.3. Эротика, секс и мода 151
§ 3.3.1. Мода как воплощение молодежного эротизма..... 151
§ 3.3.2. Мода и гендер. Краткий экскурс в недавнее историческое прошлое 155
§ 3.3.3. Мужская детская и подростковая мода..... 157
§ 3.3.4. Женская детская и подростковая мода..... 164
§ 3.3.5. Оформление внешности 171
§ 3.3.6. Возрастная амбивалентность моды и ее значение в развитии детского эротизма и сексуальности..... 180
Глава 3.4. Визуально-вещные артефакты молодежной моды 70-х 181
§ 3.4.1. Переводные картинки 181
§ 3.4.2 Жевательная резинка 182
§ 3.4.3 Гитара 184
§ 3.4.4. Радиоприемники и переносные магнитофоны 196
§ 3.4.5. Эспандер..... 199
§ 3.4.6. Мопед — мотоцикл..... 200
§ 3.4.7. Фотографии известных артистов и артисток..... 202
Глава 3.5 Сексуальные артефакты взрослого мира..... 205
§ 3.5.1. Влияние механизма табу и социального запрета на сексуальность..... 205
§ 3.5.2. Табуируемые сексуальные артефакты взрослого мира 208

ЧАСТЬ IV. Поведенческий контекст полового воспитания и детско-подростковой сексуальности и эротизма 219

Глава 4.1. Повседневные практики сексуального поведения подростков. Общая характеристика 219

Глава 4.2. Спонтанные формы предсексуального, раннего сексуального и псевдосексуального поведения детей и подростков 220

§ 4.2.1. Игра в детской эротической культуре.....220

§ 4.2.2 Игры с эротическим подтекстом и эротические игры.....223

§ 4.2.3. Внутривозрастная коммуникация подростков по поводу секса и половых взаимоотношениях или эротические разговоры 235

§ 4.2.4. Пересказ сюжетов порнографических открыток 241

§ 4.2.5. Детско-подростковый вуайеризм (подглядывание и подсматривание) 244

§ 4.2.6. Эксгибиционизм в детско-подростковой среде 246

§ 4.2.7. Совместная утренняя физическая зарядка и демонстративные занятия спортом.....253

Глава 4.3. Официальные мероприятия и детско-подростковый эротизм 255

§ 4.3.1. Попытки официального секс-просвета в школе.....255

§ 4.3.2. Занятия по физкультуре.....257

§ 4.3.3. Дежурство по школе 258

§ 4.3.4. Субботники, сбор макулатуры и металлолома.....259

§ 4.3.5. Туристические походы 260

Глава 4.4. Специально организованные мероприятия с эротической составляющей 263

§ 4.4.1. Танцевальные вечера 263

§ 4.4.2. Мужские и женские праздники.....271

Глава 4.5. Нетипичные половые отношения в детско-подростковом возрасте были ли они или нет? 273

Глава 4.6. Места, способствующие открытому выражению и проявлению сексуальности: кинотеатр, подъезд, подвал, чердак 280

Глава 4.7. Практики межполового общения. Первые поражения и обретение опыта.....283

ЧАСТЬ V. Подростковая сексуальность и половое воспитание в свете происходящих в стране модернизационных процессов 289

Глава 5.1. Сексуальность и эротизм тогда и сейчас. Попытка сравнения 289

Глава 5.2. Аудио-вербальный контекст полового воспитания. От чего ушли и к чему пришли ... 291
§ 5.2.1. Ненормативная лексика как норма повседневной коммуникации ... 291
§ 5.2.2. Эротические анекдоты и их современная судьба ... 291
§ 5.2.3. Стишки эротического содержания, каламбуры, ослышки, оговорки, приговорки, эротические загадки — что с ними стало и где они сейчас? ... 292
§ 5.2.4. Нужно ли прислушиваться к разговорам взрослых о сексе и читать художественную литературу эротического содержания? ... 292
§ 5.2.5. Особенности эротизма и сексуальности современной поп-музыки ... 293
Глава 5.3. Визуальный контекст полового воспитания. От чего ушли и к чему пришли ... 295
§ 5.3.1. Визуализация эротизма и сексуальности в современной поп-музыке ... 295
§ 5.3.2. Эротизм и сексуальность современного кинематографа ... 295
§ 5.3.3. Мир одежды и моды ... 299
§ 5.3.4. Современные сексуальные тенденции в оформлении внешности ... 302
§ 5.3.5. Сексуализация и эротизация мира игрушек современных детей ... 302
§ 5.3.6. Судьба визуально-вещных артефактов молодежной моды 70 х гг. прошлого века в веке нынешнем ... 303
§ 5.3.7. Табакокурение, спиртные напитки и презервативы в современной молодежной субкультуре ... 304
Глава 5.4. Поведенческий контекст полового воспитания. Каким он был и каким стал ... 307
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 310
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ... 313
А. Полевые материалы ... 313
Б. Литература ... 322
ПРИЛОЖЕНИЯ ... 346
Указатель сказочных, фольклорных, литературных и кинематографических персонажей ... 346
Именной указатель ... 348

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Появление этой книги неслучайно. Это результат размышлений автора в период вынужденной самоизоляции, вызванной эпидемией ковида. Как это ни покажется читателю странным, я благодарен эпидемии за то, что в условиях ограниченного общения (в период пребывания автора в ковидном стационаре) у меня появилась возможность написать ее основную часть, не отвлекаясь на другие не менее важные, но все же второстепенные дела. Если бы не ковид, то данная книга так и осталась бы в виде внутренних пожеланий, мечтаний и намерений автора.

Также я благодарен своей жене за ее терпение, такт, снисхождение, поддержку и конструктивную (а порой и нелицеприятную) критику, которые она проявила по отношению ко мне и моей книге во время ее написания. Без нее она просто не смогла бы состояться.

Кроме того, я благодарен *Поповой Ольге Дмитриевне* — доктору исторических наук, профессору, исполняющему обязанности заведующего кафедрой истории России, историографии и источниковедения Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, которая с завидной регулярностью подталкивала меня на тернистом пути к завершению и изданию данной книги, давая при этом ценные технические, методические и организационные советы.

Я признателен *Перекатиевой Татьяне Александровне* — кандидату экономических наук, доценту, заведующему кафедрой социологии, маркетинга и предпринимательства Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина за то, что в момент, когда у меня уже опускались руки и была потеряна всякая надежда на издание монографии она приняла активное участие в ее судьбе. Именно ее стараниями и был найден заинтересованный издатель.

Естественно, что нельзя обойти вниманием и уважаемых рецензентов — *Светлану Валерьевну Гузенину* — доктора социологических наук, профессора кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина и *Александра Васильевича Соловьева* — доктора философских наук, профессора кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, которые благосклонно отнеслись к тексту монографии, сделав ценные замечания, уточнения и указав на дальнейшие, возможные направления развития данной проблематики в будущем.

Особо хочется сказать несколько теплых слов в адрес профессора *Чигрина Виктора Александровича* — доктора социологических наук, научного руководителя и главного научного сотрудника Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, чья рецензия на монографию, по всей видимости, стала его последним письменным научным трудом. Автора монографии связывала с Виктором Александровичем многолетняя дружба, основанная на единстве взглядов, идей и мироощущений. Мы искренне сожалеем, что Виктору Александровичу не довелось подержать книгу его ученика в уже опубликованном виде.

И, наконец, я благодарен всем своим друзьям и товарищам, одноклассникам и однокашникам, которые вольно или невольно приняли участие в написании монографии, предоставив мне яркие примеры и из своей жизни, которые я использовал в качестве иллюстраций в тексте монографии.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос полового (а равно — сексуального) воспитания детей всегда и во все времена занимал умы ученых, общественных и политических деятелей, педагогов и рядовых граждан. Различные исторические эпохи и специфические особенности хозяйственной деятельности людей выдвигали к нему разные, порой прямо противоположные требования. Большое значение в сфере межполовых отношений играли также политические, идеологические и религиозные факторы, традиции, обычаи и т. д., т. е. все то, что принято называть культурой. Кроме того, в определенной мере на формы сексуального воспитания и поведения влияли условия жизни и быта — географические, климатические, демографические, этнические и другие. Все перечисленное в своей совокупности создавало неповторимый национальный и/или региональный колорит в сфере межполовых (а равно и брачно-семейных) отношений, и находило закономерное отображение в половом (сексуальном) воспитании детей.

Однако вопрос о том, какие именно тактики и стратегии полового воспитания детей и подростков существовали и реализовывались в СССР, как они были институционализированы и какое находили практическое воплощение в повседневной рутине родительского воспитания, представляется достаточно интересным и до конца не исследованным. И если по вопросам секса и сексуальных взаимоотношений взрослых к настоящему времени накопилось достаточно много интересных исследований отечественных ученых, то по проблемам именно полового воспитания (а не детской сексуальности), по нашему мнению, исследований недостаточно. И главным здесь, по нашему мнению, является не столько медико-сексуальный аспект полового воспитания, сколько социально-поведенческий и социально-культурный, который менялся в зависимости от эпохи, социально-политического и культурного контекста жизни и быта, доминировавшего в этот период истории нашей страны.

Итак, история нашей страны дает нам возможность проследить — как на практике реализовывались различные модели сексуального воспитания и поведения, как это воспитание и поведение изменялось под влиянием внешних и внутренних факторов, и как этому влиянию сопротивлялась наша ментальность.

Изучение этого вопроса представляет определенный интерес, поскольку здесь имеет место столкновение различных мнений и точек зрения, причем, достаточно полярных. Эти противоречия особенно явственно прослеживаются на индивидуально-бытовом уровне, т. е., если так можно выразиться, — в практической, плоскости. Именно поэтому, при изучении сексуальных взаимоотношений, каждый исследователь вольно или невольно вынужден обращаться к своему собственному жизненному опыту, и тем самым непреднамеренно абсолютизировать его. И именно поэтому закономерно возникает опасность субъективации исследовательского процесса. Эта субъективация, помноженная на традиционную интимность (читай — запретность) темы, как раз и является основным препятствием к осуществлению правдивых, репрезентативных исследований. Главная же причина подобного положения коренится в ограниченности эмпирической базы, отсутствии адекватных методов проверки

достоверности полученных результатов и вольности их трактовок и интерпретаций исследователями.

Историческая эпоха, которая предшествовала сегодняшней ситуации в сфере сексуального воспитания и образования, вызывает неподдельный интерес. И дело тут вовсе не в пресловутых экономических и политических факторах, от которых привыкли отталкиваться ученые, рассматривая те или иные аспекты жизни людей в прошлом, а в особенностях полового воспитания и самовоспитания детей и подростков, в сексуальных отношениях взрослых, существовавших в советском обществе накануне развала СССР (70-е гг. XX в.). Именно в этот период наметились тенденции к модернизации межполовых отношений, которые, не могли не сказаться на сексуальном воспитании детей и подростков тех и последующих лет.

Для 70-х — первой половины 80-х гг. прошлого века характерно одновременное существование в стране двух моделей сексуального воспитания и просвещения. С одной стороны — это жесткая, консервативная модель, поддерживаемая силой обычаев, традиций и государственным аппаратом, а с другой, если так можно выразиться, — свободное творчество масс, отбрасывающее все и всяческие сексуальные запреты и ограничения. В таких условиях подростковый эротизм и сексуальность, оказывались как бы между молотом и наковальней. Особенностям их проявления в реальной жизни, а также особенностям полового воспитания (а точнее — самовоспитания) как раз и посвящена эта книга.

Структурно она состоит из пяти взаимосвязанных частей.

В первой, части, которая носит скорее теоретический характер, дается краткое описание системы полового воспитания в СССР, его истоки и способы реализации на практике (хотя на самом деле использование слов «система» и «практика» здесь представляется не совсем корректным и уместным, но в тоже время, наиболее подходящим).

Вторая часть книги посвящена вербальной составляющей полового воспитания (самовоспитания). В ней дан анализ источников информации о сексе и сексуальных взаимоотношениях взрослых, которые дети и подростки могли усвоить преимущественно в аудио-вербальном виде. В своем большинстве они (эти источники информации) представляли собой спонтанные, стихийные способы полового воспитания и самовоспитания, постоянно воспроизводящиеся в детско-подростковой и юношеской среде при минимальном воздействии со стороны взрослых. Прежде всего, это касается ненормативной лексики, эротических анекдотов, устойчивых речевых оборотов, стишков, каламбуров, ослышек, приговорок, загадок сексуального характера и т. д. Кроме того, к сфере аудио-вербальной информации о сексе нами были отнесены популярная музыка и художественная литература, в которых так или иначе, в той или иной форме затрагивались вопросы пола и межполовых отношений.

Третья часть книги включает в себя визуальную составляющую системы полового воспитания (самовоспитания). Все что мог увидеть ребенок и подросток эротично-запретного и касающегося межполовых отношений, становилось объектом пристального внимания и обсуждения в детско-подростковой и юношеской среде. К этой сфере относятся отечественные и зарубежные кинофильмы, мода на соответствующую одежду и предметы повседневного обихода, оформление внешности, а также различные вещные

артефакты, имеющие маскулинную или феминную направленность в том числе — сигареты, спиртные напитки, презервативы.

Четвертая часть посвящена различным поведенческим аспектам полового воспитания и самовоспитания. Одни из них имели официальную природу, поскольку организовывались специально, различными государственными и окологосударственными организациями, предприятиями и учреждениями. Другие — наоборот, имели неофициальное происхождение, т. е. придумывались и реализовывались на практике самими детьми и подростками. Несомненно, что все эти модели поведения имели в своей структуре как аудио-вербальную, так и визуальную составляющую, но тот факт, что они представляли собой некие, самодостаточные поведенческие акты (игры, танцы, туристические походы, дежурство по школе, совместное празднование мужских и женских праздников и т. д.), позволяет нам выделить и рассматривать их отдельно.

Последняя, пятая часть — это своеобразное резюме. По своему содержанию оно не совсем согласуется с названием книги, но, тем не менее, его присутствие нам представляется достаточно важным, поскольку в нем, в краткой форме изложены особенности модернизации и деформации системы полового воспитания и самовоспитания в нашей стране под воздействием произошедших социально-экономических, идеологических, культурных и политических перемен.

Настоящее исследование, будучи осуществленным в рамках качественной социологии, не претендует на исчерпываемость. По форме его можно отнести к антропологическому наблюдению с элементами самонаблюдения, биографического описания, анализа и обобщения. По этой причине, вполне вероятно, что каждый читатель сможет сам добавить к прочитанному нечто свое из своих собственных воспоминаний и своего жизненного опыта, а в чем-то даже не согласиться с мнением автора. И это вполне естественно, поскольку, повторимся, система сексуального воспитания и просвещения в нашей стране как таковая отсутствовала. Каждый подросток сам выстраивал свою собственную систему сексуального самовоспитания, на которую спонтанно влияло огромное количество различных факторов. Наиболее важные из них мы и попытались отобразить в данной книге и дать им развернутую характеристику.

Также, мы заранее просим у читателей извинения за пространные размышления, которые сопровождают некоторые главы и параграфы и несколько выходят за рамки заявленной тематики. Включение их в основной текст, преследовало своей целью — обратить внимание читателей на то, что данная тема, слишком широка, неоднозначна и затрагивает многие аспекты повседневной жизни и быта людей, выходящие далеко за пределы собственно сексуальных взаимоотношений. Без этих вкраплений, как нам кажется, изложенный материал был бы более сухим и скучным.

Ну и, кроме того, мы приносим свои извинения за использование в книге примеров, предполагающих наличие ненормативной лексики. По возможности мы попытались заменить ее, на другие, общепринятые синонимы и эвфемизмы, однако такая замена, к сожалению, неизбежно повлияла на уровень эмоциональности и экспрессии текстов. Такая мера, была вынужденной и обусловлена необходимостью соблюдения этических норм и требований,

предъявляемых к печатным текстам, предназначенным для публичного пользования. В нашем случае, сложность работы с текстами, имеющими в своем составе ненормативную лексику, осложнялась тем, что она (эта лексика) являлась смыслообразующей и ее замена могла повлиять на аутентичное понимание текстов и контекстов — такое понимание, какое вкладывалось в них изначально. По этой причине, некоторые фрагменты книги могут быть восприняты критически. В связи с этим еще раз хотим заверить читателей в том, что мы никоим образом не хотели эпатировать их подобным образом, а преследовали своей целью приблизить их к реальному вербальному миру детей и подростков описываемой эпохи.

Настоящая монография, по нашему мнению, будет интересна для студентов гуманитарных специальностей (социологов, культурологов, историков, филологов, психологов и др.), исследователей в области социологии культуры и повседневности, семьи и молодежи, гендерной социологии, а также всех интересующихся данной проблематикой — историков, культурологов, искусствоведов, сексологов, психологов, филологов и просто заинтересованных читателей.

ЧАСТЬ I
Общая характеристика полового воспитания в СССР

Глава 1.1. Особенности методики изучения полового воспитания и сексуальности

Частично этого вопроса мы уже коснулись во Введении. Сложность его решения обусловила необходимость хотя бы вкратце обозначить мнение автора по данному вопросу. Это представляется особенно важным в свете изложения последующего материала.

Исследования сексуальности всегда ставили перед учеными трудные методологические и методические проблемы, разрешение которых представлялось очень сложным ввиду особенности предмета исследования, характеризуемого тем, что данная тема всегда, в той или иной мере табуировалась обществом. Из огромного многообразия взаимоотношений людей, секс и сексуальность, по всей видимости, являются, самой закрытой сферой не только для научных исследований, но и для публичного обсуждения.

Те всплески публичности, которые имели место в истории человечества (и которые до нас дошли и зафиксировались в исторической памяти), например, в виде «Песни песней Соломона» [Б188], Камасутры [Б124], Декамерона [Б59] и т. д., или научных изысканий более позднего времени, являют собой не саму публичность таких отношений, а предельно откровенные трактаты о любви и сексе, никак не влияющие на эту повседневную публичность. То есть благодаря таким текстам, публичными становятся не сами сексуальные отношения, а откровенная информация о них, а это, согласимся, не совсем одно и то же.

Итак, изучение половых отношений и сексуальности наталкивается на главную проблему, выражающуюся в табуировании этой темы обществом, хотя степень такого табуирования в реальности может быть совершенно различной. Прежде всего, оно зависит от исторического этапа, на котором находится данное общество и каких-то специфических особенностей развития его отдельных сегментов. И даже сексуальная революция, прокатившаяся по странам Европы и Америки в середине прошлого века, и достигшая нашей страны лишь конце XX столетия, в данном вопросе мало что изменила, поскольку сексуальное раскрепощение личности (особенно женщины) при всей своей прогрессивности, не всегда предполагало демонстративность таких отношений и перевод их в сферу публичности.

Такая неоднозначность понимания обществом публичности секса и сексуальности объясняется в первую очередь тем, что секс, сам по себе, является глубоко интимным актом, касающимся, прежде всего двух людей и по этой причине не предусматривающий вторжения в эту сфер третьих лиц. Такое ограничение, обусловлено биологическими и физиологическими особенностями репродуктивного поведения и, соответственно, отражается в его (этого поведения) психическом и социальном восприятии.

При любом раскладе, в обществе всегда было, есть и будет неоднозначное отношение к сексу, точнее, к его публичности, а раз так, то и любые наши исследования какими бы они ни были скрупулезными, никогда не будут стопроцентно репрезентативными. Именно такой точки зрения придерживается известный американский сексолог и гинеколог У. Мастерс, в совместной с В. Джонсон и Р. Колодни работе «Основы сексологии», когда делает краткий исторический экскурс в историю исследований данного вопроса [Б157, с. 21–37].

Таким образом, сложность изучения межполовых отношений и сексуальности, обусловлена с одной стороны их относительной закрытостью, а с другой — наоборот, тем фактом, что каждый человек, вне зависимости от уровня своего образования, образа жизни, величины дохода, религиозных предпочтений и т. д., обладает определенным (а главное, индивидуальным и уникальным) опытом организации своей собственной сексуальной жизни. В результате вольно или невольно происходит абсолютизация этого опыта, непредумышленное возведение его в ранг некоего эталона и стремление всегда, при любых обстоятельствах следовать ему.

Эта особенность касается не только большинства рядовых граждан, но и самих исследователей. Поэтому нередко бывает так, что недостаток эмпирических данных, полученных с помощью количественной социологии, восполняется подходящими примерами из собственного жизненного опыта автора исследования. То есть происходит некая объективация субъективного опыта, подкрепляемая соответствующей эмпирикой. И разобрать, что же в данном конкретном случае было главенствующим — численные данные, подтвержденные примерами из жизни или наоборот, примеры из жизни стали основой для поиска соответствующих количественных характеристик, которые в конечном итоге подтвердили бы правильность и закономерность жизненных ситуаций (и соответственно — их интерпретаций), становится довольно трудно.

Главная же особенность исследуемой проблемы заключается в том, что сама она с течением времени менялась. В одни исторические эпохи она вообще не воспринималась как таковая, в другие акцент делался на отдельных ее аспектах, например, на воспитании детей, или эффективном ведении домашнего хозяйства, основанном на внутрисемейном разделении труда, или на этических аспектах взаимоотношений между мужчиной и женщиной и т. д.

Кроме того, со временем изменялись и сами исследователи. Воспитанные в одной культуре и испытавшие на себе влияние одной эпохи они были вынуждены подстраиваться и изучать современные им взаимоотношения между полами — такие взаимоотношения, каких не существовало во времена их молодости или же они существовали, но в совершенно других формах. Таким образом, обращение к истории изучения этого вопроса закономерно наталкивается на объективные и субъективные ограничения методологического и методического характера.

Однако такое методологическое и методическое рассогласование в определенной мере можно признать полезным, поскольку оно помогает через сравнение и сопоставление субъективного опыта и объективно существующей реальности выявить происходящие изменения, причины их возникновения и возможные последствия. С этой точки зрения, переходные этапы развития общества предоставляют ученым особенно богатый материал для осуществления сравнительных исследований.

К этому следует добавить мнение Р. Крукс и К. Баур которые в своей книге «Сексуальность» отмечают, что научные изыскания, «*относящиеся к периоду детства и юности, обычно не сразу становятся предметом исследования. Это происходит, как правило, лишь в зрелом возрасте...*» [Б138, с. 42]. Далее они пишут: «*люди часто ошибаются, пытаясь восстановить в памяти события далекого прошлого. Кроме того, воспоминания могут быть подвергнуты намеренному искажению или вытеснению имевших место фактов*» [Б138, с. 42].

Именно поэтому Р. Крукс и К. Баур предлагают следующую характеристику исследовательских методов, наиболее часто используемых при изучении сексуальности (см.: *табл. 1*).

Таблица 1

Методы исследований сексуальности [Б138, с. 41]

Краткое описание	Преимущества	Недостатки
1. Исследование конкретных случаев		
Используется для изучения отдельных испытуемых либо небольших групп испытуемых, каждый из которых изучается независимо на глубинном уровне.	– Гибкость процедур сбора данных. – Исследование поведения, чувств и мыслей испытуемых на глубинном уровне.	– Ограниченные возможности обобщения полученных результатов. – Точность информации ограничена погрешностями человеческой памяти. – Не подходит для многих типов исследуемых тем.
2. Опросы		
Сбор информации, касающейся сексуальных установок и форм поведения у относительно больших групп людей с помощью вопросников или интервью.	– Относительно дешевый и быстрый метод сбора больших объемов данных. – Позволяет собирать информацию у большего числа людей, чем это возможно в лабораторных условиях или при исследовании конкретных случаев.	– Отказы от участия в опросе. – Демографические искажения. – Недостоверность информации.
3. Непосредственное наблюдение		
Исследователи наблюдают и регистрируют реакции участников исследований.	– Практически устраняет возможность фальсификации данных. – Записи поведения могут храниться в течение неограниченного времени на видеокассетах или кинопленке.	– На поведение испытуемых может оказывать влияние присутствие наблюдателя(ей), или же искусственный характер обстановки, в которой производятся наблюдения.
4. Экспериментальный метод		
Участникам эксперимента предъявляются определенные события (стимулы) в контролируемых условиях, позволяющих производить надежные измерения реакций испытуемых.	– Обеспечивает контролируемую обстановку для манипулирования значимыми переменными. – Метод применим для установления причинно-следственных отношений между переменными.	– Искусственность лабораторных условий может оказывать негативное влияние или вносить искажения в реакции испытуемых.

Однако эта схема больше подходит к изучению сексуальности в рамках именно сексологии. Если учесть, что сексуальность исследуется не только этой научной дисциплиной, но и многими другими, например, антропологией, историей, этнографией, психологией, социологией, культурологией и даже фольклористикой, то становится понятным, что предложенный набор методов несколько узок и неполон.

Использование методологических и методических достижений перечисленных выше наук позволяет организовать изучение сексуальности комплексно и высветить такие стороны этого явления, какие остались за пределами восприятия сексуальности как психофизиологической и/или медицинской проблемы. Они, эти стороны, в рамках сексологии вполне могут быть упущены или оставлены без внимания как несущественные, поскольку сексология, если так можно выразиться, изучает сексуальность здесь и сейчас, т. е. ту сексуальность, которая в первую очередь свойственна современным людям, которая их заботит и волнует в настоящий момент времени. К сожалению, такой подход носит чисто утилитарный характер. Его цель — профилактика различных фобий, сексуальных расстройств, дисгармонии в сексуальных отношениях и банальный секспросвет. Впрочем, сами ученые — сексологи отлично понимают ограниченность исследовательских методов и их несоответствие широте изучаемой проблемы. Поэтому на практике имеют место вполне удачные попытки использования достижений перечисленных выше наук в исследованиях сексуальности.

Так, например, уже упоминавшийся нами Р. Крукс отмечает, что «*Этнографы, …сыграли основную роль в кросскультурных исследованиях сексуальности. Однако в последние годы представители других научных дисциплин* (*психологи, социологи, медики и т. д.*) *начали играть даже более активную роль в сборе сексологических данных*…» [Б138, с. 38].

Обращение к истории сексуальности ее, этнографическому, культурному и историческому разнообразию позволяет рассматривать сексуальность не как какую-то учебную дисциплину и часть стандартной профессиональной образовательной программы медицинского университета, а как свойство и особенность человека, существенным образом влияющую на его повседневность (с точки зрения микросоциологии) и на социально-экономические и исторические процессы (с точки зрения макросоциологического анализа).

Итак, обозначенные выше сложности, подстерегающие исследователя на пути изучения проблем сексуальности и межполовых отношений, обуславливают необходимость соблюдения достаточно жестких требований к организации исследовательского процесса, т. е. — выбора и обоснования наиболее эффективных и адекватных методов исследования, а также особой корректности при формулировке выводов. А неоднозначность восприятия темы определенной частью общества, и вследствие этого ее (т. е. темы) относительная закрытость, предполагает необходимость использования различных методик, относящихся как к количественной, так и к качественной социологии. В данном проблемном поле эти два исследовательских подхода могут в максимальной степени дополнить друг друга, тогда как использование лишь одного из них может существенно исказить общую картину.

Кроме того, на процессы сбора необходимой для анализа информации влияют еще два фактора.

Во-первых, это степень доступности объекта исследования и его согласие на предоставление правдивой и исчерпывающей информации, что в силу особенностей исследуемой темы следует полагать достаточно проблематичным. Так, например, замечено, что «*неответы — отказ от участия в исследовании, составляют типичную проблему в исследованиях сексуальности методом опроса*» [Б138, с. 45].

Во-вторых, это индивидуальные предпочтения самих авторов исследований по использованию тех или иных исследовательских методик.

В нашем случае приоритет был отдан методам качественной социологии. Это связано с тем, что автор был ограничен в своих возможностях по организации и проведению массового репрезентативного опроса.

Во многих случаях, в качестве примеров-иллюстраций автор использовал собственные детские и подростковые воспоминания. При внешней субъективности такого источника информации, правомерность обращения к нему обусловлена соблюдением принципа типичности. Все приведенные в тексте наблюдения и исторические зарисовки, не являются единичными и уникальными, а отражают некие общие тенденции.

Кстати, именно этим и объясняется некоторая гендерная, а точнее — маскулинная однобокость текста. В свое оправдание автор может заявить, что подобные перекосы характерны для многих исследований сексуальных взаимоотношений.

Вот конкретный пример (001) из книги И. Кона «Сексуальная культура России: клубничка на березке»:

> «*Мой собственный теоретический интерес к этой проблеме возник случайно. В Ленинграде я много лет работал с замечательной и очень образованной машинисткой Ниной Давыдовной Раскиной. Она не только перепечатывала мои рукописи, но и внимательно их читала и иногда высказывала критические замечания. И когда я стал заниматься юношеской психологией, Нина Давыдовна однажды мне сказала: "Игорь Семенович, то, что вы пишете, очень интересно, но ведь это все — о мальчиках. А где же девочки? Они многое переживают иначе".*
>
> *Нина Давыдовна была, конечно, права. Как и для большинства моих коллег-ученых, женщина была для меня, во всяком случае, в теории, не столько самостоятельным существом, сколько лучшим другом человека. "Мужской" тип развития был мне не только лучше знаком по личному опыту, но и казался теоретически универсальным, единственно возможным*» [Б135, с. 230–231].

И наконец, еще одной сложностью, возникшей при осуществлении настоящего исследования, стало обилие разнообразных качественных материалов в сети Интернет. Однако попытка их использования, натолкнулась на существенные ограничения — невозможность их объективной оценки ввиду отсутствия указания на время, место наблюдения и социально-демографические характеристики авторов этих наблюдений (заметок, зарисовок) с одной стороны, и описываемых ими персонажей и действующих лиц с другой. К сожалению, подавляющее число пользователей сети Интернет и участников различных форумов, не считают необходимым точно привязывать свои высказывания к определенному времени и месту. В таком виде их мнения предполагают слишком вольную трактовку, и не могут быть использованы в качестве иллюстративных доказательств тех или иных теоретических положений. Вместе с тем, обилие подобных обсуждений и, в целом, отнесение их по времени к исследуемой эпохе, а в географическом плане к территории

бывшего СССР, свидетельствует о важности данной темы и необходимости ее изучения. То есть, говоря другими словами, данная тема имеет не только научный интерес в академических кругах — в ней заинтересованы и рядовые граждане.

С чем связана такая заинтересованность, однозначно сказать трудно. По всей видимости, здесь сплелись в один плотный клубок и проблемы современного школьного образования и воспитания, и сексуальная открытость современного общества, и присущий этому же обществу традиционализм и консерватизм в сфере половых отношений, и рост уровня правонарушений и преступлений на сексуальной почве, и социальная рефлексия старшего поколения по минувшим временам и т. д. и т. п. Но несомненным остается одно: в настоящий момент постсоветское общество претерпевает сексуальную модернизацию и это не может не стать объектом пристального внимания и обсуждения. Причем эта модернизация представляет собой разнонаправленный процесс — от жесткой консервации традиционных брачно-семейных (а равно — сексуальных) отношений, основанной на религиозном ренессансе (как христианском, так и исламском), до критичных сексуальных экспериментов, ориентиром для которых стала произошедшая на Западе в 60-х гг. прошлого века сексуальная революция и ее последствия.

Примечание:

Впервые понятие «сексуальная революция» было сформулировано В. Райхом в первой половине XX века. Ее суть — радикальная ломка традиционных норм, ограничений и запретов в сфере сексуальных отношений [Б199].

В дальнейшем Г. Маркузе углубил понимание термина «сексуальная революция», представив его содержание водоворотом неукротимых сил, которые соединяют эротику, эстетику и этику в единое бунтующие сознание — против всех форм репрессии.

Также значительный вклад в изучение «сексуальной революции» внес Э. Гидденс [Б74].

Из отечественных ученых следует отметить В. Анурина [Б47; 48], С. Голода [Б76 — 80], И. Кона [Б130–135], А. Савчука [Б204] и др. [Б176].

Итак, в наиболее общем виде, эмпирическое изучение сексуальности и половых взаимоотношений в рамках социологической науки возможно с помощью использования двух методико-методологических подходов — количественного и качественного. Рассмотрим их поочередно.

Организация количественных исследований в сфере сексуальных взаимоотношений требует высокого методологического и методического мастерства исследователя.

Например (002), на результаты исследований в области секса и сексуальных взаимоотношений большое влияние может оказать статус интервьюера:

1. В качестве интервьюеров не рекомендуется привлекать студентов, в силу недостаточности их опыта в сфере сексуальных взаимоотношений.

2. Также не рекомендуются привлекать для работы интервьюерами пенсионеров в силу косности и стереотипности мышления, поскольку их взгляды на сферу межполовых отношений, как правило, носят тенденциозный характер, ввиду их сформированности не сейчас, а в далеком прошлом, в то время, когда они сами были молодыми.

3. Кроме того, нежелательно привлекать в качестве интервьюеров людей с низким уровнем образования или людей нетрадиционной сексуальной ориентации по вполне понятным причинам (ввиду опять-таки тенденциозности восприятия ими темы исследования).

4. И наконец, не рекомендуется использовать представителей вышеперечисленных групп в качестве респондентов, по те же самым причинам, хотя в данном случае все зависит от темы и цели исследования.

Комментарий:

1. Данный список, конечно, можно было бы продолжить, но в каждом конкретном исследовании он зависит от характера изучаемой проблемы, целей и задач исследования.

2. В связи с обозначенными ограничениями приходится признать, что в настоящий момент времени (впрочем, как это имело место и в прошлом) наиболее оптимальным остается сбор эмпирического материала самим автором исследования. Тем самым достигается максимальная корректность и адекватность процесса сбора эмпирической информации, ее соответствия теме, целям и задачам исследования.

На результаты исследований существенным образом влияют особенности, изучаемой социально-демографической группы. По большому счету эти особенности как раз и обусловливают те или иные различия в сфере секса и сексуальных предпочтений (взаимоотношений) людей. И чем меньше такие различия у социальных групп, подвергшихся изучению разными исследователями, тем больше возникает желание абсолютизировать полученные эмпирические результаты и экстраполировать их на все человеческое сообщество.

Таким образом, возникает еще одна сложность — сложность организации и проведения масштабных исследований, поскольку большинство ранее осуществленных изысканий носят преимущественно локальный, ограниченный и даже фрагментарный характер.

Частично такая локальность, ограниченность и фрагментарность оправдываются осведомленностью в данной теме (в той или иной степени) подавляющего большинства потенциальных респондентов и наличием у них индивидуального (и уникального) сексуального опыта. Однако с точки зрения количественной социологии, такие исследования могут быть признаны только как пилотажные, прикидочные, разведочные. В крайнем случае, выводы из них будут верны для крайне ограниченной совокупности респондентов.

Пример (003):

Такую ограниченность эмпирических исследований в сфере сексуальности и половых отношений 20-х гг. XX в. на примере опросов И. Гельмана, Д. Ласса, З. Гуревича и Ф. Гроссера, справедливо отмечает С. Голод:

«*…в 1920-е гг. все исследователи не являлись социологами в прямом смысле этого слова, а были медиками, юристами, статистиками и т. д. Этим, очевидно, и объясняется подчас некорректная постановка вопросов*» [Б79, с. 74].

И далее:

«*Разумеется, они* (эти исследования. *— А. Проноза*) *не исчерпывают всей картины социологических разработок проблемы сексуальной морали в двадцатые годы*» [Б79, с. 74].

В результате даже при наличии огромного количества подобных исследований, на практике бывает трудно их согласовать, сопоставить и сравнить между собой в силу различия:

а) методик их проведения;

б) социально-демографических характеристик опрашиваемых респондентов.

Поэтому, мы можем делать какие-то выводы и при этом ссылаться на те, или иные результаты исследований, на тех или иных авторов, но при этом должны помнить, что:

во-первых, большинство исследований, даже претендующих на репрезентативность, носят все же локальный, ограниченный характер;

во-вторых, сформулированные в них выводы всегда будут иметь некоторую долю вероятности и домысла.

Поэтому в качестве компенсации указанных недостатков, в исследовании должно быть предусмотрено хотя бы краткое описание методики его проведения. Такой подход представляется наиболее оптимальным, но, если посмотреть с другой стороны, то его реализация может сильно утяжелить исследование, сконцентрировав внимание заинтересованных лиц не столько на самих результатах, сколько на подробном изложении методики его проведения.

Еще одной проблемой количественных исследований в области сексуальности является неоднозначность восприятия изучаемой темы представителями различных статусных групп и возрастных категорий населения. Вследствие этого, вполне можно ожидать большого числа отказов респондентов от участия в опросе, по сравнению с опросами традиционными, посвященными, например, международной политике, трудовой миграции, потребительскому поведению и т. д. Но, с другой стороны, вполне можно ожидать согласия на участие в опросе отдельных, заинтересованных в данной теме респондентов. Мотивация такого согласия сама по себе представляет отдельный научный интерес и таких респондентов вполне можно рассматривать как своеобразных экспертов по исследуемой проблеме. Однако согласимся, что эксперт и респондент это, по своей сути, не совсем одно и то же.

Итак, рассматривая соотношение количественных и качественных исследований в области сексуальности и межполовых отношений отечественный социолог С. Голод констатирует, что «*…отдавая дань качественным методам, все же будем настаивать на первенстве количественных данных, при этом признавая сложность их получения не только в годы Советского Союза, но и в настоящее время…*» [Б79, с. 74].

В отличие от количественных исследований, в которых во главу угла ставится вопрос выборки и репрезентативности, качественные исследования акцентируют внимание не столько на массовости опроса, сколько на типичности выбранных единиц наблюдения. Здесь как раз и возникает проблема, относительной закрытости темы (ее интимности), которую можно выразить вопросом: «Что считать типичным, и какие формы сексуального поведения можно полагать стандартными, всеобщими для большинства людей?». В итоге, трудности разрешения данной проблемы могут поставить под сомнение объективность формулируемых по результатам исследования выводов.

Качественные исследования не претендуют на репрезентативность, но наравне с количественными, считаются научными и объективными. Эта научность и объективность обусловлена тем, что использование качественных методов признается допустимым в том случае, когда другие способы сбора информации и ее анализа невозможны или ограничены в своей практической реализации, когда социальную проблему по каким-то причинам нельзя исследовать с помощью количественной социологии. Качественная социология более эффективна в ситуации быстроменяющихся взаимоотношений людей,

т. е. в переходные периоды развития общества, когда количественная социология просто не успевает за изменяющейся реальностью и ее данные быстро устаревают.

Кроме того, объективность и научность полученных результатов качественных исследований обычно подтверждается статусом самого исследователя — его компетентностью, признанием и положением в научном сообществе. Не претендуя на последнее, автор посчитал более продуктивным в своем исследовании опираться именно на методы качественной социологии.

Ну а проблема локальности исследований (и соответственно локальности сделанных выводов), о которой говорилось выше, вполне может быть разрешена увеличением числа разнообразных исследований в будущем. По крайней мере, сфера сексуальных взаимоотношений людей и их вариативность (в свете того, что каждый из нас в той или иной мере является их участником), представляется поистине безграничной.

Глава 1.2. Консерватизм, традиционализм и сексуальное экспериментаторство; государственные и общественные начала сексуального воспитания в СССР

В рамках всестороннего изучения темы, указанной в названии главы, попытаемся осуществить краткий социологический, культурологический, психологический, педагогический и даже идеологический экскурс в историю данного вопроса.

По мнению известного российского биолога и этолога В. Дольника, «*сокрытие многих сторон брачной и половой жизни глубоко присуще человеку всех времен, оно резко отличает его от животных, у которых* (*включая целомудренных аистов*) *все делается в открытую. Главная причина таинственности в том, что от разных времен нам досталось слишком много плохо совместимых программ. Мы ветрены, как верветки, и в то же время ревнивы, как павианы. Мы хотим, чтобы другие жили по программам, удобным для нас, а себе позволяем пользоваться программами, для других неудобными. Неудивительно, что в этой сфере ханжество и лицемерие — дело обычное. Не соответствующая парному браку гиперсексуальность смущает нас, а не соответствующие ему формы поведения не могут не скрываться от партнера и окружающих. Поэтому всегда было и будет стремление наложить запрет, табу на все эти проблемы, включая голое тело*» [Б90, с. 158].

Примечание:

> Этология — наука о поведении животных, изучающая главным образом генетически обусловленное поведение (инстинкты) животных и эволюцию поведения.
>
> Этология позволяет понять некоторые формы социального поведения человека, которые при ближайшем рассмотрении, как оказывается, имеют инстинктивную природу.

Отношение к половому воспитанию и сексуальным взаимоотношениям в нашей стране всегда было тернистым и неоднозначным. В дореволюционной России вопросы секса самым тесным образом увязывались с вопросами брачно-семейных отношений, которые, в свою очередь, имели жесткую нормативно-правовую регламентацию в рамках действующего на тот момент законодательства, традиций, обычаев и религиозных норм, а официальная христианская мораль по своей сути всегда была аскетичной и антисексуальной [Б78, с. 6.].

Христианский нравственный кодекс рассматривал все добрачные и внебрачные отношения как аморальные.

Именно «*христианизация принесла с собой неизвестные раньше ограничения и негативное отношение к сексу как таковому*» [Б135, с. 26].

В Нагорной проповеди Иисуса Христа есть такие слова: «*Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*» [Б55, Мф. 5: 27–28].

Апостол Павел в первом послании к коринфянам пишет: *«А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины... Но если не могут*

воздержаться, пусть вступают в брак: ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» [Б55, 1 Кор.: 7: 1, 9].

Пришедшие в 1917 г. к власти большевики решили все изменить. Их главным достижением стало то, что «*в СССР, начиная с 1918 года, всевозможные государственные и негосударственные общества стали поднимать и обсуждать интимные вопросы вне контекста брака*» [Б152].

А «*в 1920-х годах большевики сделали очень много полезного в сфере эмансипации человека: разрешили аборты, сознательно отказались от уголовной статьи за мужеложество, упростили процедуру развода, распространяли информацию о женских контрацептивах, а еще создали ясли, начали пропагандировать и создавать массовую детскую литературу, запустили кампанию «за новый быт», одной из целей которой являлось преодоление кухонного рабства в масштабах страны и много других полезных вещей*» [Б200].

Провозвестником новой сексуальной политики стала А. Коллонтай (с 30 октября 1917 по март 1918 г. нарком государственного призрения и социального обеспечения) В 1919 г. она выпустила брошюру под названием «Новая мораль и рабочий класс», в которой ввела в обиход термин — «половой коммунизм».

Несколько отвлекаясь от темы, отметим, что проблемы секса и половых отношений всегда волновали революционеров всех мастей. По мнению Ф. Энгельса: «…*в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на первый план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми, для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной*» [Б260, с. 8].

Именно поэтому эротизм в эпоху революционных потрясений становился публичным явлением и рассматривался обществом как стремление к свободе и одна из форм борьбы со старым миром. Все это, безусловно, находило воплощение в межличностных (бытовых), общественных и производственных взаимоотношениях граждан, в искусстве. Так было и во время Великой французской революции, и во время Октябрьской революции в России.

И даже кубинские повстанцы под руководством Ф. Кастро не остались в стороне от этого вопроса. Именно проститутки были в числе первых, кто поддержал революцию. Так, «…*в 1957 г. Гавану потрясла забастовка «жриц любви» — девушки наотрез отказались принимать клиентов в знак протеста против казней пленных повстанцев. Протест имел такую силу, что уже через неделю тогдашний военный диктатор Батиста поспешно распорядился остановить расстрелы*. «*Проститутки поддержали Кастро потому, что он заявил: в их занятии нет ничего позорного, девочки просто вынуждены кормить своих родителей и детей, а режим не дает им устроиться на нормальную работу, — так считает живущий в Майами профессор Хорхе Мартинес*» [Б301].

Но возвратимся к нашей А. Коллонтай. Суть ее взглядов состояла в том, что пролетариат признает моральными только такие отношения полов, которые основываются на любовной страсти, форма же любовных отношений значения не имеет [Б128]. Другими словами, большевики были за сексуальное

раскрепощение масс, рассматривая его как составную часть борьбы за освобождение рабочего класса от уз старого мира [Б127].

В рамках провозглашенной политики были приняты различные законодательные акты. Так, если в дореволюционной России аборты из религиозных соображений были запрещены, то в 1920-ом году их разрешили и сделали бесплатными [Б8]. В результате Советская Россия стала первой страной в мире, в которой аборты были узаконены. Исследователями это событие традиционно рассматривается как часть происходящей в то время кампании по расширению прав женщин, включая сюда эмансипацию, запрет насильственных браков, наделение женщин избирательными правами и т. д.

Данное постановление стало одной из причин настоящей сексуальной революции в больших городах (хотя, по мнению ряда ученых, сексуальная революция в ее классическом, если так можно выразиться варианте, в России в то время так и не началась) [Б204]. Были свергнуты все привычные морально-нравственные устои в области секса, веками насаждавшиеся в обществе. На таком фоне стала бурно расти проституция. Согласно официальной статистике в 1921 г. в Петрограде было 17000 проституток, а уже в следующем, 1922-м их стало 32000 [Б217, с. 501]. Широко распространились добрачные половые связи. В среднем, в 1920-е годы их имело от 85 % до 95 % мужчин и от 48 % до 62 % женщин. Большинство юношей вступало в половые связи в 16–19 лет, большинство девушек — в 16–21 год [Б77]. На основании этих и ряда других данных российский православный историк В. Лавров делает вывод о том, что «*материалистам удалось развратить молодежь и прежде всего девушек*» [Б141, с. 52].

Примечание:

Кстати, Верховный суд США только в 1976 г. легализовал аборты! Это решение спровоцировало споры в американском обществе по поводу нравственности данного решения [Б157, с. 17].

Однако сексуальная революция в СССР длилась недолго. Формально она была свернута в 1935 году с принятием закона об уголовной ответственности за порнографию [Б7], а также в связи с запрещением абортов в 1936 году [Б6]. Революционное пуританство победило, а наметившаяся было сексуальная революция так и не началась [Б204]. Между сексуальной свободой и сексуальной несвободой государство выбрало второе. Уж слишком подозрительной для власти была такая свобода, ведь (опять вспомним Ф. Энгельса) от свободы сексуальной до революции — один шаг.

Примечание:

И. Кон авторитетно заявляет, что одним из поводов к студенческой революции во Франции в 1968 г. послужила половая сегрегация в общежитиях [Б135, с. 168].

Итак, на одном полюсе, на заре Советской власти, мы имеем пропаганду сексуальной свободы в виде пресловутой теории «стакана воды» или как ее еще тогда называли — «бескрылого эроса», которую, кстати, критиковали А. Луначарский [Б147] и В. Ленин [Б247, с. 31–32], считая ее немарксистской. А на другом полюсе наблюдаем пропаганду жесткого пуританства, ярким

выразителем которого стал А. Залкинд — автор одиозных по современным меркам «Двенадцати половых заповедей революционного пролетариата» [Б102] (1924) и сборника статей «Половой вопрос в условиях советской общественности» [Б103] (1926).

После 30-х гг. и до последних дней существования СССР, государственная политика в области брачно-семейных отношений не оставляла места для секса и сексуальности, поскольку они, эти секс и сексуальность, не рассматривались властью как основа крепкой семьи. Более того, по мнению колумниста П. Орлова, «*против хорошей семьи сознательно боролось советское государство. Человеком, живущим в плохой семье гораздо проще управлять. Вся его человеческая энергия тонет в семейных дрязгах. Какие уж там демонстрации и протесты. Создать плохую семью оказалось не так сложно. Надо было с детства внушать населению, что семья — это не удовольствие, а труд, и каждый советский человек должен быть хорошим семьянином. Необходимо подменить понятие любви понятием влюбленности. Надо было убедить людей жениться и выходить замуж за совершенно чужих людей, за первого встречного, за первого полового партнера. Надо рассказывать, что женившись, не плохо бы сразу родить детей* (*чтобы не осталось возможности для маневра*). *Всячески подвергать обструкции и в ряде ситуаций запрещать развод*» [Б183].

Спустя годы и десятилетия, уже на излете советского строя, апофеозом такого пуританства стала знаменитая фраза, прозвучавшая во время телемоста США — СССР в 1986 г. — «*У нас в стране секса нет!*».

На самом же деле, этот, говоря современным языком, мем возник как ответ на вопрос американки — участницы телемоста:

«*— У нас в телерекламе все крутится вокруг секса. Есть ли у вас такая телереклама?*

— Секса у нас нет и мы категорически против этого, — ответила женщина из СССР. Но тут же кто-то из зала ее поправил:

— Секс у нас есть, у нас нет рекламы!» [Б68].

В этом диалоге советский зритель услышал то, что хотел услышать, что волновало его больше всего. Случайная оговорка была принята гражданами нашей страны на ура. Идея, как говорится, витала в воздухе и материализовалась (точнее — вербализовалась) в самый неподходящий момент. Впоследствии, вокруг этого фрагмента телемоста, несмотря на всю ясность и однозначность заложенного в нем смысла, возникло множество мифов и легенд [Б189]. Однако для нас важно уточнить — на чем, собственно говоря, заострили свое внимание собеседницы. Американку пожилого возраста беспокоило засилье секса в рекламе, т. е. в первую очередь — реклама, и только потом уже секс, а русская собеседница в своем ответе акцентировала внимание именно на сексе, и только потом уже на рекламе. Как говорится, у кого что болит, тот о том и говорит.

Проблема секса в СССР находила свое закономерное отражение и в половом воспитании подрастающего поколения. В этом плане показательна книга советского психолога П. Блонского «Очерки детской сексуальности» [Б57], опубликованная им в 1935 г., и до настоящего времени не потерявшая своей актуальности.

Вообще, половое воспитание в СССР имело свои специфические особенности. В изучении этого вопроса можно выделить две совершенно противоположных точки зрения. Первая гласит о том, что в Советском Союзе половое воспитание отсутствовало, а вторая — наоборот, утверждает, что оно было. Истина, как всегда, лежит где-то посередине. Попытаемся разобраться в этом вопросе более детально.

Примечание:

Понятия «половое воспитание» и «сексуальное воспитание», а также «половые отношения» и «сексуальные отношения» в настоящей работе будем считать условно синонимичными, хотя при ближайшем рассмотрении это представляется не совсем верным.

Глава 1.3. Спонтанность полового воспитания

Известный советский и российский социолог и сексолог И. Кон утверждал, что не существует единой сексуальной культуры, как и не существует общества, в котором сексуальная культура отсутствует. «*Сегодня в единственном числе почти ничто не употребляется. Сегодня говорят не о сексуальности, а о сексуальностях. А понятие культуры оно по определению множественно, вся антропология держится на этом. Поэтому, конечно, существуют разные сексуальные культуры, и по социальному признаку, и по возрастному, как угодно*» [Б186, с. 153][1].

В дореволюционной России, а затем и в СССР сексуальная культура, несомненно, существовала, но она была архаичной, традиционно-консервативной. В таких условиях любые попытки институализации полового воспитания подрастающего поколения и перевода его (т. е. — воспитания) в публичную сферу, всячески табуировались. Причем ограничения устанавливались не только директивно сверху, но и снизу, являя собой естественное творчество масс. Такое двойное, с одной стороны — директивно-управленческое (сверху), а с другой — традиционно-консервативное (снизу) ограничение приводило к тому, что все половое воспитание сводилось исключительно к теме деторождения (его неизбежности), воспитанию детей и семейно-бытовым отношениям в виде совместного ведения домашнего хозяйства, планирования семейного бюджета и т. д. С этой базовой нормативной установкой мы постоянно сталкиваемся:

• в русских народных сказках, при описании образа идеальной жены;

Например (004):

– сказка «Царевна лягушка» [Б244, с. 329–337];
– сказка «Морской царь и Василиса Премудрая» [Б171, с. 171–177] и др.

• в пословицах и поговорках, которые касаются выбора невесты, отношений между супругами, деторождения, воспитания детей:

Например (005):

а) Отношение к жене, женщине:
– «*С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне*» [Б203, с. 93],
но в тоже время:
– «*Жену не бить — и милу не быть*» [Б166, с. 297];
– «*Милый ударит — тела прибавит*» [Б166, с. 297];
– «*Милый побьет — только потешит*» [Б166, с. 297];
– «*Милого побои не долго болят*» [Б83, с. 466];
– «*Бей жену к обеду, а к ужину опять* (*без боя за стол не сядь*)» [Б83, с. 235].
– «*Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее* (*тем наварней щи*)» [Б83, с. 235].
– «*Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет*» [Б83, с. 235].
б) Отношение к женитьбе и семейной жизни:
– «*В гостях хорошо, а дома лучше*» [Б203, с. 103],

[1] Цит. по: Панкратова, Л. С. Сексуальная культура современного общества: взгляд социолога / Л. С. Панкратова // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Философия 2011. № 1 (13). — С. 152–156. — ISBN 1998-9946. — Текст : непосредственный.

но в тоже время:

– *«Холостой брюзжит — женится. Женатый брюзжит — кается»* [Б203, с. 93];

– *«Женитьба есть, а разженитьбы нет»* [Б83, с. 474];

– *«Жениться на скору руку да на долгу муку»* [Б203, с. 90].

в) А это взгляд со стороны женщины на мужа и семейные отношения:

– *«Худ мой Устим, да лучше с ним»* [Б83, с. 232];

– *«Хоть плох муженек, да затулье мое; завалюсь за него — не боюсь никого»* [Б83, с. 233].

но в тоже время:

– *«Был бы хлеб да муж, и к лесу привыкнешь»* [Б83, с. 429];

– *«Жена мелет, а муж спит. Жена прядет, а муж пляшет»* [Б83, с. 232];

– *«С ним горе, а без него вдвое. Хоть лыками сшит, да муж»* [Б83, с. 232];

– «*Лихо терпеть, а стерпится — слюбится»* [Б83, с. 68].

г) Отношение к детям:

– *«Без них горе, а с ними вдвое»* [Б83, с. 240];

– *«Детки — радость, детки ж и горе»* [Б83, с. 240];

д) Отношение к сексу:

«Мед сладок, а ребенок еще слаще» [Б203, с. 94],

но в то же время:

– *«Ребята что мокрицы, от сырости разводятся»* [Б83 с. 239];

– *«На рать сена не накосишься, на смерть детей не нарожаешься»* [Б83, с. 239];

кроме того:

– «*У кого детей нет — во грехе живет»* [Б83, с. 239],

т. е., секс и сексуальные взаимоотношения напрямую связывались с функцией деторождения. Секс ради удовольствия считался грехом.

е) А вот как в русских пословицах представлены добрачные сексуальные связи:

– «*Венцом грех прикрыть»* [Б83, с. 230];

– *«Была под венцом и дело с концом»* [Б83, с. 230].

• в русском домострое [Б91].

Примечание:

Кстати, существует русская пословица: «Не наряд девку красит — домостройство» [Б203].

Несмотря на произошедшие в XX в. кардинальные изменения в экономической, политической и социальной структуре российского общества, подобные взгляды оставались доминирующими вплоть до конца столетия.

Отношение к сексуальному (а равно половому) воспитанию наиболее ярко и емко высказал светоч советской педагогики А. Макаренко: «*...С самого сотворения мира не было зарегистрировано ни одного случая, когда бы вступившие в брак молодые люди не имели бы достаточного представления о тайне деторождения, и, как известно... все в том же единственном варианте, без каких-нибудь заметных отклонений. Тайна деторождения, кажется, единственная область, где не наблюдалось ни споров, ни ересей, ни темных мест*» [Б153, с. 233]. И далее в том же духе: «*Никакие разговоры о «половом» вопросе с детьми не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые и без того придут в свое время*» [Б153, с. 256]. То есть, по мнению А. Макаренко, знания о физиологии пола и особенностях половых взаимоотношений между мужчиной и женщиной должны были прийти сами собой — интуитивно и инстинктивно, а о том какие при этом будут

издержки — психологические, физиологические, нравственно-эмоциональные — об этом уважаемый педагог не задумывался.

Кстати, по мнению уже цитированного нами выше российского биолога и этолога В. Дольника: «*В тех обществах, где господствовал запрет на информацию о половой жизни и считалось, что половой акт надо совершать «как бог велит»* (*т. е. по врожденной программе*), *до трети женщин не получали от него ни удовольствия, ни удовлетворения, а до двух третей — не получали удовлетворения. Потенциально же почти все женщины способны и к тому, и к другому, причем в не менее сильной степени, чем мужчины*» [Б90, с. 157].

В результате, как отмечает И. Кон, «*Советские дети и подростки 1950–1970-х годов не знали самых элементарных, азбучных вещей. Особенно плохо было в интеллигентских семьях, где от детей старались скрывать абсолютно все* (*многие рабочие и крестьяне смотрели на вещи проще: не просвещали, но и не запугивали*)» [Б135, с. 184].

По мнению М. Мировича, «*в 1950–60-е годы дети часто воспитывались с идеей о том, что секс — это что-то аморальное*» [Б165].

Более того, в 70-е годы прошлого века такое положение в вопросе полового воспитания было типичным не только для детей и подростков, но и для молодых людей более старшего возраста.

Вот характерный пример (006) из воспоминаний С. Дроздова, относящихся ко времени его учебы в военном училище именно в этот период (вторая пол. 70-х гг. XX в.):

> *«До самого четвертого курса свадьбы были довольно редким явлением, и многие из нас были «девственниками» до самой свадьбы.*
>
> *Степа вспоминал, что когда он женился* (*уже на 4-м курсе*) *и приехал из увольнения после брачной ночи в училище, человек 15 приятелей из его батареи подходили и спрашивали: "Ну, как?!", заглядывая ему в глаза.*
>
> *"Что мне было им отвечать?!" — злобно интересовался Степа*» [Б92, с. 86].

По всей видимости, такое специфическое отношение к половому воспитанию и сексу возникло в России не случайно. Исторически оно обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, сложными географическими и климатическими условиями хозяйствования.

Эта задача решалась на уровне отдельно взятого индивида, его семьи, и была обусловлена чисто экономическими интересами. Достаточно рискованные условия земледелия лесной и лесостепной зоны, определяли необходимость наличия большой семьи, и, следовательно, большого числа детей — будущих работников и помощников родителей. Чем больше семья, тем крепче и богаче хозяйство. Как правильно заметила российский историк, культурантрополог, основоположник исторической феминологии и гендерной истории Н. Пушкарева, еще с XVI–XVII вв. «*центральной темой народной сексуальной культуры с ее откровенным натурализмом было обеспечение здорового воспроизводства; сексуальная функция и мужчин, и женщин была тесно увязана с репродуктивной*» [Б195, с. 7].

Стремление к самодостаточности семьи, реализуемое в трудных условиях хозяйствования, требовало больших затрат физического труда и становилось одним из главных социально-экономических факторов, высокой рождаемости. В такой ситуации было не до секса. Половой акт (и сопутствующее ему сексуальное удовольствие) в сознании людей связывался, прежде всего, с деторождением. Вне этого процесса он не воспринимался как отдельная самодостаточная ценность межполовых отношений. А раз так, то и условия для возникновения секса как процесса и явления предназначенного исключительно для получения удовольствия — отсутствовали.

Во-вторых, необходимостью воспроизводства достаточной численности населения в рамках всей страны.

Частые войны, нашествия и глады, объективно ставили задачу воспроизводства населения и рождения многочисленного здорового потомства.

Решение этой задачи опиралось с одной стороны на силу традиций и обычаев, а с другой на государство и церковь, которые были заинтересованы в росте народонаселения страны и делали для этого все возможное в рамках своих компетенций и полномочий.

В таких условиях также было не до эротики и секса. О них никто и не думал. В народной культуре эротика существовала в традиционных формах ухаживания, народных костюмах, играх, обрядах сватовства и т. д. Такая, с позволения сказать народная эротика, полностью подчинялась основной задаче: убедить будущего полового партнера (жениха или невесту, а также их родителей и многочисленных родственников) в своих выдающихся репродуктивных способностях. Все это нашло отражение не только в народных традициях и обычаях, но и в целом, во всей русской культуре, особенно в живописи:

– Мясоедов Г. Г. Смотрины невесты. Вторая пол. 19 в. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

– Кустодиев Б. М. Русская Венера. 1926 г. Нижегородский государственный художественный музей, Нижний Новгород.

– Кустодиев Б. М. Красавица 1915 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва и т. д.

Кстати, считается, что гипертрофированно увеличенные женские половые признаки (бедра, ягодицы, живот, грудь), в определенные исторические эпохи, по идее, должны были свидетельствовать о выдающихся репродуктивных способностях женщины и считались эталоном женской красоты. Более того, существует мнение, что это был один из первых эстетических канонов, спонтанно сформулированных человеком, только что отделившимся на своем эволюционном пути от животного мира. Косвенным доказательством такой точки зрения служат многочисленные женские статуэтки, найденные в раскопках стоянок древнего человека и получившие в научной среде название «Венеры палеолита». Заметную тучность таких фигурок ученые связывают именно с культом фертильности:

– Венера Виллендорфская. Обнаружена близ местечка Виллендорф в Вахау, поселке коммуны Агсбах, в Австрии 7 августа 1908 г. Музей естествознания. Вена.

– Палеолитическая Венера со стоянки Костёнки-1. Хохольский район, Воронежской обл. и др.

Акцентирование внимания на гипертрофированно увеличенных женских половых органах мы находим и в русских народных сказках, имеющих древние, дохристианские корни.

Например, как в известной сказке про Царевну-лягушку:

«*Говорит Иван-царевич: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставил, — ко мне передом, а к морю задом». Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпичи лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит*» (выделено мною. — *А. Проноза*) [Б244, с. 336].

В-третьих, отсутствием эффективных средств контрацепции.

Возможность предохранения от нежелательной беременности позволяет во время коитуса сосредоточиться на чувственной составляющей половых отношений (т. е. — на самом сексе), не заботясь о возможных негативных последствиях, в виде опасности инфекций, передающихся половым путем или той же самой беременности. Поэтому отсутствие эффективных способов контрацепции становится достаточно сильным сдерживающим фактором развития сексуальности.

По мнению Т. Светличной, И. Мосягина, С. Губерницкой и ряда других ученых, именно «*появление эффективных контрацептивных средств, освобождающих женщин от страха перед нежелательной беременностью и предоставляющих возможности к наслаждению сексуальной жизнью в полном объеме*» [Б207, с. 43] стало причиной разграничения сексуального и репродуктивного поведения, и явилось общей тенденцией в развитии сексуальной культуры последних десятилетий.

Вот характерный пример (007):

«*У моей матери* (*1927 г. р.*) *было двое братьев и сестра. Старший брат — 1926 г. р., младший — 1931 г. р. и младшая сестра 1938 г. р.*

Со слов матери, интересна история рождения ее сестры. Отец матери (*т. е. — мой дед*), *год не был дома — учился в другом городе. Приезжать домой* (*с. Алпатьево, Луховицкого р-на, Московской обл.*) *на побывку у него не было возможности из-за недостатка денег. Поэтому все время учебы, он дома отсутствовал. А после приезда, спустя некоторое время, его жена* (*моя бабка*) *забеременела и через девять месяцев родилась младшая сестра моей матери* (*моя будущая тетка*). *Все это произошло как бы, не совсем спланированно, случайно*» [А50].

Комментарий:

Вполне вероятно, что, если бы не эта длительная командировка деда, моя тетка так никогда бы и не родилась. Вот вам и результат сексуальности, приведшей к беременности (скорее всего не очень-то и желанной на тот момент времени), а затем и к рождению ребенка.

Итак, в условиях острой нехватки народонаселения, необходимого для успешной хозяйственной деятельности и поддержания жизнеспособности семьи, главным во взаимоотношениях мужчины и женщины становилось не получение сексуального удовольствия, не эротизм в интимных отношениях, а банальное воспроизводство здорового потомства. Сексуальное удовольствие отодвигалось на второй план, воспринималось как сопутствующее и не всегда испытываемое чувство.

Все это постепенно приводило к разочарованию в сексе взрослых мужчин и женщин, уже вкусивших ранее запретного плода. Он (секс) рассматривался ими не как самодостаточное явление, приносящее радость и удовольствие, а как свойство, сопровождающее половой акт, но не всегда в нем присутствующее. Именно поэтому в глазах взрослых, секс чаще всего отождествлялся с банальным половым актом, иногда приятным, а иногда и нет, но всегда обязательным в силу традиции, и служащим одной цели — продолжению рода. В таких условиях особо кайфового (извинимся за подобный жаргонизм), самоценного и привлекательного в нем не обнаруживалось, особенно в свете последующих, закономерно возникающих социальных проблем, связанных с деторождением и дальнейшим содержанием и воспитанием детей. Отсюда, по нашему мнению, и возникало убеждение о необходимости как можно более длительного возрастного ограничения осведомленности детей о сексуальной сфере взаимоотношений взрослых, дабы хоть как-то оттянуть возникновение у них социальных проблем, являющихся закономерным итогом взаимного секса, а точнее — полового акта.

Вот характерный пример (008):

«*Моя мать* (*1927 г. р.*) *отрицательно относилась к многодетным матерям, особенно таким, которые по поводу и без, пытались «качать права», апеллируя именно к своей многодетности. В таких случаях, она не сдерживалась и говорила примерно следующее: «А вот нечего было рожать! Ты удовольствие получала, а теперь требуешь чего-то? Я может быть тоже, как и ты хотела бы поблаженствовать…» и т. д. в таком духе.*

При этом мать часто сравнивала многодетных матерей с проститутками. Она считала, что женщины с пониженной социальной ответственностью кроме денежного вознаграждения за предоставленные сексуальные услуги, всегда получают от полового акта удовольствие, и что во многом именно это и толкает их к аморальному образу жизни» [А52].

Комментарий:

В этом возмущенном пассаже моей матери наглядно видно, что она отождествляла секс и зачатие. Ее молодость пришлась на послевоенные годы, когда противозачаточные средства в СССР были в дефиците, поэтому любой половой акт был рискованным с точки зрения возможности зачатия.

Весьма вероятно, что одним из самых распространенных способов контрацепции в то время (наряду с абортом) был прерванный половой акт. В таком случае, ни о каком удовольствии для обоих партнеров говорить не приходилось.

Последствия дефицита контрацептивов в нашей стране долгое время проявлялись в разных, порой самых неожиданных формах, даже тогда, когда дефицит презервативов в целом был преодолен, и когда появились другие, альтернативные противозачаточные средства, такие как, например, гормональные препараты и/или женские презервативы. Так, в 70-е — 80-е гг. XX в. среди населения страны народные способы контрацепции оставались широко распространенным средством предохранения от нежелательной беременности.

Например (009):

Н. Ходаков в своей широко известной в 70-е-80-е гг. прошлого века книге «Молодым супругам», подробно критикуя прерванный половой акт как неэффективный противозачаточный метод, негативно отзывался и о гормональных препаратах:

«*К сожалению, полной уверенности в полной безвредности для организма этих средств нет, что задерживает их широкое распространение*» [Б240, с. 122].

Комментарий:

Сейчас такое утверждение вызывает только усмешку.

По всей видимости, подобные взгляды тогда имели под собой некоторые основания, потому что на тот момент эпоха применения противозачаточных таблеток только начиналась, и многое в практике их применения было неясным.

«*В мае 1960 года в США к продаже была допущена первая в мире противозачаточная таблетка, вызвавшая в Европе и Америке бурю перемен. Если вначале применение «лекарства от беременности» прописывали исключительно замужним женщинам и только с разрешения мужа, то в 70-е годы XX в., с изменением взгляда на сексуальность, "пилюли", как называли противозачаточные таблетки, стали доступны всем без исключения дамам*» [Б105].

Но если посмотреть с другой стороны, то вполне возможно, что подобные высказывания на страницах суперпопулярной на то время книги действительно притормозили распространение и массовое использование гормональных противозачаточных средств у нас в стране.

Также вполне вероятно, что данное мнение автора книги было на руку советской фармацевтической промышленности. По крайней мере, ажиотажного спроса, на гормональные контрацептивы в стране не наблюдалось.

Еще пример (010):

Далее Н. Ходаков предлагал следующие противозачаточные рецепты:

«*Для предупреждения беременности можно прибегнуть к весьма простому, но эффективному методу — вымыванию спермы из влагалища сразу после полового акта*» [Б240 с. 122]
или

«*…применение тампонов, смоченных каким-либо составом, губительно действующим на сперматозоидов*» [Б240, с. 123]
(рецептуру такого состава он подробно описывает в своей книге).

Еще пример (011):

Что касается использования презервативов, то Н. Ходаков предлагал:

«*…перед употреблением нужно проверить его на целостность путем надувания…*» [Б240, с. 123].

Комментарий:

Это чистейшей воды атавизм, до которого сейчас уже никто не сможет додуматься.

С современными презервативами, рекомендуемые Н. Ходаковым манипуляции просто невозможны. Попробуйте скатать обратно в колечко скользкий от смазки презерватив? Не получится.

Однако в оправдание Н. Ходакова следует отметить, что на момент написания им своей книги, презервативы в смазке еще не выпускались. Вместо нее использовался обыкновенный тальк.

И еще пример (012):

В качестве экзотического (в современном понимании) способа контрацепции Н. Ходаков на полном серьезе предлагал:

«*…тонкий ломтик лимона, который вводят во влагалище перед сношением. Эффект достигается хороший, а для организма такой метод предупреждения беременности совершенно безвреден*» [Б240, с. 123].

Таким образом, осознание постоянной опасности случайного зачатия препятствовало женщинам в получении полноценного сексуального удовлетворения. На практике выходило, что только половой акт, совершенный именно с целью зачатия позволял им ощутить и прочувствовать максимальное, ничем не ограниченное и ни с чем не сравнимое сексуальное наслаждение, да

и то не всегда, в силу укоренившегося в сознании страха перед возможным нежелательным зачатием.

Итак, ограничительно-запретительные взгляды на секс и соответственно половой акт были настолько устойчивы, что с легкостью пережили все революционные потрясения, период сексуальной свободы 20-х гг. прошлого века, эпоху пуританских ограничений сталинского периода, времена т. н. «оттепели» и «застоя» («развитого социализма»).

В результате половое воспитание, в том виде, в котором оно существовало и практиковалось в странах Запада, в нашей стране так и не прижилось, а подростковая сексуальность воспринималась как одна из форм девиации, на что указывал И. Кон в своей книге «Мальчик — отец мужчины»: «*Традиционный охранительный взгляд, особенно характерный для российской науки, видит в подростковой сексуальности рискованную девиацию, отклонение от нормы, акцентируя связанные с нею риски и трудности*» [Б132, с. 166].

Однако, несмотря на все отмеченные выше особенности, половое воспитание в нашей стране все же существовало. Вопрос заключается в том, в каких формах и как оно осуществлялось. В связи с этим отметим некоторые знаковые моменты, характерные для советской эпохи.

Примечание:

Кстати, «*впервые, уроки по сексуальному воспитанию стали обязательными в Швеции* (*середина 1950-х гг.*)*, затем их ввели в Германии* (*1968 г.*)*, Австрии, Дании, Финляндии, Нидерландах, Швейцарии* (*1970-е гг.*)*, в 1980-х гг. они получили распространение в Великобритании, Франции, Испании, Италии, Португалии*» [Б257, с. 129].

Еще примечание:

«*Что касается России, то в 1996 году была предпринята попытка введения подобных уроков по сексуальному воспитанию. Однако вскоре их отменили из-за отрицательной общественной реакции*» [Б257, с. 136].

Итак, на первый взгляд может показаться, что половое (а равно — сексуальное) воспитание в нашей стране было пущено на самотек. Но на самом деле это не совсем так. То, что мы полагаем под бессистемностью, на самом деле как раз и было такой системой, таким своеобразным сексуальным воспитанием.

Вот характерный пример (013):

«*Моя мать, вспоминая свою молодость* (*с. Алпатьево, Луховицкого р-на, Московской обл., примерно 1939–1946 гг.*)*, признавалась, что все ее половое просвещение со стороны матери* (*моей бабки*) *свелось к одной фразе, эдакому наставительно-директивному напутствию. Когда она шла с девками на танцы, в кино или просто погулять, мать говорила ей: "И-и-и, Нинк, смотри, в подолу не принеси!"*» [А51].

Еще пример (014):

«*Моя двоюродная тетка* (*Валентина, 1937 г. р.*)*, рассказывала, что пережила страшный шок и потрясение во время первой менструации* (*примерно 1950-й г.*)*, потому что ее мать заблаговременно ей об этом ничего не рассказала*» [А54].

Комментарий:

То есть тема месячных женских кровотечений жестко табуировалась для обсуждения не только в публичной сфере, но и в семье, во взаимоотношениях с детьми, даже ценой возможных психологических срывов и потрясений.

Кстати, подобные практики поведения родителей в отношении своих детей достаточно широко известны и распространены у многих народов и во многих культурах. Так, американский гинеколог и сексолог У. Мастерс в своих исследованиях сексуальности отмечал, «*что многих родителей пугает сексуальность их подрастающих детей и они пытаются повлиять на нее самыми нелогичными способами: запрещают сексуальное образование в школах* (*"нельзя забивать голову вредными мыслями"*), *ограничивают получение подростками информации о противозачаточных средствах* (*"надо, чтобы девушка страшилась беременности"*), *осуществляют надзор за тем, что читает подросток и какие смотрит фильмы* (*"в чистых умах не заводятся дурные мысли"*), *изобретают школьную форму* (*"умеренность подавляет похоть"*) *либо делают вид, что подростковая сексуальность просто-напросто не существует*» [Б157, с. 218].

Однако У. Мастерс не раскрывает причин такого поведения родителей. Это сделали российские и финские социологи, изучавшие «устные истории» женщин, живших в советскую эпоху [Б201; 225]. «*Эти устные автобиографии показывают, что поколение женщин, родившихся до войны, основная часть жизни которых падает на советское время, может по праву быть названо "поколением умолчания", для которого характерно сочетание репрессивного регулирования интимной сферы и социальной памяти сексуальных свобод*» [Б195, с. 14]. Хотя в отношении этих самых сексуальных свобод, как нам кажется, авторы исследования сделали не совсем обоснованные выводы.

Таким образом, половое воспитание в нашей стране было настолько глубоко интимным, что в публичной сфере оно практически полностью отсутствовало и внешне, во взаимоотношениях взрослых и детей почти не проявлялось. Эта непубличность поддерживалась силой исторически сложившихся традиций, обычаев и считалась само собой разумеющейся.

Вот еще один характерный пример (015):

«*В начале 70-х гг. XX в. появилась мода вшивать в ширинку брюк застежку-молнию вместо пуговиц. Однако не у всех мужчин это новшество вызвало восторг. Застежки были несовершенны: бегунок часто соскальзывал вниз, и молния расстегивалась сама собой, порой в самый неподходящий для этого момент. Так вот. Моему деду купили такие брюки, и как-то раз, во время поездки в троллейбусе у него случайно расстегнулась молния на ширинке. О том, как он старался незаметно ее застегнуть, как бабушка загораживала его собой, как он при этом краснел, бледнел и волновался и как у него тряслись от стыда руки, получилась целая история, которая потом неоднократно рассказывалась в кругу самых близких родственников как событие огромной важности*» [А75].

Комментарий:

Этот пример хорошо вписывается в понимание, и, соответственно, обыденную практику непубличности половых отношений и всего того, что было с ними связано.

Итак, половое воспитание в СССР существовало, но при этом отличалось глубоким консерватизмом, косностью и традиционализмом. Такое положение, как ни странно, всячески поддерживалось руководством страны. Среди населения культивировались псевдонравственные нормы или же наоборот, реально существующие нравственные нормы доводились до гипертрофированного абсурда (см.: предыдущий пример 015). Но в целом, политика государства, проводимая в этой сфере, была достаточно эффективной, поскольку (повторимся) опиралась на исторические и религиозные традиции, существовавшие в обществе.

По всей видимости, причину сложившегося положения дел также можно объяснить и неосознанным стремлением общества к ограничению ранней рождаемости, которое реализовывалось через сексуальную неосведомленность молодежи. Следствием подобных взглядов (и воспитательных практик), как нам думается, должно было стать увеличение возраста вступающих в брак и, соответственно, возраста начала половых отношений. Другими словами — все это было спонтанной, стихийной попыткой общества сбалансировать и привести в некое соответствие наступление репродуктивного возраста и возраста социального, который характеризовался способностью индивида материально обеспечить себя и свою будущую семью. В таких условиях именно сексуальная неосведомленность, могла хоть как-то, хоть в какой-то мере и на какое-то время отсрочить начало половых отношений и, соответственно, процесс деторождения до того момента, когда молодые люди в социальном и экономическом плане станут самодостаточными личностями.

Конечно, данное утверждение может быть подвергнуто критике с точки зрения того, что именно сексуальная неосведомленность как раз и приводит к большому числу незапланированных беременностей, абортов и деторождений. Так, по мнению И. Кона, «*Чтобы уменьшить риски раннего вовлечения подростков в сексуальную жизнь, все цивилизованные страны занимаются сексуальным образованием молодежи. В России этого не делают, поэтому наши показатели по нежелательным беременностям, абортам и заболеваниям, передающимся половым путем* (*ЗППП*)*, одни из худших в мире. Российским подросткам вообще не с кем откровенно поговорить о своих сексуальных проблемах. Коммуникация с родителями по этим вопросам практически отсутствует. Сложно обстоит дело и с друзьями*» [Б132, с. 166–167].

Не подвергая сомнению высказывание И. Кона, отметим, что проблема роста незапланированных беременностей, абортов и деторождений в СССР, по нашему мнению, кроется не столько в отсутствии системы полового воспитания, сколько в конфликте менталитетов, который закономерно возникает при столкновении нашей и западной систем ценностей. Балансирование между «нельзя» (у нас) и «можно» (у них), «запрещено» (у нас) и «дозволено» (у них), стирание граней между «плохо» (у нас) и «хорошо» (у них), помноженные на полную сексуальную неосведомленность (естественно, что у нас), закономерно порождали фрагментарность и бессистемность знаний в этой, интимной сфере взаимоотношений между людьми и, как итог, — вопиющее невежество. Это сексуальное невежество, ликвидируемое в обычных (традиционных) для нашей страны условиях методом проб и ошибок через официально-дозволенные формы половых отношений (брак), в ситуации межкультурного взаимодействия (Запад — Восток) неожиданно, в результате спонтанных сексуальных

экспериментов становилось публичным. Именно они, эти эксперименты, как раз и приводили к уже упомянутым выше незапланированным беременностям, абортам и деторождениям, становились причиной заболеваний, передающихся половым путем. То есть именно западная сексуальная свобода, привнесенная на нашу отечественную патриархально-консервативную почву, становилась причиной ранневозрастных сексуальных девиаций.

Кроме того, из виду упускается идеологический момент. Проникновение в нашу страну западных ценностей (в том числе и в сферу половых отношений) советским руководством воспринималось как «тлетворное влияние Запада», подрывающее основы социалистического образа жизни. Поэтому любые попытки организации сексуального просвещения в нашей стране наталкивались на запретительные меры со стороны власти, имеющие в своей основе не столько морально-нравственные основания, сколько политико-идеологические причины. И еще вопрос, — какие из них в реальности были более действенными — первые или вторые.

Таким образом, система отечественного сексуального воспитания представляла собой спонтанное коллективное творчество масс, помноженное на запретительно-ограничительную политику государства в данной сфере. Для большинства советских людей сексуальная неосведомленность детей представлялась некоей гарантией от их раннего вступления в половую жизнь и, соответственно, возможных негативных физиологических и социально-психологических последствий от этого шага. Ну а банальный запрет на распространение и пропаганду знаний о сексе и сексуальных взаимоотношениях полов, представлялся наиболее простым и эффективным способом поставить под контроль сферу половых отношений детей, вступающих пубертатный период своего развития.

Пример (016):

Интересно, что традиционализм полового воспитания имел в нашей стране региональную вариативность. Это очень ярко прослеживается на примере моих родителей.

Так, на Кубани, откуда родом мой отец, наиболее приемлемой формой полового воспитания было полное замалчивание любой информации об этой сфере взаимоотношений между людьми. Она полностью выпадала из вербального контекста общения (см.: примеры: 014; 015; 032). Именно в этом, на наш взгляд и заключается одна из причин чистоты речи кубанских казаков, не отягощенной ненормативной лексикой, т. е. — матерщиной. Естественно, что это повлияло и на мое воспитание. Мой отец и дед никогда не ругались матом и никогда не разговаривали со мной на темы межполовых отношений. Сейчас для меня это представляется более чем удивительным, поскольку отец получил медицинское образование, был врачом и как специалист, профессионально и деликатно мог бы объяснить мне многие аспекты половых отношений. Но традиционализм в сфере сексуального воспитания, привитый ему в детстве, по всей видимости, представлялся ему наиболее оптимальной педагогической стратегией в отношении меня — его сына.

Еще пример (017):

Что касается моей матери, которая родом из Подмосковья, то здесь, в системе традиционного полового воспитания прослеживается несколько другая тенденция, выражающаяся в вербальном нагнетании страха и различного рода опасений перед половыми отношениями (см.: примеры 013; 018). То есть говорить о половых отношениях дозволялось, но при этом они, эти отношения представлялись как нечто недозволенное, трагичное и даже грязное, могущее сломать всю дальнейшую жизнь подростка.

В этот контекст органично вписывается и широкое распространение в публичном лексиконе ненормативной лексики, поскольку большинство матерных фразеологических оборотов несут в себе скрытую угрозу, подразумевают насилие, доминирование, некое действие говорящего по отношению к собеседнику.

Ассоциативное сопоставление половых отношений с насилием через мат и матерщину могли в какой-то мере притормозить реализацию первых сексуальных экспериментов на практике. Особенно это касается девушек, поскольку именно они в мате и матерщине подразумеваются первоочередным объектом сексуального воздействия (насилия).

Кроме того, сам мат и матерщина выступали неким вербально-компенсаторным механизмом, позволяющим подросткам говорить «об этом», но не более того. В таких условиях мат и матерщина превращались в своеобразную форму проявления и демонстрации маскулинности, эдакий специфический флирт, вербальный суррогат секса.

Однако такое сексуальное, если так можно выразиться творчество масс не всегда приветствовалось государством. С одной стороны, оно было заинтересованно в том, чтобы люди трудились на благо Родины, строили коммунизм, не отвлекаясь на банальный секс, а с другой, в рамках все той же коммунистической идеологии требовалось большое число работников, людей — винтиков [Б218, с. 232] для строительства светлого будущего. Чего стоит пресловутый налог на холостяков, призванный стимулировать рождаемость в стране [Б4; 5]. Именно поэтому, с точки зрения власти, вся сексуальность должна была сводиться к банальному деторождению и пропаганде материнства как высшей ценности межполовых отношений. Вся чувственность и эротичность выхолащивалась, замалчивалась, объявлялась лишней, ненужной, порочной, второстепенной, в крайнем случае — само собой разумеющейся, но при этом ничего не значащей на фоне более глобальных и важных проблем — любви к Родине, партии и другой тому подобной идеологической галиматье.

Как итог: в нашей стране дети и подростки в вопросах полового воспитания были предоставлены сами себе. Две волны, одна — здравого, прагматичного, стихийного народного консерватизма в вопросах пола, а другая — государственной идеологической рациональности и целесообразности как бы накладывались друг на друга и порождали информационный вакуум, который детско-подростковое сообщество вынуждено было заполнять самостоятельно.

Таким образом, проблема полового воспитания и просвещения становилась поистине первой по-настоящему взрослой проблемой, с которой сталкивались дети и подростки в своей жизни и которую должны были решать самостоятельно. В таких условиях, как справедливо отмечает И. Кон, «*решающую роль в формировании нормативных установок и сексуальных ценностей подростков играют не родители, а общество сверстников, причем мальчики склонны преувеличивать сексуальную "продвинутость" своих друзей и однокашников*» [Б132, с. 166].

О том же самом говорит и У. Мастерс: «*Именно в процессе общения друг с другом подростки получают необходимые им поддержку и руководство*» [Б157, с. 217].

Подобная ситуация исподволь поддерживалась взрослыми, поскольку традиционный консерватизм в вопросах пола и секса в данном конкретном случае полностью совпадал с политикой государства, а в результате, сексуальное и половое воспитание в стране было пущено на самотек.

Пример (018):

«*Состояние полового воспитания очень точно сформулировала моя мать, когда на мой невинный детский вопрос “Откуда я взялся?”, отмахнулась от меня фразой — “мальчишки на улице все расскажут”*» [A88].

Еще пример (019):

«*Интересно, что спустя много лет, уже в первое десятилетие XX в. ситуация повторилась уже в отношении моего собственного сына. Когда я попытался заговорить с ним на тему межполовых отношений и деторождения, моя жена резко оборвала меня, заявив, что негоже мне разговаривать с ребенком на эти темы, и что все нужное он и так узнает сам, от своих сверстников*» [A159].

Итак, преемственность отечественного полового воспитания прослеживается не во взаимоотношениях родителей и детей, не в передаче опыта и знаний от старшего поколения младшему, а исключительно в среде детско-подростковой. То есть по сути и в реальности, оно осуществлялось в рамках одного поколения. Амплитуда возрастного диапазона здесь была предельно минимальной. Так что говорить о наличии какого-то реального жизненного опыта и его передаче здесь не приходится. Естественно, что такое сексуальное «просвещение» было однобоким, фрагментарным и даже фантазийным; опиралось на устоявшиеся в детско-подростковой среде предрассудки и стереотипы, которые постоянно ретранслировались от более взрослых подростков к менее взрослым, а по мере их взросления — к следующим, более младшим по возрасту, занимающим освобождающуюся возрастную нишу.

Вот характерный пример (020) — один из сексуальных предрассудков, распространенных в мальчишеской среде 70-х годов XX в.:

«*Среди 10–14 летних подростков г. Севастополя и г. Евпатории 70-х гг. XX в. существовал устойчивый миф о том, что после полового акта девушка или женщина обязательно должна ходить ногами враскоряку. Такая походка считалась признаком недавно совершенного полового акта*» [A89].

Комментарий:

Абсурдность подобного утверждения даже нет смысла комментировать.

Но данное заблуждение, как следствие, порождало у мальчиков — подростков специфические формы поведения, выражавшиеся в пристальном наблюдении за девушками, их походкой с последующими критическими замечаниями и комментариями в их адрес, естественно с использованием ненормативной лексики.

Что же касается самих девушек, то, по всей видимости, знание ими факта существования подобного мифа обязывало их следить за своей походкой и стараться быть стройнее, дабы не подвергнуться незаслуженному осмеянию со стороны несдержанных на язык мальчишек.

Вообще в средней школе тех лет было немало сексуальной мифологии, передававшейся из уст в уста.

Например (021):

«*– когда лишаешься девственности, бедра становятся сильно шире, и мама может заметить*;

– во время месячных нельзя забеременеть;

– *по походке можно узнать девственницу*;

– *размер полового члена можно определить по размеру носа, стопы, пальцев руки*» [А104] и т. д.

Комментарий:

Эти «тезисы» путешествовали из класса в класс, из одной группы детей и подростков в другую, и никто не сомневался в их правдивости.

В результате у каждого подростка 70-х гг. XX в. складывался свой, ни на что, и ни на кого не похожий индивидуальный опыт сексуального самовоспитания, измерявшийся в диапазоне от «совершенно ничего не знаю» и «фу как это пошло», до активных самостоятельных практик, которым могли бы позавидовать даже некоторые взрослые. «*Мы чувствовали себя взрослыми и делали не просто что-то запретное, а и вовсе из ряда вон* (*особенно по тем ханжеским временам, когда многие супруги стыдливо совокуплялись только в темноте*) *выходящее. И эта наша тайна еще более нас сплачивала*» [Б296] — пишет в своем блоге MAXILLA_K.

Глава 1.4. Сексуальное воспитание и девиантное поведение. Взаимосвязь и взаимозависимость — теоретический аспект

Особое значение сексуальность приобретает для молодежи, что обусловлено высоким уровнем ее фертильности. Вместе с тем, такая эротическая заинтересованность предполагает и оборотную сторону, которая выражается в том, что «*взрослые во всех уголках Земли проявляют активный интерес к сексуальному поведению своих детей и молодежи в целом. Некоторые культуры* (*называемые пермиссивными или терпимыми*) *предполагают вовлечение детей и подростков в сексуальные отношения, и взрослые не препятствуют этому, следя лишь за тем, чтобы не нарушались правила инцеста. В других культурах* (*называемых рестриктивными, или ограничительными*) *взрослые пытаются воспрепятствовать сексуальной активности молодых людей до их вступления в брак*» [Б157, с. 604]. Таким образом, «*установки в отношении формирования сексуального поведения молодежи возникают в обществе не на пустом месте*» [Б157, с. 604].

В предыдущей главе мы уже указывали на то, что, по мнению И. Кона, подростковая сексуальность в нашей стране воспринималась как одна из форм девиации [Б132, с. 166]. Попытаемся разобраться в этом вопросе более детально.

В условиях вакуума информации о сексе и половых отношениях, а также в связи с полным отсутствием межпоколенной коммуникации, предполагающей передачу и усвоение соответствующего опыта по этому вопросу, наиболее решительные подростки обоего пола стремились приобрести такие специфические (а главное — желанные) знания практическим путем, т. е. методом проб и ошибок. Обладание этим знанием:

• во-первых, способствовало росту самооценки, приподнимая завесу тайны над интимной жизнью взрослых, которую те всеми силами старались скрыть от детей как можно дольше;

• во-вторых, повышало неформальный статус подростков среди сверстников;

• в-третьих, сам по себе полученный опыт был достаточно приятным и настоятельно требовал повторения.

Однако реализация такого «практического» сценария, сопровождалась риском заболеваний, передающихся половым путем, незапланированных беременностей, абортов, деторождений и сопутствующих им психических и социальных проблем. Осознание этого риска ставило «сексуальных экспериментаторов» в обособленное положение по отношению к сверстникам, возвышало их над ними.

Кстати, народное, спонтанное сексуальное образование запретительного типа акцентировало свое внимание именно на страхе перед незапланированным зачатием. Этот страх поддерживался существовавшими на то время социальными нормами, осуждавшими подобное поведение и рассматривавшими его как аморальное, т. е. — девиантное.

В такой ситуации вкусивший запретного плода подросток, безусловно, осознавал себя нарушителем общепринятых социальных норм, т. е. — девиантом. Понимание этого обратно экстраполировалось им уже не только на сферу секса и межполовых отношений, но и на все другие области его повседневной жизни — учебу, общение со сверстниками, отношения с родителями и учителями (т. е. на взаимодействие со взрослым миром).

Об этом же говорит И. Кон: «*В 1970-х гг. раннее начало сексуальной жизни повсеместно коррелировало с различными антинормативными и девиантными поступками* (*плохая успеваемость, пьянство, хулиганство, конфликты с учителями и родителями и т. д.*» [Б134, с. 105].

Таким образом, наличие раннего сексуального опыта смещало акценты в психическом и социальном развитии личности. Если согласно традиции, секс венчал собой пирамиду взросления (после школы — учеба в ПТУ, техникуме или вузе, потом работа и, наконец, создание семьи), то «экспериментаторам» тайное знание взрослых становилось известным и доступным раньше, чем это предписывалось им по возрасту. Значимость учебы и будущей профессии (работы) обесценивались и уже не представлялись такими важными, как если бы подросток проходил все ступеньки взросления поэтапно. По сему, раннее приобщение к сексу провоцировало разные формы девиантного поведения и в первую очередь охлаждение к учебе. Именно поэтому, защищая детей и подростков от ранних сексуальных контактов, общество, с помощью запретительно-ограничительных мер стремилось защитить и само себя от возможных дисфункций в социальной сфере.

Приобщение к тайному (сексуальному) знанию взрослых, обособляло и выделяло подростков из своей среды. В возрастном отношении они оставались в своей группе сверстников, а вот с точки зрения имеющегося у них индивидуального сексуального опыта они ставили себя вровень со взрослыми, потому что этот сексуальный опыт возводился ими в некий абсолют и рассматривался как вершина и главное условие взрослости.

У. Мастерс по этому поводу справедливо замечает, что «*если подросток входит в компанию, в которой на секс смотрят как на символ успеха и делят людей на "посвященных" и "непосвященных", это может заставить его быть сексуально-активным только из желания соответствовать принятым в его обществе стандартам*» [Б157, с. 217]. Но, с другой стороны, «*в стремлении освободиться от опеки родителей некоторые подростки используют секс как доказательство своей независимости и способности самостоятельно принимать решения*» [Б157, с. 217].

Такие подростки образовывали обособленную социальную группу, которая по своему житейскому (читай — сексуальному) опыту превосходила сверстников, но в возрастном отношении не могла быть включена в когорту взрослых. В результате у них закономерно возникало ощущение отверженности, непонимания как со стороны сверстников, так и со стороны взрослых.

Со сверстниками им было уже не интересно, а взрослые таких детей и подростков не принимали в свой круг в силу именно возрастного фактора и недостатка у них полноценного житейского опыта (под которым, в равной степени понимался и сексуальный опыт). Другими словами, взрослыми игнорировался сам факт возможности обладания сексуальным опытом подростками, и это подспудно становилось источником межвозрастных конфликтов.

Все это создавало благоприятную почву для возникновения различного рода поведенческих девиаций, сутью которых было стремление подростков доказать правомерность обладания статусом взрослого (безотносительно к своему физиологическому возрасту) как среди сверстников, так и среди взрослых.

Вот характерный пример (022) детского эротического анекдота из 70-х гг. прошлого века, подтверждающий вышеизложенные теоретические размышления:

«*Вовочка неожиданно застает родителей, занимающихся сексом, и спрашивает:*
— А что это вы тут делаете?
На что папа отвечает:
— Вовочка, ты хочешь братика или сестричку?
— Я хочу велосипед!
— Нет, велосипед я сейчас сделать не могу.
— Ну, тогда отойди, я сам буду делать» [А17].

Примечание:

Здесь и далее в тексте представлены анекдоты из собственной коллекции автора, составленной им на основе своих детских и подростковых воспоминаний.

Комментарий:

Среди детей и подростков культивировалось отношение к сексу как к акту агрессии. В разговорах, анекдотах, и своем повседневном поведении мальчики стремились подчеркнуть, что мужчина — это активное, даже агрессивное начало, а женщина — пассивное, безвольное существо. Такие установки очень часто вступали в противоречие с внешне наблюдаемыми проявлениями взаимной любви родителей друг к другу днем и тем, что случайно можно было увидеть и подсмотреть ночью в их спальне. То есть днем — это согласие, любовь, уважение и даже до некоторой степени подчинение мужчины женщине, а ночью наоборот — акт внешне грубой агрессии со стороны мужчины, причем совершаемый с добровольного согласия женщины и ее пассивное, благосклонное (и даже с видимым удовольствием) принятие этой агрессии.

Для того чтобы постичь, осознать и эмоционально справиться с подобным противоречием и возник этот анекдот, который переводит данное несоответствие в плоскость комичного.

Итак, в сложившихся условиях подростковое сообщество вынужденно делилось на тех, кто уже сумел обрести реальный сексуальный опыт и тех, кто его еще не имел.

Сложности выстраивания взаимоотношений между этими двумя группами сглаживались наличием третьей, самой большой по численности группы — тех, кто хотел казаться имеющими сексуальный опыт. Как о них говорит У. Мастерс, «*на самом деле подростки не знают всего, что им нужно знать о сексе, хотя многие из них ведут себя так, словно знают все*» [157, с. 211].

На фоне такого огромного количества секс-экспертов, противоречия между полярными группами несколько сглаживались, потому что каждый хотел попасть в группу реальных практиков или, по крайней мере, казаться таковым.

Недостаток практического сексуального опыта компенсировался его имитацией и теоретическими знаниями, которые еще надо было где-то почерпнуть, что в свою очередь стимулировало соответствующую познавательную активность. Таким образом, для этой, третьей, самой большой группы

подростков возникала насущная необходимость поддержания своего мнимого социального статуса и имиджа «знающих», что достигалось банальным копированием стиля поведения представителей первой группы. В результате общий уровень девиации среди подростков еще более повышался.

Однако борьба общества с подобными девиациями опять-таки носила запретительный характер — достаточно простой и неоднократно проверенный на практике. В итоге, мир взрослых в любом своем проявлении представлялся подросткам сугубо враждебным, потому что он не хотел принимать их (повторимся) именно в связи с несоответствием возрастным критериям взрослости. И даже реальное обладание тайным (читай — сексуальным) знанием ничего не могло изменить во взаимоотношениях подростков и взрослых.

Например (023):

Самая известная подростковая фраза, характеризующая эту враждебность, звучит так: «*Папа* (*мама*)*, вы меня не понимаете!*».

Комментарий:

За этой фразой скрывается раздражение подростка отношением к нему родителей именно как к ребенку, а не как к взрослому.

Естественно, что такое положение не устраивало подростков и вызывало ответную реакцию — месть взрослому миру за непонимание и кажущееся равнодушие. Именно в этом нам и видится одна из причин подросткового хамства, грубости, жестокости, хулиганства и вандализма.

Конечно, описанный сценарий не является аксиомой, но то, что он в той или иной мере, в большей или меньшей степени реализовывался некоторой частью подростков — не вызывает сомнения.

Глава 1.5. Периодизация межполовых отношений школьного возраста

Разнообразные формы общения подростков друг с другом всегда, независимо от пола, в той или иной степени, несли в себе элементы эротизма или, по крайней мере, неявно их подразумевали. Конструирование межполового общения осуществлялось методом проб и ошибок, зависело от возраста и колебалось в пределах от «с девчонками (мальчиками) дружить нельзя» до «у меня есть девушка (парень)».

За время обучения в школе можно выделить несколько моделей поведения мальчиков-подростков по отношению к сверстницам. Проанализируем их, поскольку по своему гендерному содержанию они близки автору.

Итак, мы можем выделить три последовательно сменяющих друг друга модели поведения мальчиков, относительно восприятия ими представительниц противоположного пола.

Первая фаза — это фаза эротической нейтральности, но вместе с тем физиологической заинтересованности.

«*Большинство 10–11-летних детей очень увлечены изменениями, происходящими с их телом, в особенности с гениталиями и вторичными половыми признаками, такими как волосы в подмышечных впадинах и развитие молочных желез. Они часто с нетерпением ждут появления этих черт приближающегося подросткового возраста. Многие дети препубертатного возраста стесняются своего тела и могут быть весьма сдержанны в демонстрации его другим. Общим правилом остается изоляция от противоположного пола. И дети этого возраста горячо отрицают любые намеки на романтический интерес к другому полу*» [Б138, с. 381–382].

Итак, характерной особенностью этой фазы является заинтересованность детей в строении половых органов своих и представителей противоположного пола. Эта заинтересованность обусловлена не столько эротизмом и половым влечением, сколько банальным интересом типа «как это там все у них устроено?». Также для этой фазы характерно восприятие мальчиками девочек с точки зрения целесообразности их участия в совместных играх в качестве полноправных партнеров. Естественно, что в подавляющем большинстве случаев вывод мальчиками делался однозначный: девочки ни на что не годны, с ними не интересно, а раз так, то и дружить с ними нельзя. Следовательно, настоящая дружба возможна только между мальчиками. Те мальчики, которые пытались дружить с девочками, подвергались обструкции и насмешкам со стороны мальчишеского сообщества.

По всей видимости, такие или подобные взгляды были распространены и среди девочек в отношении мальчиков.

Таким образом, в повседневном общении доминировало четкое гендерное разделение. Мальчики дружили с мальчиками, а девочки с девочками.

Вторая фаза — переходная. По времени она соответствует средней школе и длится примерно до 9-го класса включительно (а в рассматриваемый нами исторический период — до 8-го). Эта фаза может быть разделена на два периода.

а) В первый период происходит поиск и выстраивание своей собственной, сугубо индивидуальной модели поведения с представителями противо-

положного пола, но своего возраста. Для этого периода характерны первые спонтанные практики ухаживания. В отношениях с девочками доминировала робость и застенчивость, которая преодолевалась через впадение в другую крайность — разнузданность, распущенность и напускную грубость. Наиболее простой и распространенной формой ухаживания было издевательство над девочками, демонстрация силы. Кидание в них грязью, дергание за косички, выбивание портфелей, задирание платьев, пачканье тетрадей и т. п. — все это было своеобразной (а еще — примитивной и спонтанной) попыткой демонстрации своей маскулинности, причем ничем не нормированной, т. е. такой, в которой инстинктивного животного поведения намного больше, нежели социально-одобряемых и стандартизированных форм ухаживания со свиданиями, цветами, чтением стихов и тому подобными штучками.

Попробуем теоретически обосновать подобный стиль поведения.

Именно насилие над женщиной представляется нам первичной, первобытной формой организации половых отношений, которая еще не испытывает на себе социального нормирования. Современные дети и подростки еще не осознают этих социальных ограничений. Поэтому усвоение ими нормативного поведения как раз и является одним из первых этапов сексуальной социализации и приведения своей, пока еще ничем не ограниченной первобытной сексуальности к общепринятым в обществе социальным стандартам.

Естественно, что этот процесс не проходит одномоментно. У кого-то он протекает быстрее, у кого-то медленнее, а у некоторых вообще не начинается никогда. В последнем случае, в пору говорить не столько о сексуальном воспитании и приведении своей сексуальной природы к социальной норме и социальным стандартам, сколько о сексуальной аномалии человека, не прошедшего в полной мере сексуальной социализации.

Поскольку такая социализация является многогранным, длительным процессом и достаточно сложной и малоизученной областью взаимоотношений между людьми, то, по всей видимости, можно полагать, что очень многие люди имеют некоторые отклонения в этой сфере. Эти отклонения столь многообразны, сколь и малозаметны, а посему, в своем большинстве, не замечаются обществом (и специалистами-сексологами — тоже) или не считаются таковыми. Кроме того, главная особенность подобных отклонений заключается в том, что наиболее ярко и выпукло они проявляются в ситуации устойчивых, стабильных интимных отношений между сексуальными партнерами (т. е. в браке между супругами) и поэтому ими самими не воспринимаются как отклонения.

б) Второй период — характеризуется тем, что в одной возрастной группе подростков одновременно возникают и начинают сосуществовать разные мнения и точки зрения по отношению к девочкам — девушкам (возраста т. н. «нимфетки»). Грубое насилие все чаще сменяется социально одобряемыми формами ухаживания. Но дружба с девушкой еще не приветствуется. Поэтому такое поведение подростка требует от него большой смелости. В порядке вещей обвинения в предательстве мужских интересов, ядовитые замечания и насмешки. Однако по большому счету все это — проявления зависти обусловленной собственной нерешительностью приятелей — оппонентов. В таких условиях, подростку, отважившемуся на подобное поведение, надо было уметь защитить себя, причем не девушку, а именно себя, свое право встречаться и общаться с ней. Если не можешь — не ходи с девушкой, а сумел дать отпор — больше над тобой смеяться уже никто не будет.

Третья фаза — фаза открытой сексуальной заинтересованности, которая по времени соответствует старшей школе, выпускным классам. В этот период девочки рассматриваются мальчиками как возможные партнеры сексуальных взаимоотношений в будущем (а может даже и в настоящем). Поэтому мальчикам в этот период свойственны эротические фантазии и мечты, мысленное конструирование возможных сценариев своего будущего и будущей семейной жизни и т. д. Это подтверждается многочисленными наблюдениями. Так, по мнению американского гинеколога и сексолога У. Мастерса «*сексуальные фантазии и сновидения у подростков встречаются чаще и выражены более четко, чем у детей младшего возраста*» [Б285][2].

Также У. Мастерс считает, что «*Назначение сексуальных фантазий у подростков многообразно: они усиливают удовольствие от сексуальной активности, служат суррогатом реального* (*но недоступного*) *полового опыта, вызывают половое возбуждение или оргазм, обеспечивают психическую подготовку к сексуальной активности в более старшем возрасте, создают возможность для безопасного сексуального экспериментирования в отсутствие стесняющих факторов. Сексуальные фантазии намечают те направления, по которым развивается сексуальное воображение у большинства взрослых людей. По этой причине опыт, приобретаемый подростком в процессе формирования индивидуального набора фантазий и познания способов их использования, имеет важное значение для его или ее последующей половой активности и приобретения уверенности в себе*» [Б157, с. 217].

Итак, для этой фазы характерно кардинальное изменение отношения мальчиков (юношей) к девочкам (девушкам). Они рассматриваются ими как полноправные, а главное желанные партнеры для общения. Никто уже не думает насмехаться над юношей, который ходит в обнимку или под ручку с девушкой. Однако все это, по большому счету, представляет собой еще игру в ухаживание, отработку на практике соответствующих социальных ролей. Только эта игра уже не похожа на детские ролевые игры. Если, например, играя в доктора и пациента, продавца и покупателя маленький ребенок в какой-то степени осознает условность моделируемой ситуации, понимает, что это игра, то в данном случае, декорациями для такой эротической игры под названием «ухаживание» становятся не условные, а реальные ситуации и обстоятельства. Более того. Сами подростки не всегда осознают всех условностей происходящего, принимая их за реальные взрослые взаимоотношения, хотя, если посмотреть правде в глаза, такие отношения иногда действительно перерастают из условности в настоящую реальность. Вспомним хотя бы классический пример Шекспировских Ромео и Джульетты.

Конечно, предложенная периодизация межполовых отношений школьников несколько условна, но в целом она отражает три фазы развития сексуальности детей и подростков школьного возраста. Распределение времени обучения на начальную, среднюю и старшую школу на наш взгляд в наибольшей степени соответствует данной периодизации, хотя и не стопроцентно, поскольку скорость полового созревания процесс сугубо индивидуальный и вариабельный.

---

[2] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 216.

ЧАСТЬ II
Аудио-вербальный контекст полового воспитания и детско-подростковой сексуальности и эротизма

Глава 2.1. Ненормативная лексика и половое воспитание. Взаимосвязь и взаимообусловленность

Известный отечественный социолог и сексолог И. Кон утверждал, что «*Для истории сексуального символизма очень важно изучение языка ругательств и оскорблений — инвективной лексики*» [Б134, с. 76]. По его мнению, в русской сексуальной культуре «*Изощренная матерщина и иное сквернословие соседствуют с отсутствием высокой эротической лексики*» [Б134, с. 109].

Ему вторит известный историк, культур-антрополог, специалист в области гендерных отношений Н. Пушкарева, которая отмечает, что «*В рамках народной культуры произошло окончательное разобщение телесности и духовности. Следствием его стало, во-первых, развитие изощренного сквернословия* (*всячески осуждаемого церковью*)*, которое по-своему принижало роль «женского» в сексуальных отношениях. Во-вторых, церковные запреты вкупе с народным натурализмом обусловили отсутствие высокой эротической лексики, которой могли бы пользоваться влюбленные*» [Б195, с. 7].

Далее И. Кон развивал свою мысль в следующем направлении: «*Матерный язык, при всем его богатстве, фиксирует только самый поверхностный, физиолого-технический уровень сексуального взаимодействия, но совершенно неадекватен для выражения сложных эмоциональных переживаний*» [Б135, с. 144].

Данное положение имеет большое значение для понимания роли ненормативной лексики (мата) в детско-подростковой субкультуре вообще и в процессе сексуальной социализации личности, в частности.

Глубокую укорененность русского эротического фольклора и бранной лексики в культуре древнерусского язычества выявил отечественный филолог, лингвист, семиотик, историк языка и культуры, теоретик искусства Б. Успенский [Б232, с. 53–128]. Эта особенность характерна не только для дохристианской культуры славян, но и дня сегодняшнего. В настоящее время несомненным представляется тот факт, что эротический фольклор и ненормативная лексика влияют на формирование психологических механизмов половой самоидентификации и характер ценностных предпочтений в области сексуального поведения и половозрастного символизма молодежи.

Попытки изучения связи сексуальности и ненормативной лексики осуществлялись и ранее, но они, к сожалению, не носили комплексного, междисциплинарного характера, оставаясь по сути констатационными зарисовками авторов исследований, подтверждающих ту или иную их точку зрения. Таким

образом, изучение данной проблемы может быть наиболее продуктивным только в содружестве фольклористов и этнографов с психологами, социологами и сексологами.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о распространенности ненормативной лексики в детско-подростковой и юношеской среде и ее влиянии на формирование взглядов на секс и сексуальность. В этом отношении нам кажется справедливым наблюдение американского гинеколога и сексолога У. Мастерса, который отмечает, что «*в детстве большинству из нас запрещали говорить о сексе и многие так и не научились словам, относящимся к анатомии половых органов*» [157, с. 321]. В таких условиях, как это ни покажется странным и парадоксальным, одним из каналов распространения среди детей и подростков актуальной сексуальной информации и информации о половых отношениях взрослых, была именно ненормативная лексика, т. е. — русский мат.

Блогер Л. Мазикина отмечает, что вплоть до конца 80-х гг. XX в. «*о сексе обычно дошколята узнавали от школьников в формате непристойных стихов и частушек…*» [Б152].

Большинство ученых, к сожалению, упускают из виду эту просветительную (без кавычек!) функцию русского мата, которая активно реализовывалась в детско-подростковой и юношеской среде.

Итак, именно мат и матерщина являлись для детей одним из первых источников сведений о сексе и половых взаимоотношениях взрослых. По мере взросления, данная функция мата постепенно сходила на нет, теряла свою актуальность и значимость, забывалась.

Вот характерный пример (024) — одно из моих первых и ярких воспоминаний из собственного детства о мате и матерщине, связанное, как это ни покажется странным, с… девочкой:

«*Во время учебы во втором классе* (*возраст 8 лет, 1971–1972 гг.*) *девочка, с которой я сидел за одной партой, учила меня следующему трюку. Нужно было, засунуть в рот четыре пальца руки и громко произнести фразу: “Король сидел на троне, а королева на звезде”. В результате таких манипуляций, вместо последнего слова слышалось совершенно другое, очень неприличное. Нам было смешно, и мы по очереди повторяли этот трюк. Причем старались произнести именно э т о самое слово, а не благозвучную “звезду”.*

Мы совершенно не стеснялись друг друга и не обращали внимания на присутствующих рядом одноклассников.

Но, с другой стороны, мы все же понимали, что говорим нечто плохое, запретное и осознание этого приятно щекотало нервы, добавляя, как теперь скажут, адреналина. Ну а трюк с пальцами, как бы оправдывал нас в наших собственных глазах — мало ли что кому может послышаться, ведь говорим-то мы хорошие слова, все дело в пальцах — пальцы виноваты.

Такой наивный самообман, позволял нам перешагнуть через социальные запреты и уже усвоенные формальные нормы и условности поведения» [А81].

Примечание:

Здесь и далее в тексте представлены детские стишки, каламбуры, загадки, приговорки, оговорки и ослышки из собственной коллекции автора, составленной на основе его детских и подростковых воспоминаний.

Комментарий:

Этот случай ярко иллюстрирует ранний опыт сексуального воспитания, точнее — самовоспитания, а еще точнее — взаимовоспитания. В этом процессе мат и вообще вся ненормативная лексика имели большое значение.

На наш взгляд это объясняется тем, что дети отлично осознают два факта:

1. Жесткое табуирование мата взрослыми (как запретной лексики).

2. Запрет на разговоры о половых различиях (как темы, непозволительной для публичного обсуждения).

И мат, и половые различия (а равно — половая жизнь) притягивают внимание детей не потому, что они относятся к одной (сексуальной) сфере взаимоотношений людей, а потому что их связывает друг с другом единство запрета на публичность. А в силу возрастных особенностей все неведомое и запретное как раз и притягивает детей.

Еще пример (025):

В другом варианте этот трюк требовал громкого произнесения фразы:
— «*Мама с папой поехали на рыбалку*» [Б258].

Вообще для детского возраста характерно стремление к модификации известных слов и словосочетаний по аналогии со слышащимися и кажущимися ненормативными высказываниями. Детьми и подростками осуществлялся постоянный поиск слов и словосочетаний, которые можно было бы переделать и в дальнейшем интерпретировать как сексуальные при помощи фонетических ассоциаций. Тем самым, символически, как бы снимался запрет на публичность ненормативных высказываний и открытое обсуждение вопросов пола и секса. В результате происходило плавное, постепенное введение детей и подростков в сферу сексуальных взаимоотношений взрослых через постижение символических смыслов, навеянных ассоциативным мышлением.

Например (026):

«*– Электричка — Ли3,14здричка*
– Рыбалка — ...балка
– Эбонит — ...банит» [А85] *и т. д.*

Комментарий:

Любые слова, которые можно было модифицировать таким способом, в реальности почти всегда подвергались подобным изменениям. И дело тут вовсе не в том, чтобы превратить эти слова в ненормативные, а в том, чтобы придать им именно эротическую, сексуальную окраску. Усиление смысла через обращение к эротике предполагало более высокую эмоциональность, экспрессию и стремление таким нестандартным способом обратить на себя внимание.

Таким образом, дети и подростки старались найти эротизм даже там, где его не было и в помине. И модификация слов в соответствии с их ненормативными аналогами или фонетическими ассоциациями как раз и позволяла это сделать.

Итак, первоначально, логико-смысловая связь между матом и половыми различиями возникает у детей не с точки зрения понимания ими единства объекта интереса, соединяющего вместе эти явления (секс, эротика, эротизм), а с точки зрения осознания одинаковости отношения к ним (т. е. к мату и половым различиям) взрослых, характеризуемого общим запретом публичности. Понимание такой одинаковости сближает мат и половые различия в сознании детей. И только потом, по мере взросления, происходит осмысление того, что между ними существует совершенно другая связь, о которой дети вначале и не догадывались.

Вот характерный пример (027) из моего собственного детства:

«*Отчетливо помню, как я со своим двоюродным братом, моим ровесником, в возрасте примерно трех-четырех лет идем по улице впереди наших мам и дурачимся, громко скандируя: “Сиси — писи, сиси — писи!”. Нам смешно, мы уже знаем, что это плохие слова и что их нельзя говорить, но, несмотря на это, продолжаем орать на всю улицу эти самые «сиси — писи». Наши мамы нас сразу обрывают. Уж не помню, что они нам говорили, но я хорошо запомнил перекошенное от страха и стыда лицо моей матери и смачный шлепок по попе моему брату, уже от его собственной матери* (*она с ним особо не церемонилась, и ему всегда перепадало больше, чем мне за одинаковые шалости*).

Интересно, что мы с братом в тот момент отлично понимали всю запретность совершаемого действа, но, несмотря на это, нам очень хотелось так пошалить и громогласно заявить о себе.

Также интересно, что этот случай запомнился мне на всю жизнь. То есть, несмотря на свой малый возраст, данное событие оказалось настолько значимым, что оставило неизгладимый след в моей памяти. Этот факт еще раз подчеркивает его важность на тот момент времени и для того возраста, в котором я тогда пребывал» [А65].

Комментарий:

Детское поведение, описанное в данном примере, вполне согласуется с наблюдениями ученых. Так, американский ученый У. Мартинсон утверждает, что и мальчикам и девочкам «*нравится использовать “грязные” слова, наблюдая за реакцией воспитателей и родителей*» [Б297][3].

Постепенно, по мере взросления приходит понимание того, что запрет материться и/или открыто говорить при взрослых о сексе, не абсолютен как, например, запрет убийства или воровства, а относителен, и что главное условие для его полной отмены или преодоления — как можно скорее самому стать взрослым.

В дальнейшем у детей формируется обратная логико-смысловая последовательность, предполагающая, что публичное употребление ненормативной лексики (мата) наряду с демонстрацией некоторой (эфемерной) осведомленности в вопросах пола и половых отношений — это и есть признак желанной взрослости. Осознание этого порождает чувство превосходства над менее сведущими сверстниками. Отсюда и страстное желание ругаться среди сверстников.

Вот характерные примеры (028) из художественной литературы:

«*Гекльберри делал, что хотел, никого не спрашиваясь. В сухую погоду он ночевал на чьем-нибудь крыльце, а если шел дождик, то в пустой бочке; ему не надо было ходить ни в школу, ни в церковь, не надо было никого слушаться: захочет — пойдет ловить рыбу или купаться когда вздумает и просидит на реке сколько вздумает; никто не запрещал ему драться; ему можно было гулять до самой поздней ночи; весной он первый выходил на улицу босиком и последний обувался осенью; ему не надо было ни умываться, ни одеваться во все чистое; и ругаться тоже он был мастер*» [Б223, с. 39] (выделено мною. — *А. Проноза*).

или (029)

«*Том вступил в новое общество «Юных трезвенников», привлеченный блестящим мундиром. Он дал слово не курить, не жевать табак и не употреблять бранных слов, пока*

[3] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 202.

состоит в этом обществе. И тут же сделал новое открытие, а именно: стоит только дать слово, что не будешь чего-нибудь делать, как непременно этого захочется. Скоро Тому ужасно захотелось курить и ругаться…» [Б223, с. 106] (выделено мною. — *А. Проноза*).

Таким образом, по мере взросления, различные комбинации из всем известных трех слов, составляющих основу русского мата, давали детям первичные знания о сексуальных взаимоотношениях взрослых. Поэтому изощренность в матерщине воспринималась ими как сексуальная продвинутость и взрослость, потому что по умолчанию, в детско-подростковой среде считалось, что ребенок (или подросток) знает то, о чем говорит и что говорит.

Однако нельзя возводить мат и матерщину в абсолют сексуального воспитания. Скорее всего, это был некий суррогат, заполнявший собой свободную нишу, образовавшуюся в данной сфере.

Среди взрослых, в силу их бóльшей сексуальной осведомленности и жизненного опыта, ненормативная лексика уже не играла той просветительской роли, какую она имела в детской и подростковой среде. Более того, во многих случаях ее публичное использование табуировалось самим обществом — его традициями, обычаями и установлениями. Публичность использования мата и матерщины ограничивалась вполне определенным кругом людей, выделенных по профессиональным или каким-либо другим признакам, а также специфическим условиям их трудовой деятельности и коммуникации, характерной особенностью которых была повышенная эмоциональность и экспрессия.

В качестве примера (030) можно вспомнить известные фразеологизмы: «матерится как сапожник» и «ругается как извозчик». Также можно вспомнить небезызвестную «Телегу жизни» А. Пушкина:

«*С утра садимся мы в телегу*;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! еб…на мать!» [Б197, с. 128].

Примечание:

В подавляющем большинстве издании сочинений А. Пушкина, последняя строка из этого стихотворения затроеточена.

Еще пример (031) — комичная ситуация, описанная в одном современном анекдоте:

«*В одном детском саду вдруг все дети начали материться. Ну там все воспитатели конечно с ума посходили и начали думать, почему такое произошло. Вспомнили, что на прошлой неделе у них два слесаря чего-то там приваривали. Нашли их и строго так спрашивают, не происходило ли чего необычного во время работы. Один из мужиков и говорит:*

— Да вроде нет... Только вот один раз Вася, когда я поддерживал ему стремянку, нечаянно уронил мне за шиворот кусочек жидкого железа... Ну, я ему прямо сказал — не прав ты, Вася, нельзя так!» [Б21].

А вот характерный пример (032) природной тактичности и вербального самоограничения в вопросах пола и половых отношений, взятый из реальной жизни:

«*Моя двоюродная бабушка по отцу, ровесница XX века, слова “родить; родила” считала неприличным и выражалась примерно так: “Когда я купила Валю…”*» (т. е. — свою дочку; выделено мною. — *А. Проноза*) [А156].

Комментарий:

В данном случае «купила», означало — «родила».

В своей повседневной речевой практике бабушка это слово никогда не использовала, считая его неприличным. И это при том, что она родила и воспитала двух своих детей и четырех приемных.

И все же, употребление ненормативной лексики в подростковой и молодежной среде в 70-е годы прошлого века имело свои ограничения и пределы. Так, например, среди подростков считалось дурным тоном материться в присутствии девочек и девушек. По крайней мере, это не было таким широко распространенным явлением как сейчас.

Вот характерный пример (033) из воспоминаний С. Дроздова, которые относятся к середине 70-х годов прошлого века — времени его обучения в Ленинградском высшем военно-политическом училище ПВО (в котором впоследствии, учился и я сам):

«*Первым в дивизионе у нас женился Винни Пух* (*из Первой батареи*)*, чуть ли не в сентябре, на первом курсе. Ему едва стукнуло 18.* (*Он действительно смахивал на Винни Пуха из мультика, такой же круглолицый, пухлый и задумчивый*).

Как-то в выходной день на училищное КПП к нему приехала молодая жена, и Пух пригласил нас “на смотрины”. Жена Пуха произвела на нас тяжкое впечатление. “Молодая” курила одну “беломорину” за другой, лихо сплевывала сквозь зубы, громко разговаривала боцманским баритоном и ржала на все КПП так, что окружающие вздрагивали. В довершение ко всему, она еще и изредка материлась, что тогда для приличных девушек (*а не привокзальных шалав*) *было совершенно немыслимым, в мужской компании, во всяком случае…*» [Б92, с. 86] (выделено мною. — *А. Проноза*).

А вот еще один пример (034) — фрагмент из той же книги С. Дроздова:

«*Проверяю я тетради для политзанятий у своих архаровцев», — излагал Васька. «Попадается тетрадка, в которой боец вместо конспекта на лекции писал письмо своей подруге, да так и сдал тетрадь на проверку. Читаю. Ничего особенного служивый не пишет, все ему нравится, про ракеты что-то ввернул, а в конце письма сообщает дословно*: *“А морозы здесь — я е…у тебя, Клава!!!”* »

Сейчас, когда юное поколение разговаривает матом, невзирая на пол и возраст собеседника, это не вызывает особого изумления, а тогда мы весело смеялись над характеристикой погоды, данной воином в письме к любимой [Б92].

Комментарий:

Таким образом, даже в сугубо мужской, военной среде, использование ненормативной лексики укладывалось в некие рамки — кому ее можно употреблять, а кому нельзя; при каких условиях, обстоятельствах и в какой обстановке она допустима, а при каких — нет.

Кстати, в последнем примере наглядно представлена экспрессивная функция мата, которая предполагает, что с помощью ненормативной лексики можно наиболее емко и адекватно передать впечатления, ощущения и чувства далекие от эротики и сексуальных отношений.

Именно сексуальные отношения, представленные в своем ненормативном, матерном выражении, как раз и являются тем мерилом экспрессии и накала чувств и страстей, которые хочется донести до собеседника.

Однако в сугубо мальчишеской (т. е. гендерно однородной), детско-подростковой среде, использование матерных слов в разговоре негласно поощрялось и считалось признаком взрослости, мужественности и сексуальной продвинутости (о чем, собственно, мы уже говорили выше).

Социальные ограничения срабатывали исключительно при общении со взрослыми и ровесницами — представительницами противоположного пола. Все это способствовало выработке навыков сдерживания своих эмоций, умению правильно выбирать время и место, когда допустимо вербально проявить свою эмоциональную экспрессию с помощью обсценной лексики, а когда стоит и воздержаться.

Что же касается дня сегодняшнего, то в настоящее время мат, к сожалению, получил самое широкое распространение. Причем его употребление мало зависит от пола говорящего. Если раньше мат был прерогативой исключительно мужчин, то теперь подобные ограничения стерлись.

К современному широчайшему распространению мата в публичной сфере, наша страна пришла не сразу.

Вначале имел место период так сказать привыкания девочек и девушек к мату на слух. Этот период, по нашему мнению, приходится на конец 80-х — первую половину 90-х гг. прошлого века (пресловутые «лихие девяностые»). Естественно, что указанные временные рамки достаточно условны. На длительность и скорость прохождения этого этапа влияло множество факторов — региональные особенности, сфера занятости населения, уровень безработицы, местные традиции, степень религиозности, криминальная обстановка и т. д. и т. п. Это был период пассивного восприятия девушками мата и матерщины, привыкания их к тому, что мат есть неотъемлемая и само собой разумеющаяся часть вербальной коммуникации. Другими словами, это был период постепенного снятия табу на публичное использование ненормативной лексики, можно даже сказать — период растабуирования. Сами девочки и девушки уже не воспринимались молодыми людьми как фактор сдерживания (как это имело место ранее) и теперь выступали в роли пассивных слушательниц ненормативных излияний сильного пола.

Кроме того, именно в этот период, в условиях тотальной безработицы многие женщины были вынуждены примерять на себя (и соответственно — выполнять) традиционные социальные роли мужчины как добытчика, становясь единственным для семьи источником доходов. В таких условиях ненормативная лексика представлялась характерной особенностью роли мужчины, и женщины воспринимали ее как обязательный элемент нового для себя имиджа (наряду с курением и употреблением спиртных напитков, в частности — пива).

Что же касается молодых людей, то использование ими в разговорной речи ненормативной лексики (мата) в присутствии девушек стало восприниматься как своеобразная демонстрация маскулинности и признак мужественности.

В таких условиях запрет материться или хотя бы банальное выражение пренебрежительного отношения к произносящему матерные слова молодому

человеку со стороны девушек, стал восприниматься как атавизм женского социального поведения. Постепенно мат перестал восприниматься как специфический мужской язык и стал всеобщим.

Подобная лояльность к ненормативной лексике, как ни странно, вполне вписывается в стратегии и тактики брачного поведения современных девушек.

Вот характерный пример (035):

«*Одна из подруг моей жены на вопрос о том, почему она не делает замечание своему молодому человеку за то, что он при ней ругается матом, ответила так:*

— Если я сделаю ему замечание, то он со мной ходить не будет» [А152].

Потом наступил следующий период, длящийся уже до настоящего времени. Для него характерно активное, публичное использование уже самими девушками и женщинами ненормативной лексики в своем повседневном лексиконе.

Конечно, можно говорить о том, что у этого явления много причин — низкий уровень культуры, маргинализация населения, снижение качества образования и многое, многое другое. Все это конечно правильно и верно, но, по нашему мнению, наиболее важной причиной произошедшего стало наложение друг на друга двух систем полового воспитания — отечественной, традиционно-консервативной (одной из составных частей которой как раз и являлось широкое распространение ненормативной лексики, о чем мы уже говорили выше) и западной, публично-демонстративной.

Попробуем объяснить это более подробно.

Первая система в своей основе имеет пониженный порог вербального восприятия информации о сексе, т. е. о сексе допустимо говорить, но только не наблюдать и не смотреть.

Вторая система подразумевает пониженный порог восприятия в сфере визуализации половых отношений, т. е. смотреть можно сколько угодно и что угодно, а вот слушать и читать — не обязательно.

Вот характерный, можно сказать — типичный пример (036) отношения к западной системе ценностей в сфере эротики и секса, описанный личным переводчиком Н. Хрущева В. Суходревом, когда он в 1959 г. сопровождал Н. Хрущева в турне по США:

«*Горели софиты, стрекотали камеры. Затем начался танец, который и дал название фильму, — канкан. Об этом эпизоде потом у нас было много чего написано, главным образом резко негативно, как о чем-то непристойном. Громыко, в то время министр иностранных дел СССР, в своих мемуарах сообщает, что исполняющие канкан были какими-то полураздетыми существами, кривлявшимися и извивавшимися на сцене. Авторы книги "Лицом к лицу с Америкой" тоже углядели в танце нечто постыдное: "...было ясно, что актрисам стыдно и перед собой, и перед теми, кто видит их. Они танцевали, не понимая, кому и зачем пришло в голову заставлять их делать это перед Никитой Сергеевичем Хрущевым и перед другими советскими гостями". А ведь это был танец, хорошо известный и советским людям — по многим оперettам. Впрочем, и сегодня наши словари толкуют слово "канкан" по-разному: словарь русского языка — как танец "с нескромными телодвижениями", а энциклопедический — как "французский бальный танец, позднее вошедший в оперетту".*

В моей памяти голливудский канкан оставил весьма радужные воспоминания.

Хрущев во время танца никак не выражал своего отношения. По окончании — вежливо поаплодировал. А потом весело и непринужденно разговаривал с артистами: пожимал руки,

благодарил. Но на выходе, когда к нему прорвались корреспонденты и стали спрашивать, как ему все это понравилось, он вдруг нахмурился и сказал, что, с его точки зрения и с точки зрения советских людей, это — просто аморально. Правда, он добавил, что зря хороших девушек заставляют делать плохие вещи на потеху пресыщенной, развращенной публике. "В Советском Союзе мы привыкли любоваться лицами актеров, а не их задницами". С этими словами он и покинул Голливуд» [Б221, с. 87–88].

А вот другой пример (037) отношения того же Н. Хрущева, но уже к ненормативной лексике, точнее — к ее публичности (которую, напомним, мы можем рассматривать как одну из основ советского традиционно-консервативного сексуального воспитания). Речь идет о посещении Н. Хрущевым выставки художников — авангардистов в Манеже, в декабре 1962 г. Это посещение довольно подробно описано в воспоминаниях российского поэта, графика, живописца и писателя-мемуариста Л. Рабичева.

«*Никита Сергеевич молчал около двух минут, а затем громко, с ненавистью произнес: "Говно!". И, подумав, добавил: "Педерасты!". И тут все сопровождавшие его государственные люди, как по команде, указывая пальцами то на одного, то на другого из нас, закричали: "Педерасты!". Нас было тринадцать художников, мы стояли около своих картин*» [Б198].

и далее:

«И вдруг кто-то обратил внимание на длинноволосого бородатого художника в красном свитере, на ныне покойного, доброго и талантливого Алешу Колли, и закричал: "Вот живой педераст!". И члены правительства, и члены идеологической комиссии — все вытянули пальцы, окружили его, кричали: "Вот живой педераст!"» [Б198].

Комментарий:

В этих двух примерах ярко просматривается отношение к сексу и вопросам пола, существовавшее и насаждавшееся в то время в СССР.

В первом случае глава государства посчитал недопустимым и аморальным телодвижения артисток на сцене, а во втором, Н. Хрущев, в своем ненормативном пассаже, сам того не ведая, вербально выразил отношение к сексу и вопросам пола (подчеркнем — не к художникам-авангардистам), легитимизировав тем самым использование ненормативной лексики в публичной сфере.

Таким образом, визуализация секса и публичный эротизм у нас в стране не одобрялись, а их вербализация (в виде ненормативной лексики) считалась более благопристойным действом по сравнению с первым.

Другими словами, то, что в области эротики и секса было визуально-публичным, в СССР признавалось недопустимым и аморальным, а то, что было вербально-публичным, при определенных ситуативных условиях считалось вполне допустимым и возможным.

Такая публичная вербализация сексуальной сферы не несла в себе явного эротизма. Скорее это было стремление показать свое личное отношение к какому-либо событию, явлению или действу через эротизм и секс. Они, эти эротизм и секс, представленные ненормативной лексикой позволяли охарактеризовать такие события, явления или действа в высшей степени эмоционально. Эта эмоциональность и скрывающаяся за ней экспрессия на самом деле были очень далеки от истинного эротизма. Главным тут были не сами запретные слова, а отношение к кому-либо или чему-либо, выраженное с их помощью. Таким образом, реальные сексуальные отношения, облеченные в ненормативную лексику, выступали неким мерилом накала страстей и эмоций в сферах очень далеких от секса. С ее помощью осуществлялась оценка и

сравнение событий и явлений повседневной жизни, затрагивающих интересы индивида, а также перенос ощущений, чувств и переживаний свойственных сексуальной сфере на совершенно иные сферы деятельности людей — учебу, работу, межличностные отношения, досуговые практики и т. д. и т. п. В результате возникала высокая эмоциональная экспрессия, выраженная по отношению к постороннему (не сексуальному и не эротическому) объекту (явлению).

Однако восприятие ненормативной лексики детьми и подростками несколько отличается от ее восприятия взрослыми. Они подсознательно акцентируют свое внимание не столько на ее эмоциональном контексте, сколько на значении самих слов, на их буквальном понимании. Все дело в том, что экспрессия и эмоциональность ненормативных высказываний не может быть до конца понята детьми и подростками, поскольку:

а) в силу возраста у них отсутствует реальный опыт половых отношений;

б) отсутствует реальный опыт производственных отношений и житейских ситуаций, к которым могло быть применимо использование ненормативной лексики как мерила эмоциональности.

Если взрослые эту самую ненормативную эмоциональность и экспрессию увязывают с посторонними от секса явлениями и событиями, используя мат и матерщину в качестве некоего оценочного эталона, то дети ту же самую эмоциональность и экспрессию воспринимают буквально, как свойство и характеристику настоящих, сексуальных отношений. Поэтому, получаемое через мат и матерщину сексуальное знание, а точнее его суррогат, по своей сути носит фрагментарный, иллюзорный характер, с преобладанием в нем экспрессии, цинизма, насилия, грубости, и даже жестокости. Оно не соответствует реальным сексуальным отношениям, таким, какими они должны быть между любящими друг друга мужчиной и женщиной. В дальнейшем, уже во взрослой жизни, все это становилось причиной возникновения различных предрассудков, комплексов и сексуальных аномалий, которые приводили к дестабилизации внутрисемейных отношений и, как закономерному итогу, развалу семьи.

Приведенные выше примеры (в которых фигурирует Н. Хрущев) относятся к 1959 и 1962 годам, поэтому поколение детей, родившихся в 60-е годы, через десятилетие, уже в 70-е годы в полной мере почувствовали на себе такие специфические особенности отечественного полового воспитания.

А что же было потом? А потом была пресловутая перестройка и приобщение широких масс населения страны к западным ценностям.

В результате симбиоза двух систем сексуального воспитания (или систем сексуальных отношений между полами — кому как нравится) — отечественной и западной, возникла ситуация абсолютной вербальной и абсолютной визуальной публичности этих отношений, неограниченных никакими моральными и нравственными нормами и табу. В таких условиях публичность мата, наряду с публичностью (и доступностью) продукции западной порноиндустрии, стала рассматриваться как само собой разумеющаяся и неограниченная никакими запретами. А сам мат и матерщина стали восприниматься много меньшим злом по сравнению с западным порно — ведь это ж наше, свое, отечественное — мы ж к нему привыкли и поэтому готовы смириться с ним.

Глава 2.2. Эротические анекдоты и их место в системе полового воспитания

Поскольку организованное, т. е. каким-либо образом институционализированное сексуальное воспитание в СССР отсутствовало, дети и подростки, для которых данная тема в силу возраста представлялась очень важной и актуальной, испытывали дефицит информации об интимных взаимоотношениях взрослых. В таких условиях, поиск нужных сведений становился одной из целей детского повседневного бытия, хотя и не в полной мере ими осознаваемой. Естественно, что такие сведения находились, но качество их оставляло желать лучшего. Скорее, это была не информация, а некий информационный суррогат, дававший лишь приблизительное знание.

Одним из источников таких знаний были эротические анекдоты.

В своей книге «Основы сексологии» американский гинеколог и сексолог У. Мастерс отмечает: «*По замечанию Дж. Мани, если ребенку недоступна простая, откровенная информация о поле, основным источником полового образования становятся соответствующие анекдоты. Поскольку даже самый маленький ребенок быстро узнает разницу между "чистой" и "грязной" шуткой, это ведет к выработке представления о сексе как о чем-то "непристойном"*» [Б298][4].

Таким образом, эротические анекдоты, наряду с ненормативной лексикой, были еще одним каналом распространения сексуальных знаний (а точнее — псевдознаний) среди детей и подростков 70-х гг. прошлого века.

Постараемся объяснить значение этих анекдотов для сексуального воспитания и самовоспитания через анализ функций, которые они выполняют.

По нашему мнению, можно выделить следующие функции эротических анекдотов, ретранслируемых в детско-подростково-юношеской среде:

1. Физиологическая.
2. Поведенческая.
3. Познавательная.
4. Коммуникативная.
5. Эмоциональная.
6. Флирта и ухаживания.
7. Нормативно-моделирующая.

Рассмотрим их по очереди.

1. Итак, одна из основных функций эротических анекдотов — *физиологическая*. Она подразумевает вербальное ознакомление с особенностями строения тела представителей противоположного пола. Обычно это делалось в игровой форме, с использованием ненормативной лексики.

Поскольку большинство эротических анекдотов носят маскулинный характер, они несут на себе печать мужской активности и акцентируют внимание на особенностях строения именно женского тела.

---

[4]. Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 202.

Вот характерный пример (038) подобного анекдота, услышанного мною от своего одноклассника примерно в 1974–1975 г., когда я учился в 5 классе средней школы:

«*Мама в ванной моется, а Вовочка подглядывает и спрашивает ее, указывая на … (понятно, на что):*

— Мама, а что это у тебя?

— Кое-что — отвечает мама загадочно.

На следующий день Вовочка спрашивает маму:

— Мам, а что у нас сегодня на завтрак?

— Кое-что — так же загадочно говорит мама.

— Еште шами ш волошами! — обиженно отвечает Вовочка» [А18].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б30].

Комментарий:

Этот анекдот известен автору еще со школьной скамьи. Кстати, в то время мы часто подкалывали девчонок-одноклассниц следующим образом: подходили к ним в школьном буфете во время перекуса и говорили: «Еште шами ш волошами!», а после этого дико ржали.

Естественно, что образное мышление было непомерно развито не только у нас, мальчиков, но и у девочек, поэтому у них сразу же пропадал аппетит, чего мы, собственно говоря, и добивались. Ну а если аппетит не пропадал, то каждый очередной откусанный девочками кусочек пирожка вызывал у нас безумный восторг и очередные приступы неуемного смеха.

Симптоматично распространение этого анекдота именно в возрасте 12–14 лет, когда происходит формирование вторичных половых признаков. С помощью этого анекдота происходила компенсация и подавление внутренних страхов, связанных с взрослением, перевод их комично-юмористичную форму.

А вот еще пример (039) подобного анекдота:

«*Бежит белочка по лесу и поет:*

— Я белочка — я целочка, я белочка — я целочка.

Волк поймал ее и оттрахал. Приходит белочка к филину и говорит:

— Дядя филин, зашей мне 3,14зду.

Филин зашил ей 3,14зду. Белочка опять бежит по лесу и поет:

— Я белочка — я целочка, я белочка — я целочка.

Волк снова поймал ее и оттрахал. Опять белочка приходит к филину и просит его:

— Дядя филин, зашей мне 3,14зду.

Филин во второй раз ей зашил 3,14зду. Снова бежит белочка такая довольная по лесу и поет:

— Я белочка — я целочка, я белочка — я целочка.

Волк в третий раз поймал ее и снова оттрахал. Приходит белочка к филину в третий раз и просит:

— Дядя филин, зашей мне 3,14зду.

А филин ей:

— Если бы я знал, что ты такая проститутка, я бы тебе на 3,14зду молнию поставил» [А33].

Комментарий:

1. Этот анекдот я впервые услышал в школе, когда учился 4 или 5 классе (1974–1975 гг.). При его рассказывании основное внимание акцентировалось именно на подробных повторах основного сюжетного действия. Совершенно недопустимой при повествовании была фраза типа «и так повторяется еще два раза». В результате время рассказывания анекдота удлинялось, возникала интрига — ожидание неожиданной концовки.

2. Не все из слушателей (а порой и рассказчиков) знали, что такое целка и соответственно, что значит «зашить 3,14зду». Поэтому в результате прослушивания этого анекдота возникало стойкое убеждение, что половой акт — это насилие, потому что 3,14зду надо именно рвать. Отсутствие знаний женской физиологии порождало нездоровый интерес, и, таким образом, данный анекдот являл собою своеобразный суррогат этих знаний. Именно поэтому суть анекдота улавливалась далеко не всеми, но использование ненормативной лексики вполне компенсировало этот недостаток, особенно в контексте последней фразы, которая в принципе по своему смыслу была всем уже понятна. Что такое проститутка, и тем более что такое застежка-молния в этом возрасте знали уже все поголовно.

3. В анекдоте используется прием контраста («целочка — проститутка», «оттрахали — зашили»), который к финалу преобразуется в некий компромисс — установку застежки-молнии.

4. Спросить, что означают непонятные моменты анекдота, означало показать свою сексуальную неосведомленность, а значит, понизить свой статус в сообществе сверстников. Поэтому предполагалось, что над анекдотом надо смеяться в обязательном порядке. Но смех этот был двоякого рода. Для одних — это смех от того, что было смешно и понятно, исходя из сути анекдота (для знающих особенности женской физиологии), а для других (неосведомленных в сексуальном плане) — потому что просто смешно — какая дура белка, какой остроумный филин, и еще потому, что все вокруг смеются.

5. Фраза белочки из анекдота постепенно превратилась в дразнилку. На переменах мальчишки донимали ею одноклассниц. Естественно, что девочкам это не нравилось, и они кидались бить мальчиков портфелями. Но их это еще больше раззадоривало.

И еще пример (040):

«*Советский матрос во французском порту снял проститутку. После совершения с ней полового акта, он ей и говорит:*

— О, мадам, если бы я знал, что вы целка, я бы так не торопился.

А она ему в ответ:

— О месье, если бы вы так не торопились, то вы бы сняли с меня колготки».

Комментарий:

Неосведомленным подросткам этот анекдот, так же, как и предыдущий, приоткрывал завесу тайны женской физиологии, с которой можно столкнуться в первую брачную ночь или при первом в жизни девушки коитусе.

Но встречаются анекдоты и с ярко выраженной феминной ориентацией, в качестве слушателей которых подразумеваются в первую очередь девочки и девушки.

Вот пример (041):

«*Как-то раз, решили поменяться слон и заяц яйцами. Поменялись. Через неделю встречаются.*

— Ну как? — спрашивает заяц слона.

— В принципе не плохо, но когда зачешутся, не могу их нащупать.

— А тебе как?

— В принципе тоже хорошо, но когда бегу, на поворотах заносит» [А22].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б24].

Комментарий:

В этом анекдоте главный упор делается на образное восприятие. Так и представляется бегущий заяц с огромными яйцами, которого заносит на поворотах и от этого становится смешно и весело.

2. К рассмотренной выше функции близко примыкает другая — *поведенческая*, под которой подразумеваются стандартные и/или типичные формы поведения и реакции партнеров в ситуации до, во время и после совершения полового акта. Такие анекдоты носят нормативный характер, поскольку задают некий эталон или стандарт сексуальных отношений, якобы существующих в мире взрослых.

Вот характерный пример (042):

«*Жена с любовником занимаются сексом. Вдруг звонок в дверь — муж пришел с работы раньше положенного. Жена быстренько прячет любовника в шкаф, но дверцы шкафа впопыхах так захлопнула, что любовнику прищемила яйца, и они остались снаружи. Муж пришел голодный, разделся и спрашивает жену:*

— Дай, чо поесть.

А она ему:

— Вон там, на шкафу пойди, возьми тарелку с варениками.

Ну, муж пошел в комнату за варениками.

Вдруг жена слышит истерический смех мужа. Вбегает в комнату, смотрит, а он сидит на полу с вилкой в руках и хохочет, а вокруг него вареники разбросаны.

— Ты чего смеешься? — спрашивает она.

А он ей говорит:

— Полез я за варениками на шкаф, а они высоко. Не удержал я тарелку, уронил, они и рассыпались по полу. Начал я их обратно в тарелку вилкой собирать. Смотрю, а один вареник к дверям прилип. Ну, я его стал вилкой колоть, а он на меня матом ругается» [А31].

Комментарий:

Этот анекдот я услышал во время учебы в средней школе. Натянутый сюжет, искусственная, неестественная ситуация… Но не это главное. Главное тут — развязка. Неожиданный поворот действа — типичный признак детских анекдотов. Весь смак, весь юмор сосредоточен не столько в комичности ключевого момента, сколько в его неожиданности. Точнее, именно неожиданность развязки, при всей абсурдности сюжета как раз и порождает комичность ситуации.

Кроме того, в анекдоте описывается один из возможных сценариев взаимоотношений между мужчиной и женщиной в случае супружеской измены. Скрытых смыслов тут несколько и слушателям анекдота предлагается сделать выбор.

Первый заключается в том, что супружеская неверность — это вроде как обыденное дело, само собой разумеющееся явление и отношение к ней должно быть таким же легким и игровым как в анекдоте.

Второй смысл — наоборот, предлагает противоположную альтернативу, что так делать нельзя, дабы никогда не попадать в подобные комичные ситуации.

Естественно, что выбор того или иного сценария в будущей взрослой жизни каждый подросток сделает для себя сам. Суть же в том, что ни тот ни другой сценарий не несут в себе ничего трагичного. Жизнь продолжается.

А вот еще один подобный анекдот (043):

«*Первая брачная ночь. Молодые уединились в соседнюю от родителей комнату. Вдруг жених кричит:*

— Батько!

— Что сынку?

— Не лизэ!

— А ты со сметанкой, сынку, со сметанкой.

Спустя некоторое время опять:

— Батько!

— Что сынку?

— Не лизэ!

— А ты со сметанкой, сынку, со сметанкой.

Спустя некоторое время снова:
— Батько!
— Что сынку?
— Не лизэ.
— А ты…
— Да в крынку не лизэ!» [А13].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б40].

И еще пример (044):

«*Молодой муж во время полового акта входит в жену и озабоченно спрашивает:*
— Не больно?
Жена:
— Суй дальше.
Он еще дальше входит в нее и снова спрашивает:
— Не больно?
Она:
— Суй дальше.
Наконец он полностью проникает в нее и спрашивает
— Не больно?
Жена:
— Фатит» [А28].

Комментарий:

1. Естественно, что в оригинале этот анекдот изобиловал ненормативной лексикой. Мы по возможности смягчили его, но от этого (следует признать) заметно снизилась его эмоциональность и экспрессия.

2. В анекдоте, в игровой форме объясняется, что страх, который может возникнуть у женщины от глубокого проникновения (особенно при первом половом акте) беспочвенный и ничего страшного в этом нет. То есть этот анекдот рассчитан не только на мужскую, но и на женскую аудиторию. Ключевое слово тут — «не больно». Чтобы закрепить на будущее это ощущение «небольности», ситуация проигрывается три раза и завершается еще одним ключевым словом «фатит». Другими словами, содержание этого анекдота гласит о том, что какой бы ни был длинны половой член у мужчины, это не является препятствием к совершению полового акта.

3. Это еще один анекдот, который подготавливает подростков к будущей половой жизни. В нем отображен сам процесс полового акта. В детско-подростковой среде естественными были разговоры, о том, как лучше действовать во время полового акта — быстро или медленно, глубоко или неглубоко, какой лучше пенис — длинный или короткий, толстый или тонкий, как можно и как нельзя, что считать извращением, а что нет и т. д. и т. п. В настоящее время все эти вопросы автоматически снимаются после просмотра порнографических фильмов. Оказывается, что можно, как угодно, и чем угодно. Главное — доставить партнеру сексуальное удовольствие. Но в то время, о котором идет речь, обсуждение всех этих вопросов занимало умы подавляющего большинства подростков, ввиду отсутствия хоть какой-либо информации по данной теме.

Кстати, автору не попадались исследования, в которых рассматривалось бы положительное (как это ни странно) влияние порнографических фильмов на процесс полового воспитания и просвещения. Смею утверждать, что в дореволюционной России эту функцию брали на себя проститутки и публичные дома. В СССР, данная функция стала реализовываться автономно, исключительно в детско-подростковой среде. В результате сексуальное воспитание приобрело характер субкультуры с ярко выраженным возрастным аспектом, т. е. ее можно рассматривать как детскую сексуальную субкультуру, которая в определенной степени соответствовала традиционным патриархальным взглядам на сексуальное воспитание в русской деревне.

И наконец, последний пример (045):

«*Одна девушка рассказывает:*

— Меня Василь после танцев затащил в кусты и говорит:

— Сымай трусы!

— Я сняла, и он тоже снял. А потом он стал меня тыкать своим хером то в пуп то в колина, то в пуп то в колина, а потом как засунэ мэнэ в писю, мэни аж сиськах защемило, а в сраци так солодко — солодко» [А34].

Комментарий:

Это типичный анекдот про первый половой акт. Он одинаково рассчитан как на мужскую, так и на женскую аудитории.

Смысл анекдота:

– для юношей — надо быть активным, решительным и не бояться неудачи во время коитуса;

– для девушек — несмотря на опасение боли во время первого полового акта, он все же приносит удовольствие и наслаждение.

Таким образом, и для тех, и для других этот анекдот способствует преодолению неуверенности и страха во время первого полового акта.

Итак, сексуальные анекдоты предлагают различные модели поведения в разнообразных ситуациях полового общения. Но в том-то все и дело, что все они ошибочно принимались детьми и подростками за эталонные, такие, какие существуют на самом деле, и на которые надо равняться в своей будущей взрослой жизни, что на самом деле, конечно же, совершенно не так.

3. Следующая функция эротических анекдотов — *познавательная*. С ее помощью происходит ознакомление детей и подростков со всей сферой половых отношений и с некоторыми ее специфическими особенностями. Такие анекдоты часто содержат в себе некий скрытый вопрос, на который не всегда дается прямой ответ. Поэтому его надо додумать, угадать, а для этого включить воображение, фантазию и знания (которые, собственно говоря, еще отсутствуют). Подобные анекдоты выступают своеобразным тестом сексуальной грамотности подростков, определяют уровень их продвинутости среди сверстников в вопросах секса и половых отношений. Понял — значит уже большой, взрослый, не понял — еще маленький, когда подрастешь — поймешь.

Вот характерный пример (046) подобного анекдота:

«*Кошка говорит котенку:*

— Приходи вечером на крышу на блядки.

Котенок пришел. Ждет. Уже темно, ночь настала. Ветер, холодно, а кошки все нет и нет. Посидел котенок, весь продрог, промок и сам себе говорит:

— Ну ладно, еще пол часика поблядую и домой пойду» [А41].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б33].

Комментарий:

Естественно, что при прослушивании этого анекдота вполне может возникнуть вопрос — «А что, собственно такое “блядки”, для чего они нужны и зачем?».

Слушатели этого анекдота отлично осознают, что с котенком что-то не так, что он не понимает сути возникшей ситуации, потому что не знает значения слова «блядки».

Но некоторая часть слушателей — это такие же ничего не понимающие котята, которые находясь в компании, вынуждены смеяться и делать вид, что поняли смысл анекдота. За смехом над котенком скрывается собственный страх и собственное непонимание ситуации.

Другая часть слушателей, из числа «продвинутых», включая сюда (возможно) и самого рассказчика, будут смеяться не только над самим анекдотом, но и над несведущими слушателями, их вынужденной реакцией смеха.

Подобные анекдоты возникали не на пустом месте и имели достаточно веские основания.

Вот характерное воспоминание (047) (фрагмент статьи), размещенное в сети Интернет в 2016 г. и которое, скорее всего, относится к последнему 10-летию прошлого века:

«*Одиннадцатилетняя Света однажды спросила Максима, одногодку и соседа по дачному участку, хочет ли он заняться сексом с ней, на что мальчик ответил согласием. Мы пошли в лес, и она сказала, что нам нужно раздеться догола. Я спросил, нужно ли мне снимать трусы. Она кивнула. Мы голые сели играть в карты на бревне. После нескольких партий в дурака я снова задал свой вопрос: "Как заниматься сексом". Света ответила, что мы уже это сделали, — рассказывает Максим, ему сейчас 21 год*» [Б129].

А вот еще похожий анекдот (048):

«*Стоят проститутки, хахалей ждут. Подходит к ним старая бабка и спрашивает:*

— Вы чего тут стоите?

— Хахалей ждем — отвечают проститутки.

А бабке послышалось "сухарей", ну она и стала рядом с ними. Тут приходят хахали. Смотрят — бабка вместе с проститутками стоит:

— А ты чего тут старая делаешь?

А она им:

— Думаешь и мне сладенького не хочется?» [А4].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б23].

Комментарий:

Этот анекдот я услышал от своего двоюродного брата, примерно в 1973–1974 г. когда я (и он тоже) учился в третьем или четвертом классе.

Сам анекдот очень показателен для эпохи тотального дефицита (70-е годы прошлого века). В то время, содержательная фабула анекдота не выглядела столь абсурдной, как это воспринимается сейчас. Точно я уже не помню, но вполне возможно, что ванильные сухари тогда на самом деле были дефицитными продуктом. Поэтому в поведении бабки в принципе не было ничего необычного. Для ее возраста и ванильные сухари, и секс были дефицитом.

Эти и подобные им анекдоты исподволь активизировали детей и подростков на освоение сексуальных знаний, потому что те из них, кто знает больше (естественно, что в теории) об особенностях половых отношений взрослых, занимали более высокое статусное положение в группе сверстников.

Таким образом, сексуальное знание становилось важным фактором статусного роста. Именно поэтому в детской и подростковой среде часто возникали ситуации, когда недостаток физической силы компенсировался наличием подобных знаний. Украденные у родителей игральные карты с эротическими

фотографиями, редкие порнографические открытки или авторучки с обнаженными красотками, будучи показанными сверстникам во дворе или школе, возносили их владельцев на необычайную высоту в неформальной табели о рангах детско-подросткового сообщества.

Подобные знания (а точнее — псевдознания), повторимся, ставили подростка на более высокую ступень во внутригрупповой иерархии. То есть если говорить совсем просто, чем больше знаешь похабных анекдотов, тем лучше.

Возвращаясь к примеру 046, отметим, что слово «поблядую» могло быть понятым не всеми слушателями. Однако осознание того, что рассказанное является именно анекдотом, заставляло смеяться даже тех, кто не понимал его сути. Таким способом, через интуитивное понимание и постижение смыслов межполовых отношений осуществлялась сексуальная социализация детей и подростков без какого-либо воздействия со стороны взрослых.

По нашему мнению, здесь кроется глубокий символический смысл, суть которого заключается в функциональном сходстве современных детских эротических анекдотов и срамных частушек.

Но срамные частушки, в отличие от анекдотов, учат тому, что надо делать молодоженам наедине. То есть они нужны здесь и сейчас, поскольку время и место их публичного исполнения ограничено вполне определенными временными рамками и обстоятельствами свадебного обряда. Именно свадьба снимает табу со срамных частушек, и на какое-то время переводит их в публичную сферу. И наоборот, срамные частушки, являясь ритуальным элементом традиционного свадебного обряда, окончательно снимают табу с запрета на секс и на короткое время (время свадьбы), посредством публичной вербализации, легализуют информацию о половых отношениях, переводя их через эту самую публичность в сферу интимных отношений между мужем и женой. То есть тема секса и эротики лишь на мгновение (момент свадьбы) становится публичной, чтобы потом снова замкнуться в себе, но уже стать интимным знанием представителей двух полов — любящих друг друга мужа и жены. До этого момента, подчеркнем, сексуальное знание существовало и развивалось по отдельности в мужской и женской средах. Именно по этой причине, срамные частушки отличаются не столько повышенной откровенностью рифмованных текстов (как это может показаться на первый взгляд), сколько натурализмом и призывом к действию. Ведь за то короткое время, которое предназначено для свадебного обряда нужно успеть так много и откровенно сказать молодоженам, которые априори считаются всеми присутствующими на свадьбе абсолютно несведущими в вопросах секса.

С эротическими анекдотами все не так. Во многих из них всегда присутствует некая тайна, которую надо разгадать. Разгадка этой тайны и есть источник смеха, а ключ к разгадке — сексуальное знание, которое осваивается постепенно, поэтапно, в процессе общения со сверстниками, в том числе и через анекдоты и их разъяснение. Ведь обязательно в кампании найдется кто-нибудь смелый, который возьмет, да и спросит — «А в чем, собственно говоря, смысл анекдота?». Со смехом и скабрезными шутками ему объяснят, что к чему. При этом некоторая часть присутствующих все равно будет делать вид, что они сведущи в таких делах, хотя на самом деле это совершенно не так.

Так что, несмотря на свой откровенный характер, в эротических анекдотах всегда присутствует определенная таинственность, которая со временем,

перестает быть таковой, и незаметно, плавно переходит в понятие интимности, не предусматривающей публичного оглашения данной сферы личной жизни.

Вот еще несколько характерных анекдотов (049), в которых имеют место некоторые недомолвки, понятные для одних, более продвинутых слушателей и не понятные для других, менее сведущих в вопросах пола и секса, а следовательно, — более младших по возрасту и соответственно менее взрослых:

«*Мальчик индеец спрашивает у матери:*
— Мама, а почему мою сестру назвали Утренняя звездочка?
— Потому что когда мы с папой полюбили друг друга, на небе зажглась утренняя звездочка и когда родилась твоя старшая сестра, мы ее так и назвали.
— Мама, а почему моего старшего брата назвали Бегущий олень?
— Потому что когда мы с папой полюбили друг друга, мимо нашего вигвама пробежал большой и красивый олень. Поэтому мы так и назвали твоего брата.
— Мама, а почему у меня такое имя?
— А это ты сам спроси у своего папы, Рваная резина» [А35].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б37].

Комментарий:

Данный анекдот репрезентовал собой знание о презервативах, о том, что они не столь надежны во время полового акта, как хотелось бы. В своем большинстве это касалось презервативов отечественного производства (Баковский завод резиновых изделий).

или (050):

«*— Василий Иванович! Ваша лошадь лысого жеребенка родила!*
— Сколько раз я говорил, чтобы Котовского в конюшню не пускали!» [А8].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б65].

или еще (051):

«*— Василий Иванович, гандоны японские привезли, бежим скорее!*
— Ох, подожди, Петька, помоги гильзу снять» [А29].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б27].

Комментарий:

Последний анекдот предлагает знание о кондомах, о том, что их надо уметь одевать и снимать, а также о том, что существуют некие импортные, а точнее — японские презервативы.

В 70-е гг. XX в. в СССР существовал миф о японских кондомах «в цветочек» или «с усами». Естественно, что таких презервативов никто из подростков никогда не видел. Да и большинство взрослых, по всей видимости — тоже, поскольку завозили их в СССР нелегально представители тех профессий, которые имели возможность свободного выезда за границу (моряки,

летчики, спортсмены, дипломаты и т. д.). И если сам нарисованный цветочек на кончике презерватива еще можно было как-то представить, то, что представляют собой какие-то там усы, каждый домысливал нечто свое. И даже объяснения «продвинутых» приятелей тут совершенно не помогали. Это надо было видеть. Представить такое было просто невозможно.

4. Еще одна функция эротических анекдотов — *коммуникативная*. С ее помощью происходит обмен актуальной (с детской точки зрения) сексуальной информацией. Эта функция может реализоваться двумя способами.

В первом случае имеет место коммуникация исключительно в однополой среде, например в ситуации трепа анекдотов мальчишками на лавочке у подъезда.

Во втором, при определенных условиях, допускается присутствие представительниц противоположного пола. Но такая ситуация случалась гораздо реже и ее возникновение зависело от многих факторов. Большое значение при этом имели «оправдательные» мотивы, например:

– легкое алкогольное опьянение, которое как бы оправдывало рассказчиков в глазах девушек;

– недостаточная освещенность, помогающая скрыть смущение и волнение;

– отсутствие взрослых, которые могут подслушать разговор и прервать общение, дав нелестную оценку собравшимся вместе подросткам и т. д.

Вот характерный анекдот (052), в котором данная функция представлена наиболее ярко:

«*Вовочка прыгает на кровати, а мама ему и говорит:*
— Вовочка, не прыгай, а то животик вспухнет.
Проходит время. Идет Вовочка с мамой по улице, а на встречу беременная женщина. Вовочка ка-а-ак заржет громко:
— Ха! Допрыгалась?!» [А21].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б26].

Для многих подобных анекдотов характерно:

а) длительный процесс рассказывания, с повторами, лишними подробностями и деталями;

б) неожиданная концовка, желательно с ненормативной лексикой.

Цель такого анекдота не столько рассмешить слушателей, сколько понаблюдать за их реакцией. Это последнее как раз и становится главной целью рассказа, а затем и основной причиной смеха. Таким образом, для одних источником смеха становится неожиданная концовка, а для других — реакция слушателей.

Вот еще пример (053):

«*Марь Иванна спрашивает наизусть басню Крылова. Вовочка тянет руку.*
— Нет, Вовочка, я тебя не спрошу — ты опять какую-нибудь гадость скажешь.
Спрашивает одного ученика. Тот:
— Однажды лебедь раком щуку…
— Нет-нет-нет, дальше не продолжай. Садись — два.

А Вовочка снова тянет руку.

— Нет, Вовочка, я тебя не спрошу. Ты опять скажешь какую-нибудь гадость.

Спрашивает другого ученика. Тот снова:

— Однажды лебедь раком щуку…

В конечном итоге Марь Ванна говорит:

— Ну ладно, Вовочка, рассказывай.

Вовочка начинает:

— Однажды лебедь, рак и щука…

Все в восторге. Все рукоплещут, ссут кипятком. Вовочка первым из всего класса начал рассказывать басню правильно. А дальше:

— Надумали сыграть квартет. Поставили мартышку раком. Дерут — дерут, а толку нет!

...Занавес» [А20].

Примечание:

1. Понятно, что в оригинале использовалась ненормативная лексика.
2. Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б25].

Комментарий:

В этом анекдоте важен процесс рассказывания. Долго, со смаком описывается как первый, второй, третий школьник неправильно начинают рассказывать басню И. А. Крылова, как после каждого из них Вовочка просится ответить урок, и как Марь Иванна ему отказывает. Этот, довольно длительный процесс сопровождается выразительной мимикой, жестами, интонациями рассказчика и постепенно подводит слушателей к неожиданной концовке, которая, как заранее ожидается, должна быть очень смешной. И чем более смешной, по мнению рассказчика, будет концовка анекдота, тем дольше затягивается повествование. И наоборот, чем длиннее рассказ, тем, по идее, надо будет громче и дольше смеяться.

5. Очень важной функцией детских эротических анекдотов является функция *эмоциональная*. Ее реализация предполагает обмен эмоциями, снятие напряжения в ситуации межполового общения, раскрепощение, преодоление стеснения. То, что невозможно проговорить словами, иногда можно выразить иносказательно, посредством анекдота, даже несмотря на то, что он пошлый и в нем присутствует ненормативная лексика. Как же, ведь это всего лишь анекдот, который сочинил кто-то другой, а не я, так что я тут ни при чем — я только рассказчик.

Публичное рассказывание анекдотов позволяет наблюдать за эмоциями представителей противоположного пола, оценивать их реакции и по результатам такой реакции строить свое дальнейшее поведение. Реализация данной функции в равной степени осуществляется как самим содержанием анекдота, так и ситуацией его рассказывания — вечер, лавочка, кампания детей — мальчиков и девочек, отсутствие взрослых. Осознание запрета на половые отношения, обусловленного возрастом, закономерно порождает вербальную свободу в виде откровенного рассказывания эротических анекдотов. То, что еще нельзя испытать физически, можно смоделировать вербально, тем более что никаких физиологических последствий от такого рассказывания не будет.

Вообще, для детских эротических анекдотов характерна ситуация, когда эротизм находят там, где его совершенно нет. Поиск эротизма становится навязчивой идеей. Причем интересно, что сами дети отлично знают об этой особенности.

Вот характерные примеры (054):

Самый короткий анекдот: «Ананас: она — нас» [А5].

или (055)

«*Марь Иванна попросила принести в школу животных, которые могут понимать человеческую речь. Один ученик принес кошку, другой — собаку, а Вовочка принес филина.*

— Вовочка, а зачем ты принес филина? Ты думаешь, что он понимает человеческую речь?

— Еще как, не только понимает, но и разговаривает.

— Как?

Вовочка:

— Филя, хочешь трахаться? — и дерг филина за хвост.

Филин:

— У-гу, у-гу» [А27].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б38].

или (056)

«*Марь Иванна:*

— Дети, напишите предложение: “В углу скребет мышь”.

Вовочка:

— Марь Иванна, а кто такой Скр?» [А30].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б34].

или (057)

«— Дяденька, ты туда не ходи, там лифта нет.

— Фигня-а-а-а-а-а-а!» [А23].

Комментарий:

Конечно, в оригинале этого анекдота использовалась ненормативная лексика.

или (058)

«*Что-то стало холодать, сказал Серый волк и натянул Красную шапочку по самые уши*» [А39].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б29].

или (059)

«*Грузин поступает в театральный институт. Ничего не знает. Ну, ему и говорят:*

— Прочитайте хоть какую-нибудь басню.

А он:

— Какую?

А ему из-за двери подсказывают:

— Мартышка и очки!

Он плохо расслышал и громко говорит:

— Мартышка и очко!

— А кто автор? — спрашивают его
Ему опять подсказывают:
— Крылов.
— Крыладзе! — не расслышав отвечает он.
— Ну а дальше? Расскажите басню.
Грузин:
— Мартышка очком туды — сюды, а Крыладзе — ыды сюды!» [А10]

Примечания:

— Пусть нас простят толерантно озабоченные читатели, но этот анекдот зафиксирован здесь именно в том виде, в каком я его услышал во время своей учебы в школе, в середине 70-х гг. XX в.

— Один из вариантов этого анекдота есть на сайте Анекдоты из России [Б35].

и т. д.

Очень яркое отображение эмоциональная функция нашла в следующем анекдоте (060):

«*Мужчина в продовольственном магазине спрашивает у продавщицы:*
— Сколько стоят вот эти булочки в клеточку?
Продавщица:
— Это не булочки — это вафли.
Мужчина возмущенно:
— Вам, блядям, везде вафли мерещатся» [А26].

Комментарий:

Вафля́ми, на подростковом жаргоне 70-х гг. прошлого века называли мужскую сперму. Смеховая ситуация в данном анекдоте возникает в результате подмены традиционного смысла слова его жаргонным значением.

Интересно, что такая особенность (подмена традиционного смысла) присутствует и во многих взрослых политических анекдотах, в которых под надуманным, но вместе с тем акцентированным эротизмом скрывался совершенно другой, политический контекст, опошлявший советскую действительность.

Например (061):

«*В кабинете Мюллера Штирлиц порол чушь. Чушь тихо повизгивала и урчала от удовольствия*» [А44].

Как мы уже отмечали выше, для детских эротических анекдотов характерна пошлость. Но эта пошлость не воспринималась детьми как таковая. Более того — чем запредельнее она была в анекдоте, тем лучше, и смешнее считался анекдот. Именно поэтому многие анекдоты мы не можем здесь привести в качестве примеров. В сознании детей — пошло, значит смешно, а то, что смешно, то уже не пошло.

Понятие пошлости в детских эротических анекдотах, а равно во всей детской субкультуре отсутствует полностью. Дети еще не понимают, что пошло, а что нет. То, что смешно, то для них, априори, не может быть пошлым, но с точки зрения взрослых это, конечно же, совершенно не так.

6. Очень важной представляется функция *флирта и ухаживания*, реализуемая посредством рассказывания эротических анекдотов.

Ухаживание, в том виде, в котором оно принято во взрослой среде (с дарением цветов, прогулками под луной, приглашением в кафе, длинными разговорами ни о чем), в детском возрасте, конечно же, не существует. Но, несмотря на это, оно все же имеет место быть. Флирт и ухаживание в этом возрасте приобретают специфические формы, в том числе и в виде рассказывания эротических анекдотов. Главная цель такого флирта — привлечение к себе внимания посредством скабрезного анекдота, ведь девочки и девушки, также как и мальчики и юноши испытывали информационный голод об особенностях сексуальных отношений взрослых. Поэтому для них, любая информация об этой сфере взаимоотношений вызывала неподдельный интерес. Ну а с сопутствующей ненормативной лексикой можно было легко примириться, тем более что она воспринималась как обязательная (а также тайная, запретная, мужская) составная часть межполовых отношений.

Такой, с позволения сказать флирт, представлялся рассказчикам анекдотов наиболее простым способом привлечь к себе внимание противоположного пола, преодолеть смущение, ведь рассказывание анекдота — это не прямое предложение чего-либо непристойного, исходящее от рассказчика, а вербальный пересказ уже существующей ранее информации, к которой формально этот самый рассказчик не имеет никакого отношения.

Наиболее ярко ситуация такого флирта нашла свое отражение в многочисленных анекдотах про поручика Ржевского. В подавляющем большинстве из них предлагается радикальный способ общения с девушками и женщинами без всяких сантиментов — грубый и прямолинейный. В реальной жизни роль таких сантиментов как раз и играют эротические анекдоты. Ведь легче иносказательно выразить свои чувства к объекту вожделения, чем сказать об этом напрямую и получить отказ. Именно боязнь услышать отрицательный ответ как раз и понуждает к иносказательности с использованием анекдотов, поскольку предполагается, что с их помощью можно еще больше понравиться избраннице.

Вот один из подобных анекдотов (062):

«*Поручик Ржевский пожаловался своим сослуживцам, что с ним никто из барышень не хочет знакомиться.*

— Это потому что ты хам и матерщинник — заявили ему сослуживцы — а ты попробуй заговорить вначале о погоде и только потом представиться.

Ну, поручик Ржевский так и сделал. Смотрит, идет дама с собачкой. Подошел он к ней и по собачке ка-а-ак ударит (здесь слово ненормативной лексики. *— А. Проноза*) *ногой, а потом и говорит, вглядываясь вслед улетающей собачке:*

— Низко пошла, видать к дождю… Кстати, поручик Ржевский. Будем знакомы» [А40].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б39].

7. И, наконец, последняя функция — это *нормативно-моделирующая*. Она очень похожа на рассмотренную выше поведенческую функцию, но не совсем с ней совпадает.

Прослушивание эротических анекдотов становилось необходимым условием для усвоения соответствующих моделей межполового поведения и системы норм взаимоотношений полов в интимной сфере. Причем таких моделей можно выделить две.

Первая содержится в тексте самого анекдота. Она ориентирована на будущее и носит предписывающий характер. Суть ее заключается в том, что в любом эротическом анекдоте в упрощенной, игровой форме предлагается некая житейская ситуация и способ ее разрешения — простой и легкий. Это и есть определенная модель поведения, которую в будущем, должен будет реализовать повзрослевший ребенок в случае возникновения в его жизни похожей ситуации.

К сожалению, не все нормы, предлагающиеся к последующей реализации в будущем, носят позитивный характер.

Вот характерный пример (063):

«*В ресторане за столиком сидит красивая пара. К ним подходит подвыпивший мужчина, и, обращаясь к молодому человеку, говорит:*

— Молодой человек, у вас такая красивая девушка! Можно у вас попросить разрешения станцевать с ней один танец.

Тут вмешивается девушка и говорит:

— А почему вы меня не спросите об этом? Может, я с вами не хочу танцевать?

— А ты гавно сиди и молчи, когда мужчины разговаривают!» [А2].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Проза.ру» [Б144].

Комментарий:

Конечно, по современным меркам это мерзкий и гадкий анекдот. Его цель — пропаганда гендерного неравенства. Будучи подростком, я сам слышал ретрансляцию этого анекдота во взрослой среде, причем — разнополой. Мужчины при этом смеялись, а женщины, хоть и говорили «фу какой мерзкий анекдот», но тоже смеялись вместе с мужчинами.

Интересно, что подобная направленность анекдотов (моделирования будущего поведения) реализовывалась в анекдотах совершенно разной тематической направленности.

Например (064), в анекдотах о евреях:

«*Абрам и Сара лежат в постели. Абрам прицелился и смачно плюнул в потолок. Плевок повис — повисел, оторвался с потолка и упал и прямо в глаз Саре. Сара:*

— Абрам, если ты еще будешь делать, что-нибудь подобное скажи мне "Сара!" и я сразу спрячусь под одеяло.

Лежат они дальше. Вдруг Абрам восклицает:

— Сара!

Сара быстро спряталась под одеяло, а Абрам ка-а-ак пукнет!» [А14].

или в политических анекдотах (065):

«*Ленин говорил, что нужно обязательно иметь любовницу. Когда его спрашивали почему, он отвечал:*

— Любовнице сказал, что пошел к жене. Жене сказал, что пошел к любовнице, а сам на чердак и работать, работать, работать…» [А43].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б31].

Комментарий:

Эти два анекдота были услышаны мною в разное время при разных обстоятельствах. Первый — во дворе дома, где я жил, от дворовых мальчишек еще в середине 70-х гг. прошлого века, а второй во время учебы в военно-политическом училище в период, примерно, с 1981 по 1984 г.

Первый анекдот обыгрывает до абсурда смешную ситуацию. Не подлежит сомнению тот факт, что этот анекдот носит антисемитский характер и направлен на пропаганду в детской среде отрицательного отношения к евреям. На место Абрама и Сары в принципе можно было бы поместить представителей любой другой национальности или вообще не акцентировать на этом внимания, например «муж и жена лежат в постели…».

Второй анекдот носит исключительно профессиональный характер. Он ориентирован на воспитание чувства гордости за свою будущую военную профессию политработника, ради которой можно поступиться даже сексом. Более того, именно секс в этом анекдоте выступает фактором, стимулирующим работу, но не сам он, а именно его отсутствие, отказ от него!

Несмотря на внешнее тематическое различие, оба эти анекдота, связывает друг с другом гендерная составляющая. Она не бросается в глаза сразу, поскольку преподносится как само собой разумеющаяся истина. Но именно поэтому она и усваивается особенно прочно.

А вот еще один пример (066) подобного анекдота:

«*Мужик рассказывает, как он ходил на охоту и убил лань:*
— Надо дотащить ее до дома. Ну, я взял одну ногу и закинул себе на плечо.
Тут его перебивают и предлагают выпить. Выпили, и он рассказывает дальше.
— Взялся я за вторую ногу и закинул ее на другое плечо.
Тут ему опять предложили выпить. Выпили.
— Так на чем я остановился? — спрашивает рассказчик.
— Что ты обе ноги закинул себе на плечи — напоминают ему собутыльники.
— А, ну да — отвечает мужик — и как вдую ей по самые яйца!» [А38].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайтах «Анекдоты из России» и «Форум мужчины и женщины на ykt.ru» [Б36; 42].

Комментарий:

1. Есть предположение, что данный анекдот существовал в варианте, в котором главным героем был не какой-то абстрактный мужик-охотник, а поручик Ржевский.

2. Этот анекдот демонстрирует тотальную эротичность мужчины, его абсолютную маскулинность, которая даже в сравнении с таким чисто мужским занятием как охота (что может быть мужественнее, чем охота для мужчины?) имеет бóльшую значимость. Другими словами, если в реальной жизни, при определенных обстоятельствах охотником может стать даже женщина, то уж в половом акте альтернативы мужчине нет. Таким образом, этот анекдот преследует две цели:

Во-первых, демонстрирует тотальную эротичность повседневного мужского бытия.

Во-вторых, подчеркивает, что секс и эротизм имеют первостепенное значение для мужчины, а охота — это некая досуговая практика (хотя для древнего человека это было основное занятие, своеобразный аналог современной работы) занимающая подчиненное по сравнению с сексом положение.

Вторая модель ориентирована на настоящее время и обусловлена обстановкой рассказывания анекдота. Она, эта обстановка, обязывает мальчиков и

юношей быть активными, напористыми, уметь привлечь к себе внимание (пусть даже с помощью скабрезного анекдота и ненормативной лексики), а девочек и девушек быть пассивными — краснеть, улыбаться, говорить «фу», но при этом слушать, слушать и слушать.

Таким образом, предлагаемая модель будущего полового поведения, с помощью анекдотов подготавливается и закрепляется уже сейчас, в настоящем.

Подведем некоторые итоги. Конечно, предложенная классификация функций эротических анекдотов далека от совершенства. Некоторые из этих функций пересекаются друг с другом, и вычленить их по отдельности, вне зависимости друг от друга, представляется достаточно трудным занятием. Также и сами анекдоты. Не существует анекдотов, отражающих исключительно ту или иную функцию. Все они в той или иной мере, в большей или меньшей степени представлены в них. Однако главное заключается в том, что анализ перечисленных функций дает нам представление об эротических анекдотах как о сложном, многообразном явлении, игнорировать которое никак нельзя.

Реализация перечисленных функций на практике зависит от возраста детей и подростков, также как от возраста зависит и их понимание смешного и эротизма. В этом отношении можно выделить три временных периода.

Первый период условно можно отнести к раннему детству, когда дети самостоятельно пытаются конструировать смех. В это время смех и смешное чаще всего имеют анально-генитальные, а если быть точнее — фекально-экскреторные основания.

Вот характерный пример (067) из моего собственного детства:

«*В возрасте 4–5 лет* (*примерно 1967–1968 гг.*) *моя мать развеселила меня следующей рифмовкой: “Чучело-вонючело”. Мне было так смешно, что я на всю жизнь запомнил эту фразу*» [А66].

Еще пример (068), но уже из жизни моего собственного сына:

«*В трехлетнем возрасте мой сын, принес из детского садика нехорошее слово. Так как он не понимал его значения* (*а может быть и не расслышал его точно*)*, он модифицировал его в соответствии со своими знаниями о плохом и нехорошем. Этим страшным словом оказалось слово “перда”, причем именно так как тут написано. Нет необходимости говорить о том, какое это слово было на самом деле, но зато слова “пернуть” и “пукнуть” мой сын хорошо знал и модифицировал это неизвестное ему слово в соответствии со своими знаниями и лексиконом. Целую неделю мы с женой слышали это слово и к месту и не к месту, но не обращали на это внимание. А потом все прошло*» [А158].

А вот наблюдение американского гинеколога и сексолога У. Мастерса: «*В этом возрасте* (пять лет. — *А. Проноза*) *дети с увлечением узнают названия сексуальных органов, о которых они раньше ничего не слышали. Среди них начинают распространяться шутки о назначении гениталий и на другие половые темы, которые они сначала слышат от старших товарищей, а потом повторяют. Пятилетка может и не понимать шутки, но громко смеется* (*иногда невпопад*)*, чтобы скрыть это*» [Б157].

Итак, в структуре раннего детского эротического анекдота преобладает именно, анально-генитальная (точнее — фекально-экскреторная) тематика.

Какашки, письки, пуки — все это запретно, грязно, но смешно. Порой не совсем понятно, но все равно смешно. Что запретно — то также смешно. Смех — это преодоление страха перед запретом. Оглашение, перевод запретного в публичную сферу, сопровождается смехом. Но эротизма и секса в таких анекдотах еще недостаточно, в силу малого возраста рассказчика и самих слушателей. Это мы, взрослые, обремененные различными теоретическими и практическими знаниями, воспринимаем такие анекдоты как эротичные, а дети — нет.

Вот характерный пример (069) подобного анекдота, услышанного мною в детстве от дворовых мальчишек в возрасте примерно 6–7 лет (1969–1970 гг.):

«*Стоит мужик с барашкой на обочине дороги и голосует. Останавливается самосвал. Мужик просит, чтобы его подвезли. Но водитель говорит:*

— Хорошо, я тебя подвезу, только ты садись в кузов, а барашка в кабину (!?. — *А. Проноза*).

Ну, так и сделали. Пока они ехали барашка в кабине самосвала насрала, насрала… Приезжают они к месту назначения, мужик водителю и говорит:

— Таварищ автобаз, ваш Джопе — 3,14дорас» [А1].

Комментарий:

1. Кто кому говорил в этом анекдоте последнюю (ключевую) фразу: водитель мужику или мужик водителю, я уже точно не помню. Что это за слово такое, которое он говорит — мы тоже тогда не знали, но, несмотря на это, нам было очень смешно и весело. Наверное, поэтому мне и запомнился этот анекдот, по крайней мере, его заключительная часть.
2. Главное в этом анекдоте — последняя фраза. Мы бегали по двору и постоянно повторяли ее, причем достаточно громко, не понимая, что это ругательное, нецензурное слово.
3. Никого из нас не смущало, что в анекдоте водитель самосвала посадил мужика в кузов, а барашку в кабину. Такая алогичность была вполне допустимой ради смешной концовки.
4. В этом анекдоте использование примитивной рифмовки в сочетании с анально-генитальной грязью и употреблением незнакомых (а равно — запретных) слов из взрослого мира (о значении которых иной раз и спросить было неудобно, дабы не показать свою неосведомленность), как раз и порождает такой специфический детский юмор. Раз не понял — значит, ты маленький, а понял — значит, большой. Признак понимания — смех, следовательно, надо смеяться даже в том случае, если анекдот не понят. То есть смех порождается не самим анекдотом, а круговой реакцией: кто-то начинает смеяться первым, а за ним и все остальные, поддерживая его. И так по кругу.

А вот еще один анально-генитальный (точнее — фекальный) анекдот (070):

«*Поручик Ржевский танцует с Наташей Ростовой.*

— Ой! — говорит Наташа — Поручик, у вас на сапоге грязь.

— Это не грязь, а гавно! — отвечает Ржевский — Высохнет — само отскочит» [А36].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «anekdot.1002.ru» [Б191].

Комментарий:

В этом анекдоте слушателям, конечно же, ясно, над чем надо смеяться. Но при этом напомним, что смеяться надо обязательно, потому что смех — главный признак того, что анекдот понят, а точнее — понят его сексуальный подтекст.

Таким образом, половые различия мальчиков и девочек, различия в строении гениталий, в детской смеховой культуре вначале соотносятся с их экскреторной функцией и лишь потом, по мере взросления связываются с функцией репродуктивной. Процесс такой замены происходит плавно, постепенно и незаметно, потому что смена ориентиров с фекально-экскреторной тематики на эротическую происходит в анекдотах на фоне смеха. Именно смех маскирует такую замену. Неважно над чем смеяться, главное, что смешно. Не понятый сегодня анекдот будет понят завтра, спустя некоторое время, а пока надо смеяться вместе со всеми.

Поскольку в эротических анекдотах повествуется о взаимоотношениях взрослых, то априори, абсолютно понятыми они могут быть только взрослым. Поэтому, чтобы казаться взрослым, надо обязательно смеяться, даже в том случае, если смысл анекдота не совсем ясен и понятен.

Вот еще несколько примеров (071) подобных анально-генитальных анекдотов:

«*Стоит псих на крыше психбольницы и писает. Проходит мимо профессор. Увидел его псих и перестал писать. А как только профессор прошел — снова продолжил писать. Профессор вернулся и спрашивает:*

— А почему Вы, когда я мимо проходил, перестали писать?

— А я испугался. Вдруг вы меня за струйку с крыши сдерните?» [А7].

или (072):

«*Прибегает Петька к Василию Ивановичу и говорит:*

— Василий Иванович, пойдем что-то покажу.

— Ну, пойдем.

Приходят они в дальний окоп, и там Петька показывает Василию Ивановичу огромную кучу говна (тут рассказчик обычно разводит руки в стороны и показывает размеры этой самой кучи. *— А. Проноза*).

— Ух-ты! — говорит Василий Иванович — Ничего себе?! Это, наверное, какой-нибудь зверь насрал!

— А я, — говорит Петька — перед боем всегда зверею!» [А16].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Стихи.ру» [Б139].

Второй период.

По мере взросления, анекдоты сменяются на более откровенные, и понятные в эротическом плане. Подавляющее большинство из них совершенно не подходят для печатной публикации по этическим соображениям. Даже использование в них эвфемизмов не решает данной проблемы. Особенностью таких анекдотов является повышенное внимание к строению половых органов и их репродуктивному предназначению.

Вот характерный анекдот (073) из этой серии:

«*Во Франции решили провести конкурс, кто из женщин разных стран и национальностей громче писей свиснет…*»

Опустим пикантные подробности этого анекдота, укажем только на то, что конкурс выиграла Анка-пулеметчица при помощи Петьки, который залез туда, не будем говорить куда,

и оттуда свистел громче всех. Ключевая фраза из этого анекдота, после которой требовалось смеяться, была такова:

«*— Петька, вылазь, пошли подарки получать!*» [А19].

Как ни странно, подобные анекдоты появляются и имеют хождение именно в детской и подростковой среде. Отсутствие сексуального опыта, тайна, которой окутано строение женского тела (а равно и мужского), робость с одной стороны и желание казаться опытным и сведущим с другой, как раз и являются причиной появления таких анекдотов. И если в подростковой среде такой анекдот еще вполне уместен, то во взрослой среде уже не совсем, поскольку природа юмора в детских анекдотах несколько другая — сочетание вопиющей абсурдности ситуации и подсознательного стремления познать еще не познанное.

Для взрослых, смысл анекдота понятен, смешон, но не актуален и поэтому не ретранслируется далее. Для них более привлекательны анекдоты про неверных жен и мужей, любовниц и любовников, ревность и т. п. Такие темы, при всем интересе к ним с точки зрения осознания комичности описываемых ситуаций, для детей и подростков все же не столь актуальны. Генитальная специфика для них намного важнее. Конечно, во взрослых эротических анекдотах такая специфика тоже подразумевается, но на первый план все же выдвигаются социальные взаимоотношения и поведенческие ситуации, обусловленные этими различиями. Это именно то, что принято называть «тонкий юмор», в котором большее значение имеют ситуационные перипетии героев анекдота, их поведенческие и вербальные реакции, находчивость, умение выкрутиться из сложной ситуации.

Вот характерный пример (074) такого взрослого эротического анекдота:

«*Мюллер:*

— Штирлиц, вы русский разведчик — у вас красная майка!

— Нет, Мюллер, это вы русский разведчик, у вас красные трусы.

— А-а-а, вот вы и попались Штирлиц. О том, что у меня красные трусы знаю только я и русская радистка.

— Опомнитесь, Мюллер, и застегните ширинку» [А6].

Комментарий:

Этот анекдот был услышан мною в середине 70-х гг. XX в., когда я учился в школе. Его двойного смысла я тогда еще не понимал, полагая, что суть анекдота именно в находчивости Штирлица, который заметил расстегнутую ширинку у Мюллера. В том возрасте, в котором я тогда пребывал, за расстегнутую ширинку можно было подвергнуться насмешкам со стороны одноклассников или приятелей во дворе.

Однажды я рассказал этот анекдот дома, в присутствии гостей, и тем самым очень смутил своих родителей. Они не ожидали, что я расскажу такой анекдот и не знали, смеяться им или нет. И действительно. В той ситуации для взрослых было довольно трудно адекватно реагировать на этот анекдот, потому что они не знали — на каком уровне я этот анекдот понял и понял ли я его вообще?

Итак, в анекдотах свойственных второму периоду, происходит скрытое ознакомление с особенностями строения мужского и женского тела, объяснение половых различий, природы сексуальности и биологии пола, хотя и в несколько утрированном, комичном виде. Смущение и незнание ретушируются

смехом. Смех — защитная реакция, необходимая для сокрытия своей неосведомленности в половых вопросах.

Третий период характеризуется переносом смеховых акцентов на сферу взаимоотношений между полами (о чем мы частично уже говорили в предыдущем пункте). Фекально-экскреторная тематика первого периода и откровенная пошлость второго отходят на второй план, становятся неактуальными. На первый план выдвигаются, нюансы поведения участников анекдота, обусловленные их сексуальными желаниями. Здесь природа смеха и комичного совершенно иная. Подобные анекдоты широко распространены во взрослой среде. Они выглядят более пристойно, чем всякие письки, каки и пуки. В них практически отсутствует ненормативная лексика, а если она и присутствует, то при желании вполне может быть заменена на соответствующие эвфемизмы. Решение такой замены осуществляется взрослым рассказчиком индивидуально, исходя из особенностей обстановки и характера аудитории.

Вот характерный пример (075):

«*Пришел любовник к женщине. И тут вдруг заявляется муж из командировки. Что делать? Ну, женщина и говорит:*

— Давай я тебя обсыплю мукой, и ты статуей прикинешься.

Ну, так и сделали. Стал он в углу комнаты и стоит не шелохнувшись.

Увидел муж статую и говорит:

— А это что такое?

— А это я статую купила. Вон, Петровы из соседнего подъезда на прошлой неделе тоже купили. Чем мы хуже?

Легли супруги спать. Жена заснула, а муж тихонько встал, пошл на кухню, сделал бутерброд, заходит в комнату и к статуе:

— На, — говорит — поешь. Я знаю, что тебе трудно, ведь я точно так же у Петровых больше суток в углу простоял, чуть с голоду не подох» [А15].

Выше мы уже сказали, что особенности детских эротических анекдотов зависят от функций, которые они выполняют в детско-подростково-юношеской среде, а также от возраста рассказчика и слушателей. Но кроме перечисленных особенностей есть и другие. Прежде всего — это их маскулинный характер.

В своем большинстве эротические анекдоты имеют строгое гендерное ограничение. Традиционно именно мужчина является рассказчиком эротических анекдотов, а женщина — слушателем. Трудно представить ситуацию, в которой все было бы наоборот, т. е., чтобы женщина рассказывала пошлый анекдот, а мужчины слушали, восторгались или (о ужас!) — смущались. Именно поэтому рассказывание эротических анекдотов — прерогатива мужчины. В этом как раз и проявляется мужское активное начало. Эти рассуждения верны не только для взрослой, но и для детско-подростково-юношеской среды.

К сожалению, в силу вполне определенной половой принадлежности автора у него не было возможности выяснить процессы распространения эротических анекдотов в женской среде, особенно в детском и подростковом возрасте. Также остался не выясненным вопрос о том, какие именно анекдоты ретранслируются в женской среде, каким из них отдается предпочтение, каковы реакции на них слушательниц и как происходит сам процесс рассказывания — в каких условиях и при каких обстоятельствах. Также большой интерес

представляет вопрос о том, насколько это явление (рассказывание анекдотов) распространено и какова степень использования в них ненормативной лексики (мата и матерщины) при рассказывании. Что касается последнего, то, по всей видимости, можно предположить, что эта лексика одинаково используется как в мужской, так и в женской средах, но в условиях межполового общения реакции на них различны. Для мужчин — это изюминка, подчеркивание своей маскулинности. Для женщин — наоборот, через публично-негативное отношение к ненормативной лексике происходит демонстрация своей феминности — пассивности, слабости, готовности к подчинению, в том числе и в межполовых взаимоотношениях. К этому следует добавить определенную долю игры, театральности, которая предполагает показное «Фу!» к таким анекдотам вообще, и к ненормативной лексике в частности, при общей, тщательно скрываемой заинтересованности.

Итак, юмор, выраженный в анекдотах, помогает повысить свою самооценку, почувствовать себя бывалым, взрослым, создает иллюзию знания, поскольку смеяться можно только над тем, что знаешь. А над тем, что не знаешь разве можно смеяться? Смех рассматривается как первый и основной признак знания и компетентности. Неизвестность пугает, какая бы она ни была. Поэтому самый лучший способ компенсации страха — это юмор, высмеивание и обсмеивание ситуации. Раз смеешься, значит, знаешь, значит, ты осведомлен, и неважно, что в реальности это не так. Главное — демонстрация своей осведомленности через анекдот. Поэтому смех — это своеобразная маскировка страхов и неуверенности, и в первую очередь собственной неуверенности в сексуальной и эротической сфере. Именно поэтому существует так много анекдотов на эротическую и сексуальную тематику. Другими словами, их компенсаторное психологическое воздействие на личность представляется вполне уместным и доказанным.

По всей видимости, такие анекдоты являются не только своеобразной разрядкой психоэмоционального напряжения, но и вербальной компенсацией возможных, нереализованных действий эротического, сексуального характера. Вместе с тем этот последний довод нельзя считать полностью доказанным, так как не исключена вероятность того, что наоборот, именно пошлый анекдот в будущем может стать моделью для вполне определенного сексуального поведения. Однако в подростковом возрасте, нам представляется несомненным доминирование именно компенсаторной составляющей таких анекдотов. Возможность подталкивания, к тем или иным действиям под влиянием анекдотов может, по нашему мнению, стать причиной аномального поведения уже во взрослом возрасте, но никак не в подростковом. Поэтому здесь следует обращать самое пристальное внимание на изучение всего комплекса причин, которые приводят к такому поведению. Эротические анекдоты в этой цепочке причин будут лишь одним из звеньев, причем далеко не самым важным.

Глава 2.3. Речевые обороты эротической направленности: стишки, каламбуры, ослышки, оговорки, приговорки, загадки в системе сексуального самовоспитания

§ 2.3.1. Общая характеристика

Очень близко к детским эротическим анекдотам стоят различные речевые обороты — стишки, каламбуры, ослышки, оговорки, приговорки и загадки на сексуальную тематику. Границу между ними и анекдотами провести довольно сложно, поскольку и те и другие выполняют в сексуальном воспитании сходные функции (опять эти функции!).

Первую функцию можно обозначить как внешнюю, эмоционально-коммуникативную, а вторую как внутреннюю, когнитивно-социализирующую.

Внешняя функция довольно проста. Ее цель — рассмешить слушателей, разрядить обстановку, привлечь внимание окружающих к рассказчику.

Внутренняя — более сложная и представляет собой один из механизмов социализации (причем — скрытых), подразумевающих усвоение первичных, можно даже сказать — примитивных знаний о сексе и формах сексуального поведения.

Использование детьми и подростками эротических стишков, каламбуров, ослышек, оговорок, приговорок и загадок в своей повседневной речевой практике, а также переделка вполне пристойных и известных слов и словосочетаний в непристойные, как бы снимает негласный запрет на эротику и секс по крайней мере на вербальном, а точнее, — пока еще (до поры до времени) вербальном уровне.

Тем самым, все эти речевые обороты эротической направленности, создают некую предсексуальную среду общения, играют роль подготовки к серьезным отношениям в будущем. Они помогают справиться с волнением, робостью, застенчивостью и выработать адекватные способы реагирования на вербальные формы ухаживания, а точнее — формы внимания к сверстникам противоположного пола, в которых еще не прослеживаются серьезные мотивы и намерения, но в которых уже есть элемент грубой эротичности и прямолинейной сексуальности.

Функционализм таких стишков, каламбуров, ослышек, оговорок, приговорок и загадок заключается не столько в их смысловом содержании и сюжетном действии, сколько в общей эротической направленности текстов и публичной презентации этой самой эротичности. Другими словами, их содержание и смысл не важны, сюжетная линия — второстепенна, а то и вообще отсутствует. Главное — сама эротическая направленность текстов, их сексуальная ангажированность.

Рассмотренные в этой главе фольклорно-эротические артефакты представляют собой огромный и до последнего времени недостаточно исследованный пласт детской субкультуры. Их изучение наталкивается на достаточно серьезные ограничения, выражающиеся в невозможности их более-менее точной временной, возрастной и пространственной локализации, т. е. трудности,

закономерно возникающие при определении времени, места и причин их возникновения, не говоря уже об авторстве (хотя бы условном). Именно поэтому, те сведения, которые можно почерпнуть по данной теме в сети Интернет, не могут быть использованы в качестве достоверного и аутентичного источника информации в серьезном научном исследовании. И именно по этой причине автором были взяты за основу в качестве примеров собственные скудные воспоминания из своего собственного детства. Однако мы уверены, что у любого читателя, если он захочет покопаться у себя в памяти, найдется своя оригинальная подборка стишков, каламбуров, ослышек, приговорок, оговорок и загадок эротической направленности из собственного детства, которая дополнит представленные тут примеры.

Рассмотрим по отдельности все перечисленные в заголовке жанры устного самодеятельного творчества.

§ 2.3.2. Стишки эротического содержания

Среди жанров устного самодеятельного творчества стишки эротической направленности в системе сексуального самообразования детей, по всей видимости, занимают первое место. Это объясняется легкостью их восприятия и запоминания. Все стишки можно разделить на две большие группы

Первая — это образцы исключительно самодеятельного (добавим — анонимного) творчества.

Вторая группа — это т. н. стишки — переделки, которые в своей основе имеют некий литературный первоисточник, как правило, нейтральной эротической направленности.

Рассмотрим стишки из первой группы.

Прежде всего, следует отметить, что тематическое содержание стишков (а равно каламбуров, ослышек, оговорок, приговорок и загадок) зависело от возраста детей и подростков. Подобно анекдотам, наибольшее распространение в раннем детстве получали те речевые штампы, которые акцентировали внимание на анально-генитальной (а точнее — фекально-экскреторной) тематике. И лишь потом, по мере взросления, они плавно перетекали в область явного эротизма и сексуальности.

Вот пример (076) подобных, если так можно сказать, раннеэротичных фразеологических конструкций:

«*На́срана, на́срана мама разбудила*
Сраками, сраками супом накормила» [А76].

Комментарий:

Понятно, что в оригинале, данный стишок выглядел следующим образом:

«*Нас рано, нас рано мама разбудила*
С раками, с раками супом накормила».

Однако игра слов: «*нас рано — на́срано*» и «*с раками и сраками*» вызывала бурю восторгов. Оказывалось, что можно и так: буквы вроде бы те же, а смысл изменяется до неузнаваемости.

Еще один подобный пример (077):

«*Я срана начал умываться*» [А77].

Комментарий:

Несомненно, что в оригинале было «*с рана*», т. е. — утром рано.

И еще (078):

«*Мы пук, мы пук мы пук цветов нарвали.*
Насра, насра, нас радует весна» [А78].

Постепенно, по мере взросления ребенка, эротизм в таких фразеологических конструкциях занимает все больше места, замещая собой фекально-экскреторную тематику.

Например (079):

«*В рот я бу…, в рот я бу…, в рот я булочку кладу*» [Б258].

или (080)

«*Папе сде…, папе сде…, папе сделали прививку*
Прямо в ху..., прямо в ху..., прямо в худенькую спинку» [Б258].

А вот еще пример (081) такого специфического детского фольклора, почерпнутый из моего собственного детства:

В школе, помнится в восьмом классе (1978 г.), когда мы начали изучать биологию человека [Б248], среди учеников был в ходу такой стишок:

«*Я спросил себя однажды: почему я мальчик?*
Потому что между ног маленький бананчик.
Я спросил себя однажды: почему ты девочка?
Потому что между ног половая щелочка» [А130].

Комментарий:

Этот стишок желательно было декламировать в присутствии девочек, одновременно наблюдая за их реакцией. Именно в этом и был главный смысл стишка — не в тексте, а в фиксации реакции слушательниц и ее публичной оценке.

Теперь рассмотрим вторую группу — стишки-переделки. Они представляли собой пародии на известные образцы классической поэзии и популярные песни. М. Лурье, а вслед за ним И. Кон свидетельствуют о том, что «*Кажется, не было такого классика и такого литературного жанра, которых не спародировали бы непочтительные, наглые мальчишки:*

Я хожу по траве,
Босы ноги мочу.
Я такой же, как все,
Я едаться хочу.

Не ходи по траве,
Босых ног не мочи.
Ты такой же, как все —
Лучше сядь, подрочи.

Я х р е н достаю из широких штанин,
Твердый, как консервная банка.
Смотрите, завидуйте: я — гражданин,
А не какая-нибудь гражданка!

Во глубине сибирских руд
Жирафа шестеро д е р у т.
Трое в уши, трое в рот,
Добывают кислород» [Б135, с. 187; Б149, с. 151–161].

Примечание:

К сожалению, по этическим соображениям мы вынуждены изменить оригинальные слова на синонимичные эвфемизмы.

В таких стишках-переделках доминировала эротическая, сексуальная направленность видоизмененного текста и поэтому в них широко использовалась ненормативная лексика. Вот еще характерные примеры.

Пародия на стихотворение Ф. Тютчева «Весенняя гроза» (082):

В оригинале читаем:

«*Люблю грозу в начале мая*,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом» [Б231, с. 11].

Существовали следующие варианты-переделки этого фрагмента:

«*Люблю грозу в начале мая*,
Как е…анет из под сарая,
Кишки висят, на проводах
Скелет валяется в кустах» [Б300].

или двустишье:

«*Люблю грозу в начале лета*,
Один удар — и ты котлета».

Но мне лично был знаком, следующий вариант:

«*Люблю грозу в начале мая*,
Как 3,14зданет — и нет сарая» [А131].

Пародия на фрагмент романа в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин» (083):

В оригинале читаем:

«*Зима!.. Крестьянин, торжествуя*,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь» [Б196, с. 90].

Существовал следующий вариант-переделка этого фрагмента:

«*Зима, крестьянин торжествуя*,
Ведет коня за кончик… уздечки.
А у него из-под тулупа,
Торчит большая красная… рубаха» [А141].

Комментарий:

1. Этот стишок так и читался: где указаны троеточия, делались многозначительные паузы, а затем декламатор с хитрой ухмылкой проговаривал совершенно не то слово, о котором все могли подумать. Особое удовольствие доставляла ситуация, когда несдержанный слушатель называл то слово из ненормативной лексики, которое рифмовалось с текстом стишка. В этом случае декламатор его поправлял и стыдил за то, что он так нехорошо подумал об авторе стихотворения.

2. Особое удовольствие получали подростки от чтения этого стишка в присутствии девочек, наблюдая за их мимикой и вербальными реакциями.

Пример третий (084):

«*Стоит статуя в лучах заката*,
А вместо хрена торчит граната»

как вариант — *«лопата*» [А140].

Комментарий:

1. Естественно, что в данном фрагменте использовалась более экспрессивная лексика, которую мы по этическим соображениям не можем тут использовать.

2. Это фрагмент анекдота, причем довольно длинного и с политическим подтекстом [Б28; Б172]. По этой причине малышня не могла его запомнить полностью, но ключевая фраза в виде означенного двустишья прочно откладывалась в памяти за счет краткости, образности сравнения, использования ненормативной лексики и рифмованности.

Пародия на песенку коротышек из мультфильма «Приключения Незнайки и его друзей» (музыка В. Шаинского, слова Н. Носова) (085):

В оригинале читаем:

«*В траве сидел кузнечик, в траве сидел кузнечик*
Совсем как огуречик зелененький он был.
Представьте себе, представьте себе
Совсем как огуречик.
Представьте себе, представьте себе
Зелененький он был…».

Существовал следующий вариант-переделка:

«*Траве сидел кузнечик*
Дрочил свой огуречик
Туда-сюда обратно
Тебе и мне приятно.
Но вот пришла лягушка,
Блатная раскладушка…» [А133].

А вот еще один оригинальный, псевдолитературный образец эротического творчества в виде тавтограммы (086):

«*Однажды Отец Онуфрий Обходя Окрестности Онежского Озера Обнаружил Оголенную Ольгу.*

— *Отдайся, Ольга, Озолочу.*
— *Отойди, Отец Онуфрий, Ото Обоссу!*» ... [А122].

Примечание:

Один из вариантов этой тавтограммы есть в сети Интернет [Б54; Б119].

Комментарий:

Этот образчик эротического творчества использовался подростками для публичной декламации в присутствии девочек. Псевдолитературность как бы снимала запрет на публичную декламацию столь похабного текста. Ну, а кроме того, закономерно возникал вопрос о том, каким образом будет осуществлять Ольга свое намерение, в отношении Отца Онуфрия и нет ли тут каких-либо физиологических препятствий? Все это вызывало бурную радость, смешки и хихиканье мальчишек, над девочками.

§ 2.3.3. Эротические каламбуры, оговорки и ослышки

Кроме стишков, в детской и подростковой среде были широко распространены различные каламбуры, оговорки и ослышки на эротическую тематику.

Каламбур — это литературный прием с использованием в одном контексте разных значений одного и того же слова или разных слов или словосочетаний, сходных по звучанию [Б206, с. 59].

Ослышка — это переосмысление неверно разобранных со слуха слов. В случае, если исходный текст представляет собой известную песню или стихотворение, ослышка может приобретать популярность. Особенно часто переинтерпретирующие ослышки встречаются в восприятии детей, у которых словарный запас еще недостаточно велик, а некоторые грамматические конструкции еще не усвоены.

С точки зрения психоанализа, ослышки (так же, как и другие ошибки речевой коммуникации) могут свидетельствовать о бессознательных процессах в психической деятельности человека, доказывая существование вытеснения и образования замещения не только у невротиков, но и у вполне нормальных людей. Ошибочные действия, в том числе и ослышки, возникают в результате наложения друг на друга различных намерений. Их механизм сводится к тому, что одно из намерений подвергается вытеснению, и его реализация не допускается человеком. В результате этого оно проявляется в нарушении другого намерения [Б18].

Но ослышки, бытующие в детско-подростковой среде можно только условно назвать таковыми, поскольку в своем большинстве они порождаются не случайностью, а конструируются сознательно, специально, по аналогии с уже известными словами (как правило, ненормативной лексики).

Вот характерный пример (087) ослышки, причем сознательно сконструированной:

«*Горнолыжный спорт*» — «*порнолыжный спорт*» [А142].

Комментарий:

Естественно, что все понимали изначальный смысл сказанного, но сама возможность модифицировать известное словосочетание таким образом, чтобы оно изменило смысл, и появился некий сексуальный подтекст, было привлекательным забавным и, соответственно, будило воображение — каким именно должен быть этот самый «порнолыжный спорт». Обсуждение этого неведомого доселе вида спорта становилось темой отдельного разговора, с целью развеселить друг друга невиданными фантазиями.

Еще (088):

— *Бобслей можно было обозначить как бАбслей*,
— *Бадминтон как баБминтон*,
ну а
— *Бегемота и гиппопотама можно было переделать в ЕБемота и в ЕБИпотама.*
По аналогии:
— *Египтяне превращались в еБиптян*,
а
— *Баобабы в ЕБИбабы и т. д.* [А101].

Таким образом, поиск эротизма в обычных словах, словосочетаниях и фразах представлялся увлекательным занятием, представлявшим собой балансирование на грани «можно — нельзя», «допустимо — недопустимо».

Вот характерный пример (089):

«*Рассказывает моя супруга, которая работала преподавателем в Керченском судомеханическом техникуме.*
Двух студентов, которые толкались на перемене, один из преподавателей попытался урезонить возгласом:
— *Ну-ка перестаньте! Ишь, какие драчуны.*
Студенты перестали толкаться и начали громко смеяться, повторяя слово "драчуны". Вместе с ними стали смеяться и другие студенты, которые были свидетелями происшедшего» [А47].

Комментарий:

Наверное, нет необходимости говорить о том, почему слово «драчуны» вызвало смех у студентов. На лицо фонетическая ассоциация.

В подавляющем большинстве случаев детско-подростковое сообщество одобрительно относилось к подобным филологическим изыскам, поскольку они легитимировались смехом. Смех прикрывал собой и пошлость, и двойственность смыслов.

Еще пример (090):

Слово «естественно» можно было произнести не так, как оно пишется и читается, а исключительно в эротическом контексте, добавив букву «Б» — «еБстественно» [А139].

Комментарий:

При использовании таких слов — переделок важно было первым употребить их в устной речи при общении со сверстниками.

Разницу между каламбуром и ослышкой порой трудно уловить, потому что часто, в основе каламбура лежит именно ослышка.

Вот еще один пример (091) каламбура (ослышки), который был широко распространен среди младших школьников:

«*Если быстро говорить поезда, поезда, поезда… то получится 3,14зда*» [А74].

Комментарий:

Этот каламбурчик, как мы уже сказали, был популярен среди учеников начальной школы. Он привлекал неожиданностью концовки и некоторой невинностью. Ну как же, ведь я говорю одно слово, а получается совсем другое, даже очень неприличное. Это казалось настолько смешным, что на переменах все только и повторяли друг за другом эти самые «поезда — поезда». Причем в этом участвовали в равной степени, как мальчики, так и девочки. Они приставали друг другу с настойчивой просьбой: «*Скажи быстро поезда, поезда…*», а потом вместе хихикали над неожиданным результатом такого вербального эксперимента.

На этих примерах интересно рассмотреть процесс ретрансляции подобных стишков, каламбуров, оговорок, ослышек, приговорок и загадок в детском и подростковом сообществе.

Обычно появление нового фразеологического оборота закономерно вызывало у детей желание поделиться им со своими друзьями.

Время публичного существования каламбура (а равно стишка, оговорки, ослышки, приговорки, загадки) можно разделить на три этапа.

Первый — это, если так можно выразиться, прямая ретрансляция каламбура. Обладатель такого речевого штампа обходил всех своих знакомых и каждому пересказывал новомодную фигуру речи. Все это вызывало смех, улыбки, повышало настроение. Главным тут было — именно обойти всех, рассказать каждому знакомому, услышать ответный смех, и тем самым получить свою долю внимания и негласного одобрения.

Второй этап предполагал возникновение обратной ретрансляции. Суть ее заключалась в том, что приятель рассказчика, услышав от него новый каламбур, стремился пересказать его еще кому-нибудь и точно также как и первый рассказчик старался рассказать его как можно большему числу слушателей. В результате такой обратной ретрансляции, спустя некоторое время возникала ситуация, когда каламбур вновь возвращался обратно к первому рассказчику как к источнику информации. В этой ситуации он был вынужден снова его выслушивать (несмотря на то, что знал его раньше), чтобы опять вместе с уже новым рассказчиком вновь посмеяться над ним и получить от этого удовольствие. Этот процесс мог повторяться до тех пор, пока каждый из приятелей первого рассказчика повторно не перескажет ему услышанный когда-то от него же самого каламбур. Естественно, что этот этап был более продолжительным по времени. Другими словами, все дети (например, в школьном классе) должны были по одному разу пересказать друг другу один и тот же каламбур. При этом большое значение имел уже не столько сам текст каламбура, сколько сценические способности рассказчика и неизбежно возникающие модификации каламбура, которые отличались от первоначального варианта.

И, наконец, третий этап предполагал повторные пересказы каламбура друг другу. С этого момента начиналось снижение его популярности — он терял новизну и становился не интересным, Этот этап заключался не в том, что «не рассказывай, я знаю этот каламбур», а в том, что «я уже слышал его от тебя, ты мне его уже рассказывал». То есть услышать известный каламбур от других еще допускалось, но повторно от одного и того же человека — нет. Это и становилось главной причиной того, что каламбур плавно перемещался из вербально-публичной сферы в сферу индивидуального опыта, сохраняясь в памяти в виде приятного воспоминания. В этот период каламбур начинал использоваться не ради получения удовольствия от игры словами, а в соответствии с заложенным в него смыслом. То есть, закрепившись в памяти в результате многочисленных повторений, каламбур использовался уже применительно к возникающим (а главное — подходящим) житейским ситуациям, а не просто так, ради смеха. Кроме того, к этому времени на горизонте обычно возникал новый каламбурчик (ослышка, стишок, оговорка, приговорка, загадка), который привлекал внимание окружающих игрой слов и необычностью построения фразы.

Особенно ярко и полно данный механизм тройной ретрансляции происходил в начальной школе. Пересказывание друг другу новых фигур речи и фразеологических оборотов становилось настолько навязчивым, что порой занимало все время перемены между уроками, т. е. представляло собой один из способов времяпрепровождения и основную тему вербальной коммуникации детей. В таких условиях все три этапа существования каламбура могли проскочить один за другим в течение дня, а иногда наоборот, растягивались на достаточно длительное время.

Примечание:

В принципе, такой механизм был характерен и для ретрансляции анекдотов в детско-подростковой среде, но не всегда и не настолько сжато по времени как это происходило с каламбурами.

Главным в каламбурах был не столько эротический подтекст, сколько стремление получить одобрение со стороны сверстников, а также возможность повысить свое настроение, получить эмоциональную разрядку. Заложенный в текст каламбура эротизм обеспечивал максимально взрывной характер эмоциональности за то короткое время, которое предоставляла перемена между уроками. Это было особенно важно для школьников как своеобразный способ снятия психологического напряжения и стресса, вызванного сосредоточенной работой на уроке. Таким образом, все перечисленные ослышки, стишки, каламбуры, приговорки, оговорки, загадки в системе сексуального самовоспитания имели не только эротически-просветительное значение, но и служили своеобразной психосоциальной компенсацией негативных эмоций, возникающих у школьников в связи с учебным процессом.

Мы не можем точно утверждать, работает ли подобный механизм в детско-подростковой среде в настоящее время, но то, что в 70-е гг. XX века он существовал, нам представляется несомненным.

Во многих эротических каламбурах, ослышках, оговорках и загадках нужно было уметь угадать сексуальный подтекст. Подсказкой этому служила фонетическая ассоциация. Вот характерные примеры таких двусмысленных фраз.

Пример первый (092):

«*Ах, ты с-с-с-у-упа хочешь? А з-з-за л-л-лу-ком ты сходил?*» [А98].

Комментарий:

Наверное, читателю ясно и понятно, какие слова скрываются (слышатся) за протяжными «*с-с-с-у-упа*» и «*з-з-за л-л-лу-ком*».

Пример второй (093):

«*Кому не спится в ночь глухую?!*» [А108].

Далее предполагалось, что кто-то из слушателей поддержит шутника и в качестве имитации эха повторит несколько раз окончание фразы.

Комментарий:

Громкое произнесение этой фразы в присутствии взрослых, например, учителей, расценивалось в детско-подростковой среде как героический поступок. Не каждый мог отважиться на такое провокационное действо. Но и учителям наказывать детей за такие слова тоже было как-то не совсем удобно, ведь все вербальные нормы приличия были формально соблюдены. К тому же сам факт наказания ставил взрослого в неудобное положение, поскольку в такой ситуации, со стороны наказуемого вполне могли последовать вопросы: «За что, собственно?», «А что вы подумали?».

А вот еще один пример (094) такой двусмысленной фразы:

«*Избушка, избушка стань к лесу передом, а ко мне задом… и немножко наклонись*» [А137].

Распространенным приколом был следующий. Мальчики просили девочек перевести с русского языка на украинский предложение: «Воет черт (бес) на горе». В украиноязычном варианте эта фраза звучала довольно двусмысленно и даже неблагопристойно, особенно если проговаривать ее быстро, как скороговорку:

— *Вые бис на гори!* (фраза в русскоязычной транскрипции) [А135].

Все это доставляло мальчикам небывалую радость от смущения девочек. Заставить их покраснеть — было главной целью таких приколов.

§ 2.3.4. Приговорки эротической направленности

Под приговоркой мы будем понимать некую стандартную словесную формулу, констатационного характера, которая произносится применительно к определенной ситуации, действию, событию. Приговорка легко запоминается за счет краткости, рифмованности текста, гиперболизации, гротеска и эпатажности. Приговорка имеет нормативный характер, т. е. ее произнесение как бы завершает разговор (спор, обсуждение).

Вот характерный пример (095) детского микродиалога с использованием приговорки:

«*— Ой, я нечаянно.*
— За нечаянно — бьют отчаянно» [А109].

Комментарий:

После такого ответа даже и не знаешь, что еще сказать оппоненту в свое оправдание.

Существует огромное количество приговорок, имеющих смысловой отсыл к половым различиям и половым отношениям, а также с использованием ненормативной лексики (мата). Такие приговорки широко распространены среди взрослых.

Вот характерные примеры (096):

«*Не пришей к 3,14зде рукав*» [А128].

Комментарий:

Эта приговорка означает нелепую, бесполезную, находящуюся в ненадлежащем месте вещь, странное или бестолковое применение чего-либо, никчемного человека. Сходно по смыслу с пятым колесом в телеге при описании вещей и предметов, но имеет более выраженную экспрессивную окраску [Б256].

или (097)

«*Ни в 3,14зду, ни в Красную Армию*» [А144].

Комментарий:

Это загадка, отгадкой на которую является: «импотент с плоскостопием», т. е. мужчина, не годный ни к сексу, ни к службе в армии.

Со временем загадка стала самостоятельно существующей приговоркой безотносительно к разгадке, использующейся для характеристики никчемного, бесполезного человека.

или (098)

«*Тихо с3,14здил и ушел, называется — нашел*» [А148].

Комментарий:

Никем не обнаруженное воровство. Часто — воровство ненужной вещи, т. е. того, что плохо лежит.

или (099)

«*Ух ты ж — бздешь*» [А90].

Комментарий:

Ответная реплика на явное вранье и/или хвастовство собеседника.

или (100)

«*Нассы в глаза — скажет божья роса*» [А113].

Комментарий:

Непечатный вариант пословицы «Бесстыжему плюй в глаза, а он говорит: божья роса». В основе — суеверный обычай так называемого оплевывания против нечистой силы и обычай

русских плевать с этой целью через левое плечо, где, по суеверным представлениям, обычно появляется дьявол. Под «божьей росой» в пословице подразумевается дождь.

Значение:

1. Человек, не испытывающий чувства стыда, которого не смутит даже явно выраженное презрение; человек, который не обращает внимания на высказываемые в его адрес порицание, оскорбления, насмешки и продолжает вести себя по-прежнему.

2. Также о дураках и глупости [Б241].

3. Наивный, покорный, готовый на унижения человек [Б169].

Многие из подобных словесных формулировок перекочевывали из взрослого лексикона в лексикон детей и подростков. Их активное использование в речевых практиках можно признать своеобразным освоением взрослого жизненного мира. В силу этого они не всегда использовались к месту.

Вот характерный пример (101):

Примерно в возрасте 5–7 лет 1968–1970 гг. (*г. Евпатория*) *у нас, малышей, была в ходу такая приговорка:*

«*Если каждому давать — поломается кровать*» [А70], [Б96].

Комментарий:

Для взрослого, эротический смысл данной приговорки вполне очевиден. Но в то время, и в том возрасте, в котором я и мои сверстники тогда пребывали, ее эротический подтекст нами совершенно не воспринимался. Мы понимали ее буквально, поэтому приговорка активно использовалась в речевых практиках, в ситуации, когда надо было дать отрицательный ответ на просьбу о предоставлении какой-либо вещи (игрушки), услуги или одолжении.

Интересно, что взрослые не делали нам замечание по поводу публичного и громогласного употребления в разговорной речи этой приговорки. Они просто не обращали на это внимание.

А вот еще одна распространенная фраза из 70-х гг. XX в. (102):

«*Свисни в хер — и в нем есть дырка*» [А136].

Комментарий:

Вообще эта фраза традиционно означает недовольную реплику в адрес человека, пытающегося свистом обратить на себя внимание окружающих. Но в подростковой мальчишеской среде эта приговорка имела иной смысл — обвинение и/или укор приятеля за бессмысленную, никому не нужную работу.

§ 2.3.5. Эротические загадки в системе сексуального самовоспитания

Что касается эротических загадок, то они, в своем большинстве, были достаточно невинны. В них в принципе не было ни ненормативной лексики, ни запредельной пошлости. Подобные загадки были распространены не только среди школьников, но и среди детей дошкольного возраста.

Вот несколько характерных примеров (103):

Загадка, которую задавали друг другу мальчишки в школе:

«*Вопрос:*

— Почему у мужчины хер всегда на левую сторону болтается?

Ответ:
— Потому что древний человек во время охоты бежал за мамонтом, держа в правой руке копье, а в левой — хер, чтобы он не болтался и не мешал догнать зверя» [А94].

Комментарий:

После этих слов рассказчик обычно демонстрировал, как, по его мнению, все это происходило, — хватал себя левой рукой за мотню и, правой потрясая над головой воображаемым копьем, бегал по школьному коридору. Девочек при этом особо не стеснялись.

Еще примеры (104):

«*Вопрос:*
— Что у шахматиста в голове, а у женщины под платьем?
Ответ:
— Комбинация, комбинация!» [А146].

или (105)

«*Вопрос:*
— Что женщина надевает один раз в году и то на ходу?
Ответ:
— Новогодний наряд» [А147].

Комментарий:

Интересно, что отгадки подобных загадок требовали наличия взрослых знаний, если так можно их назвать.

Дело в том, что любой взрослый легко мог ответить на них, а вот ребенок и/или подросток — нет. Поэтому правильный ответ воспринимался как признак взрослости, а наличие специфического взрослого опыта, по идее, как раз и позволяло быстро и безошибочно ответить на вопрос (загадку).

И еще примеры (106):

«*Вопрос:*
— Как будет называться верблюд мужского пола?
Ответ:
— Верблуд.
— А женского?
Ответ:
— Верблядь» [А115].

или (107)

«Вопрос:
— Как будет называться лебедь мужского пола?
Ответ:
— Леблуд.
— А как женского?
Ответ:
— Леблядь» [А116].

Также в 70-е гг. XX века среди школьников были популярны микродиалоги в виде вопроса и ответа на него. Их нельзя признать полноценными загадками, потому что ответ на них нес скрытую смысловую нагрузку, с которой оба собеседника, априори, должны были быть хорошо знакомы.

В результате произнесение ничего не значащих фраз, на самом деле предполагало обмен скрытыми смыслами.

Вот характерный пример такого диаложка (108):

«Вопрос:
— Апэлсын хочэшь?
Ответ:
— Нэт! От твоых апэлсын жопа болыт» [А95].

Комментарий:

1. Этот диаложек обычно произносился с имитацией грузинского акцента. Под апельсинами подразумевались яйца, а под самой диалоговой ситуацией — предложение совершить анальный половой акт.

Вербализация диалога внешне была похожа на ситуацию произнесения пароля и ответа на него, как это принято в армии. Один подросток проговаривал первую часть фразы (вопрос), а второй, тот, к кому обращались, должен был среагировать соответствующим образом и дать ответ.

Все это, по идее, должно было продемонстрировать готовность к совершению полового акта, сексуальную осведомленность и якобы состоявшуюся взрослость разговаривающих.

Подобные диаложки часто использовалась в ситуациях, когда требовалась разрядка психологической напряженности. Рассказчик, при всем понимании завуалированного смысла текста, обычно не подразумевал реальность своего предложения совершить анальный половой акт. Поэтому, в своем большинстве, подобные тексты воспринимались как банальная игра слов.

Но, с другой стороны, некоторая эфемерная реальность подобного предложения все же присутствовала. Это был своеобразный тест на готовность подростка к гомосексуальным контактам — наивный, игровой, сильно завуалированный, но все же тест.

2. В 70-е годы XX века апельсины были дефицитным продуктом. Их можно было купить разве что только в крупных городах страны. Поэтому подобный диаложек подсознательно мог быть понят очень неоднозначно — и апельсин, и анальный половой акт были связаны общим свойством редкости, а выдающиеся вкусовые качества апельсина (мечта каждого ребенка в СССР) неявно переносились на анальный половой акт. Таким образом, желание каждого ребенка попробовать апельсин автоматически присваивалось и к анальному половому акту, который подспудно сравнивался с апельсином.

Так что здесь мы имеем завуалированную пропаганду гомосексуализма, которая неявно подготавливает детей и подростков к тому, что данная форма половых контактов вполне приемлема и допустима. А то, что «*жопа болыт*», так у апельсина кожура тоже невкусная.

Глава 2.4. Подслушанные разговоры взрослых как источник знаний о сексе и половых отношениях

Одним из важных источников информации о сексе у детей и подростков 70-х гг. прошлого века были подслушанные разговоры взрослых. Но здесь все зависело от круга общения, т. е. от тех взрослых, которые постоянно находились рядом с ребенком — их социального статуса, уровня образования, возраста, семейного положения, жизненного опыта, характера, темперамента, конкретной поведенческой ситуации и т. д.

Так, например, ненормативная лексика, услышанная детьми от взрослых, способствовала их раннему сексуальному взрослению, потому что неизменно порождала вопросы относительно смысла и значения употребляемых слов. Она будила воображение и фантазию, предлагая конкретные ситуации употребления этой лексики не только вне сексуально-эротического контекста (в котором обычно и употребляется эта лексика взрослыми), но и сам этот контекст, т. е. сами эротические ситуации, представленные с помощью ненормативной лексики.

Если не считать общения с родителями и родственниками, у каждого из детей был свой уникальный опыт соприкосновения с миром взрослых. Естественно, что он был стихийным и фрагментарным. Полученные в результате обретения этого опыта знания, представлялись наиболее достоверными и информативными, поскольку они, если так можно выразиться, исходили из первоисточника, т. е. непосредственно из взрослого мира, а не от «продвинутых» сверстников.

Но и здесь все было не так просто и однозначно, поскольку обсуждение взрослыми вопросов сексуальной тематики затрагивало в первую очередь те аспекты, в которых они сами порой были несведущи. То есть по сути, это был такой дискуссионный обмен информацией, которой не всякий взрослый мог обладать в полной мере. Естественно, что детьми, подобная информация (если она и достигала их ушей), воспринималась искаженно, как повседневная сексуальная практика взрослых, а не дискуссионный вопрос, требующий своего обсуждения и разрешения.

Попробую описать свой личный опыт такого невольного общения со взрослыми дядями, по вопросам пола и сексуальных отношений (109):

«*Весной 1979 г. когда мне исполнилось 16 лет, я был направлен на обследование от военкомата в кардиологическое отделение областной клинической больницы им. Н. А. Семашко в г. Симферополь.*

Кроме меня в палате лежало пятеро взрослых мужчин, после перенесенного инфаркта. Однако сей факт не мешал им рассуждать о сексе. Также не останавливало их и мое присутствие. Лишь иногда, кто-то из них восклицал типа, "кончайте болтать на эти темы, а то вон пацан лежит и все слушает".

В основном разговоры крутились вокруг вопросов контрацепции. Насколько я теперь понимаю, в то время эта проблема была для граждан нашей страны особенно актуальной.

Так, в качестве потрясающей новости, один из пациентов поведал остальным, что в Японии изобрели многоразовые презервативы, которые после применения можно мыть, сушить и использовать повторно!

В то время качество советских презервативов по сравнению с заграничными было крайне низким. Да и в продаже они не всегда были. Все это стало причиной возникновения мифа о том, что импортные презервативы настолько прочны, что их можно использовать несколько раз подряд.

Версия же о том, что советские презервативы были дороги, и поэтому использование многоразовых (*как у нас считалось*) *импортных презервативов с финансовой точки зрения было более выгодным, не выдерживает никакой критики. Пара отечественных презервативов стоила всего 4 коп. На самом деле это было очень дешево. Проезд в городском автобусе составлял 5 копеек, стакан газировки с сиропом стоил еще дешевле — 3 копейки, а без сиропа — 1 копейка* (*ну как тут ассоциативно не вспомнить пресловутую теорию "Стакана воды"*).

Второе, что я запомнил, это заявление одного из мужчин, о существовании специальных вспенивающихся противозачаточных таблеток. Эта новость повергла всех в шок и изумление, поскольку никто из больных о таких таблетках не знал, не видел и соответственно их не использовал. Да и сам рассказчик заявил, что он тоже всего лишь слышал о них от кого-то. Спустя несколько лет, повзрослев, я узнал, что такие таблетки действительно существуют и они называются "никоцептин". О них говорилось в брошюре Н. Ходакова "Молодым супругам" [Б240]. *Но, взрослые дяденьки об этой книжке не знали — в 70-е гг. XX в. она была библиографической редкостью.*

Еще один пациент рассказал, что существуют какие-то спиральки, которые вставляются "туда", но что они собой представляют, тоже никто не знал.

И все это были взрослые мужики, в возрасте от 40 до 60 лет, причем один из них, точно помню, был даже председателем крупного крымского колхоза» [А117].

Комментарий:

Причина таких разговоров в больничной палате стала мне понятна много позже. Дело в том, что в то время (по крайней мере, в 70-е г. XX в.) среди советских мужчин было распространено убеждение, что предохранение от нежелательной беременности — это проблема в первую очередь самой женщины, а мужчина (муж, любовник, партнер) к ней не имеет никакого отношения. Такой образчик невежества в вопросах половых отношений был вполне характерен для нашей страны той эпохи.

О том, что та или иная информация о сексе и интимных взаимоотношениях полов была почерпнута (услышана) именно от взрослых, детьми и подростками никогда не разглашалось. Знаю и все, а вопрос «откуда знаю» никогда даже и не ставился, потому что такое знание было эксклюзивным и привилегированным. Раскрытие источника информации как бы принижало его обладателя в глазах сверстников, поскольку подтверждало тем самым, что это знание получено не опытным путем, а от кого-то — случайно и/или нелегально (т. е. подслушано).

Кстати, именно отсюда и растут ножки (если так можно выразиться) у многочисленных историй о мужских победах над женщинами. Суть их — убедить других (и себя тоже) в своих выдающихся сексуальных способностях, которых в реальности, скорее всего и нет.

Глава 2.5. Секс и эротика в доступной художественной литературе

В своей книге «Сексуальная культура России: клубничка на березке» И. Кон отмечает, что в XIX веке «*Дворянские юноши, отцы которых имели приличные домашние библиотеки, жадно читали все, что имело хоть какое-то отношение к эротике. Пушкин скажет об этом в "Евгении Онегине"* (*глава 1, строфа IX*)*:*

Нас пыл сердечный рано мучит.
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.

Дворянское юношество пушкинских времен смаковало уже не только "Нескромные сокровища" Дени Дидро и сочинения французских "либертинов", но и похабные стихи Ивана Семеновича Баркова (*1732–1768*)» [Б135, с. 79].

Итак, в сексуальном и эротическом воспитании детей и подростков большое значение играла мировая литература. Что касается рассматриваемого нами периода, то здесь в первую очередь следует остановиться на художественной литературе, рекомендуемой школьной программой. Предназначенные для чтения и изучения произведения классиков, акцентировали внимание не столько на эротизме и сексе, сколько на нравственных аспектах взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Самого секса и эротики в них практически не было. Он лишь подразумевался, угадывался, но и этого было достаточно для возбуждения эротических фантазий у сексуально озабоченных подростков.

Вообще, мировая художественная литература дала много прекрасных описаний взаимоотношений мужчин и женщин, в том числе и в интимной сфере. Сила художественного слова такова, что, перечитывая написанное классиками, мы как бы невольно становимся участниками описанных ими событий, переживаем те же самые чувства, что и герои литературных произведений. Что же касается именно русской классической литературы XIX в., то она, как авторитетно констатирует И. Кон «*создала исключительно яркие и глубокие образы любви. Созданный Пушкиным "язык любовных переживаний"* (*Анна Ахматова*) *позволял выразить тончайшие оттенки и нюансы любовных чувств*» [Б135, с. 84].

С точки зрения темы нашего исследования это свойство классической литературы представляется нам очень важным, поскольку именно через нее читателям, особенно молодого возраста, прививается некий эталон того — как нужно (а равно, как нельзя) действовать и поступать в тех или иных жизненных обстоятельствах и житейских ситуациях. Более того, даже не то, как действовать, а, как и что чувствовать и переживать. То есть другими словами, наряду с эталоном поведенческим, художественная литература предлагает нам эталон нравственный, чувственный, который в силу таланта писателя обретает некую стандартизацию. Ее суть заключается в том, что любой читатель, вне зависимости от уровня образования, социального положения, житейского опыта и т. д. испытывает одинаковые чувства, читая один и тот же фрагмент литературного произведения. Таким способом, классическая

литература учит нас какие чувства надо испытывать (возбудить в себе) в соответствии с возникшей житейской ситуацией, ранее описанной автором в своей книге. С точки зрения развития сексуальности это представляется очень важным, поскольку заставляет обдумывать и переживать возможные будущие, виртуально моделируемые ситуации, навеянные чтением литературного произведения. В будущей реальной жизни, подобные переживания будут как бы автоматически воспроизводиться, при условии их сходства с аналогами житейских ситуаций в которые попадали литературные герои.

Механизм воздействия художественного текста на развитие сексуальности достаточно подробно описал в своей книге американский гинеколог и сексолог У. Мастерс. Он, в частности, пишет:

«*Один из распространенных вариантов сексуальных фантазий можно определить как старые, хорошо знакомые рассказы. Первоисточником такой фантазии, если его вообще можно отыскать, может быть книга, кинофильм или реальное событие. Когда такого рода фантазия кажется приятной, удобной и легко вызывает возбуждение, человек возвращается к ней вновь и вновь*» [Б157, с. 337].

И далее:

«В большинстве случаев фантазии служат способом предвидеть предстоящее событие и подготовить себя к тому, что следует ожидать и как действовать. Эта функция сексуальных фантазий очень важна, особенно в юности, а также для людей с ограниченным сексуальным опытом. Возможность представить самого себя в процессе конкретной эротической активности (*например, при орально-генитальном сексе*) *позволяет предвидеть некоторые проблемы, которые могут возникнуть. Проигрывая в своих фантазиях какую-либо сцену несколько раз, человек может придумать, как свести к минимуму сложности, и даже способен частично избавить себя от ощущений неловкости, смущения или удивления. Конечно, когда фантазия претворяется в действительность, может оказаться, что реальное событие значительно отличается от воображаемого. Тем не менее, использовав фантазию в качестве репетиции, человек чувствует себя спокойнее и увереннее*» [Б157, с. 340].

Итак, наибольшей силой воздействия на личность в детском и подростковом возрасте имеют эротические фрагменты литературных произведений. Степень их откровенности может быть самой разной, но именно они помогают выстроить подростку вероятностную модель своего собственного поведения с представителями противоположного пола в будущем. Таким образом, определенную дозу эротики и реальных жизненных примеров межполовых отношений давала классическая литература. Но степень ее влияния на детей и подростков была различной. Рассмотрим, какие же факторы влияли на восприятие подростками эротических фрагментов из художественной классики.

Во-первых (как мы уже говорили выше), следует отметить произведения школьной программы. И хотя эротизма в них было мало, вместе с тем, отдельные запоминающиеся моменты не ускользали от внимания любознательных школьников и давали пищу для размышлений. Конечно, откровенной эротики тут не было, но интим, все же присутствовал.

Например (110):

Поразительным было окончание романа Л. Толстого «Война и мир», где автор сравнивает Наташу Ростову с самкой.

«*Наташа вышла замуж ранней весной 1813 года, и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она страстно желала и теперь сама кормила. Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка*» [Б228, с. 499].

Еще фрагмент:

«*Наташа, напротив, бросила сразу все свои очарованья, из которых у ней было одно необычайно сильное пение. Она оттого и бросила его, что это было сильное очарованье. Она, то что называют, опустилась. Наташа не заботилась ни о своих манерах, ни о деликатности речей, ни о том, чтобы показываться мужу в самых выгодных позах, ни о своем туалете, ни о том, чтобы не стеснять мужа своей требовательностью. Она делала все противное этим правилам*» [Б228, с. 499].

Комментарий:

Все это было печально и вызывало у юных читателей негодование автором, особенно после дополнительного просмотра фильма, в котором роль Наташи блестяще сыграла утонченная Л. Савельева.

Сексуально озабоченному советскому школьнику было невозможно представить Наташу Ростову в виде «*опустившейся*» «*плодовитой самки*».

Еще пример (111):

Особой популярностью пользовался небольшой фрагмент из «Истории одного города» Н. Салтыкова-Щедрина, где говорится следующее:

«*Микаладзе, князь, Ксаверий Георгиевич, черкашенин, потомок сладострастной княгини. Имел обольстительную наружность и был столь охоч до женского пола, что увеличил глуповское народонаселение почти вдвое. Оставил полезное по сему предмету руководство. Умер в 1814 году от истощения сил*» [Б205, с. 39].

Комментарий:

Изучение этого произведения приходилось на старшие классы, т. е. на тот период жизни подростков, когда взрослыми считалось, что дети в этом возрасте уже все знают о взаимоотношениях полов и что на этом можно не заострять внимание, разве что только вскользь, как это и сделано у Н. Салтыкова-Щедрина. Хотя на самом деле, реальная информированность подростков в этом возрасте была на более низком уровне по сравнению с тем, что им приписывалось взрослыми.

Естественно, что чтение данного фрагмента вызывало дикий восторг у учеников и последующие изустные пересказы друг другу, сопровождавшиеся хихиканьем, подмигиваниями и характерными междометиями.

Во-вторых, это степень доступности тех или иных художественных произведений, не относящихся к школьной программе. Хорошие книги в то время в стране были большим дефицитом и не все из них доходили до массового читателя.

Например (112):

Большое впечатление произвела на меня в подростковом возрасте сцена подразумевающегося изнасилование немецкими солдатами главной героини романа А. Чаковского «Блокада»:

«*Горечь, отчаяние, отвращение к себе овладели Верой. Она не могла спать, потому что, как только закрывала глаза, все начиналось сначала. Ее слепил пронзительный луч фонарика, она ощущала на своем лице зловонное дыхание немца… Вера в ужасе вскакивала. Ей хотелось уйти, убежать от самой себя, сбросить собственную кожу, которая была ей теперь ненавистна, потому что к ней прикасались те руки…*» [Б249, с. 647].

Комментарий:

В данном фрагменте в принципе ничего сексуального и эротичного нет. Но возможность домысливания того, что произошло с главной героиней, подталкивало воображение читателя в соответствующем направлении.

В-третьих, это возрастная готовность к чтению и восприятию художественных произведений, ведь выбранную книгу надо было перечитать всю, чтобы найти в ней некий, до поры до времени скрытый интимный фрагмент, который потом надо было еще осмыслить и интерпретировать.

Влияние чтения на развитие эротизма и сексуальности отмечают многие авторы, работающие в этой области.

Вот характерный пример (113), отмеченный У. Мастерсом в своей книге:

«*Мужчина, 28 лет. Впервые я ощутил явное сексуальное возбуждение в 12 или 13 лет при чтении книги сексуального содержания. Я прятал эту книгу от родителей и закладывал "интересные места" бумажками. Вероятно, я перечитал все это тысячу раз.* (*Из картотеки авторов*)» [Б157, с. 325].

Итак, фрагменты литературных произведений, в которых присутствовала хоть какая-то эротика, зачитывались до дыр.

Вот еще характерное свидетельство (114), уже нашего соотечественника:

«*В романе А. Фадеева "Молодая гвардия"* (*глава 31*)*, например, была сцена, где фашисты перед отправкой на работу в Германию раздевали догола комсомолку Валю Филатову. Так вот в нашей школьный библиотеке книга сама сразу открывалась на нужной странице, которая была зачитана чуть ли не до дыр… Все остальное читалось с явным пренебрежением к сюжету…*» [Б294].

Комментарий:

Вот тот самый фрагмент, о котором упоминает блогер Maxilla-k.:

«*Перед ней стоял немец в военном мундире, упитанный, с гладко прилизанными на прямой пробор серо-рыжими волосами. Несмотря на то, что он был в мундире, он был в жлтых кожаных трусиках и в коричневых чулках, с голыми коленками и обросшими волосами, как шерстью. Он бегло и равнодушно взглянул на Валю и закричал:*

— Раздевайт! Раздевайт!

Валя беспомощно повела глазами. В комнате, за столом, сидел еще только немецкий писарь, возле него стопками лежали старые паспорта.

— Раздягайся, чуешь? — сказал немецкий писарь по-украински.

— Как?... — Валя вся так и залилась краской.

— Как! Как! — передразнил писарь. — Скидай одежду!

— Schneller! Schneller! — отрывисто сказал офицер с голыми, обросшими волосами коленями. И вдруг, протянув к Вале руки, он чисто промытыми узловатыми пальцами, тоже поросшими рыжими волосами, раздвинул Вале зубы, заглянул в рот и начал расстегивать ей платье.

Валя, заплакав от страха и унижения, быстро начала раздеваться, путаясь в белье.

Офицер помогал ей. Она осталась в одних туфлях, Немец, бегло оглядев ее, брезгливо ощупал ее плечи, бедра, колени и, обернувшись к солдату, сказал отрывисто и так, точно он говорил о солдате:

— Tauglich![*]

— Пачпорт! — не глядя на Валю, крикнул писарь, протянув руку.

[*] *Годен!* (*нем.*).

Валя, прикрываясь одеждой, всхлипывая, подала ему паспорт.

— Адрес! — Валя сказала.

— Одягайся, — мрачно и тихо сказал писарь, бросив ее паспорт на другие. — Будет извещенье, когда являться на сборный пункт» [Б234, с. 318–319].

Как видим, по современным меркам ничего особо эротичного и сексуального в этой сцене нет. Но тогда, в 70-е гг. прошлого века, а может и еще раньше, т. е. в то время, когда писался роман, эта сцена в воображении людей представлялась очень сильной, ввиду именно той смеси эротики и цинизма, чистоты и грязи, невинности и порока, которые в ней присутствуют. Но что касается непосредственно подростков, то в их воображении, цинизм отходил в сторону, уступая место дефицитной на то время эротике. Вот этого-то, по всей видимости, А. Фадеев и не учел.

То, что А. Фадеев обозвал «*желтыми кожаными трусиками*» скорее всего, были тирольские шорты — национальная одежда баварцев и тирольцев. В СССР шорты считались детской одеждой, и ношение их мужчинами, мягко говоря, не приветствовалось и вызывало всеобщее осуждение. Показывать голые мужские ноги, тем более, выше колен, считалось верхом неприличия (даже в то время, когда женские мини юбки уже завоевали всеобщее признание). Именно по этой причине А. Фадеев несколько раз в данном коротком фрагменте акцентирует внимание читателя на голых коленках оккупанта, тем самым пытаясь показать антисексуальный образ врага:

— немец был «*…в коричневых чулках, с голыми коленками и обросшими волосами, как шерстью*».

— «*…офицер с голыми, обросшими волосами коленями*».

Ну а тот факт, что А. Фадеев обозвал шортики трусиками, а гетры или гольфы — чулками, давало читателям пищу для размышлений о возможных сексуальных девиациях «*немца в военном мундире*».

Наиболее желанными для широкого круга эротически озабоченных читателей, в том числе и подростков, в то время были «Милый друг» Г. Д. Мопассана, «Яма» А. Куприна, «Странники» В. Шишкова и «Соленая купель» А. Новикова-Прибоя. Все эти книги были и в нашей семейной библиотеке. Мои родители прятали их от меня, но я все равно читал их, когда родителей не было дома. Интересно, что главным поборником моей нравственной чистоты была именно мать, а книги она прятала от меня в… ногах своей постели, наивное полагая, что это самое надежное место, куда я не догадаюсь добраться. Кстати, выбранное место было довольно символично для литературы подобного рода. И пусть читатель извинит меня за разглашение столь интимных подробностей.

Но книги Г. Д. Мопассана надо было еще поискать. В школе его не проходили, впрочем, как и всю зарубежную литературу. А в библиотеках наиболее читабельные книги на руки не выдавали — их можно было прочитать только в читальном зале, потому что в стране советов был ужасающий книжный дефицит. Естественно, что Г. Д. Мопассана можно было взять почитать только там, но такая перспектива не устраивала большинство подростков, потому что публичное чтение интимных по своей сути произведений (или их фрагментов) вызывало чувство дискомфорта и неловкости, да и сама официальная обстановка читального зала не слишком благоприятствовала подобному чтению.

От себя могу добавить еще пару-тройку сцен из художественных произведений, поразивших мое тогдашнее подростковое воображение.

Например (115), соответствующий фрагмент романа Г. Д. Мопассана «Милый друг»:

«*Три четверти крошечной спальни заполняла огромная кровать, эта необходимая принадлежность меблированных комнат; погребенная под красным пуховым одеялом в подозрительных*

пятнах, отделенная тяжелыми голубыми занавесками, тоже из репса, она стояла в глубине и занимала всю стену» [Б170, с. 44].

Комментарий:

Это была самая эротическая сцена, которая мне запомнилась. По современным меркам ничего эротичного в ней нет. Но суть не в ней, а в воображении, в том, что именно я мог додумать, представить и вообразить.

Именно с этими, воображаемыми образами как раз и боролись многие родители подростков. Главным в литературных произведениях было не изображение секса (которого, впрочем, как такового в них не было и в помине), а активизация воображения читателя. У вдумчивых читателей, каковыми и являлись подростки, возникала реальная возможность управлять своим воображением на основе первоначальной актуальной информации, полученной из книги. Нет стимула в виде соответствующего литературного произведения — нет и воображения.

Но не все стимулы из литературных произведений получалось «просчитать» и проконтролировать взрослым, а те из них, что было можно, подвергались обязательной рецензии: определялись возможности и степень их влияния на подростков и принимались соответствующие решения. Естественно, что многое тут зависело от уровня образованности и начитанности родителей, а также свободы доступа к массиву художественной литературы.

Такой ограничительный механизм срабатывал не только на уровне отдельно взятой семьи, но и на более глобальном уровне, захватывающем все общество. В результате государство невольно втягивалось в систему семейного сексуального просвещения посредством контроля за ассортиментом и содержанием художественной литературы, а точнее, ее дозированием для массового чтения. И этот процесс осуществлялся не директивно сверху, а как бы сам по себе, как некая невысказанная поддержка мнений и чаяний большого числа взрослых людей — родителей детей.

В описанном выше случае, подозреваю, что моя мать исходила из своего собственного подросткового опыта ощущений и воображений, мысленно экстраполировала их на меня и принимала соответствующее запретительное решение.

А вот еще несколько фрагментов уже из романа А. Новикова-Прибой «Соленая купель» (116):

«*С первых дней китаец Чин-Ха работал во время своей вахты в одних брюках, по пояс голый, а потом, несмотря на прежнюю жару в кочегарке, почему-то начал надевать синюю рабочую рубаху. В голосе у него послышалась нехорошая сипота. Веселый от природы, постоянно улыбающийся, относившийся к этому рискованному рейсу спокойнее других, он вдруг стал угрюмым. Узкие раскосые глаза его налились тревогой, плоское лицо приняло выражение постоянной сосредоточенности. Он мало ел, хирел с каждым днем и, обессиленный, плохо выполнял свои обязанности. Только не уменьшалась жажда: работая у топок, он вместе с другими кочегарами часто прикладывался к дудочке большого чайника. Кроме того, у него появилось желание мыться в бане после всех — в одиночестве.*

Как-то утром, после завтрака, на одной из вахт, когда только что спустились в кочегарку, Домбер обратился к китайцу:

— Что с тобою, Чин-Ха?

От неожиданного вопроса китаец вздрогнул, как будто его застигли врасплох во время преступления. Он вскинул на Домбера пугливый взгляд. А тот стоял рядом, огромный и неуклюжий, как вздыбившийся зверь, и сурово сверху вниз смотрел на него, ожидая ответа.

Китаец растерянно пролепетал:

— Моя мало-мало заболел.

— Чем?

— Моя не знает.

— Врешь! Скрываешь свою болезнь!

Китаец упорно настаивал на своем.

— Моя не знает.

Домбер повелительно гаркнул:

— Раздевайся!

У китайца испуганно заметались глаза. Он попятился к выходу из кочегарки, но Домбер схватил его за грудь.

— Стой!

И, приподняв на воздух, тряхнул, как пустой угольный мешок.

Чин-Ха пронзительно взвизгнув и, выбрасывая ругань на своем языке, начал раздеваться.

Вся спина и весь живот оказались у него в мелких красных прыщах.

Домбер, словно врач, осмотрел все части его тела, заглянул ему в рот, а потом свирепо заявил:

— Пьешь воду вместе с нами, гадина! Если успел кого заразить, я из тебя утробу выверву. Запомни это, Чин-Ха! А пока одевайся» [Б174, с. 384–385].

Дальнейшая судьба бедного китайца была незавидна.

«…на трапе появился Чин-Ха. На шлюпке сразу все притихли, испуганно подняв вверх головы. На верхней площадке трапа стоял голый живой труп, вращая воспаленными глазами. Вырвавшись из полусумрака, он, вероятно, плохо видел, ослепленный солнечным блеском. Все тело его было в язвах, в багровых опухолях, в болячках, истекающих сукровицей и гноем. Лицо превратилось в ужасную маску, покрытую серыми корками, красными рубцами, с провалившимся носом, с распухшими губами. Он наполовину сгнил, но в нем все еще трепетала страдающая жизнь, и она, словно с того света, подала гнусавый и сиплый голос…» [Б174, с. 490].

Комментарий:

Эта сцена будила воображение и порождала страх перед венерическими заболеваниями. Этот страх (наряду с угрозой незапланированной беременности) был одним из основных сдерживающих факторов к обретению реального сексуального опыта. И этот страх исподволь популяризировался родителями детей, в том числе и с помощью художественной литературы.

В данном случае мы обнаруживаем наиболее полное сочетание опасений родителей с одной стороны и художественно-эротического натурализма автора с другой.

Второй фрагмент из этого же произведения (117):

«*Она скрылась за ширмой, но через несколько минут вернулась в одном сером пеньюаре.*

— Милый моряк мой! — ласково прозвучало в ушах Лутатини.

Он поднял голову, отяжелевшую от вина и мрачных образов, и увидел смуглую итальянку, полнотелую и соблазнительную, словно сошедшую с фламандской картины. Пеньюар распахнулся, две черные косы спускались на радостно обнаженную грудь. Синта призывно улыбалась, словно подстрекая его пойти на приступ. Что-то новое и неизведанное вспыхнуло в нем, взбудоражило кровь и сладостной дрожью пробежало по нервам. В одно мгновение он понял, что никакими религиозными нравоучениями, никаким страхом нельзя было укротить бунт молодого тела. Желание скорее схватить и смять эту доступную женщину заполонило его всего…» [Б174, с. 543].

Итак, большая часть всей доступной эротической, а точнее — околоэротической литературы (если ее так можно назвать) была осуждающего типа, хоть и талантливо написанная. Но реального секса и эротики — таких, которые

привлекали и будили чувственность и нежность, в ней было мало. Скорее всего, доминирующим было чувство отвращения, опасности или разочарования, типа — вот к чему может привести секс.

Пример (118):

«*В середине ужина князь Андрей облокотился и, как человек, давно имеющий что-нибудь на сердце и вдруг решающийся высказаться, с выражением нервного раздражения, в каком Пьер никогда еще не видал своего приятеля, начал говорить:*

— Никогда, никогда не женись, мой друг; вот тебе мой совет: не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно; а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись стариком, никуда негодным… А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого. Все истратится по мелочам. Да, да, да!» [Б227, с. 39].

Итак, в литературно-художественных описаниях интимных сторон жизни взрослых, чаще всего доминировал негативный контекст. Любовь и эротичность, любовь и секс не увязывались друг с другом, а наоборот — противопоставлялись друг другу. Любовь представлялась неким платоническим явлением, а все что касалось эротики и секса высвечивалось в негативном свете. Но другого чтива для подростков в то время, попросту не существовало.

В результате получалось, что эротический, чувственный контекст литературного произведения (какой бы он ни был по направленности — восторженно-возвышенный или осуждающе-приземленный) был более востребованным и во многих случаях по своему значению и влиянию на детей и подростков перевешивал контекст социальный.

Ну а возможности подростков по поиску соответствующих эротических фрагментов в литературных произведениях наталкивались или на несоизмеримость затрачиваемых для этого сил и ресурсов или наоборот, становились навязчивой идеей, ограничиваемой разве что общим дефицитом художественной литературы в стране. По этой причине, каждый подросток выстраивал для себя свою собственную, оригинальную картинку интимных отношений взрослых, как совокупность множества ранее прочитанных и интерпретированных им фрагментов литературных произведений.

Глава 2.6. Печатная продукция и сексуальное самовоспитание в СССР

Поскольку секс и сексуальность представляли собой одну из наиболее заманчивых и тайных сторон жизни взрослых, дети и подростки стремились найти и познакомиться с любой легально существующей информацией об этой сфере жизни людей.

Кроме анекдотов, каламбуров, загадок, стишков, приговорок, оговорок и ослышек, о которых мы уже говорили выше, одним из источников сексуального самовоспитания детей и подростков была скудная печатная продукция. В описываемый период ее катастрофически не хватало, а та, что имелась в наличии, в основном ориентировалась на взрослую аудиторию.

Однако так было не всегда. В истории нашей страны был короткий период, когда сфера сексуальных взаимоотношений была до предела публичной. Эта публичность обеспечивалась в первую очередь именно печатной продукцией и ее доступностью для широкого круга читателей:

– Бурлаков, И. Г. Как должны жить муж с женой. — Харьков, 1927 [Б63];

– Голомб, Я. Д. Половая жизнь нормальная и ненормальная. — Одесса, 1927 [Б81];

– Файнгольд, Л. И. Онанизм, его причины, последствия и меры борьбы с ним. — Одесса, 1927 [Б235];

– Халецкий, А. М. Половое влечение и его сущность. — Одесса, 1927 [Б237] и др.

Потом наступил длительный период, который характеризовался почти полным отсутствием любых публикаций об интимных взаимоотношениях полов. Причем подобное положение сложилось не только в сфере массовой литературы, но и литературы научной.

В 50-е — 60-е гг. XX в. «*появились более или менее примечательные публикации по медицине пола* (*см.: Васильченко 1956* [Б66]; *Свядощ 1967* [Б208])*, и криминалистике* (*см.: Шаргородский 1953* [Б252]*; Андреева 1960* [Б20])*, а к середине столетия находим и первые обобщения социологов»* (*см.*: *Кон 1966* [Б133]; *Голод 1968* [Б76]; *Харчев, Голод 1969* [Б238])» [Б79, с. 83].

Согласно авторитетному утверждению известного российского социолога С. Голода, «*из 73 публикаций по социальным проблемам сексуальности, вышедших в течение 1960-х гг., 35 были посвящены вопросам полового воспитания детей и подростков*» [Б79, с. 84].

Но все это, повторимся, была научная литература, далекая от массового читателя и ориентированная на взрослых — педагогов, медицинских работников, родителей и т. д. Найти и почитать ее рядовому гражданину нашей страны, не говоря уже о детях и подростках, было крайне трудно. И. Кон свидетельствует:

«*Почти вся сексологическая литература лежала на спецхране вплоть до 1987 г. Администрация библиотек «бдела» еще больше цензоров. Марк Поповский вспоминает, что в Ленинской библиотеке, ему, врачу по образованию и известному писателю, отказались выдать сочинения Фрейда*» [Б135, с. 172].

И далее:

«*Да что там Фрейд! Советские книги по сексопатологии в научных библиотеках — в обычных библиотеках таких книг вовсе не было! — не выдавались даже врачам без специального письма с места работы, удостоверявшего, что товарищ занимается именно сексопатологией, а не просто удовлетворяет свое нездоровое любопытство*» [Б135, с. 173].

Только в 70-е годы XX века некоторые издательства стали очень дозированно, ограниченными тиражами выпускать подобную литературу. Подчеркнем — не сексуальную, а именно о половых отношениях, поскольку основное внимание в ней уделялось не чувственности, а физиологии, гигиене пола и различным медицинским и морально-этическим аспектам взаимоотношений полов.

Так, например, в 1970 г. в издательстве «Педагогика» вышла в свет книга А. Хрипковой «Разговор на трудную тему».

О содержании этой книги красноречиво говорит ее оглавление:

– Половое воспитание и половое просвещение;
– Краткие сведения о строении и функциях половых органов;
– Половое созревание;
– Последствия неправильного полового воспитания;
– Воспитание детей дошкольного и младшего школьного возраста;
– Воспитание в подростковом и юношеском возрасте;
– Воспитание чувства любви;
– Примерные темы бесед с учащимися;
– Рекомендуемая литература.

Заинтересованный читатель может сам убедиться в том, что никакого секса и эротизма в этой книге нет и подавно. В ней прямо говорится, что «*половое воспитание — это социально-гигиеническая проблема, связанная со здоровьем, работоспособностью, бодростью, настроением людей, с оздоровлением их семейного быта*» [Б242, с. 3]. Да и адресована она была, судя по оглавлению, не подросткам, а педагогическим работникам.

Спустя четыре года (в 1974 г.), в издательстве «Медицина» была издана книга психиатра-сексопатолога Н. Ходакова «Молодым супругам» [Б240]. Ее содержание было более откровенным, поэтому она почти сразу стала бестселлером и попала в разряд библиографической редкости. В последующем, эта книга неоднократно переиздавалась разными издательствами многотысячными тиражами.

Однако правды ради следует признать, что упомянутые выше издания не были первыми. Еще в 1967 г. в издательстве «Прогресс» была издана книга — немецкого врача, социал-гигиениста Р. Нойберта под названием «Новая книга о супружестве». В ней, в предисловии к русскому изданию говорилось:

«*Длительное время в советской литературе не было таких обстоятельных книг по очень важной жизненной проблеме. Советские авторы, философы и социологи, преимущественно интересовались социальными закономерностями, определяющими характер взаимоотношений мужчин и женщин и развитие семьи в социалистическом обществе. Естественная основа половых отношений почти полностью игнорировалась*» [Б175, с. 8].

И далее:

«*Советские читатели еще не привыкли к подобным беседам, хотя они весьма поучительны и крайне необходимы. Некоторые читатели, возможно, будут даже шокированы*» [Б175, с. 8].

К сожалению, для многих заинтересованных читателей данная книга так и осталась непозволительной роскошью — очень многие даже не знали о ее существовании. Так, например, я сам, познакомился с ней только в 1983 г., в возрасте 20 лет, да и то лишь в виде фотокопий сомнительного качества.

Для подростков, главным и официальным источником информации о взаимоотношениях полов, в СССР считался учебник для 8 класса «Человек — Анатомия, Физиология, Гигиена» авторов А. Цузмера и О. Петришиной. То, что в нем было написано, считалось достаточным для просвещения сексуально озабоченных подростков. Но на самом деле содержание соответствующих параграфов представляло собой дикую смесь из генетики, идеологических штампов и псевдоэтических норм. Так, в параграфе 61 «Размножение в органическом мире» можно было прочитать следующее:

«*У млекопитающих — наиболее высокоорганизованного класса позвоночных животных — наблюдается новый этап в эволюции размножения. Внутри самок происходит не только оплодотворение, но и развитие зародышей. Они защищены от неблагоприятных условий окружающей среды, получают питательные вещества и кислород из крови матери...*» [Б248, с. 231].

Далее следовал подзаголовок «Преемственность поколений людей», который не имел ничего общего ни с сексом, ни с биологией, ни с генетикой. В нем можно было прочитать следующее:

«*Окинем мысленным взглядом весь путь, который прошло человечество с тех далеких времен, когда наши предки ютились в пещерах, питались сырыми кореньями и мясом, кутались в звериные шкуры, до наших дней, когда гигантские достижения науки и техники служат народам, идущим к коммунизму.* (Ну как же в учебнике по анатомии не упомянуть про коммунизм?! — *А. Проноза*) *Неисчислимое количество поколений сменилось с тех пор, и каждое из них внесло свой вклад во все то, чего достигло человечество в наши дни и чего достигнет оно в будущем. Смена поколений людей связана с размножением, которое свойственно всему живому* (какая глубокая мысль! — *А. Проноза*). *Но в отличие от всех представителей животного мира люди обладают высокоразвитым сознанием. В человеческом обществе строится семья, основанная на взаимной любви, уважении, общности интересов, на воспитании детей, которым предстоит в дальнейшем продолжить дело предшествующих поколений*» [Б248, с. 231].

Ну что тут можно добавить? Вывод напрашивается только один: размножайтесь, чтобы «*продолжить дело предшествующих поколений*»!

Затем шел 62-й параграф с интригующим названием «Половые железы и половые клетки. Оплодотворение». Там можно было прочитать следующий «очень» информативный пассаж: «*Когда снабженные цитоплазматическими жгутиками сперматозоиды встречаются с неподвижной и гораздо более крупной яйцевой клеткой* (*рис. 148*)*, они окружают ее. Затем один из сперматозоидов внедряется в яйцевую клетку. Яйца обеих половых клеток сливаются в одно, и образуется оплодотворенное яйцо*» [Б248, с. 233].

И все. К вящему разочарованию сексуально озабоченных школьников больше ничего пикантного в учебнике не было. Но и этого было вполне достаточно для того, чтобы похихикать в классе во время чтения соответствующих параграфов, особенно если выразительно интонировать текст в нужных местах.

Кстати, раздел, посвященный размножению, который авторы учебника назвали нейтрально — «Развитие человеческого организма», был удачно помещен ими в самый конец учебника. На его детальное изучение в конце учебного года частенько уже не хватало времени, и учителя оставляли его школьникам для самостоятельного чтения, дабы не ставить себя в неудобное положение ввиду возможных каверзных вопросов с их стороны.

Итак, достать (слово из 70-х гг. прошлого века) книги про секс и взаимоотношениях полов, даже взрослым, было в то время трудно, а детям и сексуально озабоченным подросткам еще труднее — практически невозможно. Но и в такой ситуации они находили способы для утоления информационного голода различным суррогатным чтивом.

Во-первых, это были разнообразные медицинские издания профессиональной направленности, например, журнал «Акушерство и гинекология» [Б16] или Малая медицинская энциклопедия [Б154]. Однако найти, и ознакомиться с ними было довольно трудно в виду их узкой специализации и ограниченного тиража. Конечно, медицинские издания — это не суррогатное чтиво, но учитывая узкопрофессиональную направленность такой литературы, что-то интересное, в смысле эротики, найти в ней было невозможно. Кроме того, подобные издания ориентировались на взрослых дядь и теть, уже вкусивших, как говорится, запретного плода, а не на несведущих в этом деле детей и подростков. Поэтому интересующие их вопросы в подобных изданиях чаще всего опускались как само собой разумеющиеся и не заслуживающие детального обсуждения. Это раздражало молодых читателей и еще больше побуждало к поиску нужной информации.

Поскольку мой отец был врачом, у нас дома была Малая медицинская энциклопедия. В отсутствие родителей я перечитал все интересующие меня статьи. У других подростков такой возможности не было. Вот только о самом сексе там никакой информации не было и это вызвало сильное разочарование.

А вот еще одно похожее наблюдение — воспоминание, почерпнутое из сети Интернет: «*Были, конечно, и более безопасные способы сексуального самовоспитания, и мы ими отнюдь не брезговали. Втайне от родителей штудировались медицинские энциклопедии, где порой можно было даже найти фотографию обнаженной женщины средних лет с какой-нибудь патологией*» [Б294].

Во-вторых, это карикатуры на тему межполовых отношений из советских журналов. И хотя откровенной эротики в них не было, тем не менее, отчасти, они давали некоторое представление о взаимоотношениях мужчин и женщин, в том числе и в интимной сфере.

Подобные карикатуры были направлены на высмеивание социальных пороков, характерных для советского общества той эпохи, Эротика нужна была лишь для того, чтобы привлечь внимание читателя, и тем самым подчеркнуть эти пороки. Эротизм в таких рисунках как бы подразумевался, использовался в качестве фона для высвечивания актуальных социальных

проблем. В той или иной мере он присутствовал в карикатурах о молодежи, моде, семейно-брачных отношениях и воспитании детей.

В-третьих, это западная порнографическая продукция. Ввоз ее из-за границы на территорию СССР был запрещен, но, несмотря на это, отдельные ее образцы всякими правдами и неправдами изредка попадали в нашу страну. Естественно, что такая продукция была доступна далеко не всем. Что уж тут говорить о детях и подростках? Однако даже в таких условиях, ее влияние на подрастающее поколение имело место быть. Подсмотренные, где-то у кого-то фоторепродукции из порножурналов будили воображение, становились источником для смелых фантазий и предметом бурных обсуждений.

Описания сюжетов порнографических открыток передавались из уст в уста и приобретали статус самодостаточных вербальных повествований, независимых от самого изображения. Конечно, из переполненного эмоциями рассказа, порой трудно было понять, что же на самом деле было изображено на порнографической открытке, поэтому к рассказчику буквально липли с уточняющими вопросами, а он, соответственно, на непродолжительное время становился своего рода экспертом по взаимоотношениям полов. Однако не всегда такой «эксперт» мог толково, во всех подробностях объяснить все нюансы изображенного на порнографической открытке, поскольку тоже ее не видел (!), а знал о ней в пересказе от других. В таком случае рассказ обретал новые подробности, которых на фото никогда не было, но которые существовали в фантазиях и воображении рассказчика. Перепроверить его не было никакой возможности — приходилось верить на слово.

В-четвертых — это литература самиздата. Но она, также как и западная порнографическая продукция, была скудна и малодоступна, поэтому ее читателями были в основном взрослые, а не дети и подростки.

С одной стороны, недостаток самиздатовской литературы объяснялся опасением возможных репрессивных санкций со стороны государства, поскольку ст. 228 УК РСФСР гласила, что «*изготовление, распространение или рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера, а также торговля ими или хранение с целью их продажи или распространения — наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до ста рублей с конфискацией порнографических предметов и средств их производства*» [Б1, Ст. 228].

Кроме того, за чтение детьми и подростками эротической литературы, взрослых вполне могли привлечь к уголовной ответственности по ст. 120 УК РСФСР, как за развратные действия в отношении несовершеннолетних, что в свою очередь также предполагало наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет [Б1, Ст. 120]. По всей видимости, эта уголовная статья являлась достаточно сильным сдерживающим фактором к публикации просветительской литературы о сексе и межполовых отношениях. Боязнь быть привлеченным к уголовной ответственности по такой позорной статье отбивала у авторов всякую охоту писать что-либо на эту скользкую тему.

С другой стороны, бытовая копировальная техника в то время еще не получила такого широкого распространения как сейчас. Компьютеры, принтеры, ксероксы и сканеры еще не были изобретены. Поэтому в домашних условиях для копирования обычно использовались два способа:

а) Распечатка на пишущей машинке. Но для этого надо было, во-первых, ее иметь, а во-вторых, уметь печатать, что в те времена, мог далеко не

каждый — в этом просто не было особой необходимости. Этот навык стал массово востребованным лишь в конце XX века, в связи с широким распространением в быту компьютеров.

Кстати, портативные пишущие машинки в описываемое нами время были дефицитом. Стоили они дорого, и в свободной продаже их не было. Свою первую пишущую машинку производства Югославии Unis TBM De Luxe я купил только в 1983 году, в Таллине. Стоила она тогда, насколько я помню, около 200 советских рублей. Естественно, что в комиссионном магазине ее цена подскакивала до 350–400 рублей [Б311].

Дома у нас была и другая портативная пишущая машинка «Москва». Она годами простаивала без дела и пылилась в кладовке, потому что никто из членов семьи на ней печатать так и не научился — в этом тогда, повторимся, просто не было необходимости.

б) Фотокопии. Их изготовление было дорогим удовольствием, к тому же требовавшим определенной технической оснастки, навыков и умений.

Чаще всего, через самиздат распространялись следующие эротические материалы:

1. Камасутра.

2. Уже упоминавшаяся книга Р. Нойберта «Новая книга о супружестве» [Б175].

3. Эротический рассказ «Баня», авторство которого приписывается А. Толстому (в подростковой среде он имел хождение в рукописном варианте).

Примечание:

> Кстати, этот рассказ я впервые услышал в 1977 г. (когда учился в 8 классе) во время пребывания в детском санатории. Нам дала его почитать одна девочка, моя ровесница, у которой он был записан в ее девичий альбом. Мы, мальчишки, читали его вслух. Вернее, читал его один, а все остальные слушали и страдали от эротических фантазий.
>
> Также интересно, что в рукописном виде этот рассказ распространялся преимущественно в девичьей среде. У мальчишек он почему-то не задерживался. Трудно сказать, почему так было, но хранительницами и ретрансляторами письменного варианта этого рассказа в основном были именно девочки и девушки.

4. Стихотворные произведения, приписываемые И. Баркову и др.

Поскольку в СССР секс был темой запретной, голод на подобную печатную продукцию испытывали абсолютно все — не только дети, но и взрослые — и мужчины, и женщины. Но детям оставались крохи в виде подсмотренного, подглянутого или сворованного у родителей чтива.

В-пятых — это информация о половой жизни представителей животного мира. Такая информация была довольно скудной и не интересной, поскольку не затрагивала сам процесс. Конечно, можно было полистать соответствующие разделы 7-ми томной энциклопедии «Жизнь животных» [Б100], но все равно это было не совсем то, что желалось и о чем мечталось. Исключение, составляла книга «Основы служебного собаководства» [Б182], которая была у нас дома. В ней были параграфы с интригующими названиями «Половая зрелость» и «Техника вязки». Публичные, читки этих параграфов во дворе обычно вызывали всеобщий восторг у мальчишек.

Для того чтобы читатель мог окунуться атмосферой подросткового эротизма 70-х гг. прошлого века, позволим себе процитировать самый сексу-

альный фрагмент из этой книги, (119) который больше всего впечатлял подростковую аудиторию:

Кобель может быть использован для вязок в течение всего года. В первый год использования молодому кобелю не следует закреплять более 3–4 сук в год (*6–8 вязок*). *С 3 до 7 лет можно закреплять 10–15 сук* (*20–30 вязок*). *В дальнейшем, в зависимости от возраста и состояния здоровья, его использование регулируется индивидуально. При правильном кормлении, содержании и тренировке, кобель-производитель может использоваться до 8–9 лет. У молодых, впервые использующихся для вязки кобелей, а также у редко использующихся и стареющих должна ежегодно проверяться сперма.*

В отличие от кобелей у сук половая охота и способность к оплодотворению, так называемая пустовка, появляется два раза в год примерно через равные промежутки времени и продолжительностью 20–25 дней…

Первым признаком пустовки является изменение поведения суки, которое легко замечается внимательным владельцем. Сука становится возбужденной, игривой и непослушной. Одновременно с этим у нее набухают наружные половые органы и из них появляются кровянистые выделения — течка. Обычно это период продолжается 7–9 дней. В это время сука еще не готова к оплодотворению и, огрызаясь и кусая, не допускает к себе кобелей» [Б182, с. 94].

И далее там же (120):

«*Для вязки выбирают уединенное место, желательно знакомое кобелю. Очень часто кобели, особенно молодые, не проявляют должной активности в новом незнакомом месте из-за различных отвлекающих раздражителей* (*много народу, наличие собак*).

Кобеля и суку обычно подводят на поводках, давая им возможность обнюхаться и ознакомиться друг с другом. При агрессивности суки на нее надевают намордник и коротко держат за ошейник. Злобные, активные суки часто сильно кусают кобелей. Если во время садок кобеля садится, следует, держа ее левой рукой за ошейник, правой поддерживать под живот, придавая стоячее положение. Держащий суку должен располагаться таким образом, чтобы не мешать кобелю…» [Б182, с. 95].

Комментарий:

Представим на минуточку ассоциативное мышление подростка, читающего данные фрагменты и мысленно заменяющего «кобелей» и «сук» на человеческих особей мужского и женского пола и нам сразу станет понятна вся пикантность данных текстов, их скрытый эротизм и сексуальность.

В-шестых, это художественная литература, но о ней более подробно уже было сказано выше, в отдельной главе.

Таким образом, поиск эротизма и сексуальности везде и всюду, даже там, где их и в помине не было, становился навязчивой идеей подросткового сообщества — как мальчиков, так и девочек. Все это будило воображение и порождало различные эротические фантазии и мечты.

Причем интересно, что бóльшую активность в этом «творческом» поиске проявляли именно мальчики. Почему-то считалось, что девочки в этом вопросе более продвинутые и все нужное они уже знают, и знают лучше мальчиков. Хотя на самом деле, спустя много лет, это представляется уже не таким очевидным.

Глава 2.7. Музыка и секс

§ 2.7.1. Легкая музыка и власть — у «них» и у «нас»

Немецкий социальный философ и социолог искусства Т. Адорно утверждал, что «*массовый феномен легкой музыки убивает автономность поведения и самостоятельность суждения — качества, в которых нуждается общество, состоящее из свободных граждан*» [Б13, с. 40].

Парадокс этого утверждения для советской действительности заключался в следующем.

Выстроенная в СССР жесткая система властных отношений, отрицала любые проявления индивидуализма, провозглашая главной ценностью коллективизм, сплочение и стремление к единообразию везде, где только это было возможно. Поэтому, отмеченное Т. Адорно свойство поп-музыки к оболваниванию масс на первый взгляд как раз и должно было быть выгодным советской власти. Но этого почему-то не произошло. На самом деле отношение к легкой музыке, особенно к западной, со стороны власти было более чем подозрительным.

Сам по себе, индивидуализм в СССР допускался, но только ограниченно, лишь в рамках отдельных социально одобряемых практик деятельности людей, которые навязывались обществу посредством массированного идеологического воздействия. При этом локальные проявления индивидуализма все же дозволялись, но власть всегда относилась к ним с подозрением, как к некоему проявлению вольнодумства и свободомыслия, не совместимых с единством народа, занятым строительством коммунизма.

В контексте высказывания Т. Адорно, легкая музыка (а точнее — поп-музыка) в СССР, по идее, могла бы стать одной из составных частей государственной идеологической машины в деле обезличивания масс, но этого, повторимся, почему-то не произошло.

Как ни странно, именно идеология внесла коррективы в такое своеобразное понимание легкой музыки и отношение к ней власти. Именно идеология стала главной причиной искусственного дробления легкой музыки на «нашу», «не совсем нашу» и «совсем не нашу», а также введения цензурных и торговых ограничений в отношении поп-музыки. Эти ограничения выражались, прежде всего, в определении допустимости — недопустимости прослушивания тех или иных ее образцов. Другими словами, власть пыталась регулировать потребление советскими гражданами продукции поп-музыки с помощью идеологического воздействия и с привлечением административно-бюрократического ресурса.

Вот характерный пример (121) слогана (как бы сейчас сказали) из советских времен:

Вспомним: «*Сегодня он играет джаз,* *А завтра Родину продаст*».

Итак, в процессе идеологического цензурирования наиболее простым способом воздействия на советского потребителя было приклеивание всей западной поп-музыке ярлыка вредной и порочной, несмотря на то что в содержательном, политическом и идеологическом плане ничего противозаконного в ней для советского политического строя не было. Но именно такое отсутствие идеологичности западной поп-музыки как раз и ставилось ей в вину, было подозрительным для советского руководства.

Суть в том, что в условиях политико-идеологического давления на западного обывателя в виде страшилок о коварных русских, предстоящей ядерной войне и т. д., именно легкая музыка становилась для него той отдушиной, в которую можно было спрятаться от навязываемого западной пропагандой негатива. Таким образом, легкая музыка на Западе, как бы порождалась доминирующей там идеологией антисоветизма и антикоммунизма. Но сама по себе, она не была идеологизированной и представляла собой некую защитную рефлексию западного обывателя и достаточно эффективный социально-психологический компенсаторный механизм (наряду с кинематографом, особенно зарубежными комедиями), способствующим снижению уровня массового психоза. Легкая музыка отвлекала обывателя от проблем повседневного бытия, развлекала его.

В условиях же советской действительности эта развлекательная функция легкой музыки была неприемлемой именно ввиду отсутствия в ней идеологичности. В этом, советскому руководству как раз и виделся вред западной поп-музыки, потому что отсутствие идеологии и политики в текстах песен исполнителей или сведение их к минимуму могли породить у советского обывателя ощущение бесконфликтности и беспроблемности, капиталистического общества. Это было недопустимо, потому что разрушало облик коварного внешнего врага и «загнивающего Запада». Ну и кроме того, увлечение западной поп-музыкой в СССР воспринималось властью именно как проявление индивидуализма, несовместимого с советским коллективизмом.

§ 2.7.2. Сексуальность поп-музыки

Применительно к теме нашего исследования, можно с полным правом утверждать, что музыка является мощным средством, стимулирующим половые отношения. Это своеобразный афродизиак, способствующий созданию эротической обстановки и позволяющий в романтическом стиле выразить свои тайные, интимные чувства по отношению к объекту вожделения. Наверное, именно поэтому, большая часть песенного репертуара, все равно какой культуры и эпохи, всегда посвящена теме любви и взаимоотношениям между мужчиной и женщиной.

Поскольку нас интересует эпоха 70-х гг. XX века и возрастная категория детей и подростков, живших в то время, предметом нашего исследования, прежде всего, будет легкая музыка, эстрада тех лет, потому что именно молодежь как раз и является основным ее потребителем.

Естественно, что легкая музыка предстает перед нами не единым конгломератом, а некими тематическими кластерами, эротическое и сексуальное воздействие которых на молодежь было различным.

По большому счету, всю эстрадную музыку, потребителем которой были советские люди (в том числе, конечно же, и молодежь) можно условно разделить на три большие группы:

1. Отечественная эстрада.

2. Зарубежная эстрада социалистических стран (или как тогда говорили — стран народной демократии).

3. Зарубежная эстрада капиталистических стран.

Коме того, с идеологической точки зрения, вся музыкальная продукция делилась на:

а) социально-, а точнее — государственно-одобряемую;

б) нерекомендуемую к прослушиванию, т. е. табуированную государством и обществом.

Естественно, что к последней, за редким исключением, относилась вся поп-музыка капиталистических стран.

Степень эротизма, уровень популярности зарубежной эстрады и меры, принимаемые советским руководством по ограничению ее распространения в СССР сильно коррелировали между собой. Чем труднее было ознакомиться с творчеством какой-либо из западных групп, тем эротичнее представлялось ее творчество подрастающему поколению.

Такая взаимосвязь была неосознанной, но она напрашивалась сама собой, поскольку и зарубежная популярная музыка, и секс были под запретом, осуждались обществом, а точнее — государством. Для молодежи, жаждущей и музыки, и секса, такая взаимосвязь подкреплялась редкими, но точными «доказательствами» в виде:

– провокационных названий;

Например (122):

– «Секс Пистолз» (“Sex Pistols”) — перевод на русский: «Сексуальные пистолеты»;
– «Кисс» (“Kiss”) — перевод на русский: «Поцелуй»

– свободного, раскрепощенного, можно даже сказать разнузданного поведения на сцене (а в сексе между мужчиной и женщиной какое может быть стеснение?);

– откровенных костюмов западных исполнителей.

Например (123):

Те же самые:
– «Секс Пистолз» (“Sex Pistols”),
– Си Си Кетч (C. C. Catch),
– Рафаэлла Карра (Raffaella Carra) и др.

Комментарий:

В то время в СССР публичное выступление на сцене в до предела оголенном виде было неприемлемым из этических и идеологических соображений. Поэтому такие специфические сценические образы зарубежных певцов и певиц, несомненно, будили воображение у советских почитателей их творчества. И еще неизвестно, чего тут было больше — преклонения перед их музыкальными талантами или привлекательным визуальным образом исполнителя.

Наши артисты к этому пришли несколько позже, только с началом пресловутой перестройки. Впоследствии, это привело к возникновению такого слогана и одновременно сценического явления как «поющие трусы».

По всей видимости, корни такой взаимосвязи следует искать в социальных ограничениях и запретах, которые имели место в нашей стране с одной стороны на эротику и секс, а с другой, на зарубежную поп-музыку. Суть в том, что одинаковое отношение государства (и общества) и к тому, и к другому как бы приравнивало секс к поп-музыке, неразрывно связывая их друг с другом единым свойством запретности.

Подспудное осознание властью наличия такой неявной взаимосвязи (вспомним, что государство крайне отрицательно относилось к сексу и сексуальному воспитанию) провоцировало государство на введение дополнительных ограничительно-запретительных мер в отношении зарубежной поп-музыки. Естественно, что все эти ограничения и запреты обрамлялись в упаковку идеологической целесообразности, пространные объяснения упадка западной культуры и т. д. и т. п. Но, несмотря на это, поп-музыка и секс, в связке друг с другом, становились объектом внимания советской молодежи. Они медленно и неуклонно, пробивали себе дорогу к советскому потребителю.

Итак, поп-музыку и секс в СССР связывало общее свойство запрета. Но если запрет на секс был обусловлен в первую очередь архаичными обычаями и традициями (традиционно-нормативными санкциями), укоренившимися в обществе, в том числе и с помощью государства, то запрет на поп-музыку, в большей мере обеспечивался именно государством (формально-нормативными санкциями). Таким образом, при всем различии поп-музыки и секса как явлений, они, в совокупности, были важной частью системы идеологических запретов, которые испытывали на себе подростки. Это были одни из первых глобальных запретов взрослого мира, с которыми молодежь сталкивалась на своем жизненном пути. Они исподволь приучали к тому, что во взрослой жизни существуют и другие многочисленные ограничения, которые также нужно будет неукоснительно соблюдать.

Любые введенные государством ограничения и/или запреты в долгосрочной перспективе приобретают свойства обычая и традиции, и в дальнейшем уже не требуют сложных форм контроля для их поддержания. Однако постепенное снижение контроля государства (а именно это снижение мы и наблюдаем в отношении западной поп-музыки в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века) действовало расслабляюще на ту часть общества, которая изначально эти ограничения и запреты не воспринимала как таковые. В результате возникала ситуация балансирования между двумя этими источниками ограничений и запретов — государством с одной стороны и обычаями и традициями с другой. И если действие одного из этих источников по какой-то причине ослабевало, то это ослабление автоматически и неизбежно компенсировалось усилением другого источника. Так, например, лояльное отношение родителей подростков к поп-музыке компенсировалось жестким регулированием и нормированием этого вопроса государством. И наоборот.

Например (124):

«*Моя мать, будучи музыкантом с высшим музыкальным образованием крайне негативно относилась к современной эстраде, особенно рок- и поп-музыке, даже к той, которую в конце 70-х — начале 80-х уже свободно можно было услышать на дискотеках. Мерилом дозволенности для нее была грампластинка. То, что можно было купить в виде грампластинки, ею признавалось, но то, что переписывалось на магнитофонную ленту, всегда вызывало у нее подозрение и неприятие*» [А124].

Такая своеобразная система балансирования между государственно-общественным и личностно-семейным уровнями регулирования социальных норм и отношений была свойственна всей советской идеологии.

Однако наложение источников ограничений и запретов друг на друга или точнее — их объединение, выражавшееся в реальной жизни их усилением (ужесточением), а равно их исчезновение по какой-либо причине, порождали в итоге специфические индивидуально-психологические нормативные аномалии, в виде различных девиаций и/или психических отклонений, существенно дестабилизирующих и дезорганизующих общество. К сожалению, мы не знаем ни степени, ни масштабов таких дезорганизаций. Но то, что в советском обществе они были, нам представляется несомненным. В своей совокупности они постепенно расшатывали общество даже не на уровне идеологии или общественной психологии, а на ментальном уровне. Все другие последствия в виде банального хулиганства, пьянства и т. д. были следствием второстепенным (хотя и заметным).

Примечание:

Политолог, доцент Института общественных наук РАНХиГС Е. Шульман полагает, что менталитет не следует воспринимать постоянным признаком социальной группы. Менталитет меняется с течением времени [Б160].

Таким образом, введение ограничений и запретов имело краткосрочный положительный эффект для власти, но в долгосрочной перспективе они постепенно, исподволь разрушали советское общество на уровне индивидуально-психологическом и социально-нормативном, медленно и неуклонно изменяя ментальную структуру общественного сознания.

Балансирование между двумя источниками ограничений и запретов (формально-нормативными санкциями государства и традиционно-нормативными санкциями общества) в сфере отношения к сексу (эротике) и/или поп-музыке заключалось не только в периодическом, цикличном изменении отношения к ним с жесткого на мягкое или наоборот. В реальной жизни оно закономерно приводило к осознанию потребителем (т. е. — молодежью) неявной, но достаточно устойчивой связи между этими двумя явлениями (поп-музыкой и сексом). Исходя из понимания их высокой значимости в жизни молодежи, перед советским руководством, вполне вероятно, возникал вопрос о том, какое из них есть большее, а какое меньшее зло для существующей политической системы — эротика и секс или поп-музыка.

Учитывая относительную закрытость сексуальной сферы взаимоотношений между людьми и ее большую значимость для них в сравнении с поп-музыкой и соответственно невозможность тотального контроля за ней, советское руководство было вынуждено постепенно смягчать санкции в отношении западной эстрады. Предполагалось, что это, в какой-то мере будет способствовать снижению уровня социальной напряженности в обществе, отвлечет советских людей, особенно креативное молодое поколение от протестных настроений. Однако каких-либо документов, подтверждающих существование данной концепции, автором, к сожалению, не было обнаружено.

Вместе с тем, особенности распространения поп-музыки в нашей стране свидетельствуют о том, что такие идеи, вполне вероятно, имели место

и активно претворялись в жизнь с благословления высшего руководства страны, поскольку этот процесс, было проще проконтролировать (в сравнении с интимной сферой взаимоотношений советских людей) и вставить его в некие, рекомендуемые доминирующей идеологией рамки. Именно этим, на наш взгляд, и объясняются послабления, наметившиеся в сфере потребления западной поп-музыки в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века, т. е. в предперестроечный период.

Например (125):

> В 1978 г. «Бони М» (“Boney M”) стали первой поп-группой мирового уровня, прорвавшей «железный занавес» и проведшей гастроли в Москве.

Еще пример (126):

> Начало 80-х гг. прошлого века ознаменовались сумасшедшей популярностью в СССР итальянской эстрады. По мнению блогера Soullaway, этому способствовали следующие обстоятельства:
>
> «*Во-первых, активность коммунистической партии Италии в этот период времени оказалась на небывалом подъеме* (*Пальмиро Тольятти не просто так был увековечен в названии отечественного города*), *да и социалистические настроения в самой стране росли — это ли не повод поддержать и тех и этих товарищей?!*
>
> *Во-вторых, случился песенный фестиваль в Сан-Ремо, популярность которого с 1951 года к 1955 году уже перешагнула далеко за пределы самой Италии и гремела по всей западной* (*местами и по восточной*) *Европе, и здесь мы явно отставали — надо было догонять*.
>
> *В-третьих, на счастье советской политпропоганды смысловая составляющая итальянских популярных песен, в отличие от англо-саксонских, была именно эстрадной — отдыхай после работы, пей вино, танцуй, люби свою женщину/мужчину; то есть никакого тебе буржуазного социального подтекста, сплошной расслабон выходного дня*» [Б305].

Итак, с точки зрения доминирования музыкальных вкусов и пристрастий молодежи, все 70-е и первая половина 80-х гг. прошлого века были периодом безоговорочного господства зарубежной эстрады. Этот факт представляется достаточно парадоксальным, особенно в свете того, что возможности советских граждан по ознакомлению с новинками западной поп-музыки (несмотря на наметившиеся в этой области послабления) были сильно ограничены, а отечественные СМИ назойливо популяризировали отечественную эстраду, хотя и не так успешно, как это хотелось бы руководству страны.

§ 2.7.3. Каналы распространения поп-музыки в СССР

По мнению меломана П. Каменченко, «*существуют культурные доминанты, которые определяют жизнь целого поколения: модель поведения, кумиров, моду. Скажем, в конце XIX века главными были писатели. Происходило какое-то событие, и все ждали, что по этому поводу скажет Федор Михайлович Достоевский или Лев Николаевич Толстой. Роман мог перевернуть умы целого поколения. В 1920-е годы “властителями дум” и сердец были поэты. В 1940-е, 1950-е кумиров и модели поведения давало кино. Тогда знали всех звезд экрана, собирали открытки с ними, все свободное время продвинутая молодежь проводила в кино. А в 1960-е, 1970-е и до 1980-х годов то же самое было с музыкой. На Западе в начале 1960-х это пошло со “свингующего Лондона”: вся молодежь была абсолютно повернута на музыке*» [Б158].

Трудно сказать, в какой именно момент времени у подростков возникала тяга к популярной музыке — у каждого из них был к ней свой собственный путь. По всей видимости, большое значение здесь, имели не столько наличие слуха и музыкальных способностей, сколько, субъективные и объективные факторы, выражавшиеся в наличии технических возможностей прослушивания музыки и моде на ту или иную музыку.

Наибольшее влияние, популярная музыка оказывала на молодежь в возрасте от 14 лет и до момента создания семьи (хотя в принципе, этот временной период можно раздвинуть еще на один — два года в обе стороны). Этот время в жизни молодежи характеризуется повышенным эротизмом и усвоением различных практик сексуального поведения. Музыка в этом процессе играла не последнюю роль, создавая необходимый звуковой антураж.

Примечание:

Современная молодежь может прослушивать любую музыку в любое время и любом месте — современные гаджеты без проблем позволяют это делать. Поэтому возраст начала активного потребления (если так можно выразиться) популярной музыки снизился до 10–11 лет. В прошлом веке такое было просто невозможно.

После заключения брака и рождения детей происходит постепенный спад увлечения музыкой, потому что основная цель, достижению которой музыка косвенно способствовала (поиск подходящего полового партнера) была достигнута, и теперь возникали новые, уже семейные проблемы, для решения которых музыка была не столь нужна и важна.

Несмотря на многочисленные ограничения и запреты со стороны власти, западная поп-музыка пробивала дорогу к ушам и сердцам советских людей. И это было более чем удивительно, ведь если модные вещные артефакты могут сохраняться длительное время, то музыка, как явление нематериальное, может существовать только период времени, ограниченный ее исполнением и, соответственно, прослушивания ее публикой. В таком аспекте продолжительность существования музыки и степень ее воздействия на потребителя может показаться крайне эфемерной. Однако в СССР этого не случилось. Западная эстрадная музыка, как продукт массовой культуры и потребления, была в нашей стране самодостаточным явлением, влияющим на молодежную субкультуру и во многом определяющим направления ее развития.

Изучение каналов проникновения модных западных музыкальных тенденций (как бы сейчас сказали — трендов) в СССР, может стать темой отдельного искусствоведческого и/или культурологического исследования. Поэтому попробуем хотя бы вкратце рассмотреть и проанализировать их, применительно к рассматриваемому нами периоду 70-х — первой половине 80-х гг. прошлого века.

Итак, первый канал — это знакомство с западной популярной музыкой посредством ее прослушивания через радиоприемники.

Например (127):

В 70-е гг. прошлого века, на черноморском побережье особой популярностью пользовалась румынская радиостанция «Отдых». По мнению блогера Ю. Шимановского «*Это была единственная настоящая музыкальная станция, где с 10 утра и до 3-х дня крутили самые модные мировые хиты*» [Б255].

Второй канал — деятельность всесоюзной фирмы «Мелодия», выпускавшей грампластинки.

По мнению уже упоминавшегося нами немецкого социального философа и социолога искусства Т. Адорно, «*граммофонная пластинка, благодаря некоторым своим качествам стоит ближе к слушателю, чем радио. Она не связана с заранее заданными программами — ею всегда можно располагать; каталоги допускают большую свободу выбора; кроме того, пластинку можно часто повторять и при этом более основательно знакомиться с исполняемым произведением, чем во время обычного, как правило, разового, исполнения по радио. Форма пластинки впервые позволяет осуществлять в музыке нечто аналогичное коллекционированию в изобразительном искусстве, прежде всего в графике*» [Б13, с. 120].

К сожалению, не все шлягеры зарубежной эстрады переиздавались в Советском Союзе, а тиражи выпускаемых лицензионных дисков были крайне малы и незначительны. Основными причинами этого были идеологические ограничения и политическая целесообразность, определяемая руководством страны. Те же пластинки, которые все же попадали в продажу, почти сразу становились дефицитным товаром.

Третий канал — ввоз из-за границы модных «пластов» — полидоровских или балкантоновских.

Примечание:

Полидор — жаргонизированное название звукозаписывающей компании Полидор Рекордз (Polydor Records). Лейбл звукозаписи. В 1946 г. Polydor окончательно стал лейблом популярной музыки, а в 60-х стал одним из крупнейших в Европе. В настоящее время базируется в Великобритании [Б302].

Балкантон — болгарская звукозаписывающая компания, основанная в 1952 г. Была монополистом на болгарском рынке во время социалистического правления страны с 1940-х по 1989 г. [Б51].

Естественно, что этим занимались не дети и подростки, а взрослые. Больше всего ценились полидоровские диски. Качество записи музыки на них, по умолчанию, признавалось эталонным. Балкантоновские же диски считались хуже, но все же лучше отечественных пластов фирмы «Мелодия». Фирма «Балкантон» привлекала внимание меломанов, прежде всего тем, что оперативно откликалась, на новинки западной популярной музыки. Ну а кроме того, из Болгарии, как страны социалистического лагеря было легче провезти в Советский Союз желанные грампластинки, чем из капиталистических стран. Статус социалистической страны был некоей гарантией того, что данная аудиопродукция прошла идеологическую цензуру.

Примечание:

Слово «винил», для обозначения грампластинок, тогда не употреблялось. В обиходе были жаргонные словечки «пласт» и «диск».

Четвертый канал — покупка или обмен грампластинок с записями зарубежных исполнителей у спекулянтов-перекупщиков (фарцовщиков) или меломанов-коллекционеров с последующей перезаписью на магнитную ленту.

Примечание:

> Фарцовка — это сленговое название запрещенной в СССР подпольной покупки/перепродажи (спекуляции) труднодоступных или недоступных рядовому советскому обывателю дефицитных импортных товаров.
>
> Фарцовщик по сути — это спекулянт.

Вот как описывает меломан со стажем П. Каменченко подпольный рынок грампластинок Москвы 70-х гг. прошлого века.

«*В 1970-х в Москве существовало несколько мест, где можно было обменяться пластинками или купить-продать их. "Утюги"* (*они же — фарцовщики*) *тусовались в конце самой дальней от Красной площади третьей линии ГУМа. Там был какой-то маленький пластиночный магазин, около которого они и толкались. Не менялись, а в основном продавали. Ориентировались на приезжих, поэтому цены были высокие. А тусовка, где менялись пластинками, была у магазина "Союз композиторов" на Маяковке. Если идти в сторону Самотечной, то это сразу за аргентинским посольством. Как мне казалось, там собирались в основном занудные знатоки, которые обменивались джазом и джаз-роком, такими группами, как Weather report или Mahavishnu orchestra. А мы с друзьями были попроще, любили совсем тяжелый рок. И в 1976–1978 годах наша главная пластиночная тусовка была на Самотеке. Там внизу есть маленький парк, где стоит памятник летчику Попкову. В сквере недалеко от него по субботам, а иногда и по воскресеньям собиралась большая толкучка по обмену пластинок*» [Б158].

О том, насколько оперативно работал этот подпольный рынок, меломан П. Каменченко повествует следующее: «*В 1970-х уже через неделю после того как пластинка появлялась в продаже за железным занавесом, ее легко можно было купить с рук или выменять в Москве. Надо было только знать места и не нарваться на милицейскую облаву*» [Б158].

Пятый канал — журнал «Кругозор».

Это был ежемесячный советский, а затем российский литературно-музыкальный и общественно-политический иллюстрированный журнал с аудиоприложениями в виде гибких пластинок. Издавался он с 1964 по 1992 г. Государственным комитетом Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. Выпускался издательством «Правда» и Всесоюзной студией грамзаписи [Б137]. Этот журнал пользовался бешеной популярностью. Так, например, в 1983 г. его тираж составлял 500 тыс. экземпляров [Б101], что по нынешним временам представляется умопомрачительной цифрой. Он продавался исключительно в розницу — подписки на него не было. Чтобы его купить, нужно было заранее знать, в какие дни и где именно будет выставлен в свободную продажу очередной номер этого журнала.

Личных магнитофонов в 70-е годы прошлого века в пользовании граждан было еще не так много, а молодежь хотела слушать модные песни. Вот этот зазор и заполнял собою журнал «Кругозор».

«*Фишка была в формате этого журнала. По своим размерам он совпадал с размером конверта для диска-миньона* (*"сорокапятки" по-западному*), *а внутри содержал отдельные страницы в виде гибких мини-пластинок. Там была в основном музыка советских исполнителей, а порой просто рассказы про что-то, типа радиопередач. Но почти в каждом номере всегда содержался*

один-два хита западных популярных исполнителей, которые иначе сложно было где-то послушать в 70-х годах. Вот ради этих западных хитов чаще всего и покупался "Кругозор"» [Б116].

И, наконец, шестой канал — телевидение.

Вообще советское телевидение было очень скупым на показ зарубежной эстрады, особенно из капиталистических стран. Но кое-что можно было усмотреть. Так, в течение восьми лет (с 13 марта 1976 г. по 28 октября 1984 г.) на советском телевидении существовала музыкальная развлекательная телевизионная программа «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» посвященная зарубежной музыке, определяемой как «эстрадной». В разные годы эта программа выходила от 5-ти до 12-ти раз в течение года без какой-либо периодичности. Начиналась она в пятницу, субботу или воскресенье около 22–23 часов и длилась около часа. Обычно в нее входили несколько блоков из разных концертов и телепрограмм. В соответствии с идеологией советского государства, программа подразделялась на выступления исполнителей из социалистических (полученные по каналам «Интервидения») и капиталистических стран (полученные по каналам «Евровидения» [Б159].

Одним из символов празднования Нового года в СССР в конце 1970-х — середине 1980-х стали новогодние выпуски этой передачи [Б179], которые начинались примерно в 3–4 часа утра. Выпуски состояли примерно из полутора десятка композиций, включавших в обязательном порядке выступления Балета телевидения ГДР (Deutsches Fernsehballett) и Берлинского балета Фридрихштадтпаласта (Friedrichstadt-Palas). Для советских телезрителей эта программа позволяла ознакомиться с тенденциями мировой поп-музыки, моды и т. д. Программа была популярна еще и потому, что она давала возможность не только услышать, но и увидеть вживую кумиров молодежи. Самые продвинутые — те, у кого были магнитофоны (еще не видеомагнитофоны) записывали эти программы на магнитную ленту.

Главной же сложностью для зрителей, и особенно для детей и подростков, было то, что эта программа транслировалась глубокой ночью, под утро, уже после окончания традиционной музыкально-развлекательной программы «Голубой огонек» и принципиальные родители могли отправить спать своих чад. Поэтому надо было ухитриться: с одной стороны договориться с родителями, а с другой случайно не заснуть в ожидании начала трансляции.

Существовала еще одна музыкальная программа, которая так и называлась — «Музыкальный киоск». Она ориентировалась «*на широкую аудиторию, носила просветительский характер, помогая интересующимся разобраться в новых грампластинках, демонстрируя вновь изданные ноты и музыкальную литературу, давая представление об азах классической, а с середины 80-х — и популярной музыки*» [Б193]. Но для истинных меломанов и любителей зарубежной поп-музыки почерпнуть из нее, по сути, было нечего. Как вспоминает блогер В. Дубогрей «*Самое интересное всегда было в конце передачи. Иногда последним номером был рассказ о каком-нибудь популярном западном исполнителе и зрители очень злились, если в конце вместо этого видели сюжет про какие-нибудь скрипки*» [Б93].

И наконец, еще одна музыкальная телевизионная программа, о которой стоит упомянуть — это «Утренняя почта». Она выходила в эфир с 7 сентября 1974 г. по субботам или воскресеньям [Б233].

По воспоминаниям блогера В. Дубогрея «*В те времена эта передача была одной из немногих развлекательных программ, в которой звучало много отечественной и зарубежной музыки*» [Б93].

Вот как выглядел список композиций одной из передач в 1986 г. (полужирным шрифтом выделены зарубежные исполнители) (128):

1. Людмила Гурченко — Когда мы были молодые.
2. Николай Караченцов — Дедушкин сундук (*из кинофильма «Маленькое одолжение»*).
3. Фрагмент мультфильма «Обратная сторона Луны».
4. Квартет саксофонистов под управлением А. Осетчука в сопровождении ансамбля Игоря Бриля.
5. Gianni Nazzaro / Mi Solo Innamorato — Di Mia Moglie.
6. В. Пресняков — Спит придорожная трава (*фрагмент из кинофильма «Выше радуги»*).
7. Игорь Скляр — Портрет Челентано.
8. Modern Talking [Б93].

А вот так — одной из передач 1987 г. (полужирным шрифтом выделены зарубежные исполнители) (129):

1. Ансамбль «Ариэль» «Комната смеха».
2. София Ротару «Осень».
3. Н. Караченцов «Все схвачено».
4. А. Ширвиндт и М. Державин «Юбилейный вечер Э. Рязанова».
5. Ансамбль «Русская песня» «Летят утки» (*на испанском*).
6. Билли Джоэл «Девушка из высшего света».
7. Балет телевидения Болгарии» [Б93].

Таким образом, творчеству западных исполнителей отводилось время исключительно в конце передачи.

Непосредственными путями распространения поп-музыки в массах были:

– школьные вечера, на которых доморощенные любительские ВИА исполняли популярные музыкальные композиции;

– прослушивание музыки вечером во дворе через магнитофон или радиоприемник;

– переписывание друг у друга магнитофонных записей (хотя при многократном копировании качество звучания очень снижалось);

– пение под гитару.

В последнем случае предполагалось наличие песенника. Песенник представлял собой общую тетрадь, в которую с голоса записывались тексты песен на иностранном языке (чаще всего — в русской транскрипции, кириллицей), и которые потом заучивались в том виде, в каком слышались [Б64]. Все это порождало вопиющие несоответствия между тем, о чем на самом деле пелось и тем, что слышалось и вербально воспроизводилось доморощенными исполнителями.

Например (130):

– Знаменитая песня «Венера» (“Venus”) голландской рок-группы “Shocking Blue” из альбома “At Home” (1969 г.) в России и странах бывшего СССР была известна как «Шизгара» (по звучанию первых слов из припева — *англ.* She's got it).

– А песня английской группы «Битлз» (“The Beatles”) «Мисс Вандебильт» (“Mrs Vandebilt”) в СССР была больше известна по первым словам припева — «Хоп, хей-хоп» (“Hop, Hey Hop”) [Б253] хотя на самом деле (и так в оригинальном тексте) там звучит «Хо, хей хо».

В таких спартанских условиях советской действительности, у молодежи формировалось достаточно специфичное восприятие западной поп-музыки. Недостаток аудиоинформации (т. е. возможности свободного прослушивания этой самой музыки) компенсировался другими способами знакомства с нею.

Одним из них было собирание фотографий, репродукций, открыток и другой визуальной продукции с изображениями зарубежных артистов и поп-групп. Но поскольку целевое издание такой фотопродукции в СССР не осуществлялось, это процесс на практике был довольно спонтанным и основывался исключительно на собственных инициативах, и возможностях заинтересованных лиц. К одной из таких инициатив относилось перефотографирование обложек лицензионных и импортных грампластинок, а также иллюстраций к статьям из журнала «Кругозор».

Также имели место попытки фотографирования выступления артистов с экрана телевизора, однако такие эксперименты были редки, поскольку конечные результаты чаще всего не впечатляли качеством изображения.

Иллюстрации с обложек грампластинок и из журнала «Кругозор» демонстрировали новые веяния и тенденции зарубежной молодежной моды, создавали впечатление раскрепощенности зарубежных артистов, под которой подразумевалась, в том числе, и свобода нравов. Другими словами, вся эта полуподпольная фотопродукция воспринималась как своеобразное доказательство беззаботной жизни музыкантов. Именно такой и представлялась взрослая жизнь подросткам — не обремененная никакими житейскими проблемами, т. е. эдакая жизнь-праздник. И к ней, к такой жизни, стремились всеми правдами и неправдами. Все это очень напоминало синдром Эллочки-людоедки, гениально описанный И. Ильфом и Е. Петровым в своем знаменитом романе «12 стульев», но только представленный не единично, как это имело место в книге, а массово.

Собирательство фоторепродукций, иллюстраций и других тому подобных визуальных материалов о западной поп-музыке (коллекционированием это назвать трудно) внешне, по своей форме, напоминало банальный фетишизм, при котором объектом поклонения становились изображения известных музыкантов и поп-групп. И здесь мы можем попытаться провести ряд аналогий между этим явлением собирательства с одной стороны и религиозным и сексуальным фетишизмом с другой. Чего было больше в коллекционируемых фотографиях — такой своеобразной, примитивной религиозности или же сексуальности, сказать трудно, но то, что имело место быть и то и другое — не вызывает сомнения.

Еще одним способом компенсации недостатка музыкальных записей зарубежной поп-музыки было распространение вербальной информации о самих поп-группах. Она передавалась из уст в уста, и по форме напоминала распространение слухов.

Сам по себе, поиск новой информации о западной поп-музыке был схож с процессом поиска информации о сексе и половых взаимоотношениях, поскольку распространение и тех и других знаний, жестко табуировалось государством и обществом. Все это также сближало поп-музыку и секс, делая их неотъемлемыми атрибутами друг друга.

§ 2.7.4. Особенности воздействия поп-музыки на молодежь

В 70-е гг. прошлого века главным сексуальным наполнением поп-музыки был танец, т. е. телодвижение под музыку. Именно он и привлекал слушателей наряду со сценическим действием и костюмами артистов. Но поскольку последние две особенности не всегда были доступны для восприятия советскими гражданами, большее внимание (и более высокие требования) они уделяли самой музыке — ее мелодичности, аранжировке, тембровым окраскам, стилю исполнения. Именно поэтому под красивую музыку можно было и хотелось танцевать. Такая особенность, несомненно, отражалась и на музыкальных вкусах. Как справедливо заметил меломан П. Каменченко, «*в СССР вкусы немного отличались от общемировых и даже от питерских. Например, уже в районе 1980 года я вдруг узнал, что Гребенщиков очень любит Боба Дилана и Grateful Dead. А у нас их никто не слушал, потому что они нам были не интересны: английского языка никто толком не знал, а музыка там была, на наш взгляд, довольно скучная. Поэтому многие группы, которые на Западе считались великими и уникальными, мимо нас прошли мимо. Зато абсолютным хитом у нас были Deep Purple, Uriah Heep, Nazareth и, понятно, Led Zeppelin*» [Б158] (выделено мною. *— А. Проноза*).

Еще одной характерной чертой восприятия советской молодежью западной поп-музыки было некоторое временное отставание от модных мировых тенденций.

Например (131):

> Песня «Дом восходящего солнца» (“The House of the Rising Sun”) в исполнении группы «Энималс» (“The Animals”) занимала первые строчки хит-парадов США и Великобритании в 1964 году. В Советском Союзе она стала особенно популярной в конце 70-х гг. прошлого века, т. е. через 15 лет!
>
> Песня «Отель Калифорния» (“Hotel California”) в исполнении группы «Иглз» (“Eagles”) появилась в одноименном альбоме группы в 1976 г. В нашей стране она стала популярной спустя пару лет.

Итак, для восприятия советской молодежью зарубежной поп-музыки было характерно преувеличенное внимание к музыкальной составляющей в ущерб текстовому содержанию и визуальным эффектам. Тексты были непонятны, а визуальные эффекты — недоступны для восприятия. Содержание и смысл песен были не столь важны, в сравнении с самой мелодией. Поэтому основное внимание уделялось именно музыке.

Однако уже в 80-е гг. прошлого века акцент стал смещаться в сторону усиления значимости текстов. Этот процесс был не одномоментным. Музыка стала постепенно отходить на второй план, уступая первенство текстам песен. Так, например, песни Б. Гребенщикова, В. Цоя и других отечественных исполнителей предперестроечной и перестроечной поры, надо было уже слушать. Танцевать под них было невозможно. Танцевальное поколение молодежи и соответственно музыкальной эстрады ушло в прошлое. Пришло новое поколение и новая музыка, эротизм которой заключался в текстах, а не в мелодии. Подчеркнем — не сами тексты были эротичными, а эротичность обстановки прослушивания этих текстов, характеризуемой конфиден-

циальностью и ощущением недавней запретности, которая одномоментно была снята под влиянием происходящих в стране перемен. В результате постепенно изменилась культура музыкальной эротики. Если раньше она была в большей степени связана с телодвижением, танцем, пантомимой, тактильными и кинестезическими восприятиями партнеров друг друга, как важными сопутствующими атрибутами музыки, то теперь — с совместным, пассивным ее прослушиванием, при котором главное внимание уделялось уже не ее мелодичности, а текстам, содержанию. Такое совместное прослушивание как раз и создавало интимную, эротическую обстановку. Адекватное понимание текстов слушателями порождало и адекватность восприятия ими окружающего мира, способствуя тем самым поиску близких по духу и взглядам людей, как потенциальных партнеров для совместного секса в будущем, и, в дальнейшем (вполне возможно), создания семьи.

Еще один вопрос, который, как нам кажется, представляет интерес и который следует хотя бы вкратце рассмотреть — это изменчивость музыкальных вкусов молодежи.

Развитие музыки, в том числе и популярной, предполагает постоянное появление новой музыкальной продукции. Музыка прошлых лет и десятилетий со временем теряет привлекательность и популярность, выходит из моды. Одна из причин такого явления — потеря ощущения новизны при восприятии музыки. Но это объяснение кажется нам не совсем полным, поскольку, по идее, ничто не мешает забытым шлягерам прошлого снова стать популярными.

Пример (132):

«Йожин з бажин» — песня, написанная З. Навратилом и исполненная И. Младеком и его группой “Banjo Band” в 1977 г.

В 2008 г. эта песня стала популярна в Польше и Венгрии и в течение нескольких месяцев держалась в топах местных радиостанций. Видеоклип «Йожин з бажин» стал интернет-мемом в России, Венгрии, Польше и Австрии из-за своего необычного звучания для аудитории, не знакомой с чешским языком [Б287].

По всей видимости, причина этого кроется в особенностях самой музыки, а точнее — в привычке к восприятию той или иной музыки, ее различных стилей и жанров.

Попробуем пояснить это, призвав на помощь мнения известных музыковедов. Так, советский музыковед Л. Мазель оценивая особенности национального восприятия музыки пишет: «*произведения немецкого или итальянского, русского или французского композитора, скажем, XVIII–XIX веков действительно понятно музыкально развитому слушателю любой европейской страны. Но, например, индийцу, овладевшему в совершенстве своим традиционным искусством, это произведение может показаться рядом неосмысленных звукосочетаний. В свою очередь, европейскому слушателю, не имеющему специальной подготовки, музыка многих народов других континентов тоже недоступна. Более того, если он воспитан на музыкальной классике, то часто не восприимчив к европейской музыке далеких веков и к произведениям нашего времени, порвавшим связи с искусством XVIII–XIX столетий*» [Б151, с. 94].

Если продолжить рассуждения Л. Мазеля, то можно с полным правом утверждать, что для каждого поколения, для каждого возраста характерна

своя собственная музыкальная культура и свое собственное, специфическое восприятие музыки, отличное от музыкальной культуры и восприятия музыки других поколений. Для этой локальной музыкальной культуры свойственна своя, если так можно сказать — эксклюзивная музыка. Эта эксклюзивность, не всегда понимается как представителями предыдущих, так и последующих поколений, поскольку наряду с модой и популярностью, для эстрадной музыки характерен определенный слуховой консерватизм. Этот консерватизм выражается в приверженности ее потребителей к привычным для себя музыкальным образцам и неприятии новых музыкальных тенденций, т. е. всего того, что не вписывается в их привычную картину мироощущения. Здесь обнаруживается достаточно тесная связь между возрастной социализацией и модными музыкальными стилями, между популярной для той или иной исторической эпохи эстрадной музыки и упертой приверженностью людей к ее, однажды воспринятым и усвоенным образцам. Эти образцы, как правило, соответствуют этапу взросления индивидов, возрасту их молодости. По всей видимости, именно наложение всего комплекта (если так можно сказать) эстрадной музыки на относительно небольшой по времени пубертатный период, как раз и закрепляет в сознании индивида музыкальные вкусы, которые впоследствии, в той или иной степени будут доминировать у него на протяжении всей его жизни. И если вначале эти вкусы будут восприниматься и оцениваться им самим как эталонные, то впоследствии, со временем, они будут вызывать чувство ностальгии по детству, молодости, и уже этим самым фактом будут ценны для него. Таким образом, даже с течением времени они не смогут кардинально измениться в виду ранее (т. е. в молодости) усвоенных и закрепленных в сознании музыкальных стандартов.

Вот характерный пример (133). В 1976 г. в СССР фирма «Мелодия» выпустила пластинку «Вокально-инструментальный ансамбль ТИЧ-ИН», (оригинальный альбом “Festival” 1975 г.), которая была распродана в СССР более чем полумиллионным тиражом, а баллада «Я одинок» (“I’m Alone”) с нее стала в нашей стране настоящим хитом! [Б309] Вот какие воспоминания советских подростков об этой композиции можно найти в сети Интернет:

> Любовь Земная:
> «*Мне было 14 лет, я была влюблена в соседа, дом напротив, он имел возможность покупать пласты, выносить колонки и я мечтала под музыку. И первый танец с моим будущим мужем был под эту песню на дне рождении соседа. Все ушло, осталась музыка. И это прекрасно, мне 57 почти. С Украины родом, живу в Греции. Всем наши солнечные объятия*» [Б150].

или (134)

> Denis:
> «*Пионерский лагерь... Мне 14 лет — вечером танцы... Медленный танец Teach In... Первая любовь... Боже, какая тоска по этому времени!!! Мы родились в СССР, нам досталось много хорошего тогда, мы успели насладиться теми годами... Жаль не вернуть ничего*» [Б272].

или (135)

> Станислав Каретников:
> «*Вспоминаю юность — танцы в пионерлагере. Девочка, с которой танцевали, а потом неловко поцеловались. Даже слезы навернулись*» [Б219].

или (136)

Лейла Шишкина:

«*Одна из самых моих любимых песен! Возвращение в детство, в школьные годы. На школьных вечерах мы танцевали под Тич-Ин и под эту песню влюблялись! Честно говоря, слезы на лазах…*» [Б145].

или (137)

Глафирушка:

«*Это была моя первая пластинка, которую мне родители подарили вместе с первым стереопроигрывателем, после окончания школы и поступления в институт, как раз 1975 год. Поэтому особо памятна мне эта песня*» [Б75].

Комментарии:

1. Как видно из этих фрагментов, эротизм авторов заметок в сочетании с ностальгией по молодости плещет через край.

2. Текст комментариев еще раз подтверждает мысль о том, что в бытность СССР, главным при восприятии музыки была сама музыка, ее мелодичность, аранжировка, запоминаемость, а не текст.

3. В данном случае, в роли текста выступает название песни — «Я одинок». Этого было вполне достаточно, чтобы домыслить все остальное и адекватно (т. е. в эротическом контексте) воспринимать музыку.

Еще пример (138):

Моя жена, вспоминая свою молодость, рассказывала, что когда она была подростком (возраст 14–17 лет — примерно 1987–1990 гг.), она заслушивалась песнями из репертуара советской поп-группы «Ласковый май».

«*Когда мой брат приезжал на своем ЗИЛе на обед, он ставил его возле дома, а я, пока его не было, залезала в кабину, включала магнитофон и часами слушала "Белые розы", "Розовый вечер", "Седая ночь"…*» [А48].

Примечание:

Днем основания группы «Ласковый май» считается 6 декабря 1986 года [Б262].

Участниками коллектива были воспитанники Оренбургского детского дома, которые после знакомства с продюсером Андреем Разиным перебрались в Москву. Визитной карточкой «Ласкового мая» стала песня «Белые розы» в исполнении Шатунова [Б142].

И еще пример (139):

К тому же времени (1987–1993) гг. относятся воспоминания моей жены о группе «Мираж» [Б162], песни которой очень любил слушать ее брат. Интересно, что до сих пор, группа «Мираж» остается его любимой группой. И сейчас, спустя много лет, во время поездок на своем автомобиле он всегда включает записи их песен («Музыка нас связала», «Я больше не прошу» и др.). Такое многолетнее постоянство музыкальных вкусов заслуживает внимания, понимания и уважения.

На закрепление музыкальных предпочтений влияет не только возраст и модные тенденции в мире музыкальной эстрады, но и доступность тех или иных образцов поп-музыки к их восприятию (прослушиванию) молодежью. А такие возможности в 70-е — 80-е гг. прошлого века у подростков были неодинаковы. Различные звуковоспроизводящие гаджеты в таком ассортименте, в каком они существуют сейчас, в то время просто не существовали, а те, что

существовали, не были массовыми, в силу их громоздкости и дороговизны. Именно поэтому, несмотря на наличие неких общих тенденций в мире поп-музыки, у каждого подростка формировался свой собственный музыкальный вкус.

Для меня лично прошли мимо многие известные музыкальные поп-, рок-группы и отдельные исполнители 70-х гг. прошлого века.

Например (140), такие как:

– Боб Дилан (Bob Dylan) — США;
– Джими Хендрикс (Jimi Hendrix) — США;
– «Дип Пёпл» (“Deep Purple”) — Великобритания;
– «Кисс» (“Kiss” в переводе — «Поцелуй») — США;
– «Лед Зеппелин» (“Led Zeppelin”) — Великобритания;
– «Назарет» (“Nazareth”) — Шотландия;
– «Пинк Флойд» (“Pink Floyd”) — Великобритания;
– «Ролинг Стоунз» (“Rolling Stones»; в переводе — «Катящиеся камни» или «Вольные странники» или «Бродяги») — Великобритания;
– «Уриа Хип» (на молодежном жаргоне, часто — «Юрахип»), (“Uriah Heep”) — Великобритания.

Зато другие музыкальные коллективы у меня прочно ассоциируются с моей молодостью и остались на слуху хотя бы в виде одной — двух композиций:

Например (141):

– «АББА» (“ABBA”) — Швеция;
– «Битлз» (“The Beatles”) — Великобритания;
– «Энималс» (“The Animals”; в переводе — «Животные») — Великобритания;
– «Середина дороги» («Middle of the Road») — Шотландия;
– «Уингз» (“Wings”; в переводе — «Крылья») — Великобритания;
– «Тич-Ин» (“Teach-In”) — Нидерланды;
– «Смоки» (“Smokie”) — Великобритания;
– «Би Джис» (“Bee Gees”) — Великобритания — Австралия;
– «Баккара» (“Baccara”) — Испания;
– «Дорз» (“The Doors”; в переводе — «Двери») — США;
– «Иглз» (“Eagles”; в переводе «Орлы») — США;
– «Бони М» (“Boney M.”) — Германия;
– «Чингисхан» (“Dschinghis Khan”) — Германия;
– «Аль Бано и Ромина Пауэр» (“Al Bano and Romina Power”) — Италия;
– «Рикки и Повери» (“Ricchi e Poveri”; в переводе — «Богатые и бедные») — Италия,
– «Арабески» (“Arabesque”) — Германия;
– «Модерн Токинг» (“Modern Talking”; в переводе — «Современный разговор») — Германия.

Если говорить об отдельных, сольных исполнителях, то больше всего мне запомнились следующие (142):

– Донна Саммер (Donna Summer) — США;
– Глория Гейнор (Gloria Gaynor) — США;
– Сьюзи Кватро (Suzi Quatro) — США;
– Адриано Челентано (Adriano Ctltntano) — Италия;
– Пупо (Pupo) — Италия;
– Риккардо Фольи (Riccardo Fogli) — Италия;
– Рафаэлла Карра (Raffaella Carra) — Италия;

– Виола Валентино (Viola Valentino) — Италия;
– Тото Кутуньо (Toto Cutugno) — Италия;
– Си Си Кетч (C. C. Catch) — Германия;
– Африк Симон (Afric Simone) — Мозамбик;
– Аманда Лир (Amanda Lear) — Франция;
– Билли Джоэл (Billy Joel) — США;
– Далида (Dalida) — Франция;
– Демис Руссос (Demis Roussos) — Греция.

Примечание:

Естественно, что у каждого подростка, несмотря на моду и некую массовую стандартизацию музыкальных вкусов, был свой, сугубо индивидуальный подбор любимых поп-групп и исполнителей.

Итак, подводя итог можно сделать вывод о том, что поп-музыка влияла на сексуальность молодежи опосредованно, подобно спиртным напиткам и курению (извинимся за подобное сравнение, но оно напрашивается само собой). Она способствовала созданию соответствующего звукового антуража и условий для разговора на интимные, эротические темы, устраняла стеснительность и способствовала более открытому, если не сказать — откровенному общению и обсуждению запретных тем.

В публичной плоскости, (т. е. на танцплощадках) поп-музыка становилась мощным фактором демонстрации сексапильности и эротизма, способствовала завязыванию знакомства, потому что приглашение к танцу ни к чему, никого не обязывало, но в то же время могло рассматриваться как первый шаг к началу каких-то, более серьезных отношений. Тем самым, музыка служила своеобразным запалом к началу сексуальных отношений, раскрытию эротизма и эротичности в партнере через танец, телодвижение и тактильные ощущения при прикосновении друг к другу.

В результате одних в поп-музыке привлекала ее аудио-вербальная составляющая (т. е. — слушание музыки), которая в качестве фонового звукового сопровождения способствовала созданию интимной обстановки общения с представителями противоположного пола. Других — наоборот, привлекала танцевальная составляющая поп-музыки. Для конца 70-х — первой половины 80-х гг. прошлого века доминирующей была именно эта, вторая составляющая, поскольку на эти годы приходится расцвет стиля диско, с его ярко выраженной танцевально-развлекательной направленностью. В таких условиях именно танец становился доминирующим фактором при организации сексуального, а точнее — предсексуального общения молодежи.

ЧАСТЬ III
Визуальный контекст полового воспитания и детско-подростковой сексуальности и эротизма

Глава 3.1. В мире животных

Знакомство детей и подростков с тайной, интимной стороной жизни взрослых осуществлялось не только по аудио-вербальным каналам, о которых мы говорили в предыдущей главе, но и по визуальным. Однако на практике, их очень трудно разделить между собой. Скорее можно говорить о доминировании аудио-вербальной или визуальной составляющей в тех или иных информационных каналах.

Наиболее яркую визуальность презентовали наблюдения за животными, которые представляли собой специфический источник информации о взаимоотношениях полов.

В детском возрасте самым первым и доступным было наблюдение за спариванием клопов-солдатиков (pyrrhocoris apterus). Длительность полового акта у них впечатляла неимоверно.

По мере взросления появлялись другие, более интересные объекты для наблюдений, например — спаривание кошек и/или собак. Собачьи свадьбы и склещивание у них (собакам-то стесняться нечего и некого) всегда вызывали с одной стороны бурный восторг у юных зрителей, а с другой — смущение и негодование взрослых. Бросить в этот момент в собак камнем, замахнуться на них палкой, испугать — было одним из самых любимых детских развлечений, да и не только детских.

Вот как описан механизм склещивания у собак в сборнике по основам служебного собаководства, впущенным ДОСААФ СССР в 1975 г. (143):

«*Во время вязки вследствие притока крови и набухания полового члена у кобеля и сжатия стенок влагалища у суки, происходит так называемое склещивание, во время которого кобель и сука остаются на некоторое время как бы связанными друг с другом* (*отсюда и название — вязка*). *Во время склещивания кобель переносит одну заднюю ногу через круп суки и становится головой в противоположную сторону. Продолжается склещивание от 10 до 45 минут*» [Б182, с. 95].

Примечание:

ДОСААФ СССР — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту СССР. Советская оборонно-спортивная организация.

Комментарий:

Подобная информация, будучи прочитанной и усвоенной подростками (за неимением никакой другой) экстраполировалась на половые отношения взрослых и соответственно вызывала опасение, что подобное, с большой долей вероятности может произойти во время коитуса.

Также интересно, что в 70-е гг. XX в. среди мальчиков-подростков был распространен миф о том, что если в самый ответственный момент интимной близости неожиданно испугать влюбленных, то у них тоже может случится склещивание, как у собак.

Вообще, подобная ситуация у людей во время коитуса хоть и редко, но может произойти. В медицине она получила название penis captivus (в переводе с латыни — плененный член), т. е. внезапное спазматическое сокращение мышц влагалища, промежности и бедер женщины во время полового акта, делающее невозможным извлечение члена [Б215].

На эту тему существовал даже анекдот (кстати, широко распространенный именно в детско-подростковой среде) (144):

«*Одна пара занималась сексом на природе, и у них случилось склещивание. Мужчина говорит женщине:*

— Давай сделаем вид, что мы танцуем вальс и так дотанцуем до больнички.

Так и сделали. Протанцевали они мимо бабушек, сидящих на лавочке у подъезда, а одна бабулька другой и говорит:

— Вон, смотри, как эта пара красиво танцует.

А другая ей:

— Подумаешь? Их всего двое. Тут на прошлой неделе семь грузинов енькой проскакали» [А25].

Примечание:

«Летка-енка» — финский бальный танец для массового исполнения, в котором танцующие располагаются цепочкой (в затылок друг другу), по кругу (держась за руки), парами и т. д. и прыжками передвигаются в такт музыкальному сопровождению [Б146].

В СССР был популярным в конце 60-х гг. XX в.

Впрочем, распространение этого мифа (о склещивании у людей во время полового акта) имело и некоторый положительный эффект с точки зрения ограничения ранних половых контактов. Осознание опасности попасть в подобную щекотливую ситуацию, в определенной мере тормозило стремление к раннему сексу, поскольку в случае склещивания, сексуальный контакт одномоментно терял ореол интима, становясь публичным актом, что обществом, мягко говоря, не поощрялось.

Итак, возможности наблюдения за половой жизнью животных у детей были разными и зависели от места их проживания.

И. Кон пишет: «*О физиологии секса крестьянские дети, которые жили в тесном контакте с природой, которых не шокировало зрелище спаривания животных, и которые прекрасно видели все, что делали их родители, знали гораздо больше позднейших поколений юных горожан. Но натуралистическая философия сексуальности была плохо совместима с романтической образностью. "Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить", — писал о деревне 50–70-х гг. XIX в. священник Ф. Гиляровский, — "и эта жизненная философия мало изменилась в последующие полвека*"» [Б135, с. 47].

И далее, в другой своей книге:

«*…повседневное участие детей в жизни взрослых и деревенский уклад жизни не позволяли уберечь детей от сексуальных впечатлений*» [Б134, с. 94].

Таким образом, сельские дети в этом вопросе были более продвинутыми, по сравнению с городскими.

Половые контакты домашних животных, начиная с кур, гусей, уток и заканчивая крупным рогатым скотом, были повседневной нормой, можно сказать, обязательным условием, рутиной сельской жизни. Они не воспринимались детьми как некое исключительное событие, но сама внешняя форма этих половых связей (скоротечность, грубость, простота реализации, зависящая от сиюминутных желаний) подспудно утверждала единственный способ полового поведения в будущем:

– мужчина — активное, агрессивное начало, а женщина — пассивное, подчиненное;

– мужчина удовлетворяет свой половой инстинкт, а женщина предоставляет ему такую возможность и даже получает удовольствие (!) от насилия над ней.

Естественно, что в таких условиях, ни о каких «прелюдиях», взаимных ласках, предваряющих обоюдный секс, и речи быть не могло.

Воспроизведение полового акта по аналогии с животными было самым простым и наглядным знанием, получаемым детьми при наблюдении за ними, но при этом оно было лишено эмоциональной, чувственной составляющей. Этим эмоциям приходилось учиться, постигать их уже потом, в браке, методом проб и ошибок и, к сожалению, не всегда успешно.

Вот характерный пример (145):

Ирина, 50 лет:

«*Мое поколение — люди, родившиеся в шестидесятых, — были лишены доступа к информации о том, что такое секс. Все происходило инстинктивно, как у животных. До свадьбы негде было этого делать — разве что на лестничной клетке у мусоропровода. Так что все женились в очень раннем возрасте — именно для того, чтобы иметь возможность заниматься сексом*» [Б15].

Смею утверждать, что самым простейшим чувством, которое рождалось у людей в условиях неразвитости эмоциональной сферы в интимных отношениях, была ревность. А в случае сексуальной неудовлетворенности или половой дисфункции, самой простейшей формой компенсации полового влечения становилось неуемное потребление спиртных напитков. В этом как раз и видится автору одна из причин повального пьянства в нашей стране, особенно среди сельского населения.

Глава 3.2. Секс и эротика на советском экране сквозь призму подросткового восприятия

§ 3.2.1. Обнаженная натура в советском кинематографе семидесятых

Одним из важных каналов распространения информации о сексуальных взаимоотношениях взрослых, среди детей и подростков 70-х гг. прошлого века было кино. Естественно, что в отечественных фильмах, в силу идеологических ограничений, секс был абсолютным табу.

Как справедливо заметил И. Кон, «*История советской культуры вся, от начала и до конца, состоит из сплошных идеологических кампаний и проработок, в которых сексофобия играла видную роль. Запретам подвергалась не только более или менее прямая, откровенная эротика, но практически все, что было связано с сексуальностью или могло быть истолковано как намек на нее* (*а что нельзя в этом духе истолковать?*)» [Б135, с. 140].

Однако, несмотря на такой жесткий идеологический прессинг, в советском кинематографе было немало картин, в которых эротика присутствовала. Вот далеко не полный перечень кинофильмов, в которых, так или иначе, в той или иной мере (и форме) эротика и эротизм имели место быть на экране (см.: *Табл. 2*).

Таблица 2

Советские кинофильмы, в которых имели место эротические сцены (1930–1990 гг.)

№ п/п	Название фильма	Год выпуска	Режиссер	Актриса (актер), снявшаяся (снявшийся) в эротической сцене
1	Земля	1930	А. П. Довженко	Елена Максимова
2	Сорок первый	1956	Г. Н. Чухрай	Изольда Извицкая
3	Часы остановились в полночь	1958	Н. Н. Фигуровский	Зинаида Броварская
4	Неотправленное письмо	1960	М. К. Калатозов	Татьяна Самойова
5	Русский сувенир		Г. В. Александров	Любовь Орлова
6	Полосатый рейс	1961	В. А. Фетин	Евгений Леонов
7	Человек-амфибия	1962	Г. С. Казанский, В. А. Чеботарев	Анастасия Вертинская
8	Альпийская баллада	1965	Б. С. Степанов	Любовь Румянцева
9	Здравствуй, это я!		Ф. В. Довлатян	Маргарита Терехова
10	Операция «Ы» и другие приключения Шурика		Л. И. Гайдай	Александр Демьяненко, Наталья Селезнева
11	Первый учитель		А. С. Кончаловский	Наталья Аринбасарова
12	Тени забытых предков		С. И. Параджанов	Лариса Кадочникова, Игорь Дзюра, Валентина Глянько
13	Андрей Рублев	1966	А. А. Тарковский	Нелли Снегина
14	Киевские фрески		С. И. Параджанов	Вия Артмане
15	Республика ШКИД		Г. И. Полока	Анатолий Подшивалов

№ п/п	Название фильма	Год выпуска	Режиссер	Актриса (актер), снявшаяся (снявшийся) в эротической сцене
16	Кавказская пленница	1967	Л. И. Гайдай	Наталья Варлей
17	Комиссар		А. Я. Аскольдов	Нона Мордюкова
18	Цыган		Е. С. Матвеев	Людмила Хитяева
19	Любить	1968	Н. М. Калик	?
20	Любовь Серафима Фролова		С. И. Туманов	Лариса Лужина
21	Служили два товарища		Е. Е. Карелов	Нет сведений
22	Белое солнце пустыни	1969	В. Я. Мотыль	Нет сведений
23	Бриллиантовая рука		Л. И. Гайдай	Анатолий Папанов, Светлана Светличная
24	12 стульев	1971	Л. И. Гайдай	Игорь Ясулович
25	А зори здесь тихие	1972	С. И. Ростоцкий	Екатерина Макарова, Ольга Остроумова
26	Иванов катер		М. Д. Осепьян	Валентина Талызина
27	Солярис		А. А. Тарковский	Наталья Бондарчук
28	Невероятные приключения итальянцев в России	1973	Э. А. Рязанов	Антония Сантилли
29	Осень	1974	А. С. Смирнов	Леонид Кулагин, Наталья Рудная
30	Романс о влюбленных		А. С. Кончаловский	Елена Коренева
31	Братушка	1975	И. М. Добролюбов	Светлана Тома
32	Матерь человеческая		Л. Е. Головня	Тамара Семина
33	Табор уходит время		Э. В. Лотяну	Светлана Тома
34	Чужие письма		И. А. Авербах	Светлана Смирнова
35	Под страхом меча (В тени меча)	1976	И. А. Кренбергс	Индра Брике
36	12 стульев		М. А. Захаров	Александр Абдулов
37	Как царь Петр арапа женил		А. Н. Митта	Ирина Мазуркевич
38	Подранки		Н. Н. Губенко	Жанна Болотова
39	Вооружен и очень опасен	1977	В. П. Вайншток	Людмила Сенчина
40	Мимино		Г. Н. Данелия	Фрунзик Мкртчян
41	Черная береза		В. П. Четвериков	Ирина Алферова
42	Берега (Дата Туташхиа)	1978	Г. Ш. Габескирия, Г. Д. Лордкипанидзе	Нато Гагнидзе
43	Обыкновенное чудо		М. А. Захаров	Татьяна Игнатова
44	Сибириада		А. С. Кончаловский	Наталья Андрейченко
45	Странная женщина		Ю. Я. Райзман	Ирина Купченко
46	Торговка и поэт		С. И. Самсонов	Наталья Андрейченко
47	Гонка с преследованием	1979	О. Р. Воронцов	Любовь Виролайнен
48	Дикая охота короля Стаха		В. Д. Рубинчик	Елена Димитрова
49	Ливень		У. Э. Назаров	Наталья Варлей
50	Таежная повесть		В. А. Фетин	?
51	Экипаж		А. Н. Митта	Леонид Филатов, Александра Яковлева
52	Москва слезам не верит	1980	В. В. Меньшов	Алексей Баталов, Вера Алентова, Наталья Вавилова
53	Через тернии к звездам		Р. Н. Викторов	Елена Метелкина, Людмила Нильская

№ п/п	Название фильма	Год выпуска	Режиссер	Актриса (актер), снявшаяся (снявшийся) в эротической сцене
54	Агония	1981	Э. Г. Климов	Нелли Пшенная
55	На гранатовых островах		Т. Н. Лисициан	Людмила Чурсина
56	Полынь — трава горькая		А. А. Салтыков	Елена Драпенко
57	Родня		Н. С. Михалков	Светлана Крючкова
58	Ярослав Мудрый		Г. Р. Кохан	Татьяна Коренева
59	Грачи	1982	К. В. Ершов	Земфира Цахилова
60	Спортлото-82		Л. И. Гайдай	Светлана Аманова
61	Частная жизнь		Ю. Я. Райзман	Татьяна Догилева
62	Букет фиалок	1983	О. А. Бондарев, В. П. Строева	Людмила Ярошенко
63	День длиннее ночи		Л. Л. Гогоберидзе	Дареджан Харшиладзе
64	Искатель приключений		К. К. Кийск	Вийре Вальдма
65	Ностальгия		А. Тарковский	Домициана Джордана
66	Когда сдают тормоза	1984	Г. А. Цилинский	Мирдза Мартинсоне
67	Продлись, продлись, очарованье		Я. Л. Лапшин	Марина Яковлева
68	Формула любви		М. А. Захаров	Елена Валюшкина
69	Выйти замуж за капитана	1985	В. В. Мельников	Вера Глаголева
70	Нам не дано предугадать		О. Л. Наруцкая	Евдокия Германова
71	Рейс 222		С. Г. Микаэлян	?
72	Зимняя вишня		И. Ф. Масленников	Елена Сафонова
73	Как стать звездой	1986	В. Е. Аксенов	Татьяна Гаккель
74	Скорбное бесчувствие		А. Н. Сокуров	Алла Осипенко, Виктория Амитова
75	Дни и годы Николая Батыгина	1987	Л. А. Пчелкин	Анастасия Вертинская
76	Завтра была война		Ю. В. Кара	Наталья Негода
77	Конец вечности		А. Ф. Ермаш	Вера Сотникова
78	Фотография с женщиной и диким кабаном		А. К. Криевс	Мирдза Мартинсоне
79	Человек с бульвара Капуцинов		А. И. Сурикова	Александра Яковлева
80	Горы дымят	1988	Б. К. Небиеридзе	Ольга Битюкова
81	Господин оформитель		О. П. Тепцов	Анна Демьяненко
82	Маленькая Вера		В. В. Пичул	Наталья Негода
83	Новые приключения янки при дворе короля Артура		В. С. Гресь	Евдокия Германова
84	Сумасшедший принц Японец		Б. Ю. Юхананов	Светлана Дзасухова
85	Черный монах		И. В. Дыховичный	Татьяна Друбич
86	Биндюжник и король	1989	В. М. Алеников	Мария Розанова
87	Воры в законе		Ю. В. Кара	Борис Щербаков, Анна Самохина
88	Двое на голой земле		Л. Г. Белозорович	Нурия Ирсаева
89	Замри, умри, воскресни		В. Е. Каневский	Екатерина Каневская
90	Зима в раю		А. И. Бланк	Оксана Фандера
91	Интердевочка		П. Е. Тодоровский	Елена Яковлева
92	Искусство жить в Одессе		Г. Э. Юнгвальд-Хилькевич	София Кузева
93	Комедия о Лисистрате		В. Д. Рубинчик	Ольга Кабо

№ п/п	Название фильма	Год выпуска	Режиссер	Актриса (актер), снявшаяся (снявшийся) в эротической сцене
94	Поездка в Висбаден		Е. В. Герасимов	Сергей Жигунов, Наталья Лапина
95	Прикосновение		А. Т. Айтуаров	Дана Каирбекова
96	Прямая трансляция		О. М. Сафаралиев	Валентина Виноградова
97	СВ. Спальный вагон		В. И. Хотиненко, В. Б. Седова	Лариса Гузеева
98	Стеклянный лабиринт		М. Д. Осепьян	Марина Яковлева
99	Сувенир для прокурора			Галина Беляева
100	Внимание — ведьмы!	1990	А. А. Амелин	Татьяна Лютаева
101	День любви		А. Н. Полынников	Анна Назарьева, Анна Иваницкая
102	Затерянный в Сибири		А. Н. Митта	Елена Майорова
103	Ловушка для одинокого мужчины		А. А. Коренев	Ирина Шмелева
104	Мистификатор		Я. Михайлов	Алла Сигалова
105	Собачий пир		Л. И. Менкаер	Лариса Удовиченко
106	Сто дней до приказа		Х. С. Эркенов	Елена Кондулайнен
107	Сукины дети		Л. А. Филатов	Лариса Удовиченко
108	Яма		С. Н. Ильинская	Татьяна Догилева
109	Кровь за кровь	1991	Ю. В. Колчеев	Ирина Алферова
	Ночные забавы		В. А. Краснопольский, В. И. Усков	Ирина Алферова

Судьба этих фильмов различна. Одни благополучно дошли до своего зрителя и даже стали культовыми (например, «Бриллиантовая рука», реж. Л. Гайдай, 1969 г.), другие были сняты с показа, и долгое время советский зритель даже не знал об их существовании (например, «Комиссар», реж. А. Аскольдов, 1967 г.; «Андрей Рублев», реж. А. Тарковский, 1966 г.), а третьи вообще так и не вышли за пределы киностудии, потому что были запрещены еще во время съемок (например, «Киевские фрески», реж. С. Параджанов, 1966 г.).

В результате не все фильмы, в которых присутствовали эротические сцены (или даже намеки на них) становились объектом внимания советского зрителя. Ну и кроме того, у каждого поколения советских людей была своя собственная, если так можно выразиться, киноэротика. Так, вряд ли кто-нибудь из моих сверстников 70-х гг. прошлого века (да и я в том числе) стал бы смотреть фильм А. Довженко «Земля» (1930) ради того, чтобы увидеть сцену с обнаженной скорбящей героиней.

Отечественные фильмы, в которых присутствовала эротика или хотя бы намеки на нее, в кинотеатрах часто демонстрировались в режиме ограниченного показа. Некоторые из них были достаточно серьезными, с элементами драмы, трагедийного характера.

Например (146):

– «Агония», реж. Э. Климов (1981 г.).

Однако идти на такие фильмы ради мимолетного «засвета», чтобы попытаться разглядеть на экране нечто пикантное, было не интересно. Другое дело — импортные кинокомедии, где секс и обнаженное тело органично вплетались в единую сюжетную канву фильма. Кстати, в этих различиях экранной эротики в советском и западном кинематографе как раз и содержится косвенное подтверждение тезиса о преимущественной визуализации эротики на Западе и ее вербализации у нас в стране.

Учитывая общий пуританский стиль советского кинематографа, каждый из перечисленных выше отечественных фильмов (см.: *Табл. 2*) с точки зрения публичной демонстрации обнаженного женского тела был в своем роде прорывным. Но на большее советским режиссерам и актерам отважиться было нельзя — идеология не позволяла, да и уголовный кодекс — тоже. Статью за изготовление и распространение порнографии, а также за развратные действия в отношении несовершеннолетних никто не отменял [Б1].

Мастером показа эротики в рамках действующих цензурных ограничений был режиссер Л. Гайдай. Практически ни одна из его комедий не выходила без эротических сцен или намеков на эротизм.

Например (147):

– «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», 1965 г., *– «Кавказская пленница», 1967 г.,* *– «Бриллиантовая рука», 1969 г.,* *– «Спортлото-82», 1982 г.*

Так что советская кинокомедия, даже такая невинная в смысле показа обнаженного тела как в новелле «Наваждение» из фильма «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» (реж. Л. Гайдай, 1965 г.), в эротическом плане, была на порядок выше, чем серьезные фильмы, в которых также присутствовало обнаженное женское тело.

Что же касается отечественных фильмов некомедийного жанра, то в них, мимолетные, проходные эротические сцены не прельщали советского зрителя из-за преобладания серьезного сюжета, располагающего к размышлениям. Другое дело — импортные фильмы, которые предлагались нашим гражданам к просмотру отечественным кинопрокатом. В них эротика и игровое кино, эротизм и кинокомедия были неразлучны и шли рука об руку друг с другом. Легкость сюжета с одной стороны и легкость публичной демонстрации обнаженного тела и свободных сексуальных отношений с другой, стимулировали желание смотреть и пересматривать их неоднократно.

Например (148):

Фильм К. Зиди «Новобранцы идут на войну».

Посудите сами. Одно дело фильм А. Довженко «Земля» (1930 г.), а другое дело французская кинокомедия, в которой вкрапления в сюжет элементов эротики постоянно держат зрителя в некотором напряжении — как бы не просмотреть очередной пикантный эпизод.

Кстати, вышеупомянутый фильм А. Довженко стоит у истоков советской киноэротики. Своим появлением он установил в нашем кинематографе некий канон показа обнаженного женского тела. Причем этот канон касался в первую очередь не столько художественных приемов изображения эротизма на экране (хотя они — эти приемы, также имели большое значение), сколько смыслового контекста фильма. В дальнейшем этому канону в той или иной мере следовали все советские режиссеры, порой даже не вполне осознанно. Суть его заключалась в том, что в изображаемой на экране эротике обязательно должны были присутствовать трагедийные нотки, обусловленные сюжетом фильма. Именно поэтому, советская киноэротика работает на контрасте. Она противопоставляется ежедневной рутине бытия, ужасам и грязи повседневности и олицетворяет собой нечто чистое, светлое, далекое и малодоступное — то, к чему надо стремиться. В этом плане, эротика как бы контрастирует с драматизмом сюжета («А зори здесь тихие», реж. С. Ростоцкий, 1972 г.) или серыми буднями повседневности («Подранки», реж. Н. Губенко, 1976 г.) или, на крайний случай, с банальной бытовой рутиной («Москва слезам не верит», реж. В. Меньшов, 1980 г.).

Советский эротизм воплощал на экране некий идеальный символ, недоступную мечту, в отличие от плотского, приземленного и доступного западного эротизма, апеллирующего к физиологическим желаниям главных героев, а равно и зрителей. Естественно, что такая «возвышенная», со скрытым смыслом эротика советских фильмов, была не слишком привлекательна, для отечественного зрителя.

В отличие от советских фильмов, в импортных кинокартинах секс был самодостаточным явлением, одной из целей сюжетного действия, хотя и не всегда основной, но все же, вполне самостоятельной. Именно такой эротики как раз и не хватало советскому зрителю: секса — праздника, секса — радости, наконец, секса — повседневности.

Еще одна причина невнимания советского зрителя к эротике в отечественном кино, по всей видимости, заключается в исторически разном ее восприятии представителями различных возрастных групп. То, что раньше, для одного поколения советских людей считалось эротичным и будоражило воображение, для другого, спустя несколько десятилетий, таковым уже не являлось и воспринималось как повседневная киношная обыденность.

Незначительное (в сравнении с западным кинематографом) количество советских фильмов, в которых присутствовали элементы эротики, давало возможность нашим режиссерам находить свои собственные, оригинальные и ни на что не похожие приемы воплощения эротизма на экране, а не копировать их друг у друга. Поэтому каждый советский фильм, в котором обнаженная натура мелькала хотя бы на доли секунды (например, та же «Бриллиантовая рука», реж. Л. Гайдай, 1969 г. — сцена с лопнувшим лифчиком С. Светличной или сцена с голыми ягодицами А. Папанова), становился событием в отечественном кинематографе и надолго запоминалась советскому зрителю.

Можно попытаться проследить некоторые тенденции развития способов изображении эротики в советском киноискусстве и их изменение во времени.

Во-первых, это постепенная, из года в год и от фильма к фильму нарастающая откровенность эротических сцен, которая достигалась использованием цвета, укрупнением планов, замедлением съемки и различными другими художественными и техническими приемами.

Во-вторых, это постепенное удлинение времени показа обнаженной натуры в кадре, в сравнении с общей длительностью фильма. В качестве примера, можно сравнить эпизод из фильма «Русский сувенир» (реж. Г. Александров, 1960 г.), где советская кинозвезда Любовь Орлова на какие-то доли секунды мелькает на экране нагишом и продолжительную постельную сцену из кинофильма «Экипаж», предперестроечных времен (реж. А. Митта, 1979 г.).

В советских фильмах весь эротизм ограничивался показом обнаженной груди и только в редких случаях — полностью обнаженного тела (чаще всего — со спины). Поэтому, западные фильмы с объятиями главных героев, страстными поцелуями, раздеваниями и намеками на предстоящий или уже состоявшийся половой акт (то, что осталось после купирования соответствующих сцен советской цензурой) становились важным фактором сексуального воспитания не только детей и подростков, но и самих взрослых.

В-третьих, это появление в эротических сценах мужчин — актеров (так и хочется сказать — их использование):

– «Полосатый рейс», реж. В. Фетин, 1961 г.

– «Республика ШКИД», реж. Г. Полока, 1966 г.

– «Бриллиантовая рука», реж. Л. Гайдай, 1969 г.

– «12 стульев», реж. Л. Гайдай, 1971 г.

– «12 стульев», реж. М. Захаров, 1976 г.

В-четвертых, обнаженное женское тело все чаще используется в кадре для передачи именно эротических чувств героев, а не каких-то других — идейно-политических и/или производственно-патриотических переживаний.

Если говорить о времени моего детства и юности (в основном это 70-е гг. XX в.), то тут я могу выделить несколько отечественных кинокартин, которые среди моих сверстников считались в то время эротичными.

1. «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» (реж. Л. Гайдай, 1965 г.).

Хотя этот фильм вышел на экраны еще в 1965 г., впоследствии он неоднократно транслировался по телевидению и поэтому оказал большое влияние на подростков 70-х гг. Сцена раздевания Шурика и Лиды в новелле «Наваждение» была очень привлекательной и сексуальной, как сказали бы сейчас.

Несмотря на то, что в этом фильме не было ничего непристойного, вид раздевающихся главных героев всегда вызывал хихиканье и бурный восторг у юных зрителей, потому что будил воображение и вполне определенные фантазии.

Условность этой сцены заключается вовсе не в том, что главные герои настолько заняты чтением конспекта, что ничего не замечают вокруг себя, а в том, что, раздевшись, они оказываются в купальных костюмах (!), а не в нижнем белье. И здесь возникает два вопроса:

– или в Советском Союзе в то время не было в продаже красивого женского белья — такого, чтобы не стыдно было продемонстрировать его на экране;

– или оно все же существовало, но показывать его в кино было бы слишком революционно (в таком случае эту сцену точно зарубил бы худсовет из-за ее явного эротизма).

2. «Кавказская пленница» (реж. Л. Гайдай, 1967 г.).

Обнаженной натуры в этом фильме нет, но мужчин СССР пленила исполнительница главной роли Наталья Варлей — в рубашке в клетку, синих

колготках и главное — без юбки. Такие колготки в то время были дефицитным, импортным товаром (производство Франции) и в свободной продаже отсутствовали.

3. С точки зрения демонстрации эротики, уже упоминавшийся нами фильм «Бриллиантовая рука» (реж. Л. Гайдай, 1969 г.) также стал знаковым для отечественного кинематографа.

Эротика в этом фильме не отягощена идейно-политическими смыслами. Поэтому сцена с лопнувшим на главной героине лифчиком — это исключительно эротическая сцена соблазнения, а не индустриально-производственная сцена с элементами эротики.

4. «А зори здесь тихие» (реж. С. Ростоцкий, 1972 г.).

В этом фильме была запоминающаяся эротическая сцена в бане. Но в общем трагедийном контексте сюжета, желания пересматривать ее еще раз, как-то не возникало.

5. «Невероятные приключения итальянцев в России» (реж. Э. Рязанов, 1973 г.).

Сама комедия располагала к тому, чтобы ее еще и еще раз пересматривать, а затем, в свободное время, пересказывать запомнившиеся моменты с друзьями во дворе. Но что интересно. По моим собственным воспоминаниям среди подростков большего внимания удостоился эпизод с ванной, нежели с обнаженной Антонией Сантилли. Это говорит о том, что нас, подростков в то время больше привлекали в кино юмор и смех, а не эротика и секс.

6. «Как царь Петр арапа женил» (реж. А. Митта, 1976 г.).

Эротическая сцена с купанием невесты была в этом фильме также мимолетной и мало запоминающейся, как и сцена с обнаженной Антонией Сантилли в фильме про приключения итальянцев в России. Поэтому подростков больше привлекал эпизод с «толстомясой» (картина с изображенной на ней обнаженной женщиной). Главным в нем была не визуализация обнаженной натуры, а отношение к ней героев фильма, выраженное вербально: «*Толстомясую, толстомясую сюда! Толстомясую на стену вешай!*».

7. «Берега (Дата Туташхиа)» (реж. Г. Лордкипанидзе, Г. Габескирия, 1978 г.).

В этом фильме показ обнаженной фигуры занял лишь доли секунды, но в контексте последующего изнасилования героини фильма (которое, естественно, не показывалось, а подразумевалось), этот эпизод был запоминающимся для зрителей. Пересматривать из-за этого фильм по новой, желания не возникало.

8. «Дикая охота короля Стаха» (реж. В. Рубинчик, 1979 г.).

В этом фильме есть достаточно длинная мистическая сцена с обнаженной главной героиней, больной сомнамбулизмом. Продолжительность этой сцены компенсировалась использованием общего плана, поэтому рассмотреть что-либо пикантное на экране было невозможно. Интересно, что в одноименной повести белорусского писателя В. Короткевича подобной сцены и близко не было. Так что все это — вольная трактовка режиссером литературного произведения.

9. «Экипаж». Об этом фильме режиссера А. Митта (1979 г.) мы уже говорили выше.

По уровню откровенности эротической сцены и эстетичности показа обнаженной натуры эта картина обогнала все предыдущие советские фильмы. Но, вместе с тем, широкой популярности этого фильма способствовала не столько эротика, сколько жанр бытовой драмы, в котором он был снят.

10. «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1980 г.).

И хотя откровенной эротики в этом фильме для советского зрителя не было, он запомнился именно обыденной, как бы повседневной эротичностью, не слишком связанной с любовными страстями героев.

Конечно, отечественных кинокартин, в которых присутствовали элементы эротики, в 70-е годы прошлого века было, несомненно, больше (см.: *Табл. 2*), но все они прошли как-то мимо нас подростков — не запомнились, не отложились в памяти, не стали объектом обсуждения с точки зрения показанной в них обнаженной натуры.

Интересно, что только спустя годы, достоянием общественности становятся сложности и ограничения, с которыми сталкивались отечественные режиссеры и артисты при воплощении эротических сцен на экране. Эти ограничения были не только морально-нравственного, но и административного характера. Так, например, что касается последнего из вышеперечисленных фильмов, «*Владимир Меньшов рассказывал, как директор Мосфильма ему говорил, что не хочет объясняться с вышестоящим начальством. "Вот пойду я к Гришину* (*первому секретарю Московского горкома партии*)*, а он мне скажет «Опять у тебя на экране ..!" Тут он употребил очень точное слово из народного лексикона*» [Б184]. Кстати, в этих воспоминаниях В. Меньшова, для нас ключевым словом является слово «опять», вложенное им в уста В. Гришина, хотя с точки зрения советского зрителя (и нас, тогдашних подростков) никакого такого «опять» на советских экранах и близко не наблюдалось.

Итак, восприятие эротики и эротизма советским зрителем зависело от жанра фильма. В комедиях она воспринималась «на ура», но в других фильмах, если и присутствовала, то чаще всего проскакивала как-то блекло и незаметно, хотя по степени откровенности бывала даже более сильной. Однако повторимся — на такие серьезные фильмы ради того, чтобы посмотреть мимолетные кадры с обнаженной натурой, второй раз специально никто из зрителей не ходил.

Например (149):

– «Часы остановились в полночь», реж. Н. Фигуровский, 1958 г.
– «Неотправленное письмо», реж. М. Калатозов, 1960 г.
– «Солярис», реж. А. Тарковский, 1972 г.
– «Цыган», реж. Е. Матвеев, 1967 г.
– «Любовь Серафима Фролова», реж. С. Туманов, 1968 г.
– «Табор уходит в небо», реж. Э. Лотяну, 1975 г.
– «Чужие письма», реж. И. Авербах, 1975 г.
– «Рейс 222», реж. С. Микаэлян, 1985 г.
– «Иванов катер», реж. М. Осепьян, 1972 г.
– «Романс о влюбленных», реж. А. Кончаловсий, 1974 г.
– «Осень», реж. А. Смирнов, 1975 г.
– «Подранки», реж. Н. Губенко, 1976 г. и др.

А вот кинокомедии, даже те, в которых обнаженной натуры почти не было, с удовольствием смотрели все, и не один раз. Причина такой популярности заключалась не столько в привлекательности эротики, сколько в том, какие именно эмоции у зрителя должен был вызвать фильм. Сочетание юмора и эротики больше привлекали внимание, веселили, помогали отвлечься от повседневной суеты и забот. Поэтому зритель выбирал такой фильм, который более всего соответствовал его эмоциональным и интеллектуальным запросам. И здесь невольно напрашивается сравнение между нашим кинематографом и западным, нашими кинокомедиями и зарубежными.

§ 3.2.2. Эротика зарубежного кинематографа на советском экране

Нельзя утверждать, что абсолютно все без исключения западные фильмы, в которых имели место эротические сцены или просто элементы эротики (например, с целующимися главными героями или актрисами в откровенных купальниках) повлияли на нас, подростков 70-х. У каждого был свой сугубо индивидуальный подбор фильмов, из фрагментов которых выстраивалась картинка сексуальных взаимоотношений взрослых — такая, какая, как нам тогда казалось, существует на самом деле или, по крайней мере, такая, какой она должна быть в идеале.

В зарубежных фильмах, эротика была тесно связана с западным образом жизни. В них не было целенаправленной пропаганды секса, как это может показаться на первый взгляд. Это было такое специфическое, гипертрофированное отражение повседневности. Сфера интимных взаимоотношений между мужчиной и женщиной там, на Западе была менее закрытой и более публичной, по сравнению с нашей страной. Это отличие и загнало у нас эротику и секс в идеологическую плоскость восприятия.

К сожалению, в то время уровень жизни западного обывателя был выше, уровня жизни среднестатистического советского гражданина, поэтому любые отличия западного образа жизни, которые были не в пользу СССР, руководством нашей страны воспринимались очень болезненно и вследствие этого замалчивались, подвергались критике и фильтрации. Все это в полной мере касалось и публичности эротики и секса. Но со стороны Запада, как это ни покажется странным, также имели место похожие ограничения — замалчивание достижений СССР и преувеличение его недостатков, возводимых пропагандой в ранг порока. С обеих сторон шла жесткая психологическая и идеологическая война. В качестве доказательства прогрессивности социалистического строя Советский Союз предлагал Западу образцы высокого искусства — русский классический балет, ансамбль «Березку», ансамбль народного танца И. Моисеева, симфоническую музыку и т. д. Но взамен получал образцы массовой культуры, которые часто апеллировали к базовым инстинктам ее потребителей. Естественно, что для советского зрителя (также как и для западного обывателя) такие образцы масскульта были намного ближе и понятнее. Ну а наше высокое искусство, презентуемое Западу как социалистические культурные достижения, оставалось прерогативой продвинутых, как бы сейчас сказали, потребителей и/или, в крайнем случае, воспринималось как экзотика (ух-ты, у них и такое есть!), но не более того. Другими

словами, западного обывателя не слишком-то трогали наши культурные достижения в сфере высокого искусства.

Особенно ярко это проявлялось в киноискусстве. Так, на Западе высоко оценивались советские эпические картины, отражающие духовный мир русского человека.

Например (150), фильмы:

– «Летят журавли», реж. М. Калатозов, 1957 г.;
– «Война и мир», реж. С. Бондарчук, 1967 г.;
– «Солярис», реж. А. Тарковский, 1972 г.;
– «Москва слезам не верит», реж. В. Меньшов, 1981 г. и др.

Но все они воспринимались не как открытие чего-то нового, а скорее, как экзотика, исключение из правил. В более поздний период, во время и после развала СССР, большим спросом стала пользоваться кинопродукция, очерняющая советскую действительность.

Например (151), фильмы:

– «Покаяние», реж. Т. Абуладзе, 1984 г.;
– «Утомленные солнцем», реж. Н. Михалков, 1994 г.;
– «Левиафан», реж. А. Звягинцев, 2014 г. и др.

Что же касается западных фильмов, демонстрировавшихся в нашей стране, то, несмотря на жесткую идеологическую цензуру, их отбирали с учетом легкости восприятия и… возможности получения высокой прибыли от проката (например, фильмы о похождениях Анжелики или Фантомаса).

Кстати, фильмы о похождениях Анжелики, вышедшие на советский экран в 1968 г. («Анжелика и король») и 1969 г. («Анжелика — маркиза ангелов») произвели настоящий фурор среди женской части аудитории.

Вот характерный пример (152) из воспоминаний о конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века:

Наталья, 47 лет:
«*Моя мама рано вышла замуж. Она рассказывала, что, когда впервые увидела голого мужчину, она испугалась и заплакала. Это был 1963 год… Когда в СССР попали кассеты с фильмами про Анжелику, никто не думал, что так вообще бывает, это было невероятно*» [Б155].

Примечание:

Конечно, никаких кассет в то время не существовало, как не существовало и переносных видеомагнитофонов, а фильмы про Анжелику демонстрировались в свободном прокате. Но для нас более важны не эти технические неувязки автора воспоминаний, а отношение обычной советской женщины к показанному на экране.

Предварительная цензура и вырезание энного количества эротических сцен из киноленты, по сути, не влияли на посещаемость фильмов, ну а то, что не попадало на экраны, всегда можно было додумать, ведь намеки-то в кадре все равно оставались.

Итак, с помощью ножниц и дубляжа, предполагающего вольный перевод текста, отечественные чиновники пытались хоть как-то привести западные фильмы в соответствие с советскими морально-нравственными и этическими нормами, но получалось это далеко не всегда и не так, как хотелось бы.

Пример (153):

После выхода на экраны кинотеатров англо-итальянского фильма «Ромео и Джульетта» (реж. Ф. Дзеффирелли, 1968 г.), в западной прессе много и бурно обсуждалась сцена пробуждения обнаженных героев после брачной ночи. Дзеффирелли говорил по этому поводу: «*Если вы приходите в музей, то разве отворачиваете голову от нагой живописи?*» [Б88].

В версии фильма для советского проката постельная сцена была вырезана.

Таким образом, поскольку эротика и эротизм в советских фильмах были строго дозированы, постольку советского зрителя больше привлекали зарубежные кинокартины.

Ниже дается перечень зарубежных кинофильмов, шедших в советском прокате и запомнившихся мне и моим сверстникам 70-х — 80-х гг. как эротичные (см.: Табл. 3).

Таблица 3

Зарубежные кинофильмы, демонстрировавшиеся в советском прокате в 70-е гг. XX в., и в которых имели место эротические сцены [Б104]

№ п\п	Название	Год выпуска / год проката в СССР	Страна-производитель	Комментарии
1	Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир	1963/1966	США	Обращают на себя внимание две сцены: – сцена танца одного из главных героев со своей подружкой. Он — в плавках, она в купальнике. Танец совершенно несуразный, что должно было подчеркнуть неуравновешенный характер танцующих; – сцена вытряхивания ключей от автомобиля из бюстгальтера одной из главных героинь. Кстати, персонаж этой актрисы на протяжении всего фильма «засвечивает» свои панталоны (не трусы, а именно панталоны), что по идее должно вызывать смех у зрителей.
2	Анжелика — маркиза ангелов	1964/1969	Франция	Советской цензурой были вырезаны почти все постельные сцены (ок. 30 мин.!). Пределом непристойности была голая спина Анжелики [Б155].
3	Искатели приключений	1967/1968	Франция	Сцена обливания водой главной героини в потрясающем бикини.
4	Разиня	1965/1968	Франция, Италия	Сцена, когда главный герой натирает оливковым маслом спину случайной попутчице в купальнике.
5	Большие гонки	1965/1976	США	– кордебалет; – купание главной героини в обнаженном виде; – битва тортами в нижнем белье.
6	Бей первым Фредди	1965/1969	Дания	Фильм изобилует быстролетными кадрами с обнаженными и полуобнаженными красотками и главной героиней в ажурном комбинезоне.
7	Анжелика и король	1966/1968	Франция	Постельные сцены Анжелики.

№ п\п	Название	Год выпуска / год проката в СССР	Страна-производитель	Комментарии
8	Ромео и Джульетта	1968 / 1972	Велико-британия, Италия	Постельная сцена Ромео и Джульетты после брачной ночи. При прокате в СССР данная сцена была практически полостью вырезана.
9	Золото Маккены	1969/1974	США	Сцена купания главной героини в озере, в обнаженном виде.
10	Высокий блондин в черном ботинке	1972/1974	Франция	Сцена, в которой главная героиня дефилирует в платье с потрясающим вырезом на спине.
11	Он начинает сердиться	1974/1983	Франция	Фильм с типичным любовным треугольником, в котором много эротических сцен с обнаженной натурой.
12	Новобранцы идут на войну	1974/1978	Франция, Италия, Германия	Непринужденная эротика, которая оправдывается в глазах зрителя легкой дебильностью главных героев.
13	Четыре мушкетера	1974/1978	Франция	Четыре мушкетера. Несколько легких эротических сцен, в которых принимают участие как мужчины, так и женщины.
14	Четверо против кардинала	1974/1978	Франция	Сцена, в которой мужчина, переодетый служанкой, помогает королеве Франции надеть чулок.
15	Не упускай из виду	1975/1979	Франция, ФРГ	Героями картины становятся артисты театра нетрадиционной сексуальной ориентации!
16	Никаких проблем	1975/1976	Франция	Сцена с раздеванием красотки в машине, и последующего полового акта, который правда не показан, но подразумевается.
17	Лихорадка на белой полосе	1975/1977	США, Канада	Постельная сцена любящих друг друга супругов.
18	Игрушка	1976/1978	Франция	Сцена с упавшей в фонтан героиней фильма.
19	Синьор Робинзон	1976/1979	Италия	Весь фильм — гимн красивому обнаженному женскому телу. Сюжет фильма построен на эротизме и сексуальном желании главного героя, за которым скрываются важные социальные проблемы.
20	Побег	1978/1989	Франция	Сцена со стриптизом уличной проститутки.
21	Конвой	1978/1985	США	Эпизод, когда девушка приготовила главному герою подарок, обмотав себя подарочной лентой, которую ему предстояло развязать.
22	Операция начинается после полудня	1979/1984	Дания	В фильме показан настоящий секс-шоп и надувная резиновая женщина, купленная в секс-шопе.
24	Переход	1979/1981	Велико-британия, США	Сцена мытья под душем главной героини, и ее последующего изнасилования гестаповцем.
25	Ураган	1979/1982	США	Сцена инициации у коренных жителей гавайских островов.
26	Инспектор-разиня	1980/1982	Франция	Сцена соблазнения надувной резиновой женщины из секс-шопа.
27	Укол зонтиком	1980/1982	Франция	Сцена в конце фильма. Фотосессия красотки топлесс на пляже.
28	Легенда о Нараяме	1983/1988	Япония	Весь фильм изобилует эротикой и сценами половых актов. На их фоне главная мысль о жертвенности для советского зрителя оставалась незамеченной.
29	Новые амазонки (оригинальное название — Сексмиссия)	1983/1986	Польша	Вырезано около 20 мин [Б210] откровенно эротических сцен, но многое осталось. И это был образец кинопродукции из социалистической страны! Даже название фильма в советском прокате было заменено на более нейтральное.

§ 3.2.3. Эротика в жанре кинокомедии у них и у нас

На сравнении жанров отечественной и зарубежной кинокомедии следует остановиться более подробно.

70-е гг. прошлого века — пик популярности зарубежных кинокомедий у нас в стране. Этому способствовал тот факт, что акцент в них делался преимущественно на эротическом компоненте и, естественно, на его визуализации. Диалоги героев хоть и были важны, но в общей сюжетной канве фильма занимали подчиненное, второстепенное положение. Исключение, по всей видимости, составляли французские кинокомедии с Луи де Фюнесом в главной роли. Его богатая мимика и монологи вполне заменяли советскому зрителю недостаток эротики в фильмах с его участием.

Например (154):

– «Большая прогулка», реж. Ж. Ури, 1966 г.;
– «Ресторан господина Септима», реж. Ж. Бернар, 1966 г.;
– «Жандарм и инопланетяне, реж. Ж. Жиро, 1979 г. и др.

В советских кинокомедиях, в отличие от западных, наоборот, главное внимание уделялось именно тексту, диалогам героев и только в последнюю очередь использованию эротики для привлечения внимания зрителя.

Эти различия коренятся не столько в цензурных ограничениях, продиктованных советской идеологией, сколько в ментальных особенностях восприятия эротики и эротизма, о которых мы уже говорили выше, в одной из предыдущих глав (при рассмотрении взаимосвязи и взаимообусловленность ненормативной лексики и полового воспитания).

В советских фильмах эротика была не главным, а подкрепляющим фактором, стимулирующим зрителя к просмотру. Она не отвлекал его от основной сюжетной линии.

Например (155):

– «Бриллиантовая рука», реж. Л. Гайдай, 1969 г;
– «Москва слезам не верит», реж. В. Меньшов, 1979 г.;
– «Спортлото-82», реж. Л. Гайдай, 1982 г. и т. д.

Удаление подобных сцен из фильма, в принципе не изменяло его восприятия зрителем и кардинально не меняло сюжетной линии, чего нельзя было сказать о зарубежных кинокартинах, в которых эротика становилась частью сюжета, одной из органичных ее составляющих.

Следует отметить еще одно отличие нашей, советской кинокомедии от западной. В СССР большое распространение получил жанр так называемой лирической комедии, в которой действие носит трагикомичный характер.

Например (156):

– «Девчата», реж. Ю. Чулюкин, 1961 г.;
– «Ирония судьбы или с легким паром», реж. Э. Рязанов, 1975 г.;
– «Афоня», реж. Г. Данелия, 1975 г.;
– «Гараж», реж. Э. Рязанов, 1979 г. и др.

В этих кинокомедиях сюжет максимально приближен к действительности и порой, по ходу просмотра кинокартины, возникает ощущение, что такое вполне могло произойти на самом деле. Естественно, что в таких фильмах много внимания уделялось тексту, т. е. аудио-вербальному восприятию комедийной ситуации, а изображение (картинка) оказывалась в подчиненном положении. В силу этой особенности наши комедии западным обывателем не воспринимались как таковые (кстати, и сейчас — тоже), вызывая недоумение относительно названия жанра.

В западных же кинокомедиях наоборот, акцент делался на визуализации комедийного действия. Восприятие картинки требовало от зрителя меньшего напряжения, нежели понимание и осмысление текста и тем более — подтекста. Отсюда и неизмеримо большая роль эротики в западном кино. Поэтому, для западного киношного эротизма 60-х — 70-х гг. XX в. была характерна одна интересная особенность — с его помощью маскировались важные социальные проблемы западного общества.

Например (157):

– *«Синьор Робинзон», реж. С. Корбуччи, 1976 г.*;
– *«Новые амазонки», реж. Ю. Махульский, 1983 г.*;
– *«Легенда о Нараяме», реж. С. Имамура, 1983 г.*

Комментарий:

В первом из перечисленных фильмов под эротикой маскировалась проблема урбанизации и человеческого одиночества в городском пространстве.

Во втором — проблемы, порождаемые тоталитарной властью.

В третьем эротика отвлекала внимание зрителя от драматических событий, связанных с проблемой банального выживания на грани голода в японской деревне XIX века.

В таких условиях от зрителя требовалось умение отсеять эротическую шелуху, дабы постичь суть актуальных социальных проблем.

Но у нашего зрителя это не всегда получалось в силу именно сексуальной неосведомленности граждан. Поэтому советский зритель, к сожалению, не мог и не умел дистанцироваться от секса и обнаружить то рациональное, смысловое зерно, которое было заложено зарубежными режиссерами в основу фильма. Причина этого, повторимся — низкий уровень сексуального воспитания и образования. Советский зритель, привыкший к эзопову языку и вербальному символизму, не был приучен к тому, что эротика также может быть средством социального символизма. Именно поэтому, при просмотре западных фильмов наши граждане в первую очередь обращали внимание на поведенческие моменты с элементами эротики, а не на спрятанный за ними социальный контекст.

Интересно, что работники советского кинопроката, занимавшиеся отбором и закупкой фильмов для показа в СССР, такого сочетания внешней формы и скрытого за ней смысла до конца не понимали. Конечно, они видели в фильмах и эротизм, и постановку актуальных социальных проблем, т. е. — и то, и другое, но эротизм выхолащивался ими с помощью ножниц и этого, по всей видимости, считалось достаточно, чтобы донести до зрителя социальную подоплеку фильма. Однако советский зритель не хотел этого понимать. На

фоне собственных проблем ему не было никакого дела до западного обывателя и социальных проблем западного общества. Наш, советский народ смотрел западное кино, ради развлечения и банального любопытства, чтобы узнать — как живут люди там, за границей. Естественно, что выводы делались не всегда в пользу своей страны. В этом-то как раз и заключались, особенности восприятия эротики и эротизма советским зрителем в зарубежных кинокомедиях.

Правды ради следует отметить, что постепенно, с течением времени, качество эротики в советских фильмах повышалось. На экране она стала занимать все больше места, и, соответственно, все сильнее конкурировала с теми идеями и социальными проблемами, которые пытались донести до зрителя создатели фильмов. Так случилось с фильмами «Маленькая Вера» (реж. В. Пичул, 1988 г.) и «Интердевочка» (реж. П. Тодоровский, 1989 г.). В этих кинокартинах зрителей, прежде всего, привлекала именно эротика, впервые показанная на советском экране с такой откровенностью, а не острые социальные проблемы, которые поднимались в этих фильмах (кстати — не комедийных). В своем большинстве эти проблемы оставались за гранью восприятия массового зрителя. Зато на кассовые сборы, такая эротическая изюминка подобных фильмов очень сильно влияла.

Таким образом, попытка посредством обращения к эротике донести до отечественного зрителя острые социальные проблемы советского общества, в то время потерпела крах. Впрочем, это не помешало воспринимать подобные фильмы как новаторские. Истинный политический и социальный контекст таких фильмов стал понятен массовому зрителю спустя время. И виной тому стала именно эротика, причем не в этих, а в других отечественных фильмах — более откровенная и агрессивная. На их фоне весь новаторский эротизм раннего перестроечного кино поблек и поднимаемые в нем социальные проблемы стали особенно ярко видны. Другими словами, современного зрителя, искушенного в кинематографе (в том числе и в порнокиноиндустрии) подобные сцены уже не впечатляют. Получилось так, что для глубокого осознания социальных проблем, представленных в фильмах, понадобилось массовое сексуальное просвещение населения, его привыкание к публичности эротики и эротизма. Парадоксальная ситуация!

Особый шарм, эротика и эротизм приобрели во французских комедиях 70-х годов XX века. Причины этого явления, по всей видимости, следует искать в студенческих бунтах, протестных молодежных движениях и сексуальной революции 60-х. Их переосмысление как раз и нашло свое воплощение во французском кинематографе, особенно в комедиях. С одной стороны зритель получал яркую, ничем не ограниченную эротику (именно эротику, а не секс), которая становилась достаточно сильным стимулом к просмотру кинокартины, а с другой — презентацию на экране актуальных социальных проблем, осознание которых происходило уже потом, постфактум, после просмотра кинофильма, спустя некоторое время.

В нашей стране, как уже говорилось выше, восприятие зарубежных (прежде всего французских) комедий было несколько иным. Не зная всех культурологических и социально-психологических причин их появления, советский зритель принимал такие фильмы за повседневную, обыденную реальность западного общества. В результате жанр комедии сыграл злую шутку с советскими людьми. На первый взгляд казалось, что в таких фильмах не было

никакой политической и/или идеологической подоплеки. Советский зритель видел в них в первую очередь другой образ жизни, наивно полагая, что там, за границей, люди живут точно также как и в кино — весело, беззаботно и легко. И то, что это всего лишь кинокомедия, никого не волновало. На самом же деле, обыденность, изображенная в заграничных фильмах, по которым советский гражданин судил о западном образе жизни, была гротескно преувеличена. Это примерно то же самое, как западному обывателю судить о нашей советской действительности по нашим, отечественным кинокомедиям.

Например (158), таким как:

– *«Бриллиантовая рука», реж. Л. Гадай, 1969 г.*;
– *«Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гадай, 1973 г.*;
– *«Джентльмены удачи», реж. А. Серый, 1971 г. и др.*

К сожалению, советский зритель этого как раз и не понимал, да и не хотел понимать, что и стало подсознательно одной из маленьких капелек недовольства советским строем. В этом смысле можно согласиться с высказыванием И. Бродского о том, что «*одни только четыре серии «Тарзана» способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущева на XX съезде и впоследствии*» [Б98]. Хотя тут можно подразумевать не столько саму десталинизацию, сколько весь советский строй, и не только «Тарзана», но и весь западный кинематограф, особенно 70-х — 80-х гг. прошлого века.

Во многих французских комедиях 70-х гг. XX века поднималась тема, «маленького человека», в ее современном западном варианте. Но если сравнивать то, как эта тема разрабатывалась в нашей отечественной литературе, то у нас она (на примере того же Гоголевского Акакия Акакиевича) изначально была трагичной. В зарубежном кино — наоборот, мы видим преимущественно комедийные образы главных героев и неизбежный хеппи-энд, как обязательный канон западного кинематографа, ведь кино должно быть прибыльным, его должны смотреть как можно большее число людей, а фильм с трагичной концовкой мало кого заинтересует. Ну и кроме того, западному обывателю надо было не только отдохнуть от рутины повседневного бытия, но и дать надежду — такую чтобы он осознал, что если не у него, то у кого-то другого, такого же как он хоть что-то в жизни да получилось.

Классическими примерами (159) таких фильмов являются:

– *«Разиня», реж. Ж. Ури, 1965 г.*;
– *«Не упускай из виду», реж. К. Зиди, 1975 г.*;
– *«Игрушка», реж. Ф. Вебер, 1976 г.*;
– *«Инспектор-разиня», реж. К. Зиди, 1980 г.*

§ 3.2.4. Что эротичного можно было узреть в западных фильмах

Итак, обнаженные женские тела, обнимания, жаркие поцелуи и даже намеки на половой акт у нас в стране можно было лицезреть разве что только в зарубежных кинокартинах. Но таким фильмам хронически не везло.

«Неприемлемые» для показа сцены из них безжалостно вырезались бдительными цензорами. Однако таких мер, по мнению советского руководства, все равно было недостаточно, поэтому многие западные кинокартины имели еще и возрастные ограничения: «дети до 16-ти лет не допускаются».

Попасть на такой сеанс среди детей и подростков, не достигших 16-ти лет, считалось доблестью. Но сами родители иногда брали своих детей на такие фильмы, не видя в этом ничего предосудительного.

Пример (160):

Как это ни покажется странным и парадоксальным, я отлично помню, как вместе с отцом и дедом ходил смотреть французскую кинокомедию «Фантомас против Скотланд-Ярда» в кинотеатре «Аврора» г. Краснодара. Это было летом 1968 г. Мне тогда исполнилось пять с половиной лет! Интересно, что я не воспринимал в то время этот фильм как комедию и в особо страшные моменты прятался за спинку кресла [А67].

Еще пример (161):

Однажды, в начале 70-х гг., мои родители взяли меня с собой на фильм, имеющий возрастное ограничение. Какой — я уже не помню. На входе в кинозал меня отказались пускать. Тогда моя мать сказала контролеру: «Он еще маленький и все равно ничего не понимает». После этих слов, я был пропущен на сеанс [А73].

Комментарий:

В курортной Евпатории такое случалось довольно часто, потому что отдыхающим просто некуда было девать своих детей на время киносеанса. Из-за этого с контролерами иногда случались конфликты. Поэтому они не особо обращали внимание на возраст детей, если те шли на фильм для взрослых вместе с родителями. А что им оставалось делать? Ведь подобные конфликтные ситуации возникали практически перед каждым сеансом.

Итак, советская цензура довольно плотно работала над каждым импортным фильмом, дабы не допустить на экран фривольных кадров, возбуждающих в советских людях неясные мысли, и будившие воображение. Секс в то время рассматривался как оружие Запада против СССР, поэтому с ним старались всячески бороться, не допуская его даже на экраны кинотеатров. Но абсолютно все вырезать из киноленты не получалось. Фильм сокращался по времени, но, несмотря на это, сюжетная линия оставалась неизменной.

Однако даже после такой процедуры, фильм подвергался еще одному дополнительному обрезанию уже самими киномеханиками. Кадры с пикантными сценами аккуратно вырезались ими, а сама кинопленка склеивалась так, будто в этом месте произошел случайный обрыв. Вырезанные кадры использовались для печати с них фотографий с целью последующей перепродажи и/или как предмет коллекционирования.

Итак, эротика в западных фильмах сильно отличалась от эротики в фильмах советских. И дело тут вовсе не в том, что в импортных фильмах наряду с эротикой зритель видел западный образ жизни. Важен был способ показа этой самой эротики. В нашем, советском кинематографе эротические сцены не выходили за пределы, если так можно сказать, каждодневного бытия главных героев. Кормление грудью ребенка, купание в озере (со спины), мокрая рубашка под дождем на голое тело, просыпание супругов в постели поутру — все это конечно было эротично, привлекательно, но отображало

рутинную обыденность, с которой советский гражданин сталкивался практически повседневно. Западная же эротика концентрировалась на чувственности. Она акцентировала внимание зрителя на сексуальности главных героев. Весь сюжет замыкался именно на этом. Другими словами, эротика и секс в западном кинематографе становились одной из главных сюжетных линий и мотиваторов поведения актеров в кадре.

Например (162):

Фильм «Не упускай из виду», реж. К. Зиди, Франция, 1975 г.

Ну и кроме того, именно в западном кинематографе можно было увидеть половой акт, а точнее (после ножниц цензоров) предположить, что он имел место быть.

Например (163):

Фильм «Никаких проблем», реж. Ж. Лотнер, Франция, 1973 г.

Именно в западных фильмах советский зритель мог увидеть:

– порнографические журналы («Операция начинается после полудня», реж. Э. Баллинг, 1979 г.);

– свободную любовь и любовь на троих («Никаких проблем», реж. Ж. Лотнер, 1975 г.; «Он начинает сердиться», реж. К. Зиди, 1974 г.; «Укол зонтиком», реж. Ж. Ури, 1980 г.);

– секс-шопы («Операция начинается после полудня», реж. Э. Баллинг, 1979 г.);

– надувных резиновых женщин для сексуально озабоченных мужчин («Операция начинается после полудня», реж. Э. Баллинг, 1979; «Он начинает сердиться», реж. К. Зиди, 1974 г.; «Инспектор-разиня», реж. К. Зиди, 1980 г.).

Также можно было увидеть:

– новинки женской моды на грани фола («Высокий блондин в черном ботинке», реж. И. Робер, 1972 г.);

– потрясающее эротическое женское белье, совершенно незнакомое женщинам из СССР («Бей первым Фредди», реж. Э. Баллинг, 1965 г.);

– стриптиз («Побег», реж. Ж. Ури, 1978);

– фривольных полуголых официанток в кафе («Бей первым Фредди», реж. Э. Баллинг, 1965 г.);

– свободу нравов и сексуальную распущенность («Бей первым Фредди», реж. Э. Баллинг, 1965 г.);

– уличных проституток («Побег», реж. Ж. Ури, 1978);

Примечание:

Первый отечественный фильм, в котором была показана жизнь советских валютных проституток («Интердевочка») вышел на экраны в 1989 г.

– мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией («Не упускай из виду», реж. К. Зиди, 1975 г.);

– кордебалет («Большие гонки», реж. Б. Эдвардс, 1965 г.);

– битвы тортами в неглиже («Большие гонки», реж. Б. Эдвардс, 1965 г.);

– переодевание мужчин в женскую одежду («Четверо против кардинала», реж. А. Юнебель, 1974 г.);

– имитацию полового акта («Высокий блондин в черном ботинке», реж. И. Робер, 1972 г.);

– и даже ритуал инициации («Ураган». Реж. Я. Троэлл, 1979 г.).

Для советского зрителя этих мимолетных кадров хватало, чтобы додумать все остальное и сделать соответствующие выводы. Сокрытие цензурой таких сцен вызывало раздражение, заставляло снова и снова пересматривать фильм, в надежде увидеть хоть что-то ранее незамеченное или же додумать то, что было вырезано. Так что не думаю, что работа цензоров имела успех, с точки зрения охраны нравственности советских людей. Развращение шло, хотя и не в такой форме, в какой могло бы идти, если бы все это было показано на экране. Оно осуществлялось в еще более извращенной форме, так как неудовлетворенные зрители домысливали то, чего на самом деле не было и не могло быть на экране. И тот факт, что это всего лишь комедия никого не смущал. Советский зритель принимал все показанное на экране за чистую монету, что именно так и живут люди там, на Западе и такие у них вольные сексуальные нравы — не то, что у нас. Именно по этой причине западные кинокартины становились у нас негласным образцом для подражания, в том числе и в сфере эротики и секса, причем не только для подростков, сумевших их посмотреть, преодолев всякими правдами и неправдами возрастные ограничения, но и для большинства взрослых зрителей.

Глава 3.3. Эротика, секс и мода

§ 3.3.1. Мода как воплощение молодежного эротизма

Физический облик, по-видимому, играет важную роль в степени привлекательности одного человека для другого. Люди любого возраста — маленькие дети [Б274][5], подростки [Б275; 273][6] и взрослые [Б263][7] относятся к красивым людям более благосклонно, чем к менее привлекательным. Обычно к людям с красивой внешностью относятся более приветливо и охотнее оказывают им помощь [Б266; 267][8].

Имеется вполне достаточное количество данных, свидетельствующих о том, что вопреки известной поговорке «с лица воду не пить», физическая привлекательность женщины сильно влияет на число ее поклонников — заключение, гораздо менее справедливое применительно к мужчинам [Б268; 291][9].

Большое значение в создании привлекательного (а равно — сексуального) образа человека играет мода.

Мода с латинского — означает меру, образ, способ, правило, предписание.

Современная Википедия трактует моду как «*совокупность привычек, ценностей и вкусов, принятых в определенной среде в определенное время*» [Б167].

Чаще всего мода ассоциируется с одеждой и характерными особенностями ее ношения.

Мода носит исторический характер. В зависимости от эпохи она меняется. Однако изменяется она не сама по себе, а под воздействием многих факторов — доминирующей идеологии, степени открытости общества, общественно-политической обстановки в стране и мире, климатических условий, образа жизни, развития промышленности, уровня благосостояния и т. д. и т. п. Все факторы, влияющие на появление и/или исчезновение тех или иных модных тенденций перечислить просто невозможно. Кроме того, в различные исторические периоды набор этих факторов бывает разным. Те из них, что в предыдущую эпоху были значимыми, с течением времени вдруг становятся неважными, второстепенными. И наоборот, главными становятся совершенно другие факторы — те, которые до этого не принимались во внимание.

Одно остается неизменным: мода, по своей сути — социальна. С одной стороны она подчеркивает индивидуальность человека, а с другой служит маркером его принадлежности к определенной социальной группе. Тем самым она способствует усвоению индивидом социальных норм, ценностей, правил, эталонов поведения и в целом его адаптации к социальной среде, определенной социальной группе, с которой он сам себя в первую очередь соотносит или хотел бы соотносить.

---

[5] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 376.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

Пример (164):

В этом отношении ярким примером является популярная американская песня “Puttin’ On the Ritz” (букв. «Одеваться как у Рица», т. е. «Одеваться богато») И. Берлина, написанная им в далеком 1927 г.

«*Первая версия песни содержала отсылки к негритянским символам и образу жизни. В тексте иронически описывалось явление “овердрессинга”: стремление бедных жителей Гарлема подражать одежде богатых белых американцев. Слушателя приглашают посмотреть, как в купленных на последние деньги костюмах негры прогуливаются по Ленокс-авеню, центральной улице района*» [Б303].

В нашей отечественной культуре подобное явление получило название «синдром Эллочки-людоедки».

Мы не будем выяснять, и описывать все функции моды, которые она выполняет в обществе. Для нас важнее то, что мода всегда и во все времена, в той или иной мере, в большей или меньшей степени имела сексуальный, эротический характер. Другими словами, мода и эротика, мода и секс — это, по сути, две стороны одной медали. Мода всегда эротична, но в тоже время, эротика и эротизм также не могут существовать вне моды.

Как мы уже говорили выше, мода переменчива и то, что раньше считалось модным (а значит эротичным и сексуальным), спустя годы вызывает удивление и насмешки. Поэтому, моду следует рассматривать в контексте определенной исторической эпохи, и именно в этом аспекте оценивать ее эротическое и сексуальное влияние на современников.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об эротичности и сексуальности детской и подростковой моды, а также о соотношении детской и взрослой моды с точки зрения отображения в ней эротики, восприятия ее (этой эротики) как самими детьми и подростками, так и взрослыми.

Примечание:

Отметим, что на наш взгляд, именно интенсивная эротизация детской моды как раз и стала одной из причин роста педофилии у нас в стране в последние десятилетия.

Модную детскую одежду можно рассматривать как некий специфический, завуалированный способ развития эротизма и сексуальности у детей. Ну а с подростковой модой в принципе и так все ясно — она, априори, всегда стремилась к акцентуации на эротике и эротизме. Другими словами, эротизация детской, а в особенности подростковой моды — это такой своеобразный способ приобщения данных возрастных групп к реалиям взрослого мира, а точнее — к межполовым отношениям, существующим во взрослой среде.

Эротичность моды можно рассматривать как своеобразный маркер сексуальной раскрепощенности общества, как некое зеркало, в котором отображается вся система сексуального воспитания и просвещения.

Так, например, недостаток в СССР яркой, модной детской и подростковой одежды, ее однообразие и отсутствие выбора, косвенно свидетельствовало о глубоком консерватизме в системе сексуального воспитания. Поэтому именно мода одной из первых давала толчок к изменению взглядов общества на эротику и секс. Причем на первых порах, проводниками такой «модной сексуальности», становились (как это ни покажется странным) сами родители

детей, при этом, даже не догадываясь об этом в полной мере. В подавляющем большинстве случаев они просто хотят, чтобы их дети выглядели красиво.

Итак, представляется несомненным тот факт, что модная, стильная одежда делает представителя противоположного пола более привлекательным в качестве сексуального объекта. На практике эта особенность моды начинает реализовываться уже тогда, когда у ребенка еще нет осознанного понимания своих эротических и сексуальных устремлений. Мода становится как бы первым толчком, своеобразным запалом к их появлению.

Вопрос о том — когда именно возникает осознание этой самой эротичности, в какой момент ребенок начинает чувствовать, что от того, как и во что он одет, зависит его привлекательность у представителей противоположного пола, является очень сложным.

На этот вопрос, к сожалению, нет четкого и однозначного ответа именно в силу изменчивости моды во времени. Однако некоторые тенденции все-таки можно попытаться «ухватить», используя методы качественной социологии, культурологии и социальной антропологии.

Вот пример (165) из собственных воспоминаний автора:

«*1966 или 1967 г., Севастополь. Мне примерно 3–4 года. Я гуляю во дворе многоквартирного пятиэтажного дома вместе со своими друзьями — мальчиками и девочками, моими ровесниками. Из соседнего подъезда на улицу выходит девочка моего возраста. На ее ногах гольфы с кисточками по бокам. Ни у кого во дворе таких нет. Всем завидно. И мне тоже. Кто-то из детей говорит на нее: "модница". Дети подхватывают и начинают ее дразнить: "модница", "модница". В ответ, девочка расплакалась и убежала домой*» [А64].

Комментарий:

Сейчас трудно сказать — что именно нам, детям, тогда казалось более привлекательным — гольфы с кисточками или сама девочка в таких красивых гольфах.

Дразнилкой «модница» мы, дети, высказали к ней свое отношение. Причем истинное отношение было, собственно говоря, не в самой этой дразнилке, а в том, что все заметили эти гольфы и обратили на них (и на девочку — тоже) свое внимание.

Досада, а точнее банальная зависть, вызванная отсутствием у других детей таких гольфов, вылилась в публичную обструкцию девочки, у которой такие гольфы были. В итоге, зависть была завуалирована нападками и издевательствами.

Еще пример (166):

«*Примерно тогда же и там же мне нравилась девочка, которая ходила в белом накрахмаленном платьице, прямо как перевернутая кувшинка, с лепестками наоборот, к низу*» [А63].

Комментарий:

Теперь, спустя много лет, я почему-то думаю, что нравилась она мне именно из-за этого красивого платьица. Похожего платья ни у одной девочки из нашего двора больше не было.

И еще один потрясающий пример (167) о том, как из-за небрежности в одежде пропадает любовь (если здесь уместно это слово):

«*В 1970 г., в Евпатории, когда я учился в первом классе, мне нравилась девочка, которая сидела за партой впереди меня. Любовь продлилась ровно до Новогоднего утренника. На нем, эта девочка выступала в образе снежинки и была одета в накрахмаленную балетную пачку.*

Это было красиво, но белые колготки у нее на попе висели мешком, вызывая вполне определенные фекальные ассоциации. На этом вся моя детская любовь к ней закончилась, по сути, так и не успев начаться» [А72].

Комментарий:

В этом примере интересна не столько сама описанная ситуация, сколько тот факт, что она, эта ситуация, запомнилась мне на всю жизнь. По всей видимости, в то время горечь моего детского разочарования была слишком велика.

Первоначально понимание моды у детей возникает в рамках осознания гендерных различий в одежде, причем именно в детской одежде.

Пример (168):

«*В пяти- или шестилетнем возрасте* (*точно уже не помню*) *я наотрез отказался носить колготки, считая эту одежду неприличной и неподобающей для мальчика. Но мой дворовый друг и ровесник Максим К. продолжал их носить. Интересно, что когда я однажды под давлением матери все же надел колготки, то во дворе сразу же был осмеян за то, что хожу в "девчонской" одежде. Причем мой друг такой обструкции со стороны дворового сообщества не подвергался, потому что носил их всегда и все во дворе к этому привыкли. В тот раз, придя с улицы домой, я заявил, что больше в таком виде гулять не пойду*» [А71].

Комментарий:

Свое гендерное право я тогда отстоял.

Конечно, все описанное, в реальности выглядело, наверное, несколько иначе, но само событие и переживаемые чувства и эмоции я постарался описать как можно более достоверно. Именно так они мне и запомнились.

По мере взросления ребенка, детская одежда все больше начинает испытывать влияние эротизма взрослой моды. В первую очередь это связано с физиологическими изменениями, происходящими с организмом ребенка, особенно девочек — девушек, у которых такие изменения проявляются наиболее выпукло. Эти эротические тенденции начинают по-разному сказываться в одежде и соответственно — моде мальчиков и девочек.

Вот характерный пример (169) из художественного произведения, хотя и не соответствующий рассматриваемому нами временному периоду, но, тем не менее, весьма показательный:

«*У Люськи худенькие острые плечи с веснушками. И маленький, в синюю крапинку лифчик смешно топорщился на ее мальчишеской фигуре. Это был первый Люськин взрослый лифчик, который на днях мать сшила ей. И Люська, неумело поправляя тоненькие бретельки, совсем по-женски, с некоторой гордостью поглядывала на мальчишек.*

Коля Бэс и Сашка Ладонщиков не обратили никакого внимания на то, что девчонки разделись. Бэс с удовольствием смотрел на берега, вдыхал свежий, настоянный на речной воде, прибрежной осоке и сосновых иголках воздух. В общем, наслаждался жизнью. Сашка сладко дремал под своей гигантской шляпой и видел какой-то приятный сон. Толстые губы его иногда растягивались в улыбке.

Люся Воробьева, обиженная равнодушием мальчишек, в десятый раз поправила бретельки и пожаловалась подружке:

— У меня лифчик жмет... Не знаю, что делать.

Алла только улыбнулась, а Гошка не утерпел и буркнул:

— Жать-то ему нечего...

Люся даже побледнела от негодования, но ничего не ответила. На эту щекотливую тему было как-то неудобно разговаривать» [Б125, с. 130–131].

Одежда, которую носили дети в то время, сильно зависела от возможностей родителей (во что оденут — то и носи), но даже в таких стесненных условиях, дети все равно стремились выглядеть привлекательно перед сверстниками, отвоевывая у родителей свое право модно одеваться. Таким образом, дети и подростки, активно включались в процесс модной гонки.

Описываемый нами период (70-е гг. прошлого века) был полон событиями в мире моды. Синонимом модной одежды была импортная одежда. Она, априори, считалась модной. Поэтому обладание любой импортной вещью позиционировало их владельца как модного, стильного и крутого (говоря современным сленгом). Естественно, что обладание импортными вещами мог позволить себе далеко не каждый советский гражданин.

§ 3.3.2. Мода и гендер. Краткий экскурс в недавнее историческое прошлое

Детская одежда, в силу минимальной физиологической выраженности половых различий, в раннем возрасте была до предела унифицирована. Причины такой универсальности — предмет отдельного изучения антропологами, историками и этнографами.

То, что до начала XX века мальчиков вплоть до семилетнего возраста одевали как девочек, было обычной практикой не только в крестьянских семьях, но и в среде высшего общества, и не только у нас в стране, но и во многих других европейски странах.

В русском языке даже само слово «платье» используется в нескольких значениях:

1. Как одежда вообще (в том числе и мужская).

Вот характерные примеры от И. Тургенева, его романа «Отцы и дети»:

«*Базаров переоделся, прежде чем пошел к ней: оказалось, что он уложил свое новое платье так, что оно было у него под рукою*» [Б316, с. 246].

или

«*Он очень походил лицом на своего сына, только лоб у него был ниже и уже, и рот немного шире, и он беспрестанно двигался, поводил плечами, точно платье ему под мышками резало,..*» [Б316, с. 163].

2. Как разновидность именно женской одежды.

Пример из того же И. Тургенева:

«*На ней было опрятное ситцевое платье; голубая новая косынка легко лежала на ее круглых плечах*» [Б316, с. 32].

3. Как детская одежда и одежда гендерно нейтральная.

Пример снова из И. Тургенева:

«*— Танюшка, — обратился он к босоногой девочке лет тринадцати, в ярко-красном ситцевом платье, пугливо выглядывавшей из-за двери, — принеси барыне стакан воды, — на подносе, слышишь?*» [Б316, с. 159–160].

или

«*— Дуняша, — кликнула она, — принесите Митю.* (*Фенечка всем в доме говорила вы.*) *А не то погодите; надо ему платьице надеть*» (выделено мною. *— А. Проноза*) [Б316, с. 49].

По мере взросления и появления вторичных половых признаков, неизбежно возникает необходимость разделения одежды на мужскую и женскую, потому что различия в строении мужского и женского тела, становятся все более заметными и существенными. Кроме того, стремление «быть как взрослые», копирование и усвоение гендерных ролей и стереотипов поведения и, наконец, возникновение подростковой сексуальности, закономерно подталкивают к тому, что мужская одежда приобретает внешне наблюдаемые свойства и качества маскулинности, а женская — феминности.

В таких условиях именно следование моде могло, по идее, обеспечить максимальные внешние проявления этих самых маскулинности и феминности если еще не в поведении, то хотя бы в одежде. Другими словами, по мере взросления ребенка, гендерным отличиям в одежде, самими детьми уделяется все больше и больше внимания. Но вначале это происходит под воздействием и контролем со стороны родителей. Это уже не просто деление одежды на мужскую и женскую, а именно выпячивание характерных гендерных особенностей одежды.

В осознании этих различий детьми, как раз и заключалось первичное детское понимание модности одежды.

Вот характерный пример (170):

«Евпатория, 1973–1978 гг. У нас в классе учился Витя В. Он жил недалеко от школы, в каких-то 100–150 метрах, и на учебу прибегал в одной рубашке, в любую погоду, даже зимой. Пальто и пиджак он принципиально не носил. Все мы, мальчишки, Вите страшно завидовали, потому что нам хотелось быть похожими на него, ходить также как он. Но в таком виде как Витя, нас родители в школу, естественно, не пускали» [А91].

Комментарий:

Только спустя много лет, став взрослым, я понял, что Витя в таком виде ходил в школу не ради выпендрежа, а потому что семья его жила бедно и у Вити не было ни пиджака, ни пальто (от этого каждой зимой у него от холода выскакивал на носу огромный фурункул). Но мы тогда этого просто не понимали и завидовали Вите, считая его настоящим мужиком!

Чтобы хоть как-то быть похожими на него мы расстегивали у рубашек верхние пуговицы «до пупа» и ходили по школьным коридорам — «грудь нараспашку».

Еще пример (171):

«*Среди мальчишек 70-х гг. прошлого века считалось дурным тоном носить кальсоны. Какая бы ни была погода* (*даже зимой*)*, под брюки старались ничего не поддевать. В крайнем случае, если было очень холодно, допускалось ношение спортивных штанов. Нарушители подобного дресс-кода выявлялись во время переодевания в спортивную форму перед уроком физкультуры. Таким приклеивалось обидное прозвище "мерзляк"*» [А80].

Комментарий:

Но есть и другое объяснение подобной моды — финансовое. Многим родителям было проще купить для своего ребенка одни спортивные штаны, которые потом можно было использовать и как кальсоны и как спортивную форму на занятиях по физкультуре. В таком случае не

надо было дополнительно тратиться на покупку кальсон. Так что прагматизм, обусловленный недостатком денежных средств, торжествовал.

Итак, осознание модности одежды у детей происходит не сразу, а постепенно. По мере взросления своя собственная одежда все больше и больше подвергается критической оценке как самими детьми и подростками, так и их сверстниками. Первые, спонтанные попытки детей и подростков следовать взрослой моде были схематичными и неизбежно порождали гротескные, уродливые формы.

Вот пример (172):

«*Где-то в 1974 или 1975 г. в Евпатории, когда я учился в 4 или 5 классе, я впервые узнал, что существует мода носить брюки на бедрах. Мой одноклассник Валентин С. на мою насмешку, что он приспускает брюки и у него между ног болтается мотня, ответил, что я "дурак", "ничего не понимаю" и что "сейчас так модно"*» [А93].

Комментарий:

1. Мой одноклассник, совершенно не задумывался о том, что мотня болтается между ног чуть ли не до колен, и что покрой брюк такое их ношение просто не предусматривает.

2. Кроме того, ношение брюк на бедрах совершенно не предполагало ношение под них кальсон. Их было бы видно, ведь кальсоны застегиваются на талии. Именно поэтому мальчики-подростки вели с родителями бескомпромиссную борьбу против этого предмета нижнего белья.

Попробуем дать характеристику отдельных элементов одежды мальчиков, подростков, юношей и то, как они были представлены в реальной моде 70-х гг. прошлого века в детской и молодежной среде.

§ 3.3.3. Мужская детская и подростковая мода

а) Нижнее белье: трусы и плавки, кальсоны и «спортивки»

На протяжении многих десятилетий семейные трусы были постоянным и конструкционно неизменным (если здесь допустимо это словосочетание) элементом нижнего белья всех советских мужчин. Другой фасон трусов просто не мыслился. Отечественная промышленность выпускала их в двух расцветках — черные и фиолетовые (цвета чернил). И даже появление трусов других расцветок и оттенков, типа «а-ля «Ну погоди!»» не затормозило процесса постепенного снижения их популярности у мальчиков — подростков.

Итак, в 70-е гг. прошлого века семейные трусы уже не отвечали требованиям современной моды и постепенно стали выходить из употребления. Вместо них в повседневный обиход входит ношение плавок. Те, кто продолжал носить семейные трусы, подвергались осмеянию. Многие родители с этой модной напастью носить плавки вместо семейных трусов старались бороться, утверждая (конечно же без подробных объяснений), что постоянное ношение плавок вредно для здоровья мальчиков. Но такие доводы были не слишком убедительны, а в плавках было удобнее.

Во-первых, они не «уезжали в жопу» (извинимся за обсценный жаргонизм), как семейные трусы, когда на улице было жарко.

Во-вторых, плавки было удобно поддевать под спортивные трусы на физкультуре, чтобы не светить сами знаете чем.

В-третьих, при ношении обтягивающих брюк и брюк на бедрах, особенности мужской физиологии удобнее было разместить именно в плавках.

В-четвертых, под плавками также было удобно скрыть внезапно возникшую эрекцию — в интимных зонах брюки не так сильно оттопыривались. Особенно это было важно во время танцевальных вечеров в школе. Во время медленного танца так хотелось прижать девушку к себе, но это было чревато стыдными последствиями. В случае эрекции, партнерша по танцу могла это заметить.

Пример (173):

Автор свидетельствует, что когда он был в детском санатории в 1977 г. то мальчики перед танцевальным вечером, одевали на себя по двое — трое плавок (!), чтобы во время медленного танца скрыть от партнерши неожиданно наступившую эрекцию [А125].

Комментарий:

Кстати, эта причина (неожиданная эрекция) была одним из факторов, ограничивающих популярность медленных танцев среди мальчиков подросткового возраста. Нерешительность подростков пригласить девушку на медленный танец во многих случаях объяснялась именно этим.

Отдельного внимания заслуживает сам покрой плавок. Те, что выпускались отечественной промышленностью, можно было натянуть чуть ли не до пупка, а то и выше. Вид при этом получался комичный. Чтобы избежать этого требовалось всего лишь купить плавки на один — два размера меньше или потратить время на поиски плавок подходящего фасона в торговой сети. Но это не всегда заканчивалось успехом. Мода требовала, чтобы плавки, как и брюки, сидели на бедрах, а сам пупок был как можно более оголенным.

Поиск по магазинам плавок нужного размера и фасона отнимал немало времени, поэтому их покупкой, чаще всего занимались родители, которые не очень-то разбирались в нюансах и особенностях подростковой моды.

О кальсонах мы уже немного говорили выше. Альтернативой им были спортивные штаны или «спортивки», которые среди мальчиков — подростков не считались за нижнее белье. Поэтому сверкнуть ими из-под штанов в принципе можно было безо всякого стыда. Это не считалось чем-то зазорным. А вот ношение кальсон — наоборот, считалось позором. По крайней мере, в раздевалке перед физкультурой за них можно было подвергнуться насмешкам и обструкции.

б) Брюки: брюки клеш, техасы, джинсы

Брюки клеш на бедрах (сейчас бы сказали — с заниженной талией) вошли в молодежную моду примерно с середины 60-х гг. прошлого века. В нашей стране уже в 1969 г. они были общепризнанной модной тенденцией, о чем свидетельствуют кадры из детского мультфильма про бременских музыкантов.

Лучше всего моду на такие брюки, презентует Волк из мультфильма «Ну, погоди!» (Вып. 7, первые кадры) [Б108].

Я могу почти точно сказать, когда сам стал следовать этой моде более или менее осознанно. Произошло это примерно в 1976–1977 гг. когда мои родители пошили мне брюки такого фасона в швейном ателье, из военного материала «диагональ».

В дальнейшем, вплоть до самого окончания школы я щеголял в брюках пошитых исключительно из «диагонали» (ее выдавали отцу на службе как вещевое довольствие). Казенность и немодность ткани (ее зеленая расцветка) компенсировалась модным кроем, и это меня вполне устраивало. Крутость была еще и в том, что эти брюки были не покупные, а специально пошитые в швейном ателье. Осознание этого факта приятно щекотало самолюбие — вся страна ходила в клешах, но в магазинах, брюк такого фасона не продавали. Мода на брюки клеш продержалась в СССР довольно долго, вплоть до начала 80-х гг. прошлого века.

Самая распространенная ширина брюк по низу (величина раструба) была 30 или 32 см. В то же время, клеши были двух типов — от бедра и от колена. Мальчишки чаще носили от колена, девочки — по-разному. Та, что нравилась мне в то время, носила клеши от бедра.

Теперь немного о джинсах и техасах.

Импортные джинсы считались брендовой, статусной одеждой. Это был шик, писк, высший пилотаж моды — не то, что какие-то там брюки клеш. Естественно, что для школьников-подростков настоящие, импортные джинсы были запредельной мечтой, потому что:

Во-первых, джинсы позиционировались как молодежная, а не детская одежда. Обладание ими сразу переводило подростка в более высокую статусную категорию.

Во-вторых, их не всегда можно было одеть в школу, все-таки они не были ученической формой — хоть какой-то дресс-код в школах того времени еще пытались соблюдать (особенно это касалось одежды девочек).

«*Джинсы в СССР были не просто модными штанами, они обозначали все. То есть все остальное у тебя как раз вполне могло быть совершенно заурядным, но, если у тебя были джинсы* (*только обязательно «фирменные»*), *то ты уже был на пике моды. И девочки засматривались на тебя больше, чем на твоих друзей. Да и сам себя ты чувствовал и красивее, и удачливее, и даже умнее других*» [Б173].

Фирменные джинсы появились у меня только в 1983 г., когда я учился на третьем курсе военного училища. Мои родители купили их у спекулянта за 230 руб. Для сравнения, зарплата офицера — лейтенанта в то время составляла 255 руб., буханка белого хлеба (кирпичиком) — 20 коп., килограмм сахара — 78 коп., а пол литра водки — 3 руб. 62 коп. Вот и считайте — дорого это было или нет.

А вот моему двоюродному брату и ровеснику купили джинсы фирмы LEE и это тоже было круто.

Причем интересно, что мои родители (и тетка тоже) при покупке джинсов отлично понимали, что это хоть и запредельно дорогая, но в то же время брендовая, как бы сейчас сказали, вещь, которая обязательно должна быть в гардеробе молодого человека.

Вообще, джинсы были олицетворением западного образа жизни, и советская государственная машина с ними всячески боролась.

Пример (174):

Так, еще в 1961 г. «*спекулянты Рокотов и Файбишенко получили высшую меру наказания по делу, в котором фигурировала и торговля джинсами. Последние слова, кои народная молва вложила в уста наказанных, звучали символично: «И все-таки джинсы — лучшая одежда*»« [Б173].

Комментарий:

Конечно, к 70-м годам отношение к джинсам у нас в стране стало более лояльным и постепенно, они стали завоевывать массовый потребительский рынок. Но государство к этому процессу не имело никакого отношения. Их ввозили из-за рубежа всеми возможными и невозможными способами, но только не централизованно. Поехать за границу и не привезти оттуда джинсов… — это был нонсенс. Ну а то, что поступало в торговлю централизованно, за настоящие джинсы в молодежной среде не считалось.

К джинсам относились настолько трепетно, что даже не подрубали их по росту, а подворачивали штанины внизу до нужной длинны, изнаночной стороной наружу.

Джинсы обязательно должны были быть фирменными. Фирма́ определялась просто. Краска индиго, которой красились аутентичные джинсы, при обычной стирке быстро облезала. Поэтому при покупке новых джинсов достаточно было послюнявить спичку, потереть ею по ткани, и если она окрашивалась в синий цвет, это свидетельствовало о подлинности «джинсы́».

Впрочем, существовала мода и на потертые джинсы, т. е. на такие, которые в процессе постоянной носки изменили цвет и вытерлись. Ходило поверье, что для того, чтобы сделать джинсы потертыми, надо обязательно тереть их об асфальт. Однако сам я такими рискованными экспериментами не занимался — уж слишком дорогим элементом одежды были джинсы. Жалко их было, а вдруг испорчу? Но, с другой стороны, со временем, от повседневной носки и многократных стирок они все равно становились белесыми. Кстати, потертость джинсов тоже имела свое статусное значение и показывала, что они у их владельца давно и, соответственно, он такой крутой — тоже давно.

Эпохе джинсов предшествовал небольшой период времени, когда в стране был широко распространен их суррогатный аналог — техасы. Сейчас значение этого слова в данном смысловом контексте уже мало кто знает, а тогда все было не так. В начале 70-х гг. прошлого века слово «джинсы» наоборот было неизвестным широкому кругу советских граждан и малоупотребительным в разговорной речи. Больше на слуху у обывателей было именно слово «техасы».

Вообще, техасы — это те же самые джинсы, только нефирменные. Все, что было похоже на джинсы, называли техасами. То есть они представляли собой эдакий суррогат западных джинсов, но отечественного или польского производства и, естественно, более низкого качества. Так что первыми моими джинсами (еще в школе) были именно техасы.

Одной из существенных проблем повседневной носки модных брюк, джинсов и техасов было то, что их надо было носить в обтяжку. Так было модно. Но особенности строения тела подростков создавали серьезную проблему — куда девать детородные причиндалы, чтобы они не выпирали с одной или другой стороны штанины. Особые сложности возникали и из-за

эрекции, всегда наступавшей неожиданно, по разным поводами, и без них, в силу подростковой гиперсексуальности. Умение надеть джинсы так, чтобы внешне возникала полная симметрия в промежности, было высшим шиком подросткового эротизма. Решению этого вопроса как раз и помогало ношение плавок, а то и двух сразу, если надо было идти на танцы или предстояло свидание с девушкой.

в) Обувь: кеды, полукеды, кроссовки, шлепанцы, тапочки

В 70-е гг. XX века в СССР начинается бум кроссовок. До этого, модной спортивной обувью считались кеды и полукеды. Они были широко распространены в молодежной среде все 60-е годы. В детстве, я просил родителей купить мне кеды, но они отказывали мне, мотивируя это тем, что негоже постоянно носить на ногах резину — это вредно для здоровья.

В начальной школе, в качестве спортивной обуви были распространены «чешки». Ничего эротичного в них не было, разве что только удобство и акцентирование внимание на том, что обувь эта — детская. По улице в них, конечно же, ходить было нельзя. Нейтрально гендерное восприятие «чешек» накладывалось на восприятие принадлежности данного типа обуви определенному возрасту. В результате возникал стойкий образ детскости не только данной обуви, но и ее владельца. Подобное мнение подкреплялось тем фактом, что в старших классах в качестве спортивной обуви использовались уже другие ее разновидности — те же кеды, полукеды и/или кроссовки.

А вот кроссовки, советского производства мне все-таки купили. Это случилось примерно 1974 или 1975 году. Когда я впервые вышел в них во двор, то оказалось, что не все мальчишки даже знают о том, что это за обувь такая у меня на ногах.

Постепенно, кроссовки заменяли собой кеды, становясь модным и желанным элементом повседневного гардероба подростков. Но и стоили они намного дороже. Особым шиком считались кроссовки фирмы «Адидас». В то время они были дефицитным товаром. Перед Олимпиадой-80 один из советских комбинатов начал выпуск таких кроссовок по импортной технологии, и дефицит, в целом, был преодолен. Кроссовки были удобной и практичной обувью, поэтому носились круглый год, даже зимой, под любую одежду.

Статус Евпатории как курортного города (город моего детства), диктовал свою моду и на летнюю обувь. Так в конце 60-х и всю первую половину 70-х гг. прошлого века в евпаторийской моде доминировали шлепанцы — вьетнамки.

Особенностью их конструкции было наличие вертикальной перемычкой между большим и вторым пальцами ноги. Вьетнамки считались пляжной обувью, но, несмотря на это, многие их носили постоянно — везде, где только можно. К числу приверженцев вьетнамок относилась местная детвора, подростки и отдыхающие. Это была самая дешевая летняя обувь. Потерять ее, или испортить (что в свою очередь было довольно трудно в силу простоты конструкции) не считалось большой трагедией.

Такое характерное название «вьетнамки», эта обувь получила от страны, из которой она импортировалась в СССР. Впоследствии их стали называть по-другому — «сланцы», уже по названию города, где располагалось

отечественное производство. Но, в 70-е гг. XX в., вьетнамки в нашей стране были широко известны именно под их первым названием.

По мере взросления, вьетнамки постепенно выходили из употребления и передавали эстафету моды шлепанцам с двумя поперечными перемычками через стопу. Такие шлепанцы купить было труднее, чем продающиеся на каждом углу вьетнамки. Их можно было уже одевать и носить вместе с носками — этому не мешала перемычка между пальцами — ее просто не было.

Отдельно следует сказать и о сугубо евпаторийской моде на ношение домашних тапочек в качестве уличной обуви. Обыкновенные домашние тапочки, использовались местными подростками в виде некоего аналога шлепанцев. В середине 70-х, эта мода в Евпатории получила самое широкое распространение. Внешне она выглядела абсурдно, дико и несуразно. Ничего эротичного в ней на первый взгляд не было. Но суть заключалась не в эротике, а в такой своеобразной публичной демонстрации своей маскулинности. Тапочки обозначали их владельца как местного, коренного, т. е. человека, обладающего некими правами хозяина. Это был такой своеобразный маркер, отличающий своих от чужих, местных от приезжих. И чем более раздавленными были задники у тапок (это было обязательно!), тем более модными они считались. В некоторой степени данная мода поддерживалась и родителями. По крайней мере, многие из них не обращали внимания на то, в чем бегают по улице их дети, да и на летнюю обувь, в таком случае можно было не тратиться — какая-никакая, а экономия.

Итак, достаточно было иметь старые домашние тапочки с разбитыми задниками, чтобы быть в тренде у сверстников. Кстати, и на пляж ходить в них было удобнее, чем во всяких-там сандалиях и босоножках, в которые постоянно забивался песок и натирал ноги.

Пример (175):

«*Примерно в 1976–1978 гг.* (*точно уже не помню*)*, моды на ношение домашних тапочек не избежал и я сам. Чтобы выглядеть более убедительно в глазах сверстников, я специально разбивал задники тапочек молотком. Этот прием я подсмотрел у других мальчишек и копировал за ними столь модную тенденцию*» [А120].

Еще пример (176):

«*А еще вместе с домашними тапочками на босу ногу полагалось носить рубашку с закатанными рукавами, открытой грудью и завязанную узлом на пузе. Пуговицы не использовались. Такой живописный внешний вид добавлялся обязательным радиоприемником ВЭФ* (*«Океан»*)*, или переносным магнитофоном «Весна-306». Но об этом чуть позже*» [А119].

г) Рубашки и футболки

Если говорить о рубашках, то здесь, в первую очередь, следует отметить не столько модный фасон, сколько способ ношения, поскольку фасон больше зависел от выбора родителей, а способ ношения — от самого подростка.

Во-первых, пузырь от рубашки, который образовывался за спиной над брюками (так называемый напуск) не приветствовался. Заправить рубашку в брюки таким образом, чтобы пузырь сзади отсутствовал, представляло собой целое искусство. Впрочем, в 70-е гг. прошлого века, в моде были приталенные

рубашки. Они копировали форму тела, особенно в районе талии. В совокупности с брюками на бедрах это придавало внешнему виду особый шик и сексуальность, подчеркивая стройность фигуры.

Во-вторых, рубашка должна была быть расстегнута чуть ли не до пупа, примерно так, как у Трубадура из мультфильма «По следам бременских музыкантов».

Ну и в-третьих, как мы уже говорили выше, желательно было завязывать ее узлом на животе. Пуговицы в качестве застежки при этом не использовались [Б243].

Но все это были в основном летние варианты. Что же касается ношения рубашки зимой, то во второй половине 70-х гг. возникла мода выкладывать воротник рубашки, поверх ворота пиджака.

Еще одной модной тенденцией стало ношение свитеров-водолазок под рубашку. Среди молодежи они назвались «лапша», по рельефным вертикальным полоскам или рубчикам вдоль свитера.

Кстати, джинсовые куртки, во второй половине 70-х гг. прошлого века тоже были в моде. Но по сравнению с фирменными джинсами, куртки фирменного производства, были еще бóльшим дефицитом. Поэтому подростки носили те куртки, что были в продаже, особо не заморачиваясь.

Что же касается футболок, то в СССР, в рассматриваемый нами период, их производили только белого цвета. Футболок других цветов просто не существовало. Исключение составляла импортная продукция, например футболки из Египта с изображением лошади на груди.

Но и такие варианты не всех устраивали, потому что вся страна ходила в лошадях, а хотелось иметь какое-нибудь другое, эксклюзивное изображение.

Самым распространенным способом решения этой проблемы было самостоятельное изготовление трафарета и его собственноручное перенесение на ткань футболки. Наибольшей популярностью среди мальчишек пользовались трафареты с изображениями известных зарубежных эстрадных исполнителей, обязательно в модных солнцезащитных очках.

Примечание:

Солнцезащитные очки также считались статусной вещью. Речь о них пойдет ниже.

При многократных копированиях такого трафарета изначальный рисунок сильно деформировался, и определить, кто же именно из популярных музыкантов на нем изображен, уже не представлялось возможным.

Другим распространенным персонажем при создании трафаретов был известный югославский киноактер Гойко Митич, прославившийся ролями отважного индейца Виннету. У меня дома до сих пор хранится трафарет, сделанный (только не мною) по его фотографии.

Трафареты были предметом мены, перепродажи и коллекционирования, т. е. имели определенную ценность в детско-подростковой среде.

Способы нанесения трафарета на ткань были разные. Я, например, использовал пасту для стирки с синькой. Она была густой как сметана и не затекала под трафарет. Футболку с таким трафаретом можно было стирать, но после каждой очередной стирки изображение все сильнее и сильнее блекло,

и в конце концов, становилось практически незаметным. Причем для меня было неважно, что именно изображено на трафарете — главным было то, что это именно трафаретное изображение на футболке. Для статуса владельца вещи этот факт имел большее значение, чем сама картинка (хотя, картинку также нельзя сбрасывать со счетов).

Другой способ нанесения трафаретного изображения предполагал использование нитрокраски из баллончика. Они тогда только появились в продаже. Недостатком такого способа было то, что после первой же стирки, изображение трескалось, лопалось, и футболка выглядела как тряпка. Поэтому такие футболки старались носить очень аккуратно, как парадную одежду, т. е. — не каждый день.

В конце 70-х гг. в нашей стране впервые появились импортные футболки с цветными фотоизображениями на груди. Это было вообще что-то запредельно фантастическое. У одного моего одноклассника была такая. Он привез ее из Артека, когда отдыхал там летом (примерно 1977–1978 гг.).

д) Головные уборы

Мода на головные уборы, как таковая, в Евпатории, городе моего детства — отсутствовала. Конечно, летом родители старались напялить на своих детей панамки, кепки, шапочки от солнца. Но если с маленькими детьми этот номер проходил, то с подростками — нет.

Головные уборы летом никто из местных не носил, как бы ни было на улице жарко, и как бы ни пекло солнце. Зато среди курортников в моде были летние фуражки и кепки с изображениями из мультфильма «Ну погоди» на кокарде. Опять-таки, повторимся, что местные жители такие кепки не носили, считая их исключительно курортной одеждой.

Ну а зимой, как правило, носили обыкновенные шапки ушанки разных фасонов и расцветок, в основном из кроличьего меха. На этом особо не заморачивались.

е) Верхняя зимняя одежда

Вторая половина 70-х, и все 80-е гг. XX в. прошли под знаком дубленки. Дубленка была высшим шиком, мечтой любого юноши.

Еще в моде были полушубки из искусственного меха. В нашей школе был всего один такой, у моего одноклассника Васи С. В школьной раздевалке он его никогда не оставлял — боялся, что его могут украсть. Поэтому Вася постоянно таскал свой полушубок из класса в класс на каждой перемене. Зависть к его полушубку с лихвой компенсировалась насмешками над ним.

§ 3.3.4. Женская детская и подростковая мода

а) Особенности восприятия эротичности женской моды

Мода, как мы уже говорили выше, всегда эротична. Но как определить степень ее эротичности? В подростковой среде она определялась достаточно просто: неожиданная эрекция (в силу подростковой гиперсексуальности) наиболее убедительно свидетельствовала об эротичности объекта внимания. Красивая девочка сама по себе плюс красивый купальник или мини юбка или что там еще, равнялось эрекции, т. е. — искомой эротичности, а значит, и модности.

На практике эротичность женской одежды достигалась обнажением тех или иных частей тела, которые в данном месте и в данное время демонстрировать не предусматривалось или даже запрещалось нормами существующей морали и нравственности. Другими словами, нарушение традиций, обычаев и привычек в ношении одежды, обращало на себя внимание окружающих и, соответственно, порождало ощущение эротичности воспринимаемой аномалии.

Вообще о женской моде можно говорить бесконечно, поскольку в сравнении с мужской, она намного более изменчива и непостоянна. Именно поэтому мы попытаемся обозначить только основные модные тенденции, которые были характерны для женской моды 70-х гг. прошлого века и которым старались в общих чертах следовать девочки подросткового возраста.

Кстати, в настоящее время нельзя судить (и соответственно делать какие-то выводы) о женской моде прошлых лет по иллюстрациям из журналов мод тех времен. Полиграфическая презентация моды предлагала потребителю идеальный образ — тот, к которому он должен стремиться и каким он должен быть. Но жизненная реальность была совершенно иной. Вся праздничность и сексапильность глянцевой моды разбивалась о повседневные будни советских людей. Та мода, которая предлагалась журналами в качестве эталона, была недостижимой для советских граждан в первую очередь из-за ее непрактичности и элитарности, а не из-за высокой дороговизны и дефицитности используемых тканей. Так, на примере джинсового бума, поразившего нашу страну в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века можно с полной уверенностью говорить о том, что в погоне за модной вещью, цены на них меньше всего интересовали советских людей. Именно поэтому основная задача, которую решали советские женщины, заключалась в том, чтобы получить максимально модный наряд с возможностью его повседневной носки и желательно за умеренную цену.

б) Нижнее белье: купальники, бюстгальтеры, трусы и панталоны

В 60-е гг. прошлого века в стране начался бум на купальники (и плавки) из синтетических материалов. Такие купальники легко тянутся, быстро сохнут, не стесняют движений и могут быть любых расцветок. Они удачно облегают тело и подчеркивают женские прелести, а при необходимости — скрывают недостатки. Моде на купальники активно поспособствовал отечественный и западный кинематограф.

Например (177):

> В купальнике из синтетического материала щеголяла одна из главных героинь французской комедии «Разиня», реж. Ж. Ури, 1965 г.

Вообще кино 1960-х (как отечественное, так и зарубежное) стало прорывным в этом плане. До этого времени, на экране практически нельзя было увидеть актрису в купальнике. Теперь же летний отдых и соответственно летняя мода стали неотъемлемой частью моды вообще.

Например (178):

> «*...одним из первых ярких гимнов летнему отдыху стал, художественный фильм "Три плюс два", где Н. Фатеева и Н. Кустинская вызывали завистливый зубовный скрежет своими*

купальниками. Причем в купальнике Н. Кустинской, похоже, даже был эластан! Невиданная для того времени роскошь. Обычно купальники шились из обыденного ситчика или еще чего неприхотливого» [Б168].

Были и другие отечественные кинофильмы, где актрисы открыто демонстрировали свое тело в купальниках.

Например (179):

– «Спящий лев», реж. А. Файнциммер, 1965 г.,
– «Формула радуги», реж. Г. Юнгвальд-Хилькевич, 1966 г. и др.

Гораздо реже появлялись на экране актрисы в раздельных купальниках, ибо это считалось почти что неприличным.

Например (180):

– «Формула радуги», реж. Г. Юнгвальд-Хилькевич, 1966 г.,
– «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», реж. Л. Гайдай, 1965 г.,
– «Бриллиантовая рука», реж. Л. Гайдай, 1969 г. и др.

Фасоны женских молодежных купальников в нашей стране в 70-е гг. также испытали на себе влияние западной моды. У старшего поколения в тренде были купальники закрытые (как бы сейчас сказали — слитные), а у молодежи — открытые или как их тогда называли — раздельные. Степень открытости определялась расстоянием от пупка до верхнего края купальных трусиков. Чем больше это расстояние оказывалось оголенным, тем моднее. Или по-другому, чем уже были трусики и чем ниже они сидели на фигуре, тем моднее и, соответственно, эротичнее это выглядело со стороны. Со спины, такие трусики должны были прикрывать ложбинку между ягодицами, т. е. — дотягивать до копчика (фильм «Искатели приключений», реж. Р. Энрико, 1967 г.). К сожалению, отечественная промышленность не обеспечивала массовое производство таких купальников, поэтому поиск подходящего по фасону и размеру, представлял сложную задачу для модниц.

Ношение девушками бюстгальтеров требовало соблюдения и других модных «технологий». С одной стороны, этот предмет женского гардероба традиционно относился к нижнему белью, и выглядывание его из-под платья считалось верхом неприличия. Но, с другой стороны, всегда был соблазн одеть летнюю одежду таким способом, чтобы тело было максимально оголено и предъявлено (если так можно выразиться) к осмотру окружающими.

Девушки старались подобрать бюстгальтер и платье таким образом, чтобы они в сочетании друг с другом позволяли, как можно более откровенно продемонстрировать свои женские прелести. При этом отдельные фрагменты бюстгальтера не должны были виднеться из-под платья. С этой целью бретельки от бюстгальтера прятались под лямки платьев и сарафанов, а декольте оголялось до такой степени, что между пуговицами блузки и нижним краем бюстгальтера приходилось закалывать булавку. Таким образом, при внешнем соблюдении приличий (бюстгальтер оставался невидимым, т. е. под платьем), грудь подвергалась максимальному оголению. Эротизм торжествовал!

Отношение к панталонам как одному из элементов женского нижнего белья в девчачьей среде было примерно таким же, как и отношение мальчиков — подростков к кальсонам. Этот момент талантливо обыгран советской актрисой Н. Негодой в фильме «Завтра была война» (Реж. Ю. Кара, 1987 г., 1987 г.). И хотя действие этого фильма, как видно из названия, происходит накануне Великой Отечественной войны, за прошедшие с тех пор годы, фасон этой разновидности советского женского белья и соответственно отношение к нему со стороны девочек — подростков (да и мужчин) не изменились.

в) Голая спина

Мода курортных городов и поселков отличалась от моды других регионов страны практической реализацией принципа «а меня тут никто не знает». Именно поэтому курортные города и поселки становились своеобразными экспериментальными площадками по внедрению новых модных тенденций. Особенно это касалось воплощения эротических и сексуальных фантазий в женской одежде. Отсюда и снижение общепринятых требований приличия.

Примерно во второй половине 70-х гг. в нашей стране возникла мода на оголенную спину. Естественно, что в первую очередь она могла появиться (и утвердится) только на юге, преимущественно в курортных городах и поселках. Эта мода предполагала отсутствие под платьем бюстгальтера, что само по себе на тот момент для девушек и женщин было революционным поступком. Ну где еще, как не в курортном городе можно было осуществить подобный эротический эксперимент? Вместе с тем, это было еще и удобно — теперь можно было не стоять в очереди в раздевалку, а сняв купальник под сарафаном спокойно отправиться домой, щеголяя открытой спиной. Да и купальные трусики в принципе тоже можно было снять и ничего не надевать вместо них. Их отсутствие легко угадывалось под сборками сарафана, а голая спина, будила у наблюдательных мужчин воображение и становилась причиной эротических фантазий.

Вообще бюстгальтер — это женское нижнее белье. Поэтому даже бретельки от него, случайно выглядывающие из-под платья, как мы уже говорили выше, считались в то время верхом неприличия. И тут, представляете, неожиданно появляется мода вообще на его полное отсутствие под верхней одеждой? Шок! Почему так произошло? В чем причина? Мы попытались разобраться в вопросе, откуда взялась подобная мода.

По нашему мнению, здесь снова просматривается влияние кинематографа, хотя о степени такого влияния можно поспорить, ведь как мы уже говорили выше, отсутствие бюстгальтера имело, в том числе и утилитарную функцию.

Пример (181):

В поистине революционном (для советского кино) маленьком черном платье появляется героиня актрисы Л. Голубкиной в фильме «Дайте жалобную книгу», реж. Э. Рязанов, 1965 г. Еще и с голой спиной!

Еще пример (182):

Другая картина, которая, по нашему мнению, сильно повлияла на появление моды на платья с обнаженной спиной, стала французская кинокомедия «Высокий блондин в черном ботинке», реж. И. Робер, 1972 г.

Комментарий:

Когда в 1974 г. эту картину показали в Советском Союзе, она произвела настоящий фурор. Но поразили зрителей вовсе не спецэффекты и игра актеров (хотя последняя, как всегда, была на высоте). Настоящим шоком, для целомудренной советской публики, стала сцена с обворожительной Кристин (актриса Мирей Дарк). Одно из появлений ее героини в кадре стало самым запоминающимся моментом фильма — и все благодаря смелому платью с открытой спиной, вырез которого обнажал самые интимные участки тела актрисы. После выхода фильма модельеры по всему миру стали копировать этот тренд [Б113].

В нашей стране, в силу традиционного сексуального консерватизма и советского пуританства мода на платья с обнаженной спиной нашла свою нишу именно в летних сарафанах и в основном на курортах, т. е. там, где «меня никто не знает» и «мне ни до кого нет дела». В таких специфических условиях явный эротизм этих платьев удачно маскировался якобы требованиями удобства и практичности.

г) Мини-юбки

Выше мы уже упоминали о том, что особым шиком у девочек было носить блузку так, чтобы вырез на груди был как можно более глубоким. Если расположение пуговиц этому мешало, то, в нужном месте, изнутри на блузке, между пуговицами закалывалась булавка. То есть было видно, что пуговка расстегнута, но заглянуть туда, поглубже, что-то мешало — та самая булавка, которая с внешней стороны блузки оставалась незаметной для стороннего наблюдателя.

Схожий прием использовался девушками 70-х при ношении мини-юбок — по возможности они должны были быть как можно короче. Мини-юбка 70-х — это, по сути, верх женского молодежного эротизма.

Как предмет женского повседневного гардероба, мини-юбка в нашей стране долго пробивала себе дорогу. Окончательно она завоевала всеобщее признание лишь в 70-е годы и в первую очередь, именно в молодежной среде.

Мини-юбка могла кардинально изменить внешний вид школьной формы и сделать девушку-школьницу привлекательной и сексапильной. Всего-то и требовалось — укоротить подол до минимума. Но при этом надо было обязательно заручиться поддержкой и разрешением со стороны родителей.

Если попервоначалу школьные администрации пытались бороться с короткими юбками, то впоследствии это им надоело, тем более что на стороне девочек-подростков часто оказывались их родители, смотревшие на длину юбок более прогрессивно. Не знаю, как было в других школах СССР, но в той, в которой учился я, девочек за короткие юбки не третировали.

Мода на короткие юбки распространялась и на школьные платья, но белый передник и белый воротник у девочек оставались обязательными элементами школьной формы.

Мини-юбка изменяла не только саму школьную форму, но и стиль поведения девочек-подростков. Он становился более плавным, мягким, осмотрительным и одновременно вызывающим, в общем — привлекающим к себе внимание. По лестнице надо было ходить уже с оглядкой, бочком, не размахивать руками и тем более — не поднимать их высоко над головой, чтобы подол юбки или платья не задрался до неприличия высоко. Хотя, в некоторых случаях, при общении с мальчиками (для привлечения их внимания), такие

телодвижения, сделанные как бы ненароком, случайно, представлялись вполне оправданными. Все это, повторяясь изо-дня в день, способствовало самовоспитанию эротизма, женственности и сексуальности.

Итак, короткая юбка, привлекала взгляды мальчиков — сверстников и это, в свою очередь, накладывало отпечаток на стиль поведения девушек, изменяло его. Таким образом, мини-юбка становилась важным фактором возрастной сексуальной социализации не только девушек-школьниц, но и юношей — их ровесников.

К 80-м гг. прошлого века мода на мини-юбки (в том числе и короткие школьные платья) стала спадать. Трудно сказать, с чем это было связано. По нашему мнению, причина этого заключалась не в смене модных тенденций, а в тех издержках, которые закономерно возникали, при ношении одежды такой длинны (о чем мы уже сказали выше). В общественном сознании произошла окончательная легализация мини-юбки. Были сняты все и всяческие запреты на ее ношение. В результате мини-юбка стала восприниматься как постоянная или точнее, как повседневная одежда. Это привело к существенному снижению витающего вокруг нее ореола сексапильности. В результате степень ее эротического воздействия на мужчин стала падать. Но мини-юбка не вышла из моды окончательно. В новых, если так можно сказать — легальных условиях ее существования, эротичность мини-юбки требовала некоего дополнительного подкрепления и поддержки. Отсутствие необходимости носить ее постоянно (в силу именно неудобства повседневной носки и в связи с упадком эротического воздействия на мужчин, потому что они уже привыкли к этому элементу женского гардероба) привели к тому, что мини-юбка стала восприниматься и использоваться как одежда по случаю, к ситуации. В таком аспекте ее эротизм подкреплялся соответствующими обстоятельствами и обстановкой ношения данного предмета гардероба — некое торжество, танцевальный вечер, дружеская вечеринка и т. д. Хотя в данном случае трудно сказать, что в подобных обстоятельствах было более решающим фактором для восприятия женщины как эротичной и сексуальной — мини-юбка плюс определенные условия ее ношения или же наоборот — эти самые условия, подкрепленные мини-юбкой.

д) Брюки клеш

Другим символом эпохи 70-х стали женские брюки, к которым официальные власти также относились с большим подозрением, что, однако, не мешало им стать повседневным элементом молодежного гардероба. Естественно, что ареал ношения брюк оставался за пределами школы. Брюки не стесняли движений и то, что ограничивала мини-юбка, наоборот провоцировали брюки. Если мини-юбка акцентировала внимание мужчин на красивых женских ножках, то брюки — наоборот, скрывали ноги, но зато подчеркивали бедра и округлость ягодиц. Если мини-юбка требовала плавности и аккуратности в движениях (дабы не засветить ненароком нижнее белье), то брюки — наоборот, провоцировали активные телодвижения. Таким образом, чередование этих двух предметов гардероба — брюк и мини-юбки, взаимно дополняли сексуальный образ, делали его многогранным. И если к женщинам, старших и средник возрастов, носящих брюки, относились с подозрением и недоумением, то в отношении девушек в брюках, старшее поколение было намного терпимее.

е) Колготки

Колготки, несомненно, были одним из самых эротичных элементов женской одежды. Это было сочетание несочетаемого. С одной стороны они воспринимались как нижнее белье, а с другой — считались верхней одеждой, демонстрируемой публично, на показ, особенно в сочетании с мини-юбкой.

При написании этого раздела у автора возникли некоторые сложности.

Во-первых, это история женских колготок в СССР, которая сама по себе достаточно увлекательна, чтобы на ней остановиться отдельно. Здесь были бы интересны не столько объемы производства, перечисление фабрик и ассортимента продукции, сколько субъективное отношение обычных советских женщин и мужчин к этому предмету гардероба. Достаточно сказать, что сам термин «колготки» не сразу завоевал признание в нашей стране. До него, аналогичная продукция выпускалась под другими названиями — «чулковые (чулочные) рейтузы» или «рейтузы со следом».

Во-вторых, это оценка влияния, которое колготки оказали в нашей стране на развитие женской моды, женственности и женской сексуальности.

И в-третьих, это изучение степени влияния колготок на мужчин, как на визуально-эстетических потребителей данного вида продукции.

Все эти три пункта могут стать темами отдельных исследований, но нам бы хотелось остановиться более подробно на последнем.

Эстетическое восприятие мужчинами колготок вписывается в два аспекта. Первый достаточно широко известен — красивые ножки в модных колготках всегда притягивали взгляды мужчин. А вот второй оказался надежно скрытым за традиционным пуританством советского строя.

Дело в том, что определенная часть колготок импортировалась в СССР из стран т. н. социалистического содружества, в частности из ЧССР, ВНР и ГДР. Упаковки колготок для советского потребителя выглядели вызывающе фривольно. На них были изображены красивые женщины в колготках, но при этом (о ужас!) без трусов. Для советской страны это было немыслимо. Конечно, такие изображения притягивали взгляды мужчин. Поэтому подобные упаковки, безотносительно к товару, помещенному в них, становились вполне самодостаточным объектом эротического внимания и сексуального воображения. Ну а для советских женщин, такие упаковки демонстрировали неведомый для нашей страны эталон эротизма и сексуальности, призыв к тому, что и так может быть, и что в этом нет ничего постыдного. Косвенно, такое «бесстыдство» одобрялось государством, которое бдительно стояло на страже нравственности советских граждан, ведь если такая продукция (точнее — оформленная подобным образом) допускалась к продаже, то ничего зазорного в этом не усматривалось.

Примечание:

Напомним: ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика. ВНР — Венгерская Народная Республика. ГДР — Германская Демократическая Республика.

Упаковки от импортных колготок вполне могли стать предметом коллекционирования, но автор не имеет об этом никаких сведений. Впрочем, у одного из моих одноклассников (1979 г.) подобная картинка постоянно лежала на столе под стеклом, выполняя, по всей видимости, роль своеобразного сексуального фетиша.

Таким образом, на индивидуальном, личностном уровне, упаковки из-под импортных колготок задавали собой определенный стандарт женской красоты и воспитывали у мужчин чувство прекрасного. То же самое, можно сказать и о подростках. Упаковки из-под импортных колготок возбуждали, и порождали у них сексуальные фантазии и мечты. Ну а недостижимость образа, исподволь воспитывала терпение, умение сдерживать свои эмоции и желания.

По своему значению упаковки от колготок, в советской массовой эротической культуре близки к гэдээровским переводным картинкам, но в отличие от них, повторимся, были более интимным предметом потребления, причем потребления самодостаточного, наряду с самими колготками, которые помещались в эти самые упаковки. Но их потребителями были уже не женщины, а мужчины. Возникала довольно комичная ситуация: колготки — женщинам, а упаковки от них — мужчинам.

§ 3.3.5. Оформление внешности

а) Прически

Официальная мода 70-х гг. прошлого века предлагала для мальчиков типовой набор причесок: «бокс», «полубокс», «молодежная», «полька», «канадка» (на тогдашнем жаргоне — «канатка», через букву «т»). Они мало чем отличались друг от друга, разве что только ценой. Стрижки — бокс и полубокс были самыми дешевыми и, соответственно, самыми короткими.

По мере взросления этот перечень переставал удовлетворять подростков. Главным критерием модности становилась длина волос. Чем реже стрижешься, и чем длиннее у тебя волосы — тем моднее и, соответственно, эротичнее. Такие прически называли в простонародье «хиппи» или «под битлов».

Пример (183):

Взрослые, в своем большинстве, этой моды не понимали, поэтому в молодежной среде существовала поговорка:
«*Кто хипует — тот поймет*» [А111].

Примечание:

В принципе, смысл данной поговорки распространялся не только на прически, но и на любые другие проявления молодежной моды, не понятные взрослым.

Несомненно, что такая мода пришла из-за границы, поэтому бороться с ней официальным властям было трудно. Однако такие попытки все же имели место.

Известный отечественный социолог и сексолог И. Кон свидетельствует, что «*В 1970-х гг. во многих городах административно преследовали юношей и молодых мужчин с длинными волосами и женщин в джинсах или брючных*

костюмах. В Ленинграде милиционеры и народные дружинники прямо на улице хватали длинноволосых юношей, всячески оскорбляли их, насильственно стригли, а затем фотографировали и снимки выставляли на уличных стендах, с указанием фамилий и места работы или учебы, под лозунгом: «Будем стричь, не спрашивая вашего согласия» [Б135, с. 146–147].

В школе за такие прически также гоняли, но в середине 70-х гг. не пустить на урок из-за длинных волос было уже нельзя — времена изменились. По всей видимости, власти осознали, что с массовым явлением бороться бесполезно. И действительно, когда я учился в школе, в моем классе все мальчишки носили длинные прически — у кого-то короче, у кого-то длиннее, но явно не такие как перечисленные выше официально дозволенные образцы. Сам я тоже носил прическу с длинными волосами и очень этим гордился.

Лично мне замечание за нее не делали, а вот моим родителям — да. Впрочем, родители тогда меня отстояли, заявив, что прическа не мешает мне хорошо учиться. Однако за нее я все-таки поплатился, получив единственную тройку в аттестате зрелости по русскому языку. Длинных волос мне не простила учительница по русскому языку и литературе — именно ей больше всего не нравилась моя прическа и именно она сделала замечание моим родителям по этому поводу.

Что касается девушек, то в 70-е г. главной целью модниц стала, прическа типа «Мирей Матье». Правда, сконструировать такую у себя на голове не у всех и не всегда получалось.

б) Солнцезащитные очки

Самыми модными очками эпохи 70-х были т. н. «капли» или «капельки». Это была легенда, мечта каждого подростка и молодого человека.

Еще их называли «авиаторы», (но об этом я узнал много позже). Эта модель солнцезащитных очков была создана фирмой Bausch & Lomb под брендом Ray-Ban. Очки повторяли анатомическую форму глазницы черепа [Б185].

В Советском Союзе их не выпускали. Поэтому такие очки были дефицитом и достать их можно было разве что только у спекулянтов-фарцовщиков. Носить их постоянно тоже было нельзя, потому что их могли легко отобрать у владельца: подошел, испугал, снял (попросил посмотреть, или примерить, или поносить на время), дал в морду, убежал. Так что если их и носили, то только в людных местах, или в своей кампании, или, озираясь по сторонам, дабы не нарваться на неожиданную неприятность.

Похожие очки присутствуют на одном из персонажей мультфильма «По следам бременских музыкантов» (собака в кепке). И хотя это не совсем классические «капли», но, тем не менее, форму стекол они повторяют.

В основном все носили похожие отечественные суррогаты, произведенные, как гласила молва, в полуподпольных цехах кавказских республик или более простые и дешевые импортные аналоги, не имеющие с фирмóй ничего общего.

в) Пакеты и пляжные сумки

Если говорить об оформлении внешности, то нельзя не упомянуть и о целлофановых пакетах с цветными изображениями, которые появились у нас в стране во второй половине 70-х гг. прошлого века. Они сразу завоевали

популярность как брендовая вещь и предмет роскоши (!), презентующая своего владельца как модного и сексуального. На Западе, откуда этот товар попадал в нашу страну, такие пакеты использовались в качестве обыкновенной тары для покупок. Но в СССР, в силу отсутствия подобного продукта, целлофановые пакеты сразу приобрели свойства заграничного фетиша. Неадекватным заменителем их в нашей стране была авоська, но никакой эротичности и сексуальности за ней никогда не наблюдалось.

Обычно пакеты покупали у спекулянтов-фарцовщиков или цыган. Стоили они дорого, а с учетом их низкой износостойкости приходилось постоянно следить за тем, чтобы при повседневной носке они случайно не порвались и выглядели новыми как можно дольше. Больше всего мне запомнились пакеты с изображениями английского флага, гербом Великобритании, рекламой джинсов фирмы «Монтана» и сигарет Мальборо.

Случайно порванный пакет, особенно если он недолго побывал в употреблении, воспринимался как большая трагедия и невосполнимая утрата. Если лямки у пакета начинали рваться или растягиваться, их старались отремонтировать с помощью дополнительных вставок из целлофана, которые наклеивались изнутри пакета с помощью горячего утюга через газету. Но и это не всегда помогало. В таком случае изображение пакета аккуратно вырезалось и использовалось для декорирования комнаты подростка, например, на стене над кроватью или над письменным столом.

Одно остается несомненным: цветной импортный целлофановый пакет был, очень сексуальной вещью и уже этим самым фактом порождал желание обладать им. Визуально он привлекал внимание к себе, своему владельцу и придавал последнему уверенности при общении с девушками.

Кроме пакетов, во второй половине 70-х гг. в продаже появились холщовые пляжные сумки с изображениями ковбоев. И хотя это была не импортная вещь, а продукт отечественного производства, она также была востребована молодежью, считалась модной и привлекательной, чему дополнительно способствовала непереводимая надпись на каком-то иностранном (главное, что не на русском!) языке. Но все же, повторимся — это был не импорт, а советский ширпотреб.

г) Колечки, перстни-печатки и цепочки

Колечки, перстенечки, цепочки — все это были модные детские, подростковые и молодежные аксессуары. По своей сути, они представляли собой наивное отражение взрослой жизни, ее внешнюю визуально-эротическую атрибутику, поскольку у взрослых подобная бижутерия была призвана подчеркнуть самодостаточность, материальное благополучие и сексуальность их владельца.

В большинстве случаев все эти аксессуары изготавливались кустарным способом, т. е. — самими детьми, самостоятельно, из подручных материалов и представляли собой соответствующие взрослые аналоги. Вместе с тем, при их изготовлении старались придерживаться определенных канонов.

Например (184):

Колечки на палец плели «*в основном из телефонных многоцветных и эмалированных медных проводов. Было 5 или 6 основных узоров и методик плетения. Различных комбинаций узоров — не счесть*» [Б261].

Комментарий:

Увлечение подобными перстенечками. обычно заканчивалось с окончанием начальной школы. Автора данное увлечение застигло примерно в 1969–1972 гг., когда ему было 6–9 лет.

Примечание:

Кстати, изготовление таких колечек развивало у детей мелкую пальцевую моторику, связь которой с развитием интеллекта и особенно речи (говорения) на сегодняшний день представляется доказанной.

Следование определенным канонам изготовления порождало преемственность и воспроизводимость во времени удачно созданных ранее образцов, т. е. передачу навыков изготовления самодельной бижутерии от одного поколения детей и подростков к другому.

По мере взросления, акцент смещался на изготовление латунных колечек «под золото». Для этого требовались уже более сложные производственные навыки — владение ножовкой, напильником, использование тисков и т. д.

«*Прекрасным сырьем для производства «золотых» колец служили… гильзы от охотничьих патронов. Их распиливали на кольца шириной 4–5 мм, полировали пастой ГОИ и покрывали лаком. Так они дольше сохраняли свой блеск*» [Б261].

Однако все это выглядело кустарщиной и подходило разве что только для ношения детьми и подростками не старше среднего школьного возраста.

Вместе с тем, умение создать подобный ювелирный шедевр демонстрировало соответствующий уровень производственных навыков подростка, т. е. другими словами, косвенным образом свидетельствовало о его маскулинности.

Вот характерный пример (185):

wthth1968:

«*Еще в школе, в начале 80-х делали не только цепочки, серьги и подвески для девчонок. Все элементарно, на нихром из утюга еще до скручивания насаживались бусинки от старых маминых бус, скручивали, потом делали крючки из скрепок по образу как у серьги и готово, по два-три звена, длина естественно от трех см, на одну серьгу*» [Б278].

Комментарий:

1. Подобные простейшие ювелирные (а точнее — псевдоювелирные) изделия использовались не только в качестве украшения их владельца, но и как повод для знакомства или его поддержания, т. е., как важный элемент ритуала ухаживания.

2. Французский антрополог и социолог М. Мосс в 1925 г. написал книгу под названием «Дар». В ней он объяснил, что дарение подарков — это взаимный акт, который тесно связывает дарителя и получателя социальными узами. М. Мосс точно передал положение дара в социальной структуре, поскольку он действует как клей, который объединяет и связывает людей [Б46][10].

3. Отработка социальной роли дарителя и ситуации дарения понравившемуся человеку противоположного пола, для детей очень важна, поскольку такое дарение всегда содержит в

[10] Цит по: Антропология дарения подарков и его культурные последствия / Сайт: Yoair Blog : [сайт] — URL: https://www.yoair.com/ru/blog/anthropology-of-gift-giving-and-its-cultural-implications/ (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

себе элемент ответного ожидания, которое в дальнейшем, со стороны одариваемого может быть представлено ответным подарком или его социальным эквивалентом в виде благоприятного, благосклонного расположения к дарителю. Большая ценность и эксклюзивность подарка принуждает одариваемого именно к поведенческой компенсации дарителя за полученный подарок. Для дарителя это последнее и становится главной целью, итогом исполнения данной роли.

4. В описываемом примере ценность самодельной проволочной цепочки измеряется не в деньгах, а в индивидуальных умениях и труде дарителя, которые он затратил на создание подарка.

Таким образом, подарок выступает важным элементом межполовой коммуникации и удачно вписывается в брачные стратегии полов. Ведь одно дело видеть, как эта социальная роль выполняется взрослыми, а другое — самому попробовать себя в этой роли. То же самое касается и роли одариваемого, который вынужден отрабатывать взрослую роль одариваемого, но именно в контексте межполовых отношений. Все это выглядит как игра, но игра плавно переходящая в серьезные отношения. Именно игровой элемент позволяет компенсировать смущение и застенчивость при общении с представителями противоположного пола. Другими словами, намечающиеся серьезные отношения могут быть свернуты в любой момент под предлогом игры. Поскольку любая игра имеет свое начало и конец, перевод отношений в игровую форму представляет собой скрытый механизм компенсации неудачи межполовой коммуникации.

У юношей старшего школьного возраста и сразу после окончания школы большим спросом пользовались перстни-печатки из настоящего золота. Это были ювелирные изделия, купленные родителями в специализированных магазинах. Стоили они дорого, поэтому не каждый молодой человек (и не каждый родитель) мог позволить себе такую покупку. Покупка перстня-печатки обычно приурочивалась к неким важным событиям и памятным датам — окончанию школы или поступлению в ВУЗ, свадьбе или возвращению из армии. Но опять-таки повторимся: перстни-печатки, несмотря на свою статусность, все же не были распространенным мужским аксессуаром из-за высокой цены. Это была хоть и желанная, но редкая вещь и по этой причине сексуальность ее владельца подскакивала неимоверно высоко.

Теперь немного о колечках «неделька». Н. Дронова вспоминает: «*В начале 80-х гг. прошлого века самым модным украшением у девушек стали колечки “недельки”. Они стремительно вошли в моду*» [Б278].

И далее”

«*Что собой представляли колечки “неделька”? Это семь тоненьких колечек из серебра с разными рисуночками. У многих девушек и девочек первыми украшениями были именно такие наборы колец “неделек”. Девушки, у которых были такие колечки, считались настоящими модницами. Эти колечки удивляли своей модульностью. Это означало, что на один палец можно было надеть два колечка, на другой — пять или на каждый палец по одному. Это было очень дефицитное украшение. Стоило оно в магазине около 4 рублей. Но купить это было невозможно. Заказывали эти колечки у частников-ювелиров. Работа стоила около 5 рублей*» [Б278].

И наконец, отдельно следует остановиться на цепочках. Подростки среднего и даже старшего школьного возраста делали их из медной проволоки, но чаще всего, «*кто что находил, из того и делал. Для этих целей подходит тонкая алюминиевая, медная или серебряная проволока, можно и стальную использовать, но станок нужен помощнее*» [Б156].

О том, что это за станок и как им пользоваться для изготовления цепочки в домашних условиях, подробно можно прочитать в сети Интернет [Б156].

Как вспоминает один из пользователей Интернета Евгений Н. «*Потом еще звенья надо чуть расплющить. Тогда цепочка действительно будет блестеть и "переливаться"*» [Б156].

Цепочки, впрочем, как и вся остальная самодельная бижутерия, не были предметом постоянного ношения. Здесь главным было показать, что у тебя есть эта вещь. В данном контексте большое значение имел элемент новизны, который и был главным фактором привлечения к себе внимания. Дети отлично понимали, что все это не настоящее, а суррогат. Но, несмотря на это и из-за отсутствия реальных взрослых вещей, выполняющих те же функции украшения или подарка, они использовались ими (детьми) в качестве такого невербального средства коммуникации в предсексуальный возрастной период.

Итак, детская бижутерия выполняла функцию украшения. Только во взрослой среде, бижутерия приобретает сексуальную функцию (наряду с функцией привлечения внимания). Эта функция и становится основной. То есть украшения, сами по себе, или в сочетании с одеждой или другими способами оформления внешности, подчеркивают и дополняют сексуальность или, по-другому — свидетельствуют о сексуальности. Раз красиво, значит сексуально. Раз сексуально, значит красиво.

д) Детские сокровища и модные абсурдизмы

Под «модными абсурдизмами» мы будем понимать то, чего нет ни у кого, что в силу своей уникальности и новизны могло привлечь внимание сверстников и, соответственно, представителей противоположного пола. Эти «модные абсурдизмы» были различными для разных возрастных групп детей и подростков.

Для маленьких детей — это могла быть яркая игрушка, фантик, камушек, перышко, сломанные часы и т. д. В силу наличия у ребенка этой вещи и, соответственно, отсутствия ее у других, ее владелец становился объектом всеобщего внимания.

Примечание:

Отсюда, по нашему мнению, как раз и «растут ножки» у привычки брать с собой в детский садик или школу игрушки из дома. Главное здесь не игра, а публичная демонстрация предмета, факта владения им и только потом уже игра.

В указанном контексте такой «модный абсурдизм» был очень похож на «детские сокровища». Граница между этими двумя понятиями в раннем детском возрасте была очень зыбкой и расплывчатой. Вспомним фрагмент из приключений Тома Сойера.

«*К середине дня из бедного мальчика, близкого к нищете, Том стал богачом и буквально утопал в роскоши. Кроме уже перечисленных богатств, у него имелось: двенадцать шариков, сломанная губная гармоника, осколок синего бутылочного стекла, чтобы глядеть сквозь него, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мела, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собаки, черенок от ножа, четыре куска апельсинной корки и старая оконная рама*» [Б223, с. 19].

В другом месте у М. Твена читаем: «*А еще он положил в эту шапку бесценные в глазах всякого школьника сокровища — кусок мела, резиновый мячик, три рыболовных крючка и один шарик — из тех, какие именовались "настоящими, хрустальными"*» [Б223, с. 77].

Все эти и подобные им вещи по непонятной, необъяснимой для взрослых логике, были для маленьких детей ценными и составляли их «детское сокровище». Причем в большинстве случаев каждый из этих предметов представлял ценность не только для них самих, но и для их сверстников, становясь предметом гордости, зависти, торга и мены.

Многие из этих предметов воспринимались так, в силу своей уникальности, единичности или в связи с какой-то памятной историей, связанной с ними, нередко надуманной. Такая история многократно повышала ценность вещи, как в собственных глазах ребенка, так и в глазах его сверстников.

В результате происходила своеобразная фетишизация вполне обычных, ничего не значащих для мира взрослых вещей и предметов, приписывание им ни с чем несравнимых, уникальных качеств и свойств.

По мере взросления, на каком-то его этапе, процесс фетишизации пресекался, и магическая ценность вещи падала. Однако, несмотря на это, она оставалась обязательным и органичным элементом индивидуальной исторической памяти ребенка, своеобразным маркером личной истории, символом детства.

В зависимости от возраста и исторической эпохи набор предметов и вещей, составляющих «детские сокровища» (а равно и «модные абсурдизмы») менялся. Также он зависел от материального положения семьи, ее места жительства и круга общения ребенка.

Пример (186):

«*Я до сих пор помню одного мальчика из нашего двора, родители которого в конце 60-х гг. прошлого века участвовали в строительстве Асуанской ГЭС в Египте. Он ездил туда вместе с ними. Из Египта он привез огромное количество разных маленьких игрушечных машинок. Сейчас такие машинки продаются в любом ларьке, а тогда, в СССР их не производили и не продавали. Этот мальчик надолго завоевал всеобщее уважение и поклонение тем, что у него были такие игрушки, каких не было больше ни у кого*» [А69].

Комментарий:

Подобные выпячивания, в основном имели распространение в гендерно-однородной среде и только по мере взросления приобретали некий налет гендерной универсальности.

«Модные абсурдизмы», к которым относились и «детские сокровища», не обязательно должны были быть чем-то сверхнеобычным. Это могла быть обыкновенная вещь, но при этом, как мы уже говорили выше, наделенная в детском воображении некими уникальными, часто вымышленными качествами и свойствами или используемая детьми не к месту, не по прямому назначению и уже этим самым фактом, привлекающая к себе всеобщее внимание. В этом как раз и заключалась абсурдность данной вещи. Точнее не абсурдность вещи как таковая, а абсурдность отношения к ней, к ее специфическому, алогичному использованию ребенком.

Пример (187):

«*Как-то раз в детстве* (*мне было 5–6 лет — 1968–1969 гг.*)*, я нашел во дворе помятую фотографию, на которой были изображены два аквалангиста под водой. Эта фотография была не из журнала, а сделанная кем-то самостоятельно, в домашних условиях, на фотобумаге. Именно этот факт меня и поразил больше всего. До этого момента я не задумывался над тем, как фотографируют под водой. Я отлично понимал, что при съемке обычным фотоаппаратом он под водой намокнет и испортится. Такого же мнения были и мои друзья. На долгое время эта фотография стала моей реликвией, ценностью и предметом зависти сверстников, потому что ничего подобного у них не было, т. е. — это фото стало "модным абсурдизмом"*» [А68].

По мере взросления ребенка, все эти предметы также постепенно начинали взрослеть. Они все больше напоминали взрослые аналоги тех вещей и предметов, которыми в реальной жизни пользуются взрослые. Но взрослыми, эти вещи назвать еще нельзя. Однако своим наличием они заявляли, что их владелец готовится к взрослению и стремится освоить роль взрослого.

Пример (188):

«*Во время учебы в военном училище* (*примерно в 1983 г.*) *мой однокашник Салават Б. имел амулет в виде маленького стеклянного слоника. Он всегда носил его с собой в кармане. На просьбу показать слоника, он отвечал: "Не могу. Я его никому не даю. Можешь смотреть только из моих рук"*» [А149].

Комментарий:

Это яркий пример «детского сокровища», прошедшего фетишизацию и окончательно перешедшего в разряд «модного абсурдизма». Сам слоник был действительно очень искусно сделан, но он как-то не соответствовал образу своего владельца — курсанта военного училища. Уж слишком не вязались друг с другом реальный образ мужественного защитника Родины и ассоциативный образ ребенка, спонтанно возникающий при рассматривании игрушечного слоника.

Интересно, что у одних сокурсников Салавата Б., данный слоник вызывал неподдельный интерес и даже зависть, а у других молчаливое отторжение и скрытую насмешку.

Этот процесс «взросления вещей» в первую очередь касался не столько отработки ролевого поведения взрослых, сколько имитации их (т. е. — взрослых) внешнего, вещного, атрибутивного облика в каких-то особенных, характерных для них деталях. Однако ожидаемый результат порой приобретал гротескный, комичный характер, т. е. не совсем тот, который планировался ранее.

Пример (189):

«*Примерно в 1976 или в 1977 г., когда мой двоюродный брат был у меня летом в гостях в Евпатории* (*в возрасте 13–14 лет, т. е. после окончания 7 класса*)*, он привез с собой «браслеты из нержавейки». Мы полагали, что это такие специальные, редкие напульсники. На самом деле это оказались салфетницы из ресторана. Но мы этого тогда не знали и некоторое время гордо носили их на запястье, не подозревая о том, что сведущие люди над нами в тайне насмехаются*» [А126].

Еще пример (190):

«*Примерно в 1978 году, когда я уже перешел в 9 класс, моя мать связала мне толстую шерстяную безрукавку. Естественно, что такой больше ни у кого в городе не было. Поэтому я*

ее носил не только зимой, но и летом, в жару под 30 с лишним градусов, абсолютно при этом не думая о том, что одет явно не по сезону. Вот вам еще один пример "модного абсурдизма"» [А145].

Итак, главной особенностью «модных абсурдизмов», которая отличала их от всех других способов оформления внешности и публичной презентации своего «Я», была яркая неоднозначность их восприятия окружающими. Владелец или носитель абсурдизма с одинаковой долей вероятности мог подвергнуться насмешкам и обструкции или наоборот, вызвать восхищение и зависть. Заранее реакцию предугадать было крайне трудно. Но, несмотря на такую непредсказуемость восприятия, «модные абсурдизмы» оставались неотъемлемой частью жизни детей и подростков, потому что при любой их оценке со стороны сверстников (положительной или отрицательной) они все равно привлекали к себе, и соответственно к их владельцу (носителю) внимание.

Пример (191):

«*Мой сын, учащийся 1 класса* (*возраст 7 лет, 2006 г.*) *взял с собой в школу робота-трансформера. Такой игрушки ни у кого не было, потому что я привез ее ему из другого города. После школы сын пришел заплаканный и заявил:*

— Купи мне еще два таких робота!

После долгих расспросов и разбирательств выяснилось, что всем одноклассникам сына, кроме одного мальчика, робот понравился. Этот мальчик подошел, посмотрел на робота и пренебрежительно заявил:

— Подумаешь, у меня дома два таких есть.

Вот сын и решил его "переиграть". Убедить сына в том, что этот мальчик врет, стоило больших трудов» [А157].

Комментарий:

В данном примере роль «модного абсурдизма» выполняла игрушка — робот-трансформер. Такие абсурдизмы (в виде игрушек), характерны для дошкольного и младшего школьного возраста.

Отношение сверстников моего сына к нему самому и его игрушке колебалось от уважительно-почтительного, до завистливо-пренебрежительного.

Еще пример (192):

«*1976 г. Мне 13 лет, и я учусь в 6 классе. Мой одноклассник Валентин С. принес в школу порнографическую открытку, сворованную у старшего брата. Он показывал ее тайком на переменах и за ним толпами ходили мальчишки с просьбой показать им ее. В этот день Валька был звездой класса. Но! Когда все мальчишки насмотрелись на фотографию, оказалось, что она больше никого не интересует. Тогда Валька решил показать ее девочкам. Однако реакция их была крайне негативной. Больше он так не делал*» [А118].

Комментарий:

В Советском Союзе не то, что порнографических открыток, но даже рекламы нижнего женского белья не было. Поэтому сейчас можно только гипотетически представить, какой фурор произвела эта открытка на мальчиков — одноклассников Вальки.

Порнографическая открытка — это уже не детская игрушка, но в руках Вальки она приобрела все признаки «модного абсурдизма»: у одних (мальчиков) интерес, а у других (девочек) отторжение и неприятие.

Таким образом, «модные абсурдизмы» как бы завершали формирование индивидуального образа, дополняя собой модную одежду и оформление внешности, т. е., говоря современным языком, завершали имиджевую композицию их владельца. Они выполняли важную функцию привлечения внимания и тем самым давали повод вначале к визуальной, а затем и к вербальной коммуникации.

§ 3.3.6. Возрастная амбивалентность моды и ее значение в развитии детского эротизма и сексуальности

Американский сексолог У. Мастерс пишет: «*Детям подросткового возраста хочется выглядеть привлекательными. Это желание имеет самое непосредственное отношение к тому, как они воспринимают собственное тело, какой его образ они сами для себя создали. Хорошо это или плохо, но мы живем в обществе, для которого ценность личности нередко измеряется степенью внешней привлекательности. Подростки, находящиеся под сильным влиянием средств массовой информации, очень быстро начинают это осознавать*» [Б157, с. 212].

Все эти гольфики с кисточками (Пример 164) и бантики в косичках, цветные колготки и мини-юбки, брюки на бедрах и туфли на платформе — до поры до времени были, конечно, привлекательны. Они активизировали непосредственное внимание наблюдателя, которое, как известно психологам, не управляется ничем, кроме того объекта, на который направлено и который соответствует актуальным интересам и потребностям человека.

Другими словами, модная, красивая одежда действует на представителей противоположного пола как дудочка Гамельнского крысолова.

Но мода — понятие относительное. То, что сегодня привлекает и будоражит воображение, завтра становится обыденным, привычным, повседневным, а иногда даже воспринимается как уродливое и смешное.

Мода всегда, во все времена колебалась между двумя возрастами — молодостью и взрослостью. Взрослая мода старалась омолодить человека, сделать его по-юношески привлекательным, а детская и подростковая — наоборот, стремилась представить человека более взрослым и зрелым, чем он есть на самом деле.

Например (193):

> Использование макияжа девочками-школьницами означало, что они уже воспринимают себя взрослыми или, по крайней мере, хотят, чтобы их так воспринимали.
>
> В то же время использование макияжа женщинами среднего и тем более старшего возраста преследует совершенно противоположную цель — омоложения, сокрытия своего реального возраста.

Таким образом, мода амбивалентна. Сложно сказать, чего в ней больше — взрослости или молодости. По всей видимости, мода — это извечное стремление к юности, но к юности самостоятельной, без взрослых проблем, забот и нравоучений.

Глава 3.4. Визуально-вещные артефакты молодежной моды 70-х

§ 3.4.1. Переводные картинки

Переводные картинки или «переводилки» в 70-е годы прошлого века считались у детей и подростков настоящим сокровищем. Существовало две разновидности переводных картинок.

Первые — советского производства. Они были низкого качества, и их можно было переводить только на бумажную основу. Сам перевод (точнее — переклейка) картинки на поверхность представлял собой весьма сложную, кропотливую процедуру, не всегда завершавшуюся успехом — переводная картинка рвалась, пузырилась, коробилась и вообще была недолговечной. Да и их содержательный аспект, мягко говоря, не впечатлял, потому что был рассчитан на младший школьный возраст — всякие там самолетики, машинки, паровозики, птички, цветочки и т. д.

Вторые были производства ГДР. Их не продавали в советских магазинах, а привозили «оттуда». Такие переводные картинки представляли собой цветные фотопортреты красивых девушек. Естественно, что по этой причине, они пользовались большим спросом у мужской части населения страны и, в особенности у молодежи.

Гэдээровские переводилки можно было наклеивать на любую поверхность и делалось это очень легко и просто, благодаря соответствующей инструкции на обороте.

Наиболее распространенными предметами, на которые клеили гэдээровские переводилки были гитары, портфели, чемоданы, а также лобовое стекло и салон автомобиля, велосумочки, бензобаки мотоциклов и даже домашняя мебель, например — холодильники (современная мода на «магнитики» возникла не на пустом месте). Рудименты этого увлечения иногда можно встретить и сейчас, в интерьере маршрутных такси и подержанных автомобилей [Б187].

Фотопортреты девушек с переводных картинок задавали некий общий стандарт женской красоты и сексуальности. Их популярность среди молодежи (да и не только) хорошо вписывалась в концепцию «сенсорного голодания советского человека», о которой писал российский философ, историк и социолог С. Кара-Мурза. «*Серость и рутинность будней требовала яркости, краски, мишуры, чего легкая промышленность СССР дать не могла. Поэтому-то и возникал в сознании советского человека стереотип, что все лучшее — импортное*» [Б120]. К 80-м гг. прошлого века этот стереотип стал доминирующим. Историк Е. Твердюкова объясняет, что дело не всегда было в качестве продукции. Зачастую чехословацкие или польские товары были не лучше советских. Но в «братских» странах умели хотя бы делать свою продукцию красивой: «*привлекательный внешне, красочно оформленный заграничный ширпотреб моментально раскупался*» [Б94].

Переводные картинки были одним из продуктов заграничного ширпотреба, который у нас в стране подвергся фетишизации наряду с грампластинками, жевательной резинкой, импортными сигаретами, джинсами, колготками и очками-«капельками». Но из всего перечисленного, только переводные

картинки стали самым массовым и, если так можно сказать, возрастно-универсальным фетишем. Только они несли в себе наибольшее сексуальное воздействие на потребителя. Так что полиграфическая промышленность ГДР очень помогала советским людям бороться с сенсорным голоданием.

Разглядывание переводных картинок, как это ни покажется странным, было сродни современному рассматриванию порнографических открыток. Но при этом не надо было ничем рисковать. Мысленно можно было додумать все что угодно, помечтать, и затем, спустя некоторое время, снова, раз за разом возвращаться к своим сокровенным мыслям под соответствующее настроение. Объект вожделения был постоянно рядом, как говорится — под рукой и его не надо было прятать. Его публичная демонстрация (например, на деке гитары) подчеркивала высокую степень сексуальности обладателя. Тем самым, через постоянное повторение (точнее — постоянное лицезрение), потребителю как бы навязывался некий, вполне определенный стандарт женской красоты. Ну а осознание того, что все эти переводные картинки не отечественные, а из ГДР создавало миф о красивой заграничной жизни и красивых женщинах там, «за бугром», хотя на самом деле, среди изображенных на переводилках женщин встречались и представительницы других национальностей. Так, например, туда попали и наши певицы — А. Пугачева, И. Понаровская, Р. Бабаян.

§ 3.4.2 Жевательная резинка

В глазах советских подростков жевательная резинка или «жевачка» («жвачка»), несомненно, была одним из самых сексуальных символов западного мира. В отличие от гэдээровских переводилок, предполагавших меланхолическое созерцание объекта вожделения, жвачка включала в себя элемент действия, а главное, она была ориентирована на разную половозрастную аудиторию, т. е. ее с равным удовольствием могли жевать как мальчики, так и девочки разных возрастов. Но при всей обыденности и стереотипности данного действа, они вкладывали в него совершенно разный смысл.

Для мальчиков — это был символ мужества, решительности, напористости (и даже хамства!), олицетворением которого являлись канадские хоккеисты (несмотря на то, что мы всегда болели за своих), потому что все 70-е гг. XX века прошли под знаком противоборства наших и североамериканских спортсменов. Во время матчей, американских хоккеистов показывали по советскому телевидению постоянно жующими жевательную резинку.

Для девочек — жевание жевательной резинки, наоборот, представлялось олицетворением женственности. Точнее не просто женственности, а, если так можно выразиться — взрослой женственности, т. е. — независимости и готовности к самостоятельным действиям. На индивидуально-психологическом уровне жевание привлекало внимание посредством его акцентуации на такой сексуальной части тела как женские губы.

Для подростков, отсутствие жевательной резинки в свободной продаже и невозможность ее купить, как бы ставило ее в один ряд с сексом, уравнивая их друг с другом с точки зрения преодоления трудностей практической реализации того и другого (обладания жевательной резинкой и совершения полового акта).

Для взрослых же, занятия сексом были институционализированы возрастом, а покупка жевательной резинки зависела от наличия денежных средств, в которых подростки были ограничены и зависели от родителей.

Именно поэтому, жевание жевательной резинки было не только демонстрацией достатка и финансовых возможностей, не только эротической демонстрацией (акцией) готовности к взрослым интимным взаимоотношениям, но и своеобразным суррогатом полового акта, его символической имитацией.

После того как производство жевательной резинки было налажено в СССР, и она появилась в свободной продаже, подобные ассоциации возникали все меньше и меньше.

Производить жевательную резинку в СССР стали с 1976 года, но, несмотря на это, ее ввоз и пересылка из-за границы все еще были под запретом, а отечественный продукт был слишком дефицитным.

Безотносительно к эротизму и сексу, социально-психологический механизм жевания заключался в снижении уровня тревожности и стресса.

С одной стороны, жевание как процесс, отвлекало внимание жующего, от повседневных забот и проблем. Так, по мнению российского психолога А. Метелиной «*любые монотонные и повторяющиеся движения обладают ритуальным и успокаивающим эффектом. Это не решает вопрос окончательно, но помогает снизить напряжение. Если мы совершаем жевательные движения, то в мозг поступает сигнал, что у нас есть еда, а значит — все хорошо. Мы расслаблены и сосредоточены на приеме пищи. Внимание организма уходит в другие центры. Поэтому процесс жевания обладает легким расслабляющим эффектом*» [Б61][11].

С другой стороны, вкладываемый в процесс жевания социальный смысл (жевание — признак мужественности или наоборот — женственности), о котором мы говорили выше, придавал уверенности в своих силах.

Еще одна причина успокоительного воздействия жевательной резинки, вполне согласуется с психоаналитической теорией З. Фрейда. Возникающие в процессе жевания ощущения, на базовом уровне связываются не столько с банальным насыщением, как об этом говорит А. Метелина, сколько с возникновением чувства защищенности подобного тому, какое возникает у ребенка младенческого возраста, питающегося материнским молоком и не испытывающего при этом нервного напряжения и чувства страха.

Таким образом, жевательная резинка с одной стороны помогала избавиться от напряжения, тревоги, придавала уверенности, а с другой демонстрировала сексуальность жующего, его готовность к межполовой коммуникации.

Универсальность жевательной резинки заключалась в том, что в зависимости от пола жующего, она подчеркивала или его маскулинность или феминность. Благодаря этим качествам она не была похожа на другие артефакты взрослого мира, такие, например, как сигареты, спиртные напитки, макияж, имеющие в качестве потребителей преимущественно мужскую или женскую аудиторию.

[11] Цит. по: Брацкий, Я. Жевать, не переживать: психолог объяснила воздействие жвачки на уровень стресса / Я. Брацкий // Livejournal : [сайт] — URL: https://tvzvezda.ru/news/2021424334-VoSBK.html — Дата публикации: 24 апреля 2021. (дата обращения: 13.02.2022) — Текст электронный.

§ 3.4.3 Гитара

а) Гитара как секс-символ молодежной культуры

В разные исторические эпохи у русского народа были популярны различные музыкальные инструменты. Так, в древности это были, по всей видимости, гусли. Затем их сменила балалайка, которую спустя время потеснила гармонь.

К середине XX в. всенародным, а точнее главным молодежным инструментом стала гитара. Особенности гитары как музыкального инструмента и игры на ней, отобразились в песенном репертуаре. Так, например, трудно себе представить, танцующие под гитару парочки, а вот под балалайку или гармонь вполне себе можно. Зато послушать песни и романсы под аккомпанемент гитары — это самое то.

По воспоминаниям блогера С. Волошина «*В 70-е годы минувшего столетия был просто бум на овладение этим модным инструментом. В каждом дворе по лавочкам сидели компании: кто-то умудренный делился опытом, другие жадно вглядывались в перестановку пальцев левой руки, расчерчивая в блокнотах нехитрые схемы из нескольких аккордов. Трудно было не поддаться общему веянию, причем никто тогда не задумывался о собственном исполнительском таланте — просто хотелось перебирать струны и напевать любимые песни*» [Б73].

И далее:

«*Гитара была постоянной спутницей — брали ее на речку, на прогулку, в колхоз, на уборку урожая. А в походах этот непременный атрибут стоял наравне с палаткой и котелком. Расположившись в сумерках у костра, ребята по очереди заказывали полюбившиеся песни, которые дружно поддерживали все туристы. Школьная самодеятельность тоже не обходилась без гитары*» [Б73].

Традиционно в нашей стране была распространена семиструнная гитара. Она появилась в России в конце XVIII в. До 1917 г., т. е. до Октябрьской революции, она была основным видом гитары и использовалась как для аккомпанемента при исполнении песен, баллад, романсов, так и в качестве солирующего инструмента. Кроме названия «русская гитара», ее еще иногда называют «цыганская». Уже в советское время на семиструнной гитаре играли такие известные барды как В. Высоцкий, Б. Окуджава, Ю. Визбор, А. Галич, Ю. Ким.

К середине XX в. семиструнную гитару потеснила шестиструнная. Главными причинами снижения популярности семиструнной гитары стали следующие:

Во-первых — это репертуар, который на то время был представлен модными песнями зарубежной эстрады и который требовал владения именно шестиструнной гитарой в качестве аккомпанирующего инструмента. Большой вклад в популяризацию шестиструнной гитары в наше стране внесла группа «Битлз» (“The Beatles”). Подражание Ливерпульской четверке и копирование их репертуара требовало обязательного умения играть на этом музыкальном инструменте.

Во-вторых, это относительная простота овладения шестиструнной гитарой, для игры на которой достаточно было выучить три-четыре основных

аккорда. Этого было вполне достаточно, чтобы в дворовом сообществе прослыть отменным гитаристом и стать центром всеобщего внимания. При этом главным была не столько виртуозность владения инструментом, сколько богатство репертуара исполнителя. Отсюда «растут ножки», если так можно выразиться, у такого феномена молодежной субкультуры как песенники.

Автору, к сожалению, неизвестно, производила ли советская промышленность в начале 70-е гг. прошлого века шестиструнные гитары или нет. По крайней мере, в свободной продаже они отсутствовали, а вот семиструнные гитары — были. Их продавали в специализированных магазинах «Культтовары».

Обычной практикой была покупка семиструнки и ее последующая переделка в шестиструнку. Для этого с гитары снималась одна, самая толстая струна, а остальные равномерно распределялись по ширине грифа. С этой целью в верхнем порожке пропиливались дополнительные пазы для струн, а в подставке на равном расстоянии друг от друга просверливались дополнительные отверстия. Но иногда, из-за боязни испортить инструмент (а вдруг не точно просверлю отверстие?), ограничивались только снятием самой толстой струны. Играть на такой гитаре было труднее, потому что расстояние между струнами было несколько уже, чем на обычной шестиструнной гитаре, но к этому привыкали. Кроме того, в случае чего, такую гитару можно было легко и быстро снова переделать обратно в семиструнную.

Лично мне гитару купили в 1977 г., когда я учился в 8 классе — семиструнную, самую простую и дешевую. Поэтому я начинал учиться играть именно на семиструнной гитаре.

Примечание:

Мечтой каждого подростка была импортная гитара фирмы «Орфей», производства Болгарии или «Кремона» производства Чехословакии. По качеству изготовления и звучания они превосходили любые гитары отечественного производства.

Первым моим учителем был отец, который к тому времени почти забыл все свои навыки игры на гитаре. Но как настраивать инструмент он помнил. Строй определялся по первым нотам известной песни «Капитан, капитан улыбнитесь» (точнее — «Песенка о капитане», муз. И. Дунаевского, сл. В. Лебедева-Кумача из фильма «Дети капитана Гранта», реж. В. Вайнштока, 1936 г.). Что же касается отцовского песенного репертуара, то он, на то время был уже немодным, и перенимать его, у меня не было никакого желания.

Поскольку к популярным песням того времени подобрать аккомпанемент на семиструнной гитаре было трудно, мне пришлось убрать лишнюю струну и переделать купленную гитару в шестиструнную. На шестиструнной гитаре я научился играть быстро, всего за два месяца — знакомые мальчишки помогли овладеть инструментом.

В то время научиться играть на гитаре официально, было практически невозможно. В Евпатории, городе моего детства, существовало две музыкальных школы одна — детская, а другая — вечерняя, для взрослых. Ни в той, ни в другой не было специализированного класса по обучению игре на гитаре. Только когда я уже учился в старших классах средней школы, в вечерней музыкальной школе открыли класс игры на шестиструнной гитаре. Но все это, как мне теперь представляется, было не совсем законным, потому что учитель

по своей основной профессии был аккордеонист, а играть на гитаре научился сам, для своего собственного удовольствия и это его студенческое увлечение впоследствии ему неожиданно пригодилось в жизни (чего только не сделаешь ради удовлетворения спроса и конъюнктуры).

Самостоятельное обращение к «Школе игры на шестиструнной гитаре» Маттео Каркасси [Б121] (в 70-е гг. прошлого века это был, пожалуй, самый распространенный самоучитель) помогало мало, поскольку данное издание было академическим и ориентировалось на людей, уже знающих нотную грамоту. А на ее изучение тратить время ой как не хотелось.

Умение играть на гитаре сразу ставило обладателя данного таланта на более высокую ступень в дворовой табели о рангах, поскольку привлекало к нему всеобщее внимание. Это внимание можно было рассматривать двояко — с одной стороны, как внимание к исполняемой песне, а с другой, как внимание к персоне самого исполнителя. Обычно вторая причина умело маскировалась первой и понять — что именно больше привлекает слушателей (а точнее — слушательниц) песня или ее исполнитель было довольно трудно.

Каждый исполнитель старался, как можно более задушевно исполнить песню и тем самым удлинить время нахождения в центре внимания. В таких условиях возникал элемент соревновательности — у кого богаче репертуар и кто лучше сыграет (кто больше знает всяких аккордов) тот и находился в центре внимания более длительное время. Именно по этой причине, овладеть навыками игры на гитаре хотели все, даже те, у кого не было вообще никакого слуха.

Таким образом, гитара была тем первым объединяющим, гендерно универсальным предметом, который на этапе взросления заменял собою детские игрушки, имевшие в зависимости от пола ребенка противоположные гендерные ориентации, например: машинки для мальчиков, а куклы для девочек. Именно поэтому гитара способствовала сближению юношей и девушек на почве новых (в соответствии с подростковым возрастом) интересов и пока еще не совсем осознаваемых эротических стремлений.

При этом нельзя не удержаться от характеристики гитары, как инструмента, имеющего явно выраженные фаллические признаки:

– головка грифа, часто украшаемая самодеятельными гитаристами всякими бантиками [Б18];

– сам длинный гитарный гриф (точнее — шейка грифа), направленный вверх под углом и любовно обхаживаемый руками гитаристов при смене аппликатуры во время игры;

– примыкающее к грифу резонаторное отверстие (голосник), симоволически напоминающее понятно, что;

– дека гитары, также ассоциативно напоминающая женскую грудь и бедра большого размера;

– переводные картинки из ГДР на деке гитары с изображением симпатичных девушек, которые презентовали собой некий виртуальный эталон женской красоты — недостижимый, но такой желанный;

– прогулки с гитарой наперевес косвенно демонстрирующие маскулинность ее владельца и его потенциальную готовность к (извинимся за натурализм) спариванию [Б10].

Думается, во всем этом что-то есть.

Еще одним предметом, который практически постоянно сопровождал гитару, и о котором мы уже упоминали выше, были песенники.

Каждый песенник презентовал собой характерный, индивидуальный репертуар и вкусы своего владельца. Песенники выполняли важную коммуникативную функцию, организации общения. Их брали друг у друга для чтения и переписывания понравившихся текстов. Естественно, что этот процесс занимал некоторое время. Поэтому неразборчивость почерка и другие возникающие попутные проблемы, создавали новые ситуации для повторных обращений к владельцу песенника, т. е. к заинтересованной взаимной коммуникации.

Таким образом, с переходом в подростковый возраст, песенник (наряду с гитарой) становился одним из первых значимых поводов для организации общения между юношами и девушками, причем общения межличностного и неформального, а не в связи с учебой в школе и территориальным в ней пребыванием.

Такое общение, само по себе, предполагало некоторый налет интимности, хотя бы по той причине, что могло осуществляться вне стен учебного заведения. Ну и, кроме того, то, что нельзя было сказать словами, о том можно было прочитать в текстах песен. Таким образом, индивидуальный подбор текстов характеризовал владельца песенника. Но эротизм тут проявлялся скорее не в самом песеннике и не в его содержании, а в возможности через него осуществить общение с представителями противоположного пола, пока еще не отягощенное внутригрупповыми нормами и взрослыми стереотипами, т. е., как говорится — тет-а-тет.

Пример (194):

Как рассказывал артист Ю. Никулин «*в его молодости не играть на гитаре и не знать несколько песен для компании считалось неприличным. Бренчали все. Он даже на войну взял альбом с текстами песен и возил с собой по всем фронтовым дорогам*» [Б136][12].

б) Гитарный репертуар 70-х гг. прошлого века

Стандартный гитарный репертуар условно складывался из пяти жанрово-тематических направлений:

– криминальный (блатной) шансон;

– дворовая тематика (как бы сейчас сказали — городской романс);

– авторская (бардовская) песня;

– популярные песни советской эстрады;

– западная эстрада.

Границы между этими жанрами достаточно условны, но, тем не менее, различимы. Рассмотрим их по порядку.

1. *Криминальный (блатной) шансон.*

Существует точка зрения, что распространение криминального шансона в молодежной среде связано с общей тенденцией популяризации криминальной субкультуры в обществе, и что этот процесс имеет вполне определенные исторические предпосылки в нашем советском прошлом. Несомненно, что

[12] Цит. по: Костальцев, М. История песни — 115. Постой паровоз / М. Костальцев // Liveinternet : [сайт] — URL: https://www.liveinternet.ru/users/5390352/post485021008/ — Дата публикации: 26 июня 2021. (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

данное утверждение вполне логично, хотя в тоже время, представляется слишком поверхностным и схематичным.

По нашему мнению, одна из причин популярности криминального шансона у молодежи имеет психологическую природу. Суть в том, что нестабильное психологическое состояние подростка, характеризуемое не совсем понятными ему самому стремлениями, томлениями и ожиданиями, непониманием самого себя и физиологических процессов, которые с ним происходят, поиск своей собственной, психосоциальной идентичности, закономерно порождают страстное желание практической реализации своей повышенной эмоциональности.

В такой ситуации криминальный шансон наиболее подходил подросткам по своему эмоциональному настрою. Это подтверждает и американский психолог Э. Эриксон, который утверждал, что в некоторых случаях молодежь стремится к «негативной идентификации», т. е. отождествлению своего «Я» с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть родители и друзья [Б139][13].

Кроме того, во многих песнях криминального шансона присутствует тема любви, как правило, трагичной, неразделенной. Именно эта неразделенность, как раз и является характерной психологической особенностью подросткового возраста, поскольку отсутствие реального практического опыта выстраивания межполовых отношений часто приводило к возникновению внешних и внутренних конфликтов и даже невротических состояний. На это также указывал Э. Эриксон в своей теории психосоциального развития личности, описывая стадию юности (12–20 лет) и молодости (20–25 лет).

Итак, криминальный шансон привлекал к себе внимание именно интимной стороной дела — повышенной эмоциональностью и преувеличенной жалостливостью, настраивал на слезливый лад, отбрасывая повседневность и акцентируя внимание слушателей на чувственности.

Сентиментальность шансона была близка любовной лирике, но, все же выглядела более мужественно. Парадоксально, что эти сентиментальные мотивы криминального шансона воспринимались не как мужская слабость, а наоборот, как сила и крепость духа. Такое несочетаемое сочетание как раз и привлекало слушательниц: с одной стороны — сентиментализм и романтизация криминального образа жизни, а с другой восприятие этого сентиментализма как органичной, неотъемлемой части мужского мира, которая по своей сути близка к женскому интуитивно-чувственному мироощущению.

Вот характерный пример (195) такой слезливо-сентиментальной криминальной баллады, пользовавшейся большой популярностью среди молодежи (особенно у подростков) в середине 70-х гг. прошлого века:

Вдали бушуют камыши,
Ведут к расстрелу молодого.
Он был красив и молчалив,
Но в жизни сделал много злого.

[13] Цит. по: Куроедова, Л. Развитие теории личности Э. Эриксона / Л. Куроедова // Психологи на b17.ru : [сайт] — URL: https://www.b17.ru/article/10683/ — Дата публикации: 18 марта 2013. (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

Его хотели расстрелять,
У судей попросил он слова.
Ему не смели отказать,
На то нет права у закона.

Когда мне было десять лет,
Из дома часто убегал я.
Я научился воровать
И со шпаною я связался.

Однажды мы зашли в село,
Где люди тихо мирно спали.
И стали грабить крайний дом,
Но света в нем не зажигали.

Когда же я зажег свечу,
О, боже, что я там увидел.
О, боже, ты прости меня,
Я сам себя возненавидел.

Передо мной лежала мать
В груди проткнутая кинжалом,
А рядом с ней лежал отец —
Он был убит моей рукою.

А пятилетняя сестра, сестра
В кроватке тихо умирала.
Она, как рыбка без воды,
Свой ротик нежно открывала.

Когда он кончил говорить,
Зал переполнился слезами.
Народ хотел его простить,
Но судьи приговор читали.

Хоть ты нам правду рассказал,
Мы отпустить тебя не можем.
За злодеяния твои,
Мы смертный приговор выносим.

Вдали бушуют камыши,
Вели к расстрелу молодого.
Он был красив и молчалив,
Но в жизни сделал много злого [Б84].

Комментарий:

1. Конечно, в этой песне нет прямого обращения к эротике и эротизму. Но остается несомненным тот факт, что убийство героем песни членов своей семьи, (кстати, занимающих разные, но важные ниши в системе внутрисемейной социализации) и красочный рассказ об этом, в рамках психоаналитической теории З. Фрейда и его последователей, имеет скрытый эротический подтекст, а точнее — конфликт. Это убийство — символ взросления и окончательного освобождения от родительской опеки, к чему подспудно (но, конечно же, не в такой критичной форме) стремятся все подростки.

2. Персональное внимание со стороны представителей противоположного пола (но не матери и сестры) — это то, в чем нуждается и о чем мечтает мальчик-подросток. Именно слезливость и сентиментальность представляются одним из действенных способов пробудить это внимание. Таким образом, эта песня позволяет вполне легально, через художественные образы, иносказательно продемонстрировать нужду в женском внимании, заботе и ласке, ведь жалость

и любовь в традиционной русской культуре всегда рассматривались как понятия синонимичные. Вспомним, хотя бы куплет из песни «Жалею тебя» (музыка А. Экимяна, слова Ф. Лаубе) в исполнении Л. Зыкиной:

В селах Рязанщины, в селах Смоленщины
Слово «люблю» непривычно для женщины,
Там, бесконечно и верно любя,
Женщина скажет: «Жалею тебя» [Б143].

3. Ну а девочки и девушки вдумчивым прослушиванием песни демонстрировали свою готовность к заботе и вниманию по отношению к мужчине. В данном случае роль мужчины, как объекта эротического внимания, играет исполнитель песни — мальчик подросток, а роль заботливой матери (сестры, девушки, невесты из текста песни) — внимательные слушательницы.

4. Подобные психоэмоциональные запросы со стороны юношей и демонстрация готовности их исполнять и следовать им со стороны девушек представляют собой один из первичных способов выстраивания межполовых отношений на психоэмоциональном уровне.

Еще пример (196):

Бледной луной озарился
Старый кладбищенский двор.
И над могилой сырою
Плакал молоденький вор:

«Мама, милая мама,
Зачем ты так рано ушла?
Свет белый покинула рано,
Отца-подлеца не нашла?

Живет он в хорошеньком доме
С другою семьей, прокурор.
Он судит людей по закону,
Не зная, что сын его вор.»

И вот на скамье подсудимых
Наш маленький мальчик сидит
И голубыми глазами
На прокурора глядит.

Окончилась речь прокурора.
Преступнику слово дано:
«Судите вы, граждане судьи,
На это вам право дано».

Раздался коротенький выстрел,
На землю наш мальчик упал
И голубыми глазами
Отца-подлеца он проклял.

«Ах, миленький, маленький мальчик!
Зачем ты так рано пропал?
Сказал бы ты это мне раньше,
И я бы тебя оправдал».

Вот бледной луной озарился
Старый кладбищенский двор,
И над могилой двойною
Повесился сам прокурор [Б56].

Комментарий:

На первый взгляд, ничего эротичного и сексуального в этой песне нет, но с другой стороны, важным здесь является не столько само содержание, сколько эмоциональный подтекст. Молоденький вор — это:

а) образ типичного подростка, страдающего от одиночества и непонимания со стороны взрослых, родителей и общества;

б) мечта о семейной любви, о внимании и взаимопонимании, которых в силу возрастного фактора так часто не хватает подросткам во взаимоотношениях со своими родителями.

Прослушав песню, так и хочется пожалеть бедненького молоденького вора. Ну а кто может это сделать в реальности? Конечно же, слушательницы, для которых на время исполнения песни ее исполнитель как раз и становится таким экстраполированным образом молоденького вора. К тому же, слушательницам это сделать намного легче по двум причинам:

Во-первых, потому что исполнители песни (якобы молоденькие воры) очень хотят, чтобы их пожалели.

А во-вторых, они сами (слушательницы) в силу своего подросткового возраста также могут испытывать схожие проблемы, во взаимоотношениях со старшими (своими родителями).

Так что посредством такой слезливой, сентиментальной песни происходит сближение юношей (исполнителей) и девушек (слушательниц) на основе одинакового восприятия действительности (той действительности, которую они сами себе мысленно конструируют), а точнее — подростковых проблем, свойственных пубертатному периоду.

2. *Дворовая тематика или как бы сейчас сказали — городской романс.*

Дворовые песни очень похожи на песни криминального шансона, но в них практически отсутствует асоциальная тематика и в большей степени выражены героические и любовные мотивы.

Пример (197) известной дворовой песни «В нашу гавань заходили корабли»:

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки, ой-ли,
И пили за здоровье атамана.

В таверне шум и гам и суета.
Пираты наслаждались танцем Мери.
Не танцы их пленили, — красота, ой-ли,
В таверне распахнулись с шумом двери.

В дверях стоял наездник молодой,
Глаза его как молнии блистали,
Наездник был красивый сам собой, ой-ли,
Пираты сразу Гарри в нем узнали.

— О, Мери, он приехал, Гарри твой!
Ребята, он не наш, не с океана.
— Мы, Гарри, посчитаемся с тобой, ой-ли, —
Раздался пьяный голос атамана.

И в воздухе сверкнули два ножа.
Пираты затаили все дыханье.
Все знали атамана, как вождя, ой-ли,
И мастера по делу фехтованья.

Но Гарри был суров и молчалив.
Он знал, что ему Мери изменила.
Он молча защищался у перил, ой-ли,
А Мери в этот миг его любила.

Вот с шумом повалился атаман.
— О, Мери, — его губы прошептали.
Погиб пират, заплачет океан, ой-ли,
А кровь уже стекла с ножа у Гарри.

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки, ой-ли,
И пили на поминках атамана [Б70].

Комментарий:

1. Дворовая песня «В нашу гавань заходили корабли» в 70-е гг. XX в. была очень популярна среди подростков. Она бытовала в разных вариантах, т. е. с незначительными модификациями основного текста и мотива, которые, впрочем, не искажали смысловой канвы содержания.

2. Такое разнообразие вариантов неизменно порождало ощущение того, что тот вариант, с которым подросток столкнулся впервые (услышал его и/или стал разучивать) и есть искомый, эталонный, хотя все дело тут вовсе не в этой псевдоэталонности, а в специфическом восприятии первого услышанного варианта как единственно правильного.

3. О популярности песни свидетельствует тот факт, что ее название было использовано известным детским писателем Э. Успенским для авторской передачи, существовавший на «Радио России» с 1991 по 2016 г. Ее основная идея заключалась в сборе и популяризации «дворовой песни». В разное время передача представляла собой также и телепроект, выходивший с перерывами на различных каналах в период с 1997 по 2011 год [Б71; 72].

4. Из моего детства мне запомнился тот вариант, в котором имели место повторы последних слов первой и третьей строк. Примерно так:

Как в нашу гавань заходили корабли, корабли
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки, моряки,
И пили за здоровье атамана.

Естественно, что этот вариант мне был ближе и роднее, чем представленный на сайте «A-PESNI песенник анархиста-подпольщика».

5. Обращает на себя внимание слезливость мотива, его наивность и одновременно ярко выраженная маскулинность. В предельно доступной форме здесь описывается то, каким должен быть мужчина, чтобы завоевать сердце женщины. Ну а тот факт, что в настоящее время повторить подвиг героя песни невозможно, добавляло страданий слушательницам, пребывающим в грезах о сильной мужской руке.

6. По всей видимости, подобные песни в некоторой степени способствовали формированию у девочек — девушек желания общаться с мальчиками подростками, практикующими различные формы девиантного поведения (если не сказать проще — с хулиганами). То же самое, можно сказать и о мальчиках подростках, которые под маскулинностью частенько понимали именно различные формы асоциального поведения, считая это признаком мужественности и одним из способов завоевания сердца понравившейся дамы.

Еще один пример (198) — довольно известная дворовая песня «Тополя, тополя все в пуху»:

Тополя, тополя все в пуху,
Потерял я любовь не найду.
Потерял я любовь и девчонку свою.
Вы постойте, а я поищу.

С той девчонкой дружил я давно.
Было в жизни все так хорошо,
Но случилась беда разлюбила она,
Помогите же мне тополя.

Вспоминаю тот радостный день.
Мы стояли с тобой в тишине.
Ты красива была, ты как роза цвела,
Почему, почему ты ушла.

Ты ушла от меня навсегда,
Не оставив мне даже письма.
Только я все брожу почтальона ищу,
Но один мне ответ — писем нет.

Тополя, тополя все в пуху,
Потерял я любовь, не найду,
Потерял я любовь и девчонку свою.
Вы постойте, а я пощу [Б229].

Комментарий:

Слезливость и сентиментальность, как мы уже говорили выше — главные особенности дворовых баллад. В данном примере обращает на себя внимание не столько содержательная сторона песни, сколько ее чувственное восприятие. Каждому исполнителю (а равно и слушателю мужского пола) хочется почувствовать себя точно так, как этот, обделенный вниманием девушки герой песни.

Слезливость и сентиментальность в данном случае — это то, что сближает юношей и девушек. В результате оказывается, что не все юноши эдакие «мачо» (говоря современным языком) и что они также способны на глубокие чувства, которые в повседневной жизни обычно не демонстрируют открыто, а скрывают за напускной грубостью и черствостью. Также оказывается, что не все девушки недотроги и «неприступные крепости» — для них крайне важен и нужен объект для реализации своих чувственных инстинктов.

3. *Авторская (бардовская) песня.*

Авторская песня в дворовом гитарном музицировании чаще всего была представлена творчеством В. Высоцкого и Б. Окуджавы. Но исполнение их песен, в своем большинстве, требовало от слушателей большой внимательности, так как в текстах часто содержался скрытый философский контекст. И если в однополой кампании это еще прокатывало, то в присутствии девочек (девушек) предполагалось, что петь такие песни (и соответственно слушать их) будет не очень интересно. Поэтому к творчеству перечисленных авторов относились избирательно, в зависимости от контекста ситуации. Например, в тех случаях, когда оказывалось, что индивидуальный песенный репертуар был уже полностью исчерпан, тогда «на закуску» оставались именно авторские (бардовские) песни.

Например (199):

Из творчества В. Высоцкого можно выделить следующие песни, которые часто исполнялись в дворовых компаниях:

– «Утренняя гимнастика» (другое название — «Вдох глубокий, руки шире»), 1968 г.

– «Братские могилы» (другое, дворовое название — «На братских могилах не ставят крестов…») 1964 г.

– Песни из кинофильма «Вертикаль». Реж. С. Говорухин, Б. Дуров, 1967 г.

Таким образом, несмотря на то, что авторские (бардовские) песни в репертуаре доморощенных музыкантов присутствовали, явно эротичного и/или

любовного в них было мало. Однако такие песни все же были в репертуаре самодеятельных дворовых музыкантов.

Примером (200) таких песен являются песни Ю. Визбора:

– «Александра», прозвучавшая в кинофильме «Москва слезам не верит». Реж. В. Меньшов, 1979 г.

– «Ты у меня одна», написанная в 1964 г, но получившая широкую известность (по сути — второе рождение) после одноименного фильма режиссера Д. Астрахана в 1993 г.

4. Популярные песни советской эстрады.

Пример (201) — песня «Облака в реке» (или в простонародье — «В реку смотрятся облака», 1976 г.) из репертуара вокально-инструментального ансамбля «Поющие сердца»:

В реку смотрятся облака,
А я все смотрю на тебя,
Но, как облака, ты так далека,
В душе что-то вновь затая.

Что скажи стряслось вдруг опять?
Быть может я в чем виноват?
Нельзя же молчать,
Упрямо молчать,
И час, и другой подряд.

Припев:
Даже в любви, в любви взаимной,
Муки одни.
Видно, рядом со счастьем они
Живут в любви.

В реку смотрятся облака,
И я теперь в реку смотрю.
Вдруг чувствую как любимой рука
Берет нежно руку мою.

Вроде, наш разлад позабыт,
Но я теперь очень сердит:
Ты что-то тая молчала полдня, —
Теперь помолчу и я.

Припев:
В реку смотрятся облака,
И вот в конце этого дня
Я слышу слова: «Прости неправа!
Целуй же, целуй меня…» [Б224].

Комментарий:

1. Простенькая песенка, с простеньким аккомпанементом, который можно легко подобрать на гитаре.

2. В данном примере мы имеем незатейливую историю ссоры и примирения с достаточно многозначительным призывом к действию: «*целуй же целуй меня».*

Таким образом, песня предлагает простой выход из конфликтной ситуации, причем выход желанный для обеих сторон.

Более того, вполне возможно, что вся ссора героев песни возникла не по какой-то неизвестной нам причине, а только потому, что главный герой песни не целует свою девушку. Именно ссора и должна подтолкнуть его к такому действию. Так что применительно к реальной действительности мы имеем пропаганду модели поведения, которая должна подтолкнуть юношей к более активным действиям в отношении девушек. Вот только в реальной жизни, конечно же, никто не будет говорить «*целуй же целуй меня*». Для тех, кто слышал эту песню ранее, все и так будет ясно — как надо действовать в похожей ситуации.

Еще пример (202) — песня «Ты мне не снишься…» (1976 г.) из репертуара вокально-инструментального ансамбля «Синяя птица»:

Ты мне не снишься вот уж неделю,
Сны пролетают белой метелью,
Сны пролетают синею птицей,
В облаке тают, как небылицы.

Припев:
Ты мне не снишься, я тебе тоже,
И ничего мы сделать не можем.
Словно чужими стали друг другу,
И между нами, и между нами белая вьюга.

Ты мне не снишься, кто ж тут виною,
Если ошибку звали любовью?
Сами назвали, сами решили,
Не понимая, что поспешили.

Припев:
Ты мне не снишься, стало быть, ясно:
Новой не будет старая сказка,
Старая песня новой не станет,
Два сердца вместе петь не заставит.

Припев:

Комментарий:

Эта сентиментально-слезливая песня также была популярной в подростковой среде в 70-е гг. прошлого века.

5. *Западная эстрада.*

В качестве гитарного репертуара, популярные песни западной эстрады использовались крайне редко.

Автору известно только два примера такого использования. Это песня «Дом восходящего солнца» (“The House of the Rising Sun”) в исполнении группы «Энималс» (“The Animals” — 1964 г.) и песня «Отель Калифорния» (“Hotel California” — 1976 г.) в исполнении группы «Иглз» (“Eagles”). Часто обе эти песни исполняли исключительно в инструментальном варианте, т. е. — без слов.

Главными причинами ограничений при исполнении песен зарубежной эстрады под гитару были:

Во-первых — незнание подростками иностранного языка (как правило — английского) и отсюда — неумение адекватно воспроизвести текст песни, положенный на мелодию. В результате таких попыток получалась некая словесная абракадабра, не имеющая ничего общего с оригинальным текстом.

Например (203):

В известной песне группы «Битлз» «Госпожа Вандебильт» (“Mrs Vandebilt”) выделенные строчки текста (сам фрагмент текста представлен ниже) в силу их назойливого повторения исполнителями, запоминались слушателями больше всего. Но на русском языке они слышались несколько иначе и воспроизводились с ужасными искажениями, примерно так: «*подсиен сокорие*». По крайней мере, мои приятели в то время так и пели эти строчки, не особо понимая, что они означают по смыслу. И действительно, при прослушивании песни слышится именно этот набор звуков.

When your light is on the blink
You never think of worrying
What's the use of worrying?
When your bus has left the stop
You'd better drop your hurrying
What's the use of hurrying?
Leave me alone mrs Vandebilt
I've got plenty of time of my own
What's the use of worrying?
What's the use of hurrying?
What's the use of anything?

Хорошее знание языка и разговорная практика могли бы нивелировать этот недостаток, но в СССР наличие такой практики живого общения с иностранцами было большой редкостью.

Во-вторых — это отсутствие переводов текстов песен на русский язык как подстрочных, так и поэтических, художественных.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что гитарный репертуар 70-х гг. прошлого века был весьма разнообразен, и каждый самодеятельный исполнитель имел свой собственный репертуар, соответствующий своим собственным желаниям и уровню владения инструментом. Кроме того, большое влияние имели мода и технические возможности по разучиванию новых песен (наличие других исполнителей с иным песенным репертуаром, возможность переписывания текстов из чужих песенников и др.).

Гитара была тем предметом, который объединял подростков, способствовал коммуникации между полами, прежде всего на чувственно-эмоциональном уровне. В этом как раз и заключалась эротичность гитары как музыкального инструмента.

§ 3.4.4. Радиоприемники и переносные магнитофоны

Вторая половина 70-х годов прошлого века запомнилась молодежной модой носить с собой по улице радиоприемник или переносной магнитофон и по вечерам, собравшись во дворе на лавочке или в беседке слушать музыку.

В то время, на черноморском побережье особой популярностью пользовалась румынская радиостанция «Отдых». Интересную заметку об этой радиостанции разместил в Интернете блогер Ю. Шимановкий.

«*Работало это радио в пригороде Констанцы, в Румынии и было ориентировано на местные курорты. Уж не знаю, как такое возможно, но в Крыму, по крайней мере, в западной его части, это была самая мощная станция на средних волнах. Чистенько так шла, как нынче FM. Но в Бахчисарае уже была не слышна. Работала она сразу на пяти языках — румынском,*

немецком, английском, русском и французском. То есть, большинство текстов повторялись на всех этих языках, причем всегда в указанном порядке. Тексты, впрочем, были больше рекламой или краткими выпусками новостей. Главное — это была единственная настоящая музыкальная станция, где с 10 утра и до 3-х дня крутили самые модные мировые хиты. И если где-то в других городах СССР народ подседал на кассетные магнитофоны типа "Весна", в Севастополе все ходили с приемниками "Океан" или "ВЭФ". Это была летняя станция. Она начинала работать в последнюю неделю мая и заканчивала в первую неделю октября» [Б255].

Итак, мода на ношение с собой радиоприемника или переносного магнитофона варьировалась в зависимости от местных условий. В Крыму иметь приемник было также необходимо, как в средней полосе нашей страны таскаться с «кассетником» в руках.

Естественно, что радиоприемник должен был быть не простым, а навороченным. На эту роль великолепно подходили радиоприемники рижского завода ВЭФ или минский «Океан».

В нашей семье был радиоприемник попроще, но не менее известный — «ВЭФ-Спидола». По крайней мере, он «звездился» по стране все 60-е годы, а в 70-е воспринимался уже как устаревший и немодный. С собой на улицу я его не носил, во-первых, потому что он считался отцовским, а во-вторых, у меня был свой кассетный магнитофон «Весна-306», который был ему вполне адекватной заменой.

Магнитофоны серии «Весна» были одними из самых популярных в стране. Стоила «Весна-306» 195 руб., но впоследствии ее снизили до 165 руб. [Б67].

Наличие радиоприемника или кассетного магнитофона в руках подростка сразу ставило его в центр внимания дворового сообщества. Прослушивание популярной музыки создавало соответствующую интимную атмосферу — первичную среду для межполового общения, т. е. такую, когда поговорить откровенно о чем-то эротичном считается еще недопустимым, но просто посидеть вместе, под предлогом совместного прослушивания музыки уже можно. Другими словами, радиоприемник (кассетный магнитофон) выполнял важную объединительную функцию — роль эдакого коммуникационного антуража, создавая собой предлог, к общению разнополых подростков друг с другом и даже не к общению, а совместному, близкому нахождению рядом друг с другом во внешкольной (т. е. — неформальной) обстановке.

Таким образом, и радиоприемники, и магнитофоны становились важными факторами, стимулирующими межполовое общение и разрушающими предыдущие детские установки типа «с девчонками (мальчишками) дружить нельзя, потому что это позорно и стыдно».

Кроме того, наличие радиоприемника или магнитофона свидетельствовало о взрослости его владельца, что он является активным пользователем вещей и атрибутов взрослого, т. е. — уже не детского мира. Этот процесс взросления, через обретение «взрослой вещи» (в нашем случае радиоприемника или магнитофона), нам представляется достаточно интересным и значимым.

Вот характерный пример (204) из воспоминаний моего двоюродного брата, относящихся к 1966 г. (г. Воронеж):

«*Я начал работать с 14-ти лет. Денег в семье было мало, а мне так хотелось купить магнитофон. Самый дешевый тогда стоил около 100 рублей. Вместе с приятелем я летом устроился работать в совхоз. Оплата была сдельная, в зависимости от вида работы. За прополку моркови в день платили 1 руб. 40 коп., а за уборку птичника от навоза — от 8 до 10 руб. Но это была тяжелая работа. Руки очень болели. Чтобы облегчить страдания, я предплечья обматывал бинтом. Так было легче махать лопатой. В итоге я заработал 140 рублей. Вместе с отцом мы поехали в город покупать магнитофон. Мы купили магнитофон "Днепр-11". Здоровый такой. На него устанавливались большие катушки, вмещавшие по 500 м. Заплатили за него 115 рублей. Купили его в комиссионном магазине*» [А45].

Комментарий:

Конечно, с таким магнитофоном нельзя было прогуливаться по улице, но на то время — конец 60-х гг. сам факт наличия магнитофона в семье говорил о многом. Это был предмет роскоши.

Покупка данного магнитофона именно в комиссионном магазине свидетельствует о том, что это был дефицитный товар, и купить его можно было только по завышенной цене. Именно в комиссионных магазинах можно было купить дефицитные вещи по завышенным, т. е. — коммерческим (негосударственным) ценам.

Существовал даже специфический дресс-код на ношение приемников и/или магнитофонов.

Первый, пожалуй, самый вызывающий способ, предполагал ношение радиоприемника (переносного магнитофона) на плече, поближе к уху. Тем самым достигалась максимальная визуализация гаджета (как бы сейчас сказали) и его публичная демонстрация. Но при этом, близость к уху накладывала ограничение на громкость воспроизведения музыки. Из-за этого возможности коммуникации с другими людьми сильно ограничивались. Так что в данном случае приемник и/или магнитофон выполнял, прежде всего, визуально-демонстративную функцию и только потом уже функцию воспроизведения и аудиовосприятия музыки. Чаще всего таким способом носили именно магнитофоны, потому что выдвинутую антенну радиоприемника легко можно было сломать, не заметив над головой препятствия.

Второй способ — ношение на сгибе руки. В этом случае свободной рукой можно было регулировать громкость звука и тембр звучания. Это был самый распространенный способ, присущий неспешным прогулкам. Как и предыдущий, он был распространен преимущественно в гендерно однородных кампаниях, потому что главным тут было все же прослушивание музыки и только потом публичная демонстрация факта такого прослушивания. Чаще всего таким способом носили магнитофоны, а не радиоприемники, потому что окружающие люди могли ненароком задеть и сломать выдвинутую антенну.

Третий способ — ношение приемника (переносного магнитофона) в опущенной руке, но не прямо, а несколько наискосок, криво, за край ручки. Внешне это выглядело небрежно и даже немного вызывающе. В этом случае (также как и в первом) радиоприемник (магнитофон) воспринимался не столько как источник звука, сколько как статусная вещь, которая взята с собой как бы ненароком, на всякий случай, походя. Радиоприемники чаще всего носили именно таким способом.

И радиоприемники, и переносные магнитофоны были прерогативой исключительно мужской молодежной субкультуры и уже этим самым фактом приобретали маскулинные свойства сугубо мужского атрибута.

Появление подобной вещи в руках подростка сразу же переводило его на более высокую ступеньку в статусной иерархии дворового сообщества. Но и это еще не все. Этот приобретенный статус косвенно подтверждался и самими взрослыми, поскольку разрешение выносить (и носить по улице) радиоприемник и/или переносной магнитофон нужно было еще получить от родителей. То есть в данном случае, это была уже маленькая заявка на взросление, подтвержденная со стороны взрослого мира (пока еще в лице родителей) в виде легального обладания и распоряжения материальными ценностями, к которым молодой человек по своему возрасту еще не имел никакого отношения. Все это косвенно подтверждалось такими понятиями и фразеологическими оборотами как «мой приемник», «мой магнитофон» (а не папин).

§ 3.4.5. Эспандер

Необходимость подтвердить свою нарождающуюся маскулинность проявлялась не только в занятиях спортом (которым все мальчики — подростки неожиданно начинали увлекаться) и неуклюжих попытках ухаживания за девочками и девушками, не только в слепом следовании моде наподобие Эллочки-людоедки и умении петь песни под гитару, но и в повседневной, ежечасной и ежеминутной демонстрации этой самой маскулинности.

Как ни странно, самыми простыми и доступными способами такой демонстрации было подростковое курение и употребление пива и спиртных напитков (о чем будет сказано ниже), а еще публичная демонстрация своей спортивности.

Последнее достигалось не столько участием в разных спортивных кружках и секциях (что, кстати, тоже очень важно), сколько постоянным ношением в кармане кистевого эспандера и использованием его в качестве своеобразного брелока, чтобы хоть чем-то занять руки. Нельзя сказать, что данная мода была всеобщей, но то, что она имела место быть в определенных кругах молодежи 70-х, представляется несомненным.

В СССР продавалось много различного спортивного инвентаря. В своем большинстве он был рассчитан на бюджетного, как бы сейчас сказали, потребителя. Спортивных тренажеров в свободной продаже не было, а вот различных эспандеров для тренировки мышц, было много. Однако все они были однотипными, т. е. — разных конструкций, но для развития одних и тех же групп мышц. Такое разнотипье объяснялось тем, что эспандеры выпускали многие крупные заводы и предприятия (в том числе и оборонные) в качестве побочной продукции.

Кистевые эспандеры различались по устройству и цене. Наибольшим спросом пользовались эспандеры в виде резинового колечка, прежде всего из-за своей дешевизны, компактности и малого веса. Их даже потерять было не жалко. Такой эспандер был своеобразной жевательной резинкой для рук. У автора были друзья, которые постоянно носили их с собой и постоянно «жмакали», перекладывая по мере уставания из одной руки в другую. Сейчас,

по прошествии многих лет, у меня возникают сомнения в целесообразности таких тренировок. Но тогда среди мальчишек считалось, что чем больше ты будешь «жмакать» эспандер, тем сильнее у тебя будут кисти руки. А сильная рука определялась твердостью рукопожатия.

Ну и, по умолчанию предполагалось, что данные действия должны были впечатлить девушек, убедить их в спортивности молодого человека, его силе, ловкости и… сексуальности.

§ 3.4.6. Мопед — мотоцикл

Несомненно, что мотоцикл (мопед) был статусной вещью с ярко выраженными маскулинными свойствами.

Наибольшей популярностью пользовались мотоциклы чехословацкого производства «Ява» (730 руб. на 1973 г.) и «Чезет» (ČZ). «Ява» была хороша тем, что к ней можно было прикрепить коляску, а вот к «Чезете» — нет.

Отечественная мототехника в 70-е — первой половине 80-х гг. XX в. была представлена достаточно широким ассортиментом (см.: *табл. 4*).

Таблица 4

Стоимость советской мототехники [Б214]

Марка мотоцикла (мопеда)	Цена (в руб.)	Год фиксации цены	Примечания
Иж Юпитер-3	750	–	
Иж Планета-3	560	–	
Восход-2	420	1975	
Восход-3	490	1990	
Минск-105	330	1975	
Карпаты-2	273	1990	
Верховина-5	192–198	1975	в зависимости от комплектации
Верховина-6	220–226	май 1981	в зависимости от комплектации
Рига-7	112	1975	
Рига-11	145	–	

Конечно, невозможно перечислить все разнообразие выпускаемой в СССР мототехники. Также нельзя абсолютизировать указанные в таблице цены, потому что советская промышленность не стояла на месте и устаревающие модели заменялись на более новые, современные. Все это влияло как на качество (читай — популярность), так и на стоимость товаров.

В большей степени увлечение мотоциклами и мопедами было прерогативой сельской молодежи, потому что в условиях города требовалось место для их хранения — гараж или сарай. В сельской местности с этим проблем обычно не возникало. В городе, мопеды чаще всего хранили в подвалах многоэтажных домов (почти в каждой пятиэтажке, у каждого жильца была своя маленькая кладовка), или в отдельно стоящих сараях (такие часто возводили в виде отдельных строений во дворах жилых домов).

Мотоцикл (мопед) выполнял три важных функции в системе сексуального воспитания.

Для юношей — это функция приобщения к взрослому миру, с всамделишными, реальными, а не игрушечными атрибутами взрослой мужской

жизни. Это был достаточно убедительный способ демонстрации своей маскулинности перед девушками.

Пример (205) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 15-ти летнем возрасте, и адресовано мне из Севастополя от 27.10.1978 г.:

«*У нас в гарнизоне почти все пацаны купили себе мопеды. Они по утрам и вечерам так трещат, что уши вянут. И командование повесило табличку, что езда в гарнизоне утром до 7 и вечером от 8 запрещается. Велосипедистов стали тоже ловить. Они стали гонять на бешеных скоростях*» [А60].

Для девушек — это также функция приобщения к неведомому мужскому миру с его не совсем понятными ценностями и артефактами. Это попытка уже не через игрушечный мир, а через всамделишные атрибуты взрослого мира (коими являются мотоциклы и мопеды) постичь сущность мужчины. Другими словами — это своеобразная попытка освоения (и даже, в некоторой степени подчинения) девушками взрослого мужского мира.

Для тех и других — общей функцией мотоцикла (мопеда) была посредническая, которая позволяла организовать общение юношей и девушек друг с другом. Так, предложение покататься со стороны молодого человека и принятие этого предложения девушкой выводило межполовые отношения на новый уровень — уровень телесного восприятия друг друга, ведь чтобы ехать на заднем сиденье мотоцикла, девушке надо было крепко держаться за молодого человека, обняв его руками. И чем быстрее скорость или резче движения, тем крепче надо было прижиматься к нему. Особенность таких телесных контактов заключалась в следующем:

С одной стороны — это их сугубая добровольность, поскольку девушки сами соглашались покататься на мотоцикле.

С другой — относительная длительность подобных контактов, ограниченная только временем поездки.

А с третьей — сила и плотность таких телесных контактов, которые совершенно не были похожи на медленный танец на школьном вечере или мимолетное тисканье в школьной раздевалке.

Ну а само положение ездоков, априори исключало совершение ими полового акта (не то, что положение танцующих, которое можно рассматривать как прелюдию к поцелуям и последующему коитусу), и осознание этого факта абсолютной физической невозможности коитуса, как бы, легитимировало возникающие между юношами и девушками плотные телесные контакты. Внешне они не считались эротическими и сексуальными, хотя на самом деле таковыми как раз и были. В результате обе стороны получали столь необходимый и желанный опыт телесных ощущений и телесной чувственности.

Кстати, неким суррогатом подобных контактов было катание юношами девушек на раме велосипеда. Но этот способ был не совсем удобен — рулить было трудно и быстро не поедешь. Хотя, если посмотреть с другой стороны, физические усилия, прилагаемые велосипедистом, его мерное раскачивание при вращении педалей, срывающееся дыхание и запах пота — все это что-то смутно напоминало, а что именно, было еще не совсем ясно, но в тоже время по-своему привлекательно для девушек.

§ 3.4.7. Фотографии известных артистов и артисток

В 60–80-е гг. XX века изданием открыток с фотографиями советских киноактеров занималось Всесоюзное бюро пропаганды советского киноискусства.

«*Открытки были коллекционными и не предполагали отправку без конверта. Карточки выходили достаточно большими тиражами и доходили до 500000 экземпляров. Помимо портретов, можно встретить не форматные карточки, а также кадры из фильмов и спектаклей. На оборотной стороне открытки печаталось краткая биография и список работ по годам. Стоимость карточек варьировалась от 5 до 8 копеек за штуку. Встречаются издания разных типографий, таких как Гознак, Союзполиграфпром, УСиС ГУГМС, "Укррекламфильм", типография Ивана Федорова*» [Б180].

Коллекционирование фотографий известных артистов в первую очередь было прерогативой девушек. Такие фотографии были своеобразным аналогом гэдээровских переводилок, на которых были изображены зарубежные безымянные красавицы, и которыми больше увлекались юноши.

Интересен анализ комментариев к цитируемой выше статье. Так, на 18.07.2021 г. (статья была размещена в сети Интернет 10.10.2019) из 91-го поста, 56 читательниц (женщин) отметили, что они сами или их близкие родственники в молодости собирали открытки актеров театра и кино. Причем у многих из них данное хобби имеет давнюю историю и в их семьях охватывает несколько поколений женщин. И всего только трое мужчин — читателей заявили, что увлекались коллекционированием подобных открыток.

Вот характерные примеры (206):

> Ирина:
> «*У меня есть своя коллекция, еще мама начала покупать, потом я сама, начиная с 50-х до начала 80-х...*» [Б180].

или (207)

> Наталья Куринская:
> «*Собирали, с нетерпением ждали появления новых открыток в киоске. Удивительные были люди. Каждый по-своему красив и талантлив*» [Б180].

или (208)

> Виола Виола:
> «*Моя мама собирала в 70-х, когда была молодой. Она их вставляла в большой альбом для фотографий, с детства очень нравилось просматривать. Теперь это память о прошлом и маме...*» [Б180].

или (209)

> Галина Каплина (Иванова):
> «*В юности занималась коллекционированием фото артистов. Храню до сих пор. Штук 100 есть и цветные и не цветные*» [Б180].

или (210)

Алина Миронова:

«*Ой, у меня их много! Еще бабушка собирала, потом мама! Моих уже мало. Из опубликованных есть Янковский, Михалков и Баниoнис. Практически все есть, что на снимке Pjotrs Polovcevs. Есть молодые Лидия Смирнова, Целиковская, Тамара Макарова и много кто еще. Храню их*» [Б180].

или (211)

Регина:

«*В киосках покупала, радовалась, когда новые открытки приходили. Были еще не только портреты, но и фрагменты из фильмов. Помню хорошо Куравлева из "Робинзона Крузо*"» [Б180].

или (212)

Астра Пиастра:

«*В мои 1980 кроме меня уже никто не собирал эти открытки. Все мои подружки собирали фантики, календарики с котятами, наклейки от жевачек. Приходишь к ним в гости и вот они выворачивают свою драгоценную коллекцию. Я им в ответ показывала свою — открытки, фотографии актеров, переписанные стихи из редких журналов. Подружкам трудно было это оценить и потому это хобби у меня угасло*» [Б180].

Как видно из первого (206) и последнего (212) примеров, массовое собирание открыток артистов в 80-е гг. XX в. пошло на спад. Трудно сказать, с чем это было связано, и каковы были причины такого снижения популярности столь распространенного ранее увлечения. Но, как нам кажется, одной из причин этого стала появившаяся возможность удовлетворения своих эротических и сексуальных фантазий другими способами.

Фотографии артисток рассматривались как эталонные, такие, на которые надо равняться в моде, макияже, прическе, стиле поведения. Именно на этот образ любимой актрисы и хотелось быть похожей.

Вот характерный пример (213), наглядно иллюстрирующий проникновение модных тенденций в нашу страну через фотографии, который относится к 20-м гг. прошлого столетия и талантливо описанный И. Ильфом и Е. Петровым:

«*В такой великий час к ней пришла Фима Собак. Она принесла с собой морозное дыхание января и французский журнал мод. На первой его странице Эллочка остановилась. Сверкающая фотография изображала дочь американского миллиардера Вандербильда в вечернем платье. Там были меха и перья, шелк и жемчуг, легкость покроя необыкновенная и умопомрачительная прическа.*

Это решило все.

— Ого! — сказала Эллочка самой себе.

Это значило: "Или я, или она"» [Б112, с. 164].

Фотографии актеров мужчин воспринимались как притягательный образ эталонного мужчины. Именно таким или похожим виделся будущий избранник.

Конечно, все это было из области фантазий и грез, но они, эти грезы и фантазии выполняли важную нормативно-ориентационную функцию, прививая вкус, формируя запросы и расставляя приоритеты в выборе будущего избранника.

Так что если юноши в своих визуальных эротических фантазиях ориентировались на безымянные женские образы гэдээровских переводилок, то девушки были более рациональны, выбирая в качестве объекта поклонения (и в качестве эротического и сексуального эталона) вполне конкретных мужчин, наделенных определенными качествами. Другое дело, что эти качества были не настоящими, а присущими образам героев, сыгранных актерами — мужчинами. Но это все же было более человечнее, чем эротические фантазии юношей о зарубежных безымянных красавицах.

Глава 3.5 Сексуальные артефакты взрослого мира

§ 3.5.1. Влияние механизма табу и социального запрета на сексуальность

Взрослый мир всегда привлекал детей своими специфическими «игрушками» (артефактами взрослого мира) и формами поведения. Но игрушки, которые взрослыми предлагались детям, как некий аналог или суррогат взрослого мира, были не полными. В своем большинстве они подразумевали лишь возможность механического копирования внешне наблюдаемых, а главное — социально одобряемых форм поведения взрослых.

Неполнота отображения реального взрослого мира в детских игрушках подспудно порождала у детей желание разнообразить этот, созданный для них взрослыми мир.

Главной целью таких желаний было стремление как можно скорее стать взрослыми, чтобы игрушечные машинки поменять на настоящие, вместо куклы родить своего ребенка, а вместо игрушечного автомата — получить настоящий, железный, стреляющий и т. д. Именно по этой причине в 60-е — 70-е гг. прошлого века среди детей были особенно популярны игрушки, моделирующие взрослый мир — наборы детской кухонной посуды, набор доктора, игрушечная железная дорога производства ГДР и т. д. Мир детства настоятельно требовал игрушек, как всамделишных моделей взрослого мира, но в то же время не удовлетворялся ими в полной мере. А модели, предлагаемые взрослыми, в свою очередь, не могли полностью удовлетворить детей, потому что не полностью отображали этот самый взрослый мир. Поэтому мир детства постоянно выдвигал все новые и новые требования к взрослым.

Итак, наряду с игрушечным аналогом взрослого мира, в реальном взрослом мире присутствовали такие сферы, которые в детских игрушках совершенно не были представлены. Так, употребление спиртных напитков, табакокурение и секс, в глазах детей и подростков были непременными атрибутами, можно сказать символами взрослого мира, но соответствующие игрушки на эту тему отсутствовали. Их отсутствие как бы подчеркивало сугубую взрослость данных поведенческих практик и сопутствующих им предметов. Поэтому освоивший их подросток, априори мог считать себя взрослым в своих собственных глазах, и считаться таковым в глазах сверстников.

Таким образом, освоение подобных поведенческих практик, по идее, приближало подростков к взрослому миру, делало их если не полноценно взрослыми, то, по крайней мере, сопричастными взрослому миру. Другие подростки, не вкусившие подобных «прелестей», оказывались на более низкой ступени в подростковой табели о рангах, как не приобретшие важного социального опыта, присущего исключительно взрослому миру.

В реальной жизни данные поведенческие практики моделировались детьми и подростками самостоятельно, исходя из своих собственных наблюдений за взрослыми, а взрослыми, в свою очередь наоборот, всячески пресекались, табуировались как непозволительные и вредные для детей. Пирамиду запретов венчал собой, конечно же, секс. Все остальное подчинялось ему или

ему сопутствовало. Поэтому чем более запретной была та или иная взрослая поведенческая практика (и соответствующий ей взрослый артефакт), тем сильнее она воспринималась в глазах детей как сексуальная. С этой точки зрения табакокурение и употребление спиртных напитков объединяло с сексом одинаковое свойство табу, причем табу абсолютного. Поэтому они и воспринимались детьми и подростками как сексуальные.

Однако такое понимание сексуальности распространялось не только на абсолютные запреты для детей и подростков (о которых мы только что сказали), но и на запреты относительные, например, запрет на ношение одежды противоположного пола. Нарушение такого запрета сразу ставило нарушителя в сексуально-маргинальное положение по отношению к обществу и выделяло его из общей, гендерно-однородной среды.

Пример (214):

Вспомним из русской истории императрицу Елизавету — дочь Петра I, которая не гнушалась переодеваний, дабы таким способом подчеркнуть прелести своей фигуры. Екатерина II вспоминала:

«*…нет ничего безобразнее и в то же время забавнее, как множество мужчин, столь нескладно наряженных, и ничего более жалкого, как фигуры женщин, одетых мужчинами; вполне хороша была только сама императрица, к которой мужское платье отлично шло…*» Как и следовало ожидать, такие маскарады доставляли удовольствие лишь самой Елизавете» [Б45, с. 158].

Таким образом, любые запреты, реализуемые в процессе воспитания всегда, в той или иной мере, в большей или меньшей степени приобретают в глазах детей и подростков ореол эротизма и сексуальности.

Самым ярким примером такой эротичности является мода, ведь по сути, мода — это введение в повседневный обиход одежды, норм поведения, способов коммуникации, форм досуга и т. д., — т. е. таких поведенческих феноменов, которые ранее были или под запретом, или не имели широкого распространения в обществе в силу всеобщего восприятия их как маргинальных и девиантных. Именно это неожиданное изменение статуса от маргинальности и девиантности к модности как раз и позволяет нам говорить о сексуальности моды. Другими словами, сексуальность порождается преодолением запретов и утверждением новых стандартов, считавшихся до этого маргинальными и девиантными, но затем в одночасье ставших модными, т. е. — эротичными. Именно поэтому можно утверждать, что с сексуальностью моду роднит, прежде всего, общее ощущение запрета и ограничений, неважно каких — возрастных, половых, статусных, имущественных или еще каких-либо и их преодоление.

Пример (215):

Ярким примером подобной сексуальности является жанр пин-ап.

Запрет и табу, как это ни покажется странным, дают толчок к возникновению эротизма и сексуальности, или, по крайней мере, к восприятию тех или иных поведенческих практик таковыми. Отсутствие или снятие запрета, растабуирование приводит к снижению сексуальности.

Пример (216):

Нудисты разных полов не возбуждают друг в друге сексуальных вожделений.

Еще пример (217):

Жена, которую муж часто видит обнаженной, в меньшей степени вызывает у него сексуальное желание. Это происходит не потому, что она его не привлекает как сексуальный объект, а потому что он привык видеть ее в таком виде.

И еще пример (218):

«*В настоящее время, реклама женского белья не считается чем-то аморальным именно ввиду ее массовости. Но так было не всегда. В СССР реклама женского белья отсутствовала полностью. Исключение составляли разве что упаковки от импортных колготок. Но это был импортный товар, поэтому на подобную рекламу власти смотрели сквозь пальцы. В то время такая реклама колготок считалась очень эротичной и сексуальной. В настоящее же время засилье самой разнообразной рекламы женского нижнего белья уже не возбуждает у мужчин эротических фантазий — таких, как это имело место в описываемый нами исторический период.* *К этому следует добавить, что отношение к публичной демонстрации своего тела* (*хоть и упакованного в нижнее белье*) *у современных женщин также претерпело эволюцию. Она* (*эта демонстрация*) *перестала восприниматься как нечто неприличное и непристойное. Таким образом, в погоне за сексуальностью и эротизмом эти самые эротизм и сексуальность через обретение публичности существенно подрастеряли силу своего влияния на мужчин*» [A103].

Итак, взрослый мир медленно и постепенно, входил в жизнь детей и подростков. Соответственно освоение предметного мира и социальных практик взрослых происходило также плавно и последовательно. Такое постепенное освоение подкреплялось их (т. е. — этого предметного мира и социальных практик) избирательным табуированием и запретом со стороны взрослых. Именно табу и запреты определяли такую плавную постепенность (хотя в реальности, это не всегда достигалось).

Конечно, большинство социальных практик взрослого мира не запрещались детям, а наоборот — одобрялись и поощрялись взрослыми.

Так, например, освоение каких-либо трудовых навыков, форм и способов общения, или проявление самостоятельности при решении каких-то житейских проблем — все это приветствовалось взрослыми и воспринималось ими как взросление ребенка, постепенное его вхождение во взрослую жизнь. Но только три перечисленные выше социальные практики (употребление спиртных напитков, табакокурение и секс) наиболее жестко табуировались взрослыми и по этой причине со стороны детей были особенно желанны.

Установленное табу вовсе не означало их сокрытия от детей. Наоборот, эти практики, несмотря на табу, были публичны (даже секс). Поэтому в сознании детей и подростков возникало несоответствие между тем, что ежедневно и свободно наблюдалось ими в реальной жизни взрослых и тем, что это наблюдаемое им категорически запрещалось. Ни зарабатывание денег, ни работа, ни профессия, ни семья, а именно три эти практики в глазах детей были с одной стороны — самыми запретными, а с другой, самыми желанными, и, как это ни покажется странным, относительно легкими и доступными для их практической реализации. До работы и профессии надо было еще дорасти, выучиться, потратить время, а овладение этими практиками таких временных усилий не требовало.

§ 3.5.2. Табуируемые сексуальные артефакты взрослого мира

Этим трем практикам соответствовал вполне определенный предметный мир — сигареты, спиртные напитки и презервативы.

а) Сигареты

Курение, пожалуй, было самой безобидной социальной практикой взрослых, которую подросткам можно было легко скопировать и воспроизвести. Именно по этой причине, не все подростки воспринимали ее как необходимое условие и символ взрослости. Многие из них в своей жизни так и не начинали курить. На это имелось множество причин, начиная с пропаганды здорового образа жизни и систематических занятий спортом (которым курение, несомненно мешало), кончая семейными традициями.

Но в целом, подростковое курение можно расценивать как один из возможных и реализуемых на практике способов доказательства своей, якобы состоявшейся взрослой идентичности.

У каждого был свой возрастной рубеж приобщения к курению. Как реализовавшаяся социальная практика, табакокурение сразу же переводило ребенка в статус подростка (с претензией последнего на взрослость). Пусть даже еще не совсем полноценного, еще не совсем соответствующего возрасту подростка, но уже и не ребенка.

Курение порождало новые разговоры, формы общения и времяпрепровождения, не доступные для других и уже доступные для «избранных».

Табачных изделий в стране советов выпускалось много и разных. Количество марок превышало число видов колбасы и водки [Б52]. Кроме советских, продавались болгарские и кипрские марки. Купить сигареты могли все, вопрос стоял в качестве продукции и ее цене [Б52].

Пример (219) из народного эротического фольклора тех времен:

> *— Хочешь «Стюардессу»?*
> *— Спасибо, у меня упал* (т. е. — «Опал») [А105].

Примечание:

> «Стюардесса» и «Опал» известные марки сигарет из СССР.

«Курцы», как правило, на чем-то одном не зацикливались. Каждая марка сигарет была уникальной по-своему: кардинально отличался дизайн пачки, качество табачной мешки, наличие или отсутствие фильтра и т. д. Все хотелось попробовать.

Но и для некурящих подростков разбираться в марках сигарет было престижно.

Курение представляло собой с одной стороны некий тайный акт, сакральный ритуал, скрытый от внимания взрослых, а, с другой, предполагало обязательную публичность, демонстрацию через курение своей маскулинности перед друзьями и сверстниками, а главное — перед девушками.

Отношение девушек к курению зависело от возраста курящего. Дети, пробовавшие курить, и даже проделывающие это с завидным умением, ничего

кроме насмешек не вызывали, что, впрочем, не мешало им продолжать подобные эксперименты, ведь в своем, мальчишеском кругу сверстников, они насмешкам не подвергались.

Что же касается старших школьников, то здесь все зависело от того — как много курит подросток. Естественно, что неприятный запах изо-рта становился существенным препятствием к общению с девушками. Но такие подростки вполне компенсировали это общение сугубо мужской кампанией.

Окончание школы воспринималось как снятие всех и всяческих запретов на курение. Отмена этого табу происходила не сразу, а чаще всего в некоей дистантной, как бы сейчас сказали форме, т. е. в отрыве от родителей, которые до этого и были основным источником данного запрета. Призыв в армию, поступление в ВУЗ и переезд, в связи с этим в другой город, окончательно разрушали этот запрет. Молодому человеку оставалось только решить — стоит ли его нарушить или оставить все как есть.

Отдельно хочется сказать о курении девушек. В 70-е гг. прошлого века это было крайне редкое явление. Даже сами курящие девушки старались это публично не афишировать.

Пример (220):

«*Когда я учился в школе, в отношении некоторых одноклассниц мои приятели говорили, что они иногда курят на переменах в женском туалете. Откуда была такая информация и была ли она правдива — неизвестно, но отношение к этим девушкам со стороны одноклассников было несколько другое, я бы сказал, какое-то настороженно-осуждающее, хотя открыто их никто за курение не порицал*» [А132].

По крайней мере, девушки курили не из-за того, что хочется курить, как иногда это делали мальчишки, а под соответствующую обстановку, настроение и за кампанию. Поскольку возможности создания таких условий были нерегулярными, то и курящих девушек было не так уж и много. Впрочем, в 80-е гг. прошлого века все стало постепенно меняться. И планка общественного осуждения относительно женского курения резко поползла вниз.

б) Спиртные напитки

Табу на употребление детьми и подростками спиртных напитков закономерно порождало у них устойчивые ассоциации между алкоголем (а также всем тем, что с ним связано) и взрослым миром.

Употребление спиртного представлялось обязательным свойством взрослости. Именно поэтому, употребление спиртных напитков, даже несмотря на возможные карательные санкции со стороны родителей и общества, многими подростками рассматривалось, как один из возможных способов подтвердить (и доказать) свою, якобы уже состоявшуюся взрослость. И дело тут заключалось не столько в физиологической, и даже не в психологической, сколько в социальной взрослости, наступление которой подростки стремились ускорить различными способами, в том числе и через табакокурение, и через употребление спиртных напитков.

В силу различных причин, у каждого подростка был свой собственный опыт приобщения к спиртному. Главным при его обретении было создание

соответствующих «взрослых» условий и обстоятельств, при которых, по идее, употребление спиртных напитков допускалось и даже приветствовалось.

Это могли быть танцевальные вечера и дискотеки, молодежные посиделки с девушками и мальчишники. Все эти ситуации объединяла одна цель — подтверждение своей маскулинности (а для девушек — феминности) в сообществе сверстников.

По мнению психиатра-нарколога О. Шепелева, «*Впервые подростки обычно употребляют алкоголь в компании сверстников. В последующем прием спиртного становится своеобразной групповой потребностью. Пока подросток не в своей компании — желание выпить отсутствует. Как только он попадает в привычную среду — активируются соответствующие стереотипы поведения. Развитию подросткового алкоголизма способствует возникновение своеобразных представлений о «хорошем времяпрепровождении». Наряду с беседами, спорами, прогулками, прослушиванием музыки и посещением ночных клубов выпивка начинает восприниматься, как неотъемлемый элемент нормального общения*» [Б254].

Таким образом, алкоголь помогал самоутверждению подростков, в виде притязания на взрослость. Это притязание наиболее эффективно проявлялось и срабатывало в сочетании с недостатком образования, плохим воспитанием (а равно отсутствием надлежащего контроля со стороны родителей) и неумением и/или невозможностью выразить себя каким-либо другим способом.

Трудно говорить о том, в какой степени употребление спиртных напитков было распространено в молодежной среде в 70-е гг. прошлого века, поскольку, как утверждает отечественный историк М. Калинова, «*на протяжении фактически всего советского историографического этапа вопросы объемов алкоголизации населения замалчивались* (*за исключением второй половины 1980-х гг. когда на волне антиалкогольной кампании эта тема обсуждалась в публицистических и периодических изданиях*), *поэтому можно сказать, что масштабные историко-демографические разработки, посвященные данной проблематике, сегодня только начинаются*» [Б118, с. 60].

Отношение самих подростков к употреблению спиртных напитков зависело от многих факторов. Оно колебалось в весьма широких пределах: от абсолютного одобрения, до категорического неприятия. Главным здесь было выявление скрытой мотивации употребления спиртного. С одной стороны, все осознавали несомненный вред алкоголя, но с другой, именно он, алкоголь, благоприятствовал созданию психоэмоциональных предпосылок и условий для знакомства, помогая снять напряжение, неловкость и смущение в ситуации общения с представителями противоположного пола.

В большей степени такую неуверенность с помощью алкоголя были вынуждены компенсировать молодые люди, поскольку в традиционной системе межполовых отношений именно им принадлежала активная роль в ситуации знакомства, и дальнейшего ухаживания.

Ну а наглядный пример взрослых, который иллюстрировал собой обыденность употребления спиртных напитков, предполагал снятие всех и всяческих запретов на употребление спиртного.

К сожалению, неумение вовремя остановиться и ограничить себя в употреблении спиртных напитков для многих подростков в будущем приводило к хроническому алкоголизму.

Пример (221):

«*Двоюродный брат моего отца — Анатолий* (*которого я хорошо помню по своему детству*)*, был высокообразованным человеком и грамотным инженером. Но, к сожалению, в молодости, по воспоминаниям моего отца, он был робким и застенчивым в общении с девушками* (*г. Краснодар, 50-е — 60-е гг. XX в.*)*. Чтобы побороть свое смущение он немного выпивал для храбрости, перед тем как идти на танцы. Со временем это вошло у него в привычку. Причиной его ранней смерти стал именно алкоголизм. Свою семью он так и не создал*» [А53].

Еще пример (222):

«Моя супруга вспоминает (конец 80-х — конец 90-х гг. XX в. — с. Хоб-Богоявленское, Первомайского р-на, Тамбовской обл.):

— На танцы в сельский клуб юноши почти все и всегда приходили выпивши. Сами девушки объясняли это тем, что молодые люди употребляли "для храбрости", чтобы побороть свою неуверенность. Смотрели они на это сквозь пальцы, как на само собой разумеющееся явление» [А49].

Комментарий:

Это наблюдение, конечно же, не относится к рассматриваемому нами периоду 70-х гг. прошлого века, но, несмотря на это, по своей сути, характерно и для него.

Выявление реальных причин и мотивации употребления спиртных напитков молодыми людьми в данном конкретном случае со стороны девушек подвергалось ревизии. Их объяснение подобного поведения молодых людей основывалось на собственных желаниях и установках найти себе подходящего полового партнера. Однако представляется несомненным тот факт, что среди молодых людей, пришедших на танцы в состоянии легкого алкогольного опьянения, были и такие, которые употребили спиртное не столько для храбрости, сколько уже (!) из привычки.

Таким образом, определение девушками истинной мотивации употребления спиртных напитков молодыми людьми наталкивалось с одной стороны на отсутствие у них жизненного опыта (в силу возрастного фактора), а с другой — доминированием у них установок и желаний найти себе подходящего полового партнера — такого, какой выберет меня, а не какого выберу я.

Все это сопровождалось виртуальной идеализацией всех пришедших на танцы молодых людей и занижением порога объективной оценки их социального поведения.

в) Презерватив как символ взрослого мира

Эпиграф, без которого трудно обойтись.
Старый, полудетский анекдот.

По семявыносящим потокам навстречу светлому будущему несутся миллионы сперматозоидов. Один, мечтательно: «Вот если я оплодотворю яйцеклетку, то родится великий архитектор!» Другой, рядом: «А если я, — то гениальный музыкант!» Третий: «Приведется мне, — великий писатель!» Навстречу им, супротив течения, несется совершенно дикого вида сперматозоид, который истошно вопит: «Шухер, пацаны, мы все в гондоне! [Б284].

Презерватив (кондом) в представлении подростков был, пожалуй, самым тайным, можно даже сказать сакральным атрибутом взрослого мира. О его значимости свидетельствует огромное количество рассказов, воспоминаний, баек, быличек, анекдотов и т. п. в сети Интернет. Достаточно сделать запрос в поисковой системе, из двух слов «СССР» и «презерватив», как сразу

становится ясным «вселенский» масштаб проблемы, которая, в бытность СССР, касалась почти каждого половозрелого гражданина.

Особую значимость, повторимся, презервативы имели для подростков. Дело в том, что их использование по прямому назначению представляло собой сугубо интимный акт между мужчиной и женщиной. По этой причине абсолютно все, что было связано с презервативами в их материальной, вещной (т. е. — невербальной) ипостаси, не предусматривало публичности.

Но, с другой стороны, презерватив, как нематериальный символ сексуальности, в своем лексическом (точнее — вербальном) значении, наоборот был публичен как никакой другой символ взрослости. Именно эта амбивалентность презерватива между публичностью его покупки и скрытностью хранения дома в семье, между демонстративной публичностью вербального использования этого слова и интимностью практического применения данного предмета по назначению, как раз и создавала вокруг презерватива такой своеобразный мифический ореол. В этом и заключается главное отличие презерватива от других, уже рассмотренных нами выше атрибутов взрослого мира — сигарет и спиртных напитков.

Так, например, чтобы подчеркнуть свою взрослость, употребление спиртных напитков или табакокурение должны были быть демонстративным актом, реализовываться на публике (т. е. — в кругу сверстников), в то время как использование презерватива такой публичности не предполагало. Да и сама покупка данного атрибута взрослой жизни также была сопряжена с определенными ограничениями, которые по своему психоэмоциональному накалу были много большими чем покупка сигарет и/или спиртных напитков.

В отличие от сигарет и спиртных напитков, публичное употребление которых допускалось в том числе и женщинами, презерватив представлялся сугубо мужским атрибутом. Но его использование по назначению тесно увязывалось с интересами женщины, и в этом также заключалось его отличие от сигарет и спиртных напитков.

Таким образом, недостаток публичности и даже скрытность применения презерватива по его прямому назначению, с лихвой компенсировался широчайшим использованием этого слова (и его синонимов) в повседневном вербальном общении.

Итак, по своим товарным свойствам и особенностям использования, презерватив был совершенно не похож на спиртные напитки и сигареты. Он не содействовал сексуальности — он был сама сексуальность. То есть презерватив был атрибутом, не призывающим к сексу, а частью самого секса, его органичной составляющей и подростки это отлично понимали.

Каждый из них хотел примерить презерватив еще до того, как он действительно понадобится в соответствующей интимной обстановке, т. е. еще задолго до желанного коитуса. Такая практика представляла собой важный сексуальный опыт и предварительную тренировку перед будущим половым актом. Естественно, что подобные манипуляции сопровождались бурными эротическими фантазиями. Ну а от примерки до мастурбации оставался лишь один шаг. Именно поэтому разговоры об одевании (примерке) презерватива в мальчишеской среде жестко табуировались. Но сами разговоры о презервативах, конечно же были.

В повседневной речи чаще всего использовалось жаргонизированное название презерватива — «презик» или «гандон» («гондон»), что было созвучно с другим официальным названием презерватива — «кондом». Вариативность смыслового использования «кондома» в русском языке просто поражает.

Во-первых, кондомом обозначался соответствующий товар, как обязательный атрибут половой жизни, т. е. непосредственно сам презерватив.

Во-вторых, слово «кондом» (а точнее — «гандон») использовалось как нецензурное ругательство, органично дополняя собой всем известную матерную триаду. В этой лексической ипостаси он был, и остается главной составной частью многих фразеологизмов и устойчивых выражений.

Например, фразы (223):

— *Ах ты гандон…*
или
— *Гандон ты паршивый…*
или
— *Гандон ты, дырявый…*
или
— *Эй, ты, презерватив штопаный*
и т. д. [А107].

В-третьих, кондом являл собой обязательный элемент городского фольклора и многочисленных анекдотов.

Пример первый (224):

«*Грузин готовится совершить половой акт. Надевает один презерватив, потом второй, третий... Затем закладывает уши ватой, а нос зажимает прищепкой. Удивленная женщина смотрит на него с ужасом и спрашивает:*
— *Гиви, зачем такие приготовления?*
— *Нэ лублу кагда жэншина крычыт и пахнэт паленой рэзыной*» [А11].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «Анекдоты из России» [Б32].

Комментарий:

1. Это анекдот из моего детства. Он был услышан мною еще во время учебы в школе, примерно в 1975–1978 гг. Презерватив я тогда еще в руках не держал, но уже знал, что это такое. Подразумеваю, что большинство слушателей этого анекдота, моих ровесников, на тот момент были на той же ступени сексуального развития.

2. Этот анекдот помогал справиться с возможным смущением, которое могло возникнуть в ситуации полового акта. То есть заранее этому смущению и робости ставился такой психологический блок в виде данного анекдота.

2. Кстати, смущению и робости, как ни странно, больше подвержены мальчики, подростки и юноши, поскольку в половом акте мужчина играет активную роль. И дело тут не в опасении «получится — не получится», а в том, чтобы не показать свою некомпетентность и неосведомленность партнерше в таком интимном вопросе, ведь раз она доверяет себя партнеру по сексу, то он, соответственно, должен быть на высоте. Ну а в ситуации первого полового акта доверие девушки тем более надо оправдать. Хотя как оправдывать-то, ведь опыта-то никакого нет? В такой ситуации и оконфузиться легко. Заминка и неумение правильно себя вести в ответственный момент может привести к отказу партнерши от полового акта, что, естественно будет воспринято как личная трагедия.

3. Ну и последнее, что касается данного анекдота. В большинстве советских анекдотов у грузин был свой специфический имидж эдаких постоянно озабоченных секс-гигантов, по-современному — мачо. Да и сам грузинский акцент частенько ассоциировался с высокими запросами в данной сфере. Такая особенность имела место не только в анекдотах, но и в фильмах, и в разговорном жанре на эстраде. Тем самым, в массовом сознании, через разнообразные культурные продукты, всячески поддерживалась мысль о якобы выдающихся сексуальных способностях представителей этой национальности. Но особенно назойливой она была именно в анекдотах.

Пример второй (225):

«*— Василий Иванович, гандоны японские привезли, бежим скорее!*
*— Ох, подожди, Петька, помоги гильзу снят*ь» [А29].

Комментарий:

1. Этот анекдот был услышан мною в детстве от мальчишек. Он ярко иллюстрирует дворовое сексуальное образование, которое имело место в 70-х годах XX века.

2. В это время в СССР был распространен миф о японских презервативах, у которых на кончике был нарисован цветочек и которые были многоразовыми (по крайней мере, так считалось). Источником этого мифа было, по всей видимости, с одной стороны высокое качество японских презервативов, выпускавшихся в смазке, а не пересыпанных тальком, как советские, а с другой — их редкость и, соответственно, недоступность, т. е. — отсутствие в свободной продаже.

3. Затем в СССР возник миф о презервативах с усами, который спустя годы оказался реальностью.

Пример третий (226):

«*— Василий Иванович, нам вагон гандонов импортных привезли!*
— Хорошо!
— А с-с-сука Котовский их вилами разгружал!» [А24].

Комментарий:

1. Понятно, что этот анекдот о необходимости контрацепции. Две ключевые фразы из этого анекдота самостоятельно существовали вне (т. е. — уже после) самого анекдота в качестве устойчивых выражений, а именно: «гандоны привезли» и «вилами разгружать».

Первая фраза использовалась в ситуации необходимости выполнить неожиданную, срочную, форс-мажорную работу. Причем эту работу нужно было выполнить как можно быстрее.

Вторая фраза характеризовала сам способ работы — небрежный, быстрый, халатный.

Таким образом, эротический анекдот или его часть в виде устойчивого выражения получал вполне определенное социальное звучание и использовался для характеристики той или иной ситуации обыденности. Впрочем, широчайшее использование ненормативной лексики (в частности, мата) для описания обыденности является отличительной чертой русской культуры вообще и вербальной в частности.

2. Вместе с тем, нельзя забывать и о том, что это не просто эротический, но еще и политический анекдот. Имя Г. Котовского здесь упомянуто не случайно. Дело в том, что Г. Котовского считали не только героем Гражданской войны, но и уголовным преступником, отметившимся, в том числе, и на ниве сексуальных преступлений. В предперестроечные времена такая информация, передававшаяся из уст в уста, существовала на уровне слухов, но, несмотря на это, воспринималась как достоверная.

Городской фольклор и многочисленные анекдоты про презервативы постепенно, исподволь подготавливали подростков к овладению этим атрибутом взрослого мира. Неуверенность и смущение компенсировались и маскировались с помощью городского фольклора.

В-четвертых, с помощью кондома можно было выразить вполне определенное философское отношении к жизни вообще, и к окружающим людям и обстоятельствам.

Например (227), фразы:

— *Эх, жизнь в гандоне…*

или

— *Ну, чего ты такой гандонистый?* и т. д. [А106].

Комментарий:

В данном случае функциональные свойства презерватива использовались для характеристики повседневного бытия.

Таким способом осуществлялась скрытая, тайная политическая социализация подростков, которая по своим целям и задачам была противопоставлена официальной пропаганде. Использование в ней ненормативной лексики или элементов секса и половых отношений добавляло скрытности такой изощренной пропаганде. В случае же возникновения ситуации публичности, этот скрытый смысл всегда можно было завуалировать поверхностным эротическим восприятием анекдота.

С презервативом были связаны самые важные этапы сексуальной социализации подростков, особенно мальчиков. Другими словами, с точки зрения освоения (если так можно сказать) презерватива как обязательного атрибута взрослой жизни, сексуальная социализация подростков делилась на этапы, предусматривающие преодоление себя, своих комплексов и своей нерешительности. В результате подростки овладевали новыми знаниями, опытом и осознавали новые возможности, предоставляемые не столько самим презервативом, сколько приобретенными через него решительностью, уверенностью и опытом. Какие же это были этапы?

1. Знакомство с самим термином «презерватив» (а равно и с другими его синонимическими названиями) — что он означает и для чего предназначен. Здесь неизбежно возникала виртуальная экстраполяция приобретенного знания на родительские интимные взаимоотношения, которая (эта самая экстраполяция) в свою очередь порождала множество вопросов.

2. Визуальное знакомство с презервативом, — какой он на самом деле. Такое знакомство предполагало два момента:

а) каков он целый, т. е. не использованный, в упаковке;

б) каков он после использования.

Данные ситуации были совершенно противоположны. В первом случае презерватив приобретал ореол некоей тайны и запретности, а во втором возникала ассоциация с чем-то грязным и ненужным, т. е. — выполнившим свою роль и брошенным.

Пример первый (228):

В моем детстве, чтобы объяснить, что такое презерватив, старшие мальчишки отсылали нас, малышей, в аптеку. Там мы могли лицезреть эти самые презервативы на витрине под стеклом, естественно в упакованном виде. Чтобы этот процесс не вызывал ни у кого подозрений (ни у продавцов, ни у покупателей) мы свой поход сопровождали покупкой гематогена и/или аскорбинки в таблетках [А85].

Пример второй (229):

«*Во время моего пребывания в детском санатории* (*осень 1977 г.*) *мальчишки нашли на пляже резинку — ободок от использованного когда-то презерватив. Подцепив ее палочкой, они бегали за девчонками и пугали их. В этой ситуации вспоминаются два интересных момента.*

Во-первых, это были мальчики примерно 12–13 летнего возраста. Старшеклассники все это видели, но в сам процесс не вмешивались, наслаждаясь данным действом со стороны.

Во-вторых, девочки, которых пугали "останками" презерватива, до поры до времени не догадывались о том — что это такое. Их бурная реакция возникла лишь после соответствующего разъяснения, что это такое. Вот тогда-то и возникла вся эта веселая беготня с визгами и криками» [А127].

3. Тактильное знакомство с презервативом, которое также предполагало два момента:

а) осязание его в упакованном, запечатанном виде;

б) разрывание упаковки и осязание его в стадии, если так можно сказать, готовности к надеванию.

Но не всегда эти обе стадии следовали сразу одна за другой. Порой между ними проходило достаточно много времени.

4. Покупка презерватива. Первая в жизни покупка презерватива для многих подростков была сродни подвигу и надолго запоминалась как значимое в жизни событие. Вот только это событие в своем большинстве было глубоко интимным актом и не предусматривало публичного оглашения подобных воспоминаний.

Во время покупки презерватива приходилось перебарывать себя, проявлять решительность и преодолевать стыд, отвечая на неудобные и порой даже провокационные вопросы продавцов (чаще всего — продавщиц женщин) и, в конечном итоге, добиваться своей цели — покупки презерватива. Этот опыт преодоления своей стеснительности в столь интимном вопросе впоследствии, помогал совладать с волнением в ситуации интимного общения с объектом вожделения.

Но во многих случаях самая первая покупка презерватива не предполагала его использования по назначению. Это была своеобразная репетиция воли и решительности. В результате возникало чувство безопасности будущего секса, что само по себе вселяло уверенность при общении с представительницами противоположного пола.

5. Использование презерватива фрагментарно, частично, т. е. — не совсем по назначению. Данная словесная формулировка подразумевала опять-таки два момента:

а) овладение навыками одевания презерватива при отсутствии возможности коитуса;

б) такое, пробное одевание, как правило, заканчивалось актом мастурбации.

6. Использование презерватива не по прямому назначению.

Например (230):

– в виде воздушных шариков

или

– для изготовления водяных бомбочек, чтобы кидать их с балкона или крыши дома.

Эпатирование окружающих с помощью презерватива и гротескная публичность этого предмета автоматически переводила его из категории интимного, таинственного и даже в чем-то сакрального объекта в предмет обыденности и повседневности, разрушало ореол тайны и недоступности. Презерватив можно было надуть в виде шарика и украсить им комнату в общежитии, а можно

было налить в него полведра воды и сбросить все это с балкона или крыши дома. Все это были распространенные практики использования презерватива не по прямому назначению.

Такая нефункциональная публичность использования презерватива как бы убеждала окружающих в обыденности данного предмета для его владельца, что он для него привычен, он его не стесняется и от пресыщения (якобы) уже не знает, как и где его еще применить. То есть в процессе использования презерватива не по назначению происходит его десакрализация, перевод из интимной в публичную сферу и через это повышение самооценки и внутригруппового сексуального статуса его обладателя.

Существовали и другие способы использования презерватива, которые требовали фантазии и смекалки.

Например (231):

Презерватив можно было использовать в качестве пассика в магнитофоне.

7. И, наконец, использование презерватива по прямому назначению, т. е. непосредственно во время полового акта.

В принципе, похожие этапы можно выделить и в отношении табакокурения (покупка сигарет) и употребления спиртных напитков (покупка винно-водочных изделий), но в случае с презервативом имеют место существенные отличия, а именно:

– более высокий уровень интимности, индивидуальной предназначенности презерватива как товара, по сравнению со спиртными напитками и табачными изделиями;

– повышенная скрытность покупки презервативов и локальность точек их продажи, ограниченная исключительно сетью городских аптек (их продажа вне аптечной сети стала распространенным явлением в нашей стране только с середины 90-х гг. XX века.);

– повышенный риск публичного социального порицания за покупку презервативов и подразумеваемое их использование по прямому назначению («*Потрахаться захотелось? А сколько тебе лет, мальчик?*»), а также субъективно-психологическое осознание и переживание этого риска;

– предназначенность презерватива исключительно для двоих пользователей.

Проблема покупки презервативов с эмоционально-психологической точки зрения представлялась более сложной по сравнению с покупкой табачных изделий и спиртных напитков. Достаточно сказать, что единственным местом их продажи были аптеки. Секс-шопов в СССР не существовало.

Именно поэтому, вопрос о том, кому продавали презервативы в СССР, и продавали ли их детям и подросткам, на сегодняшний день, остается достаточно дискуссионным.

Вот несколько совершенно различных мнений (232) по этому вопросу:

Безразличный [221К]:

«*Нет, не продавали. Мне было лет 10, когда я увидал, что наши мальчишки надувают водой напаличники и бросают с верхних этажей на других школьников. Я спросил, что это за резиновые изделия. Мне какой-то "грамотный" и ляпнул — "презерватив". Я был мал и глуп и*

потому ничто же сумняшеся пошел в аптеку рядом со школой и попросил презервативов. Продавщица на меня странно посмотрела и попросила убраться из аптеки. Я был унижен и посрамлен и, главное, не понял причины такого отношения к себе. Давай у грамотных друзей узнавать, что было не так. Ну, мне и объяснили. На душе стало еще противней...» [Б53].

или (233)

2Андрей1 [77.5K]:

«*В СССР все было. Были презервативы, был секс... Презервативы лежали в свободной продаже, цена была 4 копейки, в бумажной упаковке, пересыпанные тальком. Продавали их любому желающему, так как это не секс-игрушка, а предмет личной гигиены и продавался он не в секс-шопе, а в аптеке, без рецепта и каких-либо ограничений. Эти изделия не пользовались спросом, так как были не комфортными в использовании и крайне ненадежными в деле. Кардинальные изменения наступили с "приходом" СПИДа, появились более надежные презервативы, в современной упаковке*» [Б9].

или (234)

don Sezar [6.2K]:

«*Нет. Презервативы не то, что подросткам, взрослым не продавали. В стране тотального дефицита в свободной продаже презервативов никогда не было. Очень-очень редко, в аптеке, можно было увидеть такой дефицитный товар в свободной продаже. Так как «в СССР секса не было», то большая часть подростков просто не знала о существовании и назначении презервативов. Я первый раз смог купить презерватив уже будучи женат. Это примерно 1980 год*» [Б277].

Итак, демонстрация взрослости, связанная с таким предметом как презерватив, была возможна через публичное подтверждение факта обладания им, что, однако, вовсе не свидетельствовало о наличии опыта его использования по прямому назначению.

ЧАСТЬ IV
Поведенческий контекст полового воспитания и детско-подростковой сексуальности и эротизма

Глава 4.1. Повседневные практики сексуального поведения подростков. Общая характеристика

Повседневные практики сексуального поведения детей и подростков, несмотря на стремление взрослых и различных официальных структур к их жесткой регламентации и контролю, отличались большим разнообразием. В условиях доминирования норм социалистической морали и нравственности, дети и подростки проявляли в этом вопросе потрясающую находчивость и изобретательность. Конкретные формы такого поведения зависели от многих факторов, отражающих местную специфику.

Итак, все повседневные практики сексуального поведения детей и подростков можно разделить на три большие группы.

Первая группа — это некие, спонтанно и ситуативно изобретаемые формы предсексуального, раннего сексуального, а в некоторых случаях — псевдосексуального поведения, которые, как говорится, «на ходу» придумывались самими детьми и подростками.

Вторая группа — это различные официальные мероприятия, которые изначально не несли в себе никакого эротизма, но усилиями детей и подростков изменялись до такой степени, что эротизм в них становился одной из главных смыслообразующих составляющих.

Третья группа — это специально организованные мероприятия, призванные поставить эротические мечты и устремления подростков, вступающих в пубертатный период, в некие заранее установленные и извне контролируемые рамки.

Рассмотрим эти группы повседневных практик сексуального поведения детей и подростков более подробно.

Глава 4.2. Спонтанные формы предсексуального, раннего сексуального и псевдосексуального поведения детей и подростков

§ 4.2.1. Игра в детской эротической культуре

Игра имеет огромное значение в жизни человека. Как один из видов деятельности она является предметом изучения философии, антропологии, этнографии, социологии, психологии, культурологии, фольклористики и многих-многих других наук. Каждая из них открывала в игре свои специфические аспекты, которые ранее не замечались или даже игнорировались представителями других научных направлений и школ.

По мнению этолога В. Дольника, в играх животных «*можно нарушать личную дистанцию, вступать в телесный контакт с партнером, бороться — словом, узнать, что такое другая особь, чего от нее можно ожидать и как себя вести. Большинство игр — вариации на три главные темы: «хищник — жертва»* (*один убегает, другой ищет, догоняет, ловит*), *«брачные партнеры»* (*разыгрываются ритуалы знакомства, ухаживания, сопровождения, спаривания, борьбы за самку, строительства гнезд*), *«родители — дети»* (*один делает вид, что кормит другого, защищает, согревает, чистит, переносит с места на место и т. п.*)» [Б90, с. 84].

Существует огромное количество определений игры. Их формулировки зависят от того, на каких научных позициях стоял исследователь, предложивший то или иное определение, и в рамках какой научной дисциплины изучалась игровая деятельность. Именно поэтому не существует универсального определения этого термина, отвечающего разнообразным требованиям, и учитывающего все нюансы игры как социокультурного явления и специфического вида человеческой деятельности.

Современная ВикипедиЯ предлагает следующее определение игры:

«*Игра* (*игровая деятельность*) *— это инстинктивный способ получения и развития навыков людьми и животными в момент отсутствия непосредственной угрозы для жизни. Характеризуется тенденций к повторению и отсутствием цели как мотива к удовлетворению физиологической потребности*» [Б292; 107].

Согласно «теории упражнения» К. Гросса о развивающей роли игры, игра — представляет собой подготовку к дальнейшей деятельности. Играя, ребенок осваивает новые роли, развивает навыки и расширяет жизненный опыт.

Согласно концепции игры, разработанной Г. Спенсером («теория компенсаторности»), игра является средством избавления от нереализованной энергии [Б202, с. 491][14].

Фрейдизм полагает, что игра — это, по сути, реализация вытесненных из жизни желаний, поскольку в игре часто разыгрывается и переживается то, что не удается реализовать в жизни [Б202, с. 491][15].

[14] Цит. по: Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург: Питер, 2002. — 720 с. — ISBN 5-314-00016-4. — Текст : непосредственный.

А. Адлер в свою очередь полагал, «*что в игре проявляется неполноценность субъекта, бегущего от жизни, с которой он не в силах совладать*» [Б202, с. 491].

Что же касается отечественных ученых, то, не вдаваясь в излишние подробности, можно акцентировать внимание на мнении таких корифеев советской психологии как Л. Выготский, С. Рубинштейн, Д. Узнадзе.

Так, «*Выготский и его ученики считают исходным, определяющим в игре то, что ребенок, играя, создает себе мнимую ситуацию вместо реальной и действует в ней, выполняя определенную роль, сообразно тем переносным значениям, которые он при этом придает окружающим предметам*» [Б202, с. 491]. Однако, по мнению С. Рубинштейна, в подобной трактовке игры имеют место существенные недостатки [Б202, с. 491–492].

Еще один известный отечественный психолог Д. Узнадзе «*видит в игре результат тенденции уже созревших и не получивших применения в реальной жизни функций действования… Она представляется как продукт развития, притом опережающего потребности практической жизни*» [Б202, с. 492].

Таким образом, единого мнения на природу игры не существует. Каждая теория по-своему привлекательна. Для одних ученых игра — это важный и необходимый элемент социализации, один из способов формирования ребенком своего социального «Я», для других — наоборот, это своеобразное бегство от действительности, попытка прикрыть игрой свои нереализованные мечты, свой нарождающийся или уже сформировавшийся комплекс неполноценности. В таком ракурсе игра представляет собой не этап подготовки к взрослой жизни, а суррогат этой самой жизни. Впрочем, о суррогатности игры, по всей видимости, можно говорить лишь тогда, когда она подменяет (или пытается подменить) собой деятельность. Для детей, в силу своего возраста еще не обремененных трудовой деятельностью, игра является важным элементом социализации, этапом конструирования и моделирования будущей взрослой жизни во всем ее многообразии. Игра снисходительно относится к ошибкам, допускает их исправление, что во взрослой жизни не всегда возможно.

Что же касается игр и обрядов, включающих элементы эротики, то они являются достаточно распространенными в народной культуре, о чем говорят многочисленные исследования, например: Л. Бойцовой и Н. Бондаря [Б58], Л. Ивлевой и А. Ромодиной [Б106], В. Альбинского и К. Шумова [Б19] и др.

Пожалуй, самой важной функцией игровой деятельности является отработка и усвоение в процессе игры, взрослых социальных ролей. Это представляется крайне важным для последующей, постепенной (по мере взросления) адаптации ребенка к будущей взрослой жизни, его социализации.

Исторически, игры мальчиков связанны прежде всего с символической охотой, добыванием пищи, защитой себя и членов своей группы от воображаемых врагов. Много внимания в них уделяется демонстрации силы, ловкости, храбрости, т. е. — маскулинности. Поэтому игры мальчиков более энергичны и активны.

Игры девочек — наоборот, более спокойны и размеренны. В своем большинстве они представляют собой имитацию (и отработку) социальных

[15] Цит. по: Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург: Питер, 2002. — 720 с. — ISBN 5-314-00016-4. — Текст : непосредственный.

ролей, связанных с ведением домашнего хозяйства, выстраиванием внутрисемейных отношений и воспитанием детей, т. е. носят ярко выраженный феминный характер.

Таким образом, подавляющее большинство детских игр имеет вполне определенную гендерную ориентацию. Осознание этого факта позволяет нам классифицировать игры как преимущественно мальчишеские или девчачьи.

Но для обеих половозрастных групп единым является сексуальный подтекст игр, потому что особое значение игра приобретает именно в сфере сексуальной социализации ребенка. Американский сексолог Р. Крукс считает, что «*Когда мы анализируем внешне сексуальные действия детей* (*вспоминая свое прошлое или глядя на собственных чад*), *мы реагируем на сексуальный аспект: секс — это очень важно, игра — неважно. Однако для ребенка справедливо прямо противоположное. Основное для него — игра. В то же время секс также может быть интересен, в основном потому, что это — запретный плод наряду с маминой коробкой украшений или папиным ящиком с инструментами*» [Б138, с. 281].

Также интересны рассуждения американского гинеколога и сексолога У. Мастерса, о степени выраженности в детских играх эротизма и сексуальности. Свои выводы он обосновывает наблюдениями, сделанными рядом американских ученых. Позволим себе процитировать полностью несколько фрагментов из его книги «Основы сексологии».

– «*Многие дети 5–7 лет не только проявляют любопытство к половому поведению, но и начинают вести себя, подражая наиболее распространенной в нашем обществе* (*гетеросексуальной*) *модели брака. Это очевидно в игре в "дочки-матери", которая типична для детей этого возраста*» [Б138, с. 281].

– *«К возрасту 8–9 лет у мальчиков и девочек отмечается отчетливая тенденция к раздельным играм. Хотя в то же время в этом возрасте может присутствовать и романтический интерес к другому полу. Более того, несмотря на внешний спад сексуальных игр с другими, интерес к сексуальной тематике сохраняется. Это возраст, когда может задаваться много вопросов о размножении и сексуальности* [Б138, с. 281].

– *«Для позднего детского возраста характерны сексуальные игры с друзьями того же пола* [Б138, с. 282].

И далее:

«В большинстве случаев эти однополые контакты в детстве преходящи и в скором времени сменяются гетеросексуальной ориентацией подросткового возраста» [Б138, с. 282].

О том, какие игры с сексуальным подтекстом существовали у советских детей и подростков, кратко описал в своем блоге MAXILLA_K:

«*Во дворах мальчики и девочки чаще играли раздельно: мальчишки гоняли в футбол, девочки прыгали через резиночку. Однако были и разные совместные обучающие и развивающие игры: «Я садовником родился…»* (*для малышни сопливой*)*; в доктора* (*для детей с пытливым умом, тянущимся к новым знаниям*)*… Причем, в доктора могли играть и мальчик с мальчиком, хотя с девочкой, разумеется, было гораздо интереснее… Ну, и, наконец, знаменитая "бутылочка"* (*для тех, кто уже "хлебнул жизни"*)*. В "бутылочку", правда, играли в сильно облегченном виде, когда клевым считалось уже просто пройтись под ручку, а целовались* (*если до такого доходило*) *только через пахнущие пылью занавески, например, или газеты*» [Б295].

Несомненно, что на игру большое влияние оказывает возрастной фактор (хотя сама по себе, игровая деятельность характерна для людей всех возрастов). Для детей и подростков, в силу их возраста, она является главным видом деятельности. Постепенно, по мере взросления, она дополняется и замещается учением и работой. Однако сама игра из жизни человека никуда не пропадает — она видоизменяется, становится другой, приспосабливается к возрасту человека. Просто одни игры вместе с окончанием детства и отрочества уступают место другим.

Другими словами, по мере взросления, границы игры все более и более размываются, и сама игра все более и более начинает напоминать реальные формы поведения взрослых в разных обстоятельствах и жизненных ситуациях. Интуитивный, инстинктивный эротизм игр, о котором говорил Р. Крукс [Б138, с. 281] все больше уступает место осознанному социальному эротизму, конструируемому играющими целенаправленно и специально. И тогда уже возникает новая проблема — проблема распознавания истинных действия и намерений партнера — играет ли он в настоящий момент времени или нет, и в какой мере, в его игре представлена сознательно конструируемая им сексуальность? Правильное угадывание намерений партнера по игре позволяет соответствующим образом выстроить свое ответное поведение.

Таким образом, игра, имеющая в своем содержании некий сексуальный подтекст (например, банальный флирт), может плавно перетекать в неигровую форму «серьезных» взаимоотношений. И наоборот — попытка серьезных взаимоотношений, в случае невозможности их продолжения по какой-либо причине, может обратно трансформироваться в игру, никого и ни к чему не обязывающую в долгосрочной перспективе. В результате конструируется парадоксальная ситуация, в которой приходится угадывать — играет ли еще партнер или уже нет, и в соответствии с этим выстраивать свое ответное поведение.

Теперь рассмотрим по отдельности некоторые игры мальчиков и девочек с точки зрения анализа в них эротического, сексуального компонента, но при этом оговоримся, что их строгое разграничение на мальчишеские и девчачьи достаточно условно. Скорее мы можем говорить об определенной гендерной направленности тех или иных игр. Такая гендерная неопределенность позволяет детям усваивать не только свои собственные социальные роли, которые им придется выполнять в будущей взрослой жизни, но и роли представителей противоположного пола.

Вместе с тем, во всех играх можно проследить и некие общие тенденции, которые характеризуют особенности будущего сексуального поведения, зависящие от половой принадлежности и гендерной ориентации играющих.

§ 4.2.2 Игры с эротическим подтекстом и эротические игры

а) Эротические игры мальчиков

1. Игра в ножички

Прежде чем говорить об игре в «ножички» следует дать характеристику карманному ножу как одному из главных предметов, детско-подростковой субкультуры, использующегося для подтверждения высокого маскулинного статуса его владельца.

Карманный нож, поистине универсальный предмет. Необходимость его наличия у мальчика совершенно не зависит от страны, национальности и/или исторической эпохи.

Вот характерный пример (235), взятый из знаменитого произведения для и про детей М. Твена:

«*…Мэри подарила ему* (Тому Сойеру. — *А. Проноза*) *новенький перочинный ножик с двумя лезвиями ценой в двенадцать с половиной центов; и нахлынувший на Тома восторг потряс его до основания. Правда, ножик совсем не резал, зато это была не какая-нибудь подделка, а настоящий ножик фирмы Барлоу, в чем и заключалось его непостижимое очарование…*» [Б223, с. 27].

Итак, карманный нож был обязательным, статусным предметом для мальчика-подростка. Его наличие свидетельствовало о высокой степени доверия к нему со стороны родителей. Если же такое доверие отсутствовало, ножик перемещался в категорию нелегальных предметов, владение которым становилось тайным и всячески скрывалось от взрослых. Ножик можно было выменять у кого-нибудь на что-нибудь, купить, сэкономив деньги на школьных завтраках, в крайнем случае, отобрать у более слабых и младших по возрасту и т. д. Естественно, что в такой ситуации он хранился не дома, а где-то на улице, в укромном месте, в тайнике.

Пример (236) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 13-летнем возрасте, и адресованном мне 18.09.1977 г. из Севастополя:

«*Андрей, когда ты ко мне или я к тебе приеду, то я тебе подарю тот ножик, который я тогда нашел около речки. Я его оттер наждаком и он стал отличный*» [А56].

Комментарий:

Этот текстовый фрагмент свидетельствует о том, насколько большую ценность представлял карманный нож для мальчишек. Найденный ножик был тщательно отреставрирован моим братом и приведен в рабочее состояние.

Поскольку карманных ножей в СССР продавали много — всяких и разных, закономерно возникала ситуация соревновательности. И дело тут заключалось не только в цене. На имидж владельца в значительной степени влиял функционал ножика. Так, например, большим почетом пользовались перочинные ножи, в которых имелось много лезвий, штопор, шило, отвертка и даже маленькие ножнички. Однако такой ножик хоть и стоил дорого, в тоже время был неудобным для игры в «ножички» — уж слишком он был хрупким, рукоятка — тяжелая и неудобная для броска, да и многочисленные пазы и щели во время игры постоянно забивались землей, которую потом выковыривать было очень трудно и долго.

Для игры в «ножички» лучше всего подходил простой ножик с одним-двумя, максимум — четырьмя лезвиями. Как раз такой и был у моего двоюродного брата [А55]. Его легко было научиться бросать, потому что он был хорошо сбалансирован. Воткнуть его острием в землю, не составляло большого труда. Но этот нож был дешевым и не слишком статусным (хотя и удобным).

Примечание — текстовый фрагмент этого письма:

> Мой брат пишет о своем карманном ножике:
> «*Я для моего ножа еще сделал чехол. Если ты хочешь, я могу тебе сделать чехол, только дай мне размеры ножа*» [А55].

Большой популярностью пользовались охотничьи ножи. Охотничьими их называли не потому, что они были холодным оружием (к холодному оружию они никакого отношения не имели), а потому что в их конструкции был предусмотрен специальный зацеп — экстрактор, для вынимания стреляных гильз из патронника охотничьего ружья. Само название — «охотничий», позиционировало его владельца как человека, в какой-то степени приобщившегося к этому взрослому виду деятельности — охоте.

Думается, нет смысла пересказывать правила игры в «ножички». Ее описание в различных вариантах можно без труда найти в сети Интернет [Б11; Б109; Б110; Б111].

В рамках темы нашего исследования обращает на себя внимание тот факт, что нож, по своей сакральной и мифологической сути — один из наиболее значимых фаллических символов. Нож, как и фаллос — чисто мужской атрибут. Это символ мужества и мужского достоинства, наряду с копьем, мечом, саблей, булавой. А игра в ножички имеет двойной символизм, своими истоками восходящий к глубокой древности.

Во-первых, сама игра, предполагающая втыкание ножика в круг, очерченный на земле (земля — она, женского рода), может быть интерпретирована как до предела ритуализированный и мифологизируемый половой акт, причем даже не осознаваемый как таковой в силу возраста играющих детей.

При сравнении коитуса и игры в «ножички» привлекает внимание сходство осуществляемых и там и здесь механических действий — втыкания, проникновения, разрезания. Уверенное освоение в ходе игры навыков втыкания, в последующем добавляет уверенности, во время первого полового акта, хотя внешне, сами по себе, обе ситуации несопоставимы. Повторимся — сравнимы именно механические движения с точки зрения достижения определенной цели — втыкания, проникновения и разрезания с целью овладения.

Кстати, подобные аналогии можно проследить не только в игре в «ножички», но и в других играх, предусматривающих использование копий, стрел, сабель и других острых предметов.

Во-вторых, игра в ножички представляет собой передел или раздел между играющими неких ресурсов. Несомненно, что у древнего человека главным ресурсом выживания была земля, территория — охотничьи и сельскохозяйственные угодья. Так что игра в ножички являет собой ритуализированный передел ресурсов, необходимых для выживания рода. Причем передел осуществляется с помощью оружия (каковым, несомненно, в древности и являлся нож) в пользу наиболее ловкого — того, кто лучше других умеет обращаться с ним (т. е. — с карманным ножом).

Но на этом передел ресурсов не заканчивается. С определенной долей вероятности мы можем предположить, что в доисторическую эпоху женщина также рассматривалась как один из важных и специфических ресурсов необходимых для продолжения рода. И как такой специфический ресурс, она также подлежала завоеванию и разделу. Вспомним хотя бы один из легендарных

эпизодов римской истории под названием «похищение сабинянок», который впоследствии стал одним из любимых сюжетов у художников и скульпторов, или греческий миф о похищении Европы, в котором бык (а точнее превратившийся в него Зевс) представляет собой олицетворение мужского начала. Кстати, и Троянская война, если вспомнить, также началась с похищения Елены Прекрасной.

2. Игра в «слоника»

Игра в слоника — это еще одна коллективная детская игра с элементами эротики и эротизма. В основном это игра мальчиков.

Суть игры заключается в следующем. Одна команда выстраивает «слона». Игроки этой команды встают друг за другом, согнувшись пополам и обхватив впереди стоящего за пояс или засунув голову ему под руку. Другая команда — «всадники» с разбега, по очереди запрыгивают на «слона», пытаясь завалить его на землю и при этом не упасть самим. Главное, чтобы в итоге все «всадники» уместились на «слоне». Когда все запрыгнут на «слона», не свалив его и не упав самим, «слон» с седоками должен пройти несколько шагов, например — 10. Задача «слона» — не упасть под тяжестью «всадников», задача «всадников» — не упасть со «слона».

Обратим внимание на внешнюю, формально-гомосексуальную ориентацию этой игры. Но эта ориентация здесь только подразумевается или даже может подразумеваться. В реальности же, она абсолютно не воспринимается играющими как таковая. Это современная мифологическая трактовка игры. Если же отбросить название игры, то внешне, символьно, она напоминает таврокатапсию — игру с быком, характерную для минойской цивилизации.

Впрочем, игры с быком в различных своих вариантах были свойственны многим древним цивилизациям.

В нашем случае, нет смысла искать прямые аналогии игры в слоника с минойской цивилизацией. Но, вместе с тем, как нам кажется, здесь прослеживается глубокая символьно-мифилогическая связь между игрой с быком с одной стороны и возможностью публичной демонстрации своей силы, ловкости и мужественности с другой. Выживший в столь сложном соревновании получает награду — право продолжения рода.

б) Эротические игры девочек

1. Игра в резиночку

Эта игра была очень распространена в 70-е — первой половине 80-х гг. прошлого века. Конечно, можно согласиться с утверждением, что игра в резиночку вырабатывала ловкость и точность движений, но вместе с тем нельзя упускать из виду и ее эротический подтекст.

«*Правила были простыми. Игра делилась на несколько уровней. Два игрока становились “в резиночку”. Один игрок прыгал, тем самым выполняя ряд упражнений… Каждое упражнение выполнялось на всех уровнях по очереди, после чего игроки переходили на следующее упражнение и начинали его прыгать с первого уровня. Все упражнения сразу выполнялись сначала на 1, затем на 2, 3 и так далее уровнях. На 5–6–7 уровнях сложные упражнения могли отменяться*» [Б276].

Задирание ног девочками во время игры очень привлекало внимание мальчиков, особенно в осенне-весенний период и летом, когда колготки можно было еще (или уже) не носить.

Мальчики также могли принимать участие в игре, но их роль в ней, чаще всего была пассивной, обеспечительной — подержать резиночку в натянутом состоянии. Однако такое неактивное участие компенсировалось визуальной близостью к девочкам и возможностью осуществления межполовой вербальной (не говоря уже о визуальной) коммуникации.

2. Прыжки через скакалку

В зависимости от длинны, скакалка использовалась для организации индивидуальных или коллективных игр.

С эротической точки зрения она предоставляла мальчикам те же возможности для подглядывания и подсматривания, что и игра в резиночку.

3. Игра в классики

«*Классики или классы — старинная детская игра, популярная во всем мире, включая Россию. Играется, как правило, на асфальте, расчерченном мелом на квадратики или другие фигуры (“классы”)*» [Б123].

Изначально игра, судя по упоминаниям в литературе, была мальчишеской. В конце XIX в., как минимум в США и Дании, в ней стали участвовать и девочки (впрочем, конкретные правила и названия игры были несколько различны у мальчиков и девочек). Уже в начале XX в. во всем мире игра стала преимущественно девчачьей и в ряде стран участие мальчиков в игре стало зазорным [Б312].

Пример (237):

«*Автор свидетельствует, что в первой половине 70-х гг. прошлого века в г. Евпатории в классики играли и мальчики, и девочки. Но при этом игра не подразумевала совместного участия в ней одновременно мальчиков и девочек. Дети делились на группы играющих, по гендерному признаку*» [А79].

Существовали разновидности игры в классики, отличающиеся друг от друга правилами, схемой игрового поля и использованием или неиспользованием битки.

Биткой, как правило, служила круглая жестяная коробочка от вазелина (поменьше размером) или от сапожной ваксы (размером побольше), в которую для тяжести набивалась сырая земля.

Пример (238):

«*В начальной школе автор играл в оба варианта классиков — с биткой и без битки. Первый вариант был больше распространен во дворе, по месту жительства, а второй — в школе* (*в него играли на перемене*)» [А84].

Комментарий:

По всей видимости, причиной таких различий были личные пристрастия игроков к тому или иному варианту игры.

Игра в классики предоставляла куда более скромные возможности для подглядывания под юбку, в сравнении с игрой в резиночку или прыжками через скакалку, но несомненным остается одно — ловкие прыжки девочек привлекали внимание мальчиков.

4. Катание на качелях

Катание на качелях — древняя народная забава и одновременно магический ритуал. Досугу с их использованием древние славяне приписывали магические функции. Для молодежи эта форма проведения времени считалась чуть ли не обязательной и воспринималась, как способ подтолкнуть парней и девушек к супружеству [Б12, с. 480–484].

Эротичность катания на качелях двоякая.

С одной стороны — это внешняя, визуальная эротичность, которая чаще всего и бросается в глаза. Мимолетные оголения ног и нижнего белья во время раскачивания, несомненно, привлекают внимание представителей противоположного пола (картина французского художника Ж. О. Фрагонара Счастливые возможности качелей, ок. 1767 г.). В зависимости от возраста раскачивающегося, его телодвижения могут быть восприняты:

– или как получение банального удовольствия от самого процесса катания;

– или как легкий флирт.

Однако определить — что именно переживает катающийся во время раскачивания, и какой субъективный смысл он сам вкладывает в этот процесс в данный момент времени, достаточно сложно. Поэтому, со стороны, одну и ту же ситуацию можно представить и интерпретировать по-разному.

С другой стороны, удовольствие от раскачивания на качелях, может быть использовано для характеристики сексуальных впечатлений, получаемых во время коитуса. Конечно, между этими двумя плотскими удовольствиями (катание на качелях и половой акт) нет ничего общего, но в попытке вербально описать сладострастные ощущения, испытываемые во время полового акта, его сравнение с раскачиванием на качелях, представляется наиболее удачным. И в том и в другом случае, такие ощущения можно сравнить с переживаемым чувством легкости, полета, неземного блаженства. К тому же, и половой акт, и катание на качелях роднит общее для них возвратно-поступательное движение ног и бедер:

– в одном случае — как при раскатывании на качелях;

– а в другом — как при осуществлении фрикций во время полового акта.

Примечание:

Весьма вероятно, что здесь мы имеем пример взаимодействия ощущений, которое выражается в изменении чувствительности одной анализаторной системы под влиянием деятельности другой анализаторной системы.

Если быть точнее, то в данном случае мы сталкиваемся с явлением синестезии — возбуждении возникшими ощущениями одной модальности ощущений другой модальности.

В результате такого взаимодействия ощущений у человека под влиянием, например, звуков могут возникнуть цветовые ощущения, а цвет может вызвать ощущение холода и т. д.

В нашем же случае, раскатывание на качелях, вполне может вызвать эротические ощущения, представления и фантазии.

Все перечисленное выше объясняет страсть к катанию на качелях, как с психофизиологической, так и сексуальной точки зрения, ограниченной некими социальными рамками, нормами и установлениями.

Но существует и иная точка зрения на катание на качелях, предложенная биологом В. Дольником [Б90] и популяризатором науки А. Никоновым, о которой мы не можем не упомянуть.

«*Человеческие дети любят качели. Казалось бы, глупое занятие маятником раскачиваться туда-сюда, испытывая мгновенные ощущения невесомости… Можно сколько угодно катать на карусели щенков, жеребят или детенышей овец — ничего кроме ужаса у них это не вызовет. А человеческим детенышам полет доставляет настоящее удовольствие. Дети весело хохочут, когда взрослые их подбрасывают и ловят. А все потому что наши далекие предки прыгали по деревьям, и в глубинах мозга до сих пор осталась программа брахиации, т. е. умения перескакивать и перелетать с ветки на ветку, раскачиваясь на руках. Этой программе, которая живет в глубинах нашего мозга, примерно 25 миллионов лет — именно тогда наши общие с гиббонами предки передвигались с помощью брахиации. Поэтому самые частые детские сны — это сны о полетах*» [Б177, с. 227].

Не подвергая сомнениям, высказывание А. Никонова добавим, что подобная страсть к полетам у многих народов получила свое социально-эротическое объяснение. И это объяснение было вполне закономерным для интуитивно-эмпирического этапа познания человеком (точнее, еще доисторическим человеком) окружающего мира.

Подведем некоторый итог. Игры девочек, в которых в той или иной форме проглядывается эротический подтекст, не воспринимались их сверстниками мужского пола именно как эротичные. Да и сами девочки в подавляющем своем большинстве не считали их таковыми. Поэтому игры девочек, чаще всего привлекали внимание мальчиков-подростков более старших возрастов. Такая особенность восприятия детского и подросткового эротизма объясняется несовпадением возраста полового созревания у мальчиков и девочек. Формирование вторичных половых признаков у девочек начинается несколько раньше, чем у мальчиков и внешне оно выражено более наглядно (у девочек примерно с 8–9 лет, а у мальчиков с 10–11) [Б190]. Именно поэтому, внимание девочек, вступающих в пубертатный период своего развития, направлено, как правило, на мальчиков, старше себя по возрасту, а у мальчиков — наоборот, не на сверстниц, а на более младших по возрасту девочек.

Такое несоответствие способствовало, если так можно выразиться, мирному, сосуществованию подростков разных возрастов при отстаивании своего права общения с понравившейся девушкой и возможности ухаживать за нею. Сами девушки, вступающие в пубертатный период, в своем большинстве благосклонно относились к юношам старше себя по возрасту, воспринимая их как сильных, мужественных и умудренных опытом защитников.

Таким образом, девчачьи игры давали толчок к развитию эротизма как мужского, так и женского, и позволяли сделать первые прикидки на будущее, в смысле определения неких желательных черт, качеств и критериев, которыми, по идее, должен будет обладать будущий, а главное — желанный половой партнер.

в) Эротизм коллективных и индивидуальных игр

1. Коллективные игры

Кроме мальчишеских и девчачьих игр, можно предложить классификацию игр по количеству участников (игры коллективные и индивидуальные), а также по уровню их формализации и стандартизации.

Эта формализация и стандартизация в большей степени касалась коллективных, а не индивидуальных игр, поскольку такие игры регламентировались некими, изначально существующими или ситуативно согласованными правилами и нормами. Главным условием игры было признание этих правил и норм всеми ее участниками. Незначительные отступления от них допускались, но в целом, такие отступления были не существенны и объяснялись возрастом играющих и их готовностью раздвинуть игру до таких пределов, за которыми уже явно будут просматриваться неигровые формы поведения.

Для примера (239), можно упомянуть следующие игры, в которых существующие правила, при желании, могли трактоваться очень широко и даже выходить за пределы самой игры:

– Игра в семью — у детей младшего возраста.
– «Колечко, колечко — выйди на крылечко» — у школьников среднего возраста.
– «Кис-брысь-мяу» — как для среднего, так и для старшего школьного возраста.
– Игра в карты на раздевание — у старшеклассников.

Естественно, что степень погружения в игру, а точнее доведения ее до такого предела, когда сама игра заканчивается, и начинаются неигровые формы поведения, диктовалась определенными условиями:

а) внешними обстоятельствами, располагающими или не располагающими к игре — наличием свободного времени для игры, соответствующих игрушек, стимулов, например, в виде просмотренного накануне кинофильма или мультфильма и т. д.;

б) возможностью контроля, за ходом игры со стороны взрослых, причем контроля как реального, так и воображаемого;

в) желанием или нежеланием играющих продолжить или прекратить игру на определенном ее этапе (банальная боязнь того, что игра может зайти слишком далеко и на самом деле перестанет быть игрой).

Многие коллективные игры, не зависели от возраста играющих детей и подростков. Точнее, они существовали вне возраста. Возраст играющих влиял лишь на практическую вариативность той или иной игры.

♦ Игра в снежки

Одной из таких игр была игра в снежки. В нее с одинаковым азартом играли и младшие, и старшие школьники. Но только у старших эта игра приобретала явно сексуальный подтекст, когда она перерастала в действо под названием «намылить рожу» девочкам. На самом деле это действо представляло собой завуалированную форму ухаживания, поскольку в рамках этой игры подтверждалась (и утверждалась) негласная традиция мужского доминирования над женщиной. Мужчина должен завоевать женщину. Формально это означало легализацию возможности применения к ней насилия. Женщина должна была почувствовать зависимость от мужчины. Но подчинение женщины грубой мужской силе по умолчанию предполагало также и тот факт, что она, эта сила, в случае какой-либо опасности, безусловно, сможет ее защитить.

Таким образом, в банальной игре в снежки, по всей видимости, можно попытаться проследить некие архаичные, первобытные формы сексуальных

отношений. Они не были обременены более поздними социальными установлениями и условностями. Насилие над женщиной со стороны выбравшего ее мужчины воспринималось не как физическое и сексуальное издевательство над ней, а как некая гарантия ее безопасности от насилия со стороны других, т. е. как некая архаическая форма ухаживания. Битье женщины, таким образом, выступало как необходимая составляющая брачного поведения мужчины, обусловленная его природной гиперсексуальностью и необходимостью подчинения женщины, склонению ее к совершению полового акта с выбравшим ее партнером. Другими словами, гиперсексуальность мужчины предполагала стремление к множественности половых актов с различными женщинами, что в наиболее простом, не обремененном социальными установлениями и ограничениями виде может быть достигнуто исключительно посредством насилия.

Следы подобного поведения сохранились даже в народном фольклоре, например (240) в пословицах и поговорках:

> *– Бьет — значит любит.*
> *– Девушка не битая, как коса не чесаная* и др.

Кстати, о таких способах ухаживания мальчиков за девочками пишет в своей книге «Сексуальная культура России: клубничка на березке» известный отечественный социолог и сексолог И. Кон:

«*Мальчик-подросток дергает девочку за косички, потому что еще не умеет ухаживать иначе. Девочка жалуется, но в глубине души ей это не так уж неприятно*» [Б135, с. 325].

Интересно, что мальчиков-подростков во время игры в снежки можно было условно поделить на три категории, соответствующие их положению в неформальной табели о рангах детско-подросткового сообщества.

Одни, самые доминантные (типа — будущие альфа-самцы) активно «мылили рожи» девушкам (прошу извинения за жаргонизм из 70-х гг. XX в.).

Другие, в силу своего более скромного положения, «мылили рожи» другим мальчишкам, например, из младших классов.

А третьи, в силу своего низкостатусного положения, вообще не участвовали в игре и поэтому часто становились жертвами представителей из второй группы.

Пример (241) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 14-летнем возрасте, и адресованном мне из Севастополя 06.12.1977 г.:

> *«Андрей, у нас сегодня в школе творилось черти что. Все мылили снегом рожи. И мне мылили, и я мылил*» [А58].

♦ Толкание и тискание (куча-мала) в раздевалке

Еще одной интересной игрой, которая спонтанно возникала в школе, но при этом не имела определенного, устоявшегося названия и правил, было толкание в раздевалке. После окончания уроков, во время одевания верхней одежды можно было потискаться в раздевалке под тем предлогом, что все куда-то спешат, торопятся и друг-другу мешают. В такой, искусственно созданной толчее, якобы невольные ощупывания руками интимных мест одноклассниц,

всеми участниками этого действа (в том числе и самими девочками), воспринимались как условно случайные, хотя на самом деле таковыми не являлись. Но мысль о случайности в принципе всех устраивала.

Таким способом, внешне соблюдались некие социальные нормы и правила приличия, но, с другой стороны, все участники данного действа получали определенный (и столь необходимый для будущих отношений) опыт тактильного восприятия (общения) в обстановке, близкой к интимной.

Интересно, что в детско-подростковом возрасте можно выделить два понимания интимности и соответственно два этапа ее развития — восприятия.

1. Первоначально под интимностью дети понимают отсутствие внешнего контроля со стороны взрослых. Для такой интимности как раз и характерны различные коллективные игры, особенно конструируемые спонтанно, ситуативно (см.: прим. 242).

2. В дальнейшем, по мере взросления, понятие интимности все более начинает совпадать с пониманием интимности взрослыми, т. е. как общение с представителем противоположного пола наедине, без посторонних и ненужных свидетелей. С этой точки зрения интимность в смысловом отношении все сильнее сближается с понятием сексуальность.

♦ Ситуативные, спонтанно возникающие игры

Многие формы поведения и социальной коммуникации подростков разного пола представляли собой именно игру. В таких случаях степень их формализации и стандартизации сводилась к минимуму и самими подростками уже не воспринимались как игра. Правила устанавливались на ходу и изменялись в соответствии с меняющейся обстановкой и реакциями других игроков и сторонних наблюдателей (зрителей). Естественно, что по этой причине, фиксация подобных форм поведения и их классификация именно как игр, представляет большие сложности, потому что при общении с респондентами они сами никогда не определяют их как игру, делая акцент на уже известных, стандартных играх, в которых присутствует определенный набор правил, а сексуально-эротический аспект игры сильно завуалирован.

Вот характерный пример (242):

«*Во время моего пребывания в пионерском лагере* (*1973 г., мне 10 лет*)*, посещение туалета сопровождалось почти что настоящим побоищем между мальчиками и девочками. Дело в том, что на дверце туалета изнутри была сломана защелка. Поэтому туда ходили группами, объединенными по гендерному признаку. Пока одни держали дверь, другие отправляли свои естественные потребности, а потом группы менялись местами. Если в туалете находились девочки, то мальчики пытались продавить дверь с намерением туда зайти. То же самое, потом, в отместку делали девочки, когда туалет занимали мальчики*» [А86].

Комментарий:

Интересно, что в таком, внешне непристойном поведении детей, соблюдались некие правила приличия (правила игры). Никогда дверь туалета не распахивалась полностью. В нее могли стучать, колотить, толкать, пихать, но, чтобы приложить усилия и открыть ее нараспашку, а тем более ворваться туда — такого никогда не было. Эти правила строго соблюдались как мальчиками, так и девочками.

Описанная форма поведения, представляет собой игру с ярко выраженным сексуальным подтекстом, причем игру организованную спонтанно, в соответствии со случайно возникшими условиями и обстоятельствами, т. е. — неформализованную. Но сами дети не воспринимали ее именно как игру, считая ее чем угодно — баловством, хулиганством, издевательством над девочками, но только не игрой.

К коллективным играм также можно отнести и рассмотренные выше игры в классики, в ножички, в слоника и, в некоторых случаях, прыжки через скакалку.

2. Индивидуальные игры

Отдельно следует остановиться на индивидуальных играх. Чаще всего они представляли собой некие гипертрофированные формы спонтанного сексуального поведения, с элементами гротеска и эпатажа. Как правило, они возникали случайно, ситуативно, т. е. никогда не планировались заранее. Посредством таких игр дети и подростки стремились привлечь к себе внимание, утвердить свою маскулинность (феминность) среди сверстников.

Чаще всего эти игры практиковались мальчиками предподросткового возраста, поскольку дети младшего школьного возраста до них попросту недодумывались (в силу своего малого возраста), а старшеклассники считали их уже неприличными и недостойными их, якобы уже взрослого статуса.

В основном, это были, как говорится, игры одного актера, в которых выделялось главное действующее лицо и многочисленные зрители — публика (которых в принципе также можно было причислить к участникам игры, только пассивным).

Вот несколько характерных примеров таких индивидуальных игр.

Пример (243) из моего школьного детства, относящийся к 1974–1975 гг., когда я учился в 5 классе:

«*Когда нужно было перенести из одного учебного класса в другой географическую карту, ученики обычно сворачивали ее в рулон и, чтобы никого не задеть, несли ее на плече. В этот момент кто-нибудь из мальчишек пристраивался сзади и, наклонив конец рулона приставлял его к низу своего живота. Со стороны возникало впечатление, что несущий карту, несет на плече вовсе не ее, а длинный фаллос идущего позади него ученика. Все это вызывало смех и одобрение у наблюдающих это действо — как мальчиков, так и девочек. Но, не каждый из мальчишек мог решиться на такой поступок*» [А87].

Пример второй (244), из школьного детства моей супруги. Примерно в 1985–1986 гг., когда она училась в 5–6 классе:

«*У нее в классе был мальчик, который любил подкрасться сзади к девочке-однокласснице и, прислонившись к ней низом живота, своими телодвижениями сымитировать половой акт. Такое действо вызывало бурный восторг у мальчишеской половины класса и негодование девочки, подвергшейся такому формально-ритуальному сексуальному насилию. Естественно, что не каждый из мальчиков был способен на такое, но и не каждая девочка могла стать объектом подобных эротических шуток. Главное тут было в том, что такое поведение в принципе было возможным. Старшие школьники считали такие игры уже неприличными*» [А46].

Кстати, желание увидеть эротизм там, где его совершенно не было, являлось характерной особенностью подросткового мышления.

Вот еще пример (245) из моего собственного школьного детства (1975 г., когда я учился в 5 классе):

«Как-то раз, на перемене я увидел, что мой одноклассник Андрей М., стоит у окна, смотрит на улицу и заливисто смеется. Я спросил его, что смешного он там увидел? В ответ

Андрей указал мне на рабочего треста озеленения, который огромными ножницами подравнивал разросшиеся вдоль дороги кусты. Делал он это старательно, периодически отходя в сторону и любуясь проделанной работой. Андрей сказал:

— А вот представь себе, что он не ветки с куста обрезает, а отстригает этими самыми ножницами… (*сами понимаете что*).

И я представил. И мне тоже стало смешно. И мы стали вместе наблюдать за рабочим и смеяться. Количество отстриженных им воображаемых фаллосов было невероятно большим, просто огромным, и делал он это с и изумительной сноровкой и старанием, можно даже сказать, с фантазией и любовью.

Потом к нам подключились и другие наши одноклассники…

Под конец перемены все окна третьего этажа школы были облеплены мальчишками, которые смотрели на улицу, показывали на рабочего пальцами и ржали. В конце концов, рабочий это заметил, и, не поняв причины смеха, засмущался и ушел, так и не доделав свою работу. А мы еще долго не могли прийти в себя — ходили по школьному коридору и, держа в руках воображаемые ножницы, имитировали действия рабочего треста озеленения» [А102].

Отдельно следует отметить такую сугубо индивидуальную игру и сексуальную практику, как мастурбация. С одной стороны, это типичная индивидуальная игра, поскольку ее участник — один игрок, играющий сам с собой. Но если посмотреть на нее с другой стороны — это игра коллективная, так как в ней предполагается обязательное присутствие воображаемого сексуального партнера или партнеров.

Как утверждает И. Кон, «*Мастурбация занимала видное место в советском школьном фольклоре, включая литературные пародии. Однако юмор скорее ослабляет, чем отменяет мастурбационные страхи. Пытаясь бороться с «дурной привычкой», подросток, как миллионы людей до него, терпит поражение. Это вызывает у него сомнение в ценности собственной личности и особенно своих волевых качеств, снижает самоуважение и побуждает воспринимать трудности и неудачи в учебе и общении как неизбежные следствия своего «порока»*« [Б132, с. 159–160].

То есть с одной стороны, мы имеем страстное желание к игре — мастурбации, поскольку она дает некое приближенное представление о том, что может быть достигнуто в результате сексуального контакта с представителем противоположного пола, какие ощущения можно испытать в результате коитуса. Но с другой — имеем опасение и страх перед этой игрой, поскольку осознаем, что она может полностью заменить сексуальные контакты с противоположным полом. Как утверждает И. Кон, «*за все удовольствия нужно платить. В данном случае плата — мастурбационная тревожность и порождаемые ею страхи*» [Б132, с. 158].

Эти страхи погашались с помощью юмора.

Вот характерный пример (246) анекдота на подобную тему:

«*Вовочка с Танечкой сидят на уроке. Танечка:*
— Хи-хи!
Учитель:
— Танечка, что случилось?
Танечка:
— Ничего.
Через некоторое время Танечка опять:
— Хи-хи!
Учитель:
— Танечка, что случилось?

Танечка опять:
— Ничего.
Через некоторое время Танечка снова:
— Хи-хи!
Танечка, ну что все-таки случилось? Почему ты смеешься?
— А Вовочка глупости в чернильницу засунул и вытащить не может» [А3].

Примечание:

Один из вариантов этого анекдота есть на сайте «anekdot.1002.ru» [Б22].

Комментарий:

Этот анекдот был услышан мною в 1972 г. от мальчишки — соседа по дому, который был на три года старше меня.

А вот еще один анекдот (247), в котором в легкой, юмористической форме объясняется вред мастурбации и, тем самым, достигается снижение мастурбационных страхов:

«*Приходит мама с работы, смотрит, а муж лежит без трусов и без сознания. Она и спрашивает у маленькой дочки:*
— Что случилось?
А та ей и отвечает:
— Я спросила у папы, что у него в трусах, а он мне ответил — куколка. А потом он предложил мне эту куколку раздеть и одеть. Ну, я ее раздевала — одевала — раздевала — одевала… А потом она в меня как плюнет, а я ей головку-то и свернула» [А12].

§ 4.2.3. Внутривозрастная коммуникация подростков по поводу секса и половых взаимоотношениях или эротические разговоры

У. Мастерс в своей книге «Сексология» свидетельствует, что *«Проведенные на Западе исследования показали, что лишь немногие родители способны правильно организовать половое воспитание детей. Данные опросов американских подростков свидетельствуют о том, что основную долю сведений о сексе они получают не в семье, а от друзей*» [Б281; 288; 290][16].

А американские психологи О. и М. Эренберг утверждают: «*Как бы нам ни хотелось иного, дети рождаются сексуально-мотивированными, и родители постоянно дают им уроки полового воспитания, сознательно или бессознательно. Стержневой вопрос полового воспитания состоит в том, как родители воспринимают прирожденную сексуальность ребенка и в какой степени дают ей развернуться. Отношение родителей к этой проблеме гораздо важнее для формирования полового поведения ребенка, чем вся информация или дезинформация, которую они могут предоставить по данному вопросу*» [Б279][17].

Как мы уже говорили выше, сексуальное воспитание детей в СССР замыкалось на их собственную, внутреннюю среду. Оно осуществлялось в ней

[16] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 205–206.

[17] Там же. С. 205.

самой, мало испытывая влияния со стороны, и по этой причине было практически полностью автономным и самодостаточным. Поступление актуальной информации извне было крайне ограниченным и фрагментарным, поэтому она с минимальными обновлениями вращалась в узком возрастном кругу. Точнее возрастной круг потребителей обновлялся чаще, чем сама эта информация. Возрастные рамки этого круга были строго ограниченными и регулировались самими слушателями — рассказчиками. Таким образом, основы этого самого «сексуального воспитания» черпались из разговоров с друзьями-сверстниками и с ребятами постарше. В семье эта тема считалась постыдной. В крайнем случае, если она и вербализовалась, то основывалась на индивидуальном опыте одного из родителей (естественно своего пола). Но этот опыт также был фрагментарным и ограниченным, в силу характерных особенностей отношения к сексу и сексуальности в нашей стране, т. е. носил скорее не информативно-просветительный, а профилактически-запугивающий характер (см.: Прим. 013).

«*Можно было прочитать все книжки и брошюры, перелистать журналы и пересмотреть кино, но старое доброе сарафанное радио все равно ничем не заменить. Подростковые перешептывания на перемене в школе или техникуме давали пищу для размышлений неокрепшим умам. Советы от более опытных подруг выслушивались за чашкой чая и тщательно конспектировались простым карандашом на клочке бумаги. С молодоженами перед свадьбой нередко проводили серьезные разговоры, где объясняли, что к чему. Такие беседы обычно были задачей родителей, но иногда помогали другие близкие родственники или семейные врачи*» [Б216].

Примечание:

Под понятием «семейный врач» здесь имеется ввиду «знакомый врач». «Семейных врачей» в современном понимании этого слова в СССР в то время просто не существовало.

Информация от сверстников и более старших товарищей, как правило, имела строго гендерное разграничение. То есть актуальные вопросы межполовых отношений обсуждались исключительно раздельно: мальчики отдельно — девочки отдельно. Трудно сказать, что тут было более определяющим — относительное незнание предмета обсуждения и нежелание прослыть дилетантом или же некие морально-этические нормы, которые в разнополой среде с одной стороны допускали рассказывание пошлых анекдотов, но с другой — совершенно не предполагали серьезного обсуждения вопросов межполовых взаимоотношений.

Итак, разговоры о межполовых отношениях были обязательной составляющей вербального общения в детско-подростковой и юношеской среде. В условиях дефицита информации о сексе, наиболее частыми темами для обсуждения были следующие:

1. Возможные сексуальные позы, принимаемые партнерами при половом акте.

На то время, к которому относится наше повествование, никаких иллюстраций и печатной продукции об этом не существовало. Именно поэтому в данном вопросе подростки довольствовались устным пересказом описаний

соответствующих сексуальных поз, от более сведущих товарищей. Причем такие описания не всегда были понятны.

2. Частота половых актов.

Как это ни покажется странным, но тогда, в 70-е гг. прошлого века этот вопрос действительно занимал умы подростков. Единого мнения на этот счет не было, поскольку достоверную информацию по этому вопросу почерпнуть было не у кого.

Факт того, что половой акт является в первую очередь способом продолжения рода, предлагал единственный вариант: коитус должен практиковаться супругами как можно реже. Ведь логичнее думать, что природа позаботилась исключительно о продолжении рода, а не о сопутствующем ему удовольствии. Порой, вопиющую неосведомленность в этом вопросе выказывали и сами взрослые.

Пример (248) из собственного опыта:

«*Во время моей службы в Вооруженных силах, один из моих знакомых молодых офицеров развелся со своей женой, после двух лет брака. С его слов, одной из причин, развода стала сексуальная неудовлетворенность. Молодая жена установила ему норму — не более двух интимных близостей в неделю. На его закономерный вопрос "Почему?", она ответила, что так ей сказала ее мама, и что мама всю жизнь практиковала такие ограничения со своим мужем — ее отцом. А если сношаться чаще, то это будет уже извращение*» [А153].

Информацию о количестве половых актов можно было получить и другим, нестандартным путем — через анекдоты, хотя этот источник, при всей его привлекательности не всегда вызывал доверие.

Вот характерный пример (249) подобного анекдота, услышанного мною примерно в 1981–1983 гг.:

«*Поспорили соседки — у кого из них муж сексуальнее и сильнее в постели. У одной — муж профессор, у другой — еще кто-то, а третий — обыкновенный работяга. И договорились, утром, как встретятся, поздороваться друг с другом. Если одну палку кинул, то один раз сказать «Привет!», если две, то «Два привета» и т. д.*

И вот наступает утро следующего дня. Выходит жена профессора и говорит:

— Привет!

Выходит жена… и говорит:

— Ба-а-льшой привет!

Выходит жена работяги и говорит:

— Привет, привет, большой привет и утром два привета!» [А42].

Комментарий:

1. В зависимости от ситуации и социально-профессиональной среды слушателей этого анекдота, подбор главных героев-любовников мог быть совершенно различным. Это мог быть и молодой лейтенант, и работяга-шибздик, и старослужащий солдат, и представители различных национальностей и т. д.

2. Последняя фраза анекдота — «*Привет, привет, большой привет и утром два привета!*», на некоторое время стала крылатой. Она часто использовалась в вербальном общении тех, кто знал этот анекдот. С ее помощью можно было выразить наивысшую степень удовольствия или удовлетворения от чего-то, сделанного накануне.

3. Напомним, что одним из основных вопросов для подростков 70-х гг. прошлого века был вопрос о том, — какое количество половых актов допустимо в неделю? А в месяц? Какова их периодичность? Какие в этой области есть ограничения? Ответы на эти вопросы и давал этот анекдот — никаких ограничений! Сколько хочется, столько и можно. И это — главный смысл данного анекдота.

3. Способы предохранения от беременности.

Здесь также, информация исходила от старших подростков. Однако в подавляющем большинстве случаев, все знание о противозачаточных средствах ограничивалось одним презервативом. Какие-то вычисления благоприятных и неблагоприятных для зачатия дней и как-то связанной с ними не совсем понятной менструации многим мальчикам-подросткам представлялись высшей математикой, постичь которую было невозможно. Отсюда, по всей видимости, и «растут ножки» у распространенного в 70-е годы мнения, что контрацепция — это исключительно женская проблема, а мужчина к ней не имеет никакого отношения.

4. Обсуждение достоинств знакомых девушек и выяснение вопроса о том девственницы они еще или уже нет.

Оцениванию подвергались ноги, ягодицы, грудь, прическа, лицо и макияж, одежда девушек (примерно в такой последовательности), причем всех без исключения — как общепризнанных местных красавиц, так и не очень. Но и здесь были свои запреты и ограничения. Так, о красивых девушках старались много и подробно не распространяться, поскольку, с одной стороны это косвенно могло свидетельствовать о публичном выражении своей симпатии к ней, что в мальчишеской среде не особо приветствовалось. А с другой, излишняя критика внешних данных, могла навлечь кару со стороны тайного воздыхателя или явного ухажера, с весьма плачевными последствиями для своей собственной физиономии. Поэтому чаще всего обсуждалась внешность девушек, считавшихся, мягко говоря, не совсем привлекательными (так называемых «крокодилов») и таких, у которых был устойчивый имидж девиц легкого поведения (так называемых «давалок»).

Бывало, что такие обсуждения выходили за пределы сугубо мальчишеской среды и становились причиной публичных насмешек, бойкота и даже травли несимпатичных, по мнению мальчишеского сообщества, девушек.

Пример (250) из собственных детских воспоминаний автора:

«*После окончания 8 класса,* (*т. е. в 1979 г.*) *одна девочка из нашего класса, почти круглая отличница, не захотела продолжать учебу в школе и поступила в техникум советской торговли. Она была высокого роста и с длинными, тонкими, как спички, ногами, из-за которых часто подвергалась насмешкам со стороны одноклассников. По всей видимости, это и стало одной из причин смены ею места учебы*» [А129].

Вообще, если говорить о школьном сексе как явлении, то сейчас трудно сказать нечто правдоподобное и достоверное о том, насколько он был распространен в 70-е годы XX века. Одни авторы утверждают, что его практически не было, другие — наоборот, считают, что он был чуть ли не повсеместным явлением [Б209]. Наверное, тут все зависело от возраста подростков, особенностей учебного заведения и семейного воспитания.

5. Пересказ того, кто, что и где подсмотрел и подглядел.

Обычно такие обсуждения представляли собой пересказ пересказа. Своего собственного опыта явно не хватало, а тема для разговора была очень актуальной и всегда требовала информационной подпитки. Указание на конкретное место, где произошло подглядывание, порождало желание самому повторить данный практический опыт, хотя часто, он, этот опыт, оказывался

вымышленным, придуманным рассказчиком с целью повысить свой неформальный статус в группе подростков.

6. Половые извращения.

Причиной возникновения подобных разговоров чаще всего становились редкие, когда-то и кем-то случайно увиденные порнографические открытки с изображением куннилингуса, минета и анального секса.

Вопросы практической реализации нестандартных сексуальных практик занимали внимание подростков с точки зрения их морально-этической допустимости. То есть что должно быть в сексе важнее — получение удовольствия несмотря ни на что, или этот процесс все же имеет некие ограничения морально-этического характера?

Одной из причин возникновения подобных разговоров была доминирующая в нашей стране система полового воспитания, которая предполагала (и соответственно пропагандировала), что половые отношения предназначены, прежде всего, для деторождения, а сексуальное удовольствие является вторичным, сопутствующим фактором. Именно поэтому все сексуальные практики, не связанные с возможностью продолжения рода и не предполагающие зачатия, воспринимались в нашей стране как половые извращения.

Однако западная порнография, даже несмотря на то, что она попадала в нашу страну в единичных экземплярах, разрушала это стереотип.

Кстати, именно эта единичность западной порнографической продукции вкупе с трудностями ее проникновения в СССР как раз и обуславливали тот факт, что к нам попадали ее наиболее одиозные, шокирующие образцы.

Итак, дискуссии на тему «что есть извращение, а что нет», в подростковом сообществе, в большинстве случаев оставались без ответа. Желание попробовать секс в том виде, в котором это презентовалось на порнографических открытках, конечно же имело место, но заявлять об этом публично, считалось неприличным. В основном отношение к нестандартным формам секса выражалось в виде вербальной констатации факта, что и такое может быть. Но вопрос о возможности реально, на практике повторить подобный опыт в будущем, обходился стороной, полностью выпадая из сферы публичного обсуждения в подростковых кругах. Боязнь прослыть извращенцем, даже в условиях еще полного отсутствия хоть какого-то сексуального опыта была сильнее.

Вместе с тем, тема нетрадиционного секса была довольно распространенной в подростковом эротическом фольклоре. Как правило, она была представлена анекдотами о любвеобильных представителях народов Кавказа. Такая экстраполяция нетрадиционного секса на определенную социально-демографическую группу не случайна. Рассказчиков ничто не связывало с героями анекдотов. Они были полярны во всех отношениях, а главное — по месту проживания и национальности. Поэтому заподозрить рассказчика в склонности к нетрадиционному сексу было невозможно, хотя такая заинтересованность, конечно же, имела место быть, ведь не зря же появлялись анекдоты подобного рода (см.: Прим. 107) и не зря же они рассказывались в кругу сверстников.

А вот еще один пример (251) — анекдот, снимающий запреты на нетрадиционный секс:

«*Встречаются утром две соседки и одна другой говорит:*
— Ты представляешь, у меня такое горе! Мой муж стал импотентом!

— То же мне, горе — говорит другая — вот у меня горе так горе. Мой муж еще три года назад стал импотентом, но вчера утром он выносил ведро с мусором, споткнулся, упал с лестницы, переломал себе все пальцы и прикусил язык. Вот это горе так горе!» [А37].

Комментарий:

1. Этот анекдот, как говорится, очень щекотливый, потому что предлагает информацию о том, что в межполовых отношениях возможны и другие, нетрадиционные способы сексуального удовлетворения партнера.

2. Как правило, использование куннилингуса в мужской среде обычно замалчивается, поскольку в сравнении с обычным половым актом (в котором мужчина являет собой активное начало и получает удовольствие, а женщина — пассивное, подчиненное и получает ли удовольствие — это еще вопрос), он не выглядит привлекательно и мужественно, а основным бенефициарием сексуального удовольствия становится женщина. Однако в форме анекдота, распространение подобной информации представляется вполне уместным.

3. Этот анекдот информирует слушателей об огромном разнообразии сексуальных практик между мужчиной и женщиной, приоткрывая завесу над тем, что может быть дозволено в постели и при этом не считаться извращением.

4. В условиях отсутствия хоть какой-то системы сексуального образования и тотального замалчивания любой информации об особенностях половых отношений, подобные анекдоты выполняли важную просветительную функцию. Более того, они содержали в себе и разрешительную функцию, являя собой некое негласное одобрение тех или иных форм сексуального поведения, которые на первый взгляд могли восприниматься как абсолютное табу.

7. Кто с кем спал, и кто кому давал.

Такая информация активизировала не только воображение, но и побуждала к действию, ведь появлялась хлипкая, эфемерная надежда на положительный исход сексуального эксперимента без позорных отказов в интимной близости или криминальных последствий, в случае совершения таковой.

Другой, оборотной стороной такой информации было разочарование в девушке, если она нравилась подростку. И это еще мягко сказано. Порой такие разочарования могли перерасти в затяжную депрессию.

Пример (252):

«*Сыну моего приятеля, когда тот учился в 5 классе* (*!*)*, очень нравилась девочка из параллельного класса. Но сын приятеля был скромным и не мог решиться на завязывание более близких, т. е. — дружеских отношений. Девочка знала, что она ему нравится, и попыталась стимулировать его настойчивость, разыграв сцену ревности. Однажды она демонстративно стала обниматься со своим одноклассником* (*5-й класс!!!*)*. Увидев это, сын моего приятеля наоборот потерял к ней всякий интерес. Правда примерно в течение месяца он переживал случившееся, и моему приятелю и его жене пришлось с ним неоднократно беседовать по душам, успокаивать и утешать. А потом все прошло*» [А155].

Комментарий:

Этот пример относится уже ко второму десятилетию XXI в., но в вопросе межполовых взаимоотношений за прошедшее с 70-х гг. время ничего не изменилось. Природа человека как была, так и осталась неизменной.

8. Для подростков и юношей более старшего возраста добавлялись разговоры о своих сексуальных экспериментах и победах.

Замечено, что «*Мальчики в подростковом возрасте охотнее сообщают, что ведут половую жизнь, чем девочки-подростки*» [Б269][18]. Однако возраст «победителей» определялся относительно. Обычно им становился (а точнее — самоназначался) самый старший в группе подросток. Именно он, как правило, и претендовал на роль «альфа-самца», соблазнившего бесчисленное количество самок. Подобные заявления, подкрепленные некоторыми обрывочными знаниями из области секса и старшинством в группе, не оставляли ничего другого как слепо верить всем этим рассказам, а точнее — россказням. Подобное самовосхваление представляло собой публичную демонстрацию своей маскулинности с целью самоутверждения в кругу сверстников и повышения своей собственной самооценки.

9. Пересказ сюжетов порнографических открыток (но об этом более подробно будет рассказано в следующем параграфе).

Итак, все вышеперечисленное, представляло собой достаточно интенсивный обмен актуальной (для детей и подростков) сексуальной информацией, эдакое заседание клуба по интересам.

Взирая на все это из дня сегодняшнего, можно сказать, что серьезному обсуждению подвергались такие вопросы, ответы на которые современный подросток с легкостью может найти в Интернете. Но в то время, подобное знание собиралось по крупицам, из разных источников — от «знатоков» и «специалистов» своего и более старшего возраста. Полученная информация постепенно складывалась в уме каждого подростка в некую единую, очень специфическую и сугубо индивидуальную картинку того, как все должно быть на самом деле. Естественно, что такое «знание» было фрагментарным, обрывочным и несистемным.

§ 4.2.4. Пересказ сюжетов порнографических открыток

Американский гинеколог и сексолог У. Мастерс отмечает, что, «*интерес, проявляемый к эротическим материалам, имеет много причин. Они служат источником информации, в том числе сравнительной, о сексуальном поведении; часто вызывают сексуальное возбуждение, которое можно в зависимости от настроения продлить или прекратить; подобно сексуальным фантазиям будят воображение и тем самым помогают соприкоснуться с запрещенными или пугающими областями секса безопасным образом; дают возможность прорепетировать в своем воображении те действия, которые человек надеется испробовать или которые его интересуют; наконец, подобно многим вестернам или шпионским триллерам, сами по себе могут служить развлечением, не связанным с сексуальным возбуждением*» [Б157, с. 346–347].

Среди разнообразных эротических материалов наибольшее значение, по силе воздействия, по всей видимости, имеет порнография (хотя в последние десятилетия ее сильно потеснила видеопродукция соответствующего содержания).

[18] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 221.

Р. Крукс и К. Баур в своей книге «Сексуальность» дают следующие определения порнографии:

– «*порнографией называется любой письменный, визуальный или аудиоматериал, в котором изображается сексуальная деятельность или гениталии. Цель этого материала — вызвать у зрителя сексуальное возбуждение*» [Б138, с. 458].

Или в другом месте:

– порнография — это «*визуальные и письменные материалы сексуального характера, которые используются для сексуального возбуждения*» [Б138, с. 458].

Далее Р. Крукс и К. Баур более подробно поясняют свою мысль, делая разграничение между собственно порнографией и эротикой:

«*…под термином «порнография» обычно объединяют любые сексуально откровенные материалы. «Жестким» порно обычно называются откровенные изображения гениталий, в то время как в «мягком» порно гениталии показывают мало. Тем не менее, эротика отличается от порнографии. И это не зависит от степени откровенности материала. Происхождение этих двух слов поможет объяснить различие этих терминов. Корень порно в слове порнография обозначает проституцию, или женщин-пленниц. Дополнительное значение здесь — доминирование женского начала. Эротика же происходит от слова эрос, или страстная любовь*». Эротика отображает «*сексуальность с выражением взаимности, уважения, привязанности и равноправия*» [Б138, с. 460].

По своей сути, порнография основывается на сексуальном подавлении и подчинении. Это индустрия, где женщина эксплуатируется и экономически, и сексуально. Порнография убеждает зрителя в том, что:

– все женщины наслаждаются сексуальным унижением и получают удовольствие даже от изнасилования;

– женщина — это не более чем сексуальный объект (с которым можно делать все что угодно), служащий для получения сексуального удовольствия мужчины;

– насилие над женщиной не только сексуально привлекательно, но и легитимно [Б95, с. 25].

Мы не будем вдаваться в особенности восприятия эротических или порнографических изображений, поскольку граница между ними довольно зыбка, условна и зависит от внутренних установок человека, его индивидуального понимания непристойности.

Степень ханжества, боязнь публичного осуждения, возрастная нецелесообразность просмотра подобных изображений — вот далеко не полный перечень факторов, которые могут побудить человека к тому — считать ли данное изображение эротикой или порнографией. Несомненным остается одно: оценка одних и тех же изображений и понимание их как эротических или порнографических зависит от многих факторов, в том числе от уровня открытости общества и, соответственно, доминирующей системы сексуального воспитания и просвещения.

Современное значение термина «порнография» и то, что под ним подразумевалось в 70-е г. прошлого века несколько не совпадают. В то время, в СССР изображения девушек и женщин, рекламирующих нижнее белье, традиционно считались порнографией. Большинство населения страны именно

так и воспринимало подобную фотопродукцию. Всякое разграничение между эротикой и порнографией отсутствовало. Другими словами, поскольку с точки зрения общественной морали и нравственности публичная реклама нижнего белья (плакаты, баннеры витрины магазинов и т. д.) считалась недопустимой, то такие изображения в массовом сознании советских людей закономерно воспринимались именно как порнография. Вместе с тем, многие граждане, все же понимали, что такие изображения не являются порнографией в истинном значении этого слова, но наличие морально-нравственного запрета на публичную демонстрацию подобных изображений ставило рекламу нижнего белья в один ряд с порнографией, а девушек-манекенщиц в один ряд с женщинами с низкой социальной ответственностью. Других объяснений такого раскованного поведения манекенщиц у советского обывателя просто не находилось. Ну а фотографии заграничных манекенщиц, рекламирующих импортные колготки, считались чем-то на грани фола. И если бы не их импортное происхождение (из стран социалистического содружества), то и их, вполне возможно, причислили бы к порнографической продукции.

Еще один момент, который существенно влиял на восприятие тех или иных изображений как порнографических или нет — это наличие законодательно установленного запрета на изготовление и распространение порнографии [Б7].

Страх попасть под действие соответствующей уголовной статьи заставлял людей перестраховываться, чтобы ненароком не создать себе лишних проблем и не оправдываться потом в якобы совершенных ими неправомерных действиях.

Несмотря на такие морально-нравственные и законодательные ограничения, порнографическая продукция различными нелегальными путями попадала в нашу страну. В основном к этому прикладывали руку представители тех профессий, которые имели возможность выезда за границу — моряки, летчики, спортсмены и т. д. Естественно, что в большинстве случаев такая продукция покупалась, как говорится, для себя. Но ознакомиться с нею мог и определенный круг друзей «счастливого» обладателя западной порнопродукции. Дети и подростки иногда попадали в это число, хотя и не совсем легальным способом. Увиденное, как правило, возбуждало, шокировало и становилось предметом бурных обсуждений среди знакомых сверстников. Далее сюжет порнооткрыток уже в вербальной форме продолжал свое собственное, самостоятельное существование вне зависимости от изображения, передаваясь из уст в уста, от одного подростка к другому, обрастая различными дополнительными подробностями и домыслами. Итак, даже если порнография не оказывала на поведение прямого воздействия, она таким вот косвенным образом укрепляла существующие стереотипы и предрассудки в отношении сексуального поведения мужчин и женщин, и тем самым усиливала прежние (и/или создавала новые) установки, которые, в конечном счете, проявлялись в поведении [Б293][19].

Такая вербализация порнографии была характерной особенностью советской действительности и в таком, усеченном, вербализированном виде

[19] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 349.

порнография в системе сексуального воспитания (а точнее — самовоспитания) имела большое значение.

§ 4.2.5. Детско-подростковый вуайеризм (подглядывание и подсматривание)

«Российский биолог и этолог В. Дольник утверждает, что «*…ребенок по своим врожденным программам — ребенок голого человека. И ему необходимо знать, как выглядит взрослый голый человек. Если он такую информацию получил, его интерес к ней снижается. В странах, где "сексуальная революция" произошла несколько десятилетий назад, дети теперь совершенно равнодушны и к эротике, и к порнографии. Более того: там, где с помощью муляжей и фильмов их еще в первых классах школы знакомят со строением половых органов, интерес к этой области утрачивается на несколько самых "опасных" лет*» [Б90, с. 143].

И далее: «*А если ребенок лишен такой информации? Он отнюдь не растет непорочным, просто он всячески стремится ее добыть. Подглядывает за родителями, за купающимися, за сверстниками. Поскольку он знает, что подглядывать нехорошо, его могут мучить угрызения совести. Но могут быть и страшные последствия: стремясь добыть недоступную информацию, подростки ловят девочку и насильно ее раздевают. Девочкам полезно знать об этом, так как криминалисты говорят, что подобные преступления зачастую провоцируются неверным поведением самих девочек*» [Б90, с. 143].

Итак, подглядывание (подсматривание), а по-научному — вуайеризм, является одной из особенностей, или даже можно сказать — формой сексуального поведения людей. Но вуайеризм не ограничивается получением банальной информации о строении тела и органов размножения представителей противоположного пола. Американский гинеколог и сексолог У. Мастерс называет вуайеристом (т. е. подглядывающим) «*человека, получающего сексуальное удовольствие* (выделено мною. — *А. Проноза*) *от наблюдения за сексуальной активностью других людей, за обнаженными или раздевающимися людьми. Слово «вуайеризм» происходит от французского глагола «вуар» — видеть. При вуайеризме подглядывание* (*или фантазии на эту тему*) *— предпочитаемый или единственный способ достижения сексуального возбуждения*» [Б157, с. 414].

Толисон и Адамс утверждают, что у многих вуайеристов гетеросексуальный опыт ограничен [Б310][20], а дети и подростки как раз и относятся к такой социальной возрастной группе.

В свою очередь У. Мастерс отмечает, что «*фактически, вуайеризм дает возможность мужчинам обходиться без социального и сексуального взаимодействия с женщинами; многие из них ограничивают свою сексуальную активность мастурбацией во время подглядывания или фантазированием на тему прошлых подглядываний*» [Б157, с. 414]. И опять-таки подчеркнем, что все сказанное У. Мастерсом в полной мере относится к детям и подросткам.

[20] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 414.

«*Вуайерист* (а в нашем случае это подросток. — *А. Проноза*) *предпочитает подглядывать за незнакомыми женщинами, так как это придает акту привкус чего-то нового и запретного*» [Б282][21].

Ограниченность распространения порнографии в нашей стране, а точнее ее полный запрет, по нашему мнению, как раз и была одной из причин распространения вуайеризма в детско-подростковой среде в 70-е — начале 80-х гг. прошлого века, а сами формы и способы подглядывания и подсматривания зависели от возраста ребенка (подростка). В своей книге И. Кон пишет: «*общим правилом детских учреждений было подсматривание мальчиков за девочками, и обратно. В детском саду это чаще всего происходило в туалете, а в школе — на уроках физкультуры*» [Б132, с. 157].

Пример (253):

«*В Евпатории, в середине 70-х гг. в средней школе № 2 в раздевалке спортзала мальчики проковыряли дыру в стене, чтобы подсматривать за девочками* (*раздевалки были смежными*). *Девочки эту дыру регулярно затыкали скомканной бумагой, но мальчики снова пропихивали ее обратно карандашом*» [А92].

Комментарий:

Все это представляло собой интересную игру в подглядывание, в которой, как это ни покажется странным, были заинтересованы обе стороны.

Еще пример (254):

«*К предыдущему примеру можно добавить дежурство по школе, когда во время перемены можно было попытаться заглянуть девочкам под юбку, дежуря на площадке между лестничными пролетами*» [А100].

Существовал даже специфический жаргонизм, обозначающий это действо — «подсекать», т. е. — подглядывать. От слова «сечь» — смотреть, наблюдать, быть внимательным (Фраза: «Ты сечешь, что я тебе говорю?»).

Например, фразы:

— *Пошли подсекать за девками…*

или

— *А мы там за бабами в раздевалке на пляже подсекали.*

Само по себе, подглядывание считается девиацией, а ситуация подглядывания требует создания определенных условий связанных с нарушением установленных правил и предписаний, таких, например, как запрет подсматривать в бане за женщинами или за девочками в раздевалке. Естественно, что за такие поступки могут последовать те или иные наказания как административного, так и морального характера.

Подглядыванием и подсматриванием занимались не все, а преимущественно отдельные, сексуально озабоченные подростки. Хотя, правды ради, следует отметить, что за кампанию, этим грешили все. Дело в том, что это

[21] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 414.

действо всегда сопровождалось определенной долей риска. Страх наказания — с одной стороны вдохновлял на «подвиг» (тем более что в случае успеха статусные приобретения были достаточно высоки), а с другой — наоборот, ограничивал активность, переводя нерешительных подростков в категорию пассивных слушателей эротических впечатлений более удачливых сверстников.

Вот характерный пример (255):

«*В Евпатории в середине 70-х гг. XX в. милиционеры или представители ДНД* (*добровольной народной дружины*) *иногда, по вечерам,* (*особенно осенью*) *дежурили у городской бани, гоняя подростков, которые залезали на деревья* (*!*), *чтобы заглянуть в женское отделение, находящееся на втором этаже и изнутри ярко освещенное*» [А96].

Еще пример (256):

«*Еще одним исключительно евпаторийским увлечением сексуально-озабоченных подростков был поиск влюбленных парочек и подсматривание за ними. Лето располагало к любви, любовным похождениям и курортным романам. Поэтому в укромных уголках Евпаторийских парков в вечернее время, при желании, всегда можно было обнаружить парочки, занимающиеся любовью. Подростки знали практически все такие укромные места, где можно было уединиться страждущим секса и любви. Наблюдение за ними представляло собой достаточно интересный познавательный процесс. Особо решительные подростки находили забавным испугать любовников в самый ответственный момент сексуального действа. Последствием такого шага могло быть или бегство застигнутых врасплох любовников с «места преступления» или наоборот бегство испугавшего их подростка от гнева разъяренного ловеласа. В любом случае, полученные впечатления потом превращались в занимательную историю, поднимавшую статус рассказчика на невероятную высоту в глазах сверстников*» [А97].

Таким образом, подглядывание и подсматривание выполняло важную функцию сексуального воспитания (точнее — самовоспитания) подростков. Оно не только будило воображение, но и приятно щекотало нервы. Испытываемое волнение не было похоже на томление, переживаемое во время разглядывания порнографии. Естественность подсмотренного процесса приближала воображение подростков к реальности, способствовала мысленному моделированию ими подобных ситуаций применительно к своей собственной, будущей взрослой жизни и примерке на себя наблюдаемых в реальности форм поведения взрослых.

§ 4.2.6. Эксгибиционизм в детско-подростковой среде

Прежде чем перейти к рассмотрению детского и подросткового эксгибиционизма, уточним содержание этого понятия и того, что за ним скрывается.

Эксгибиционизм — это парафилия (или по-другому — сексуальная девиация), «*при которой человеку для получения сексуального удовлетворения необходимо выставлять напоказ перед незнакомыми людьми свои половые органы*» [Б157, с. 414].

Другое определение эксгибиционизма трактует его как «*форму отклоняющего сексуального поведения, когда сексуальное удовлетворение достигается путем демонстрации половых органов незнакомым лицам, обычно противоположного пола*» [Б194, с. 357].

Рассматривая проблему распространенности эксгибиционизма у мужчин и женщин, американский гинеколог и сексолог У. Мастерс ссылается на

мнения авторитетных ученых, утверждающих, что «*это отклонение встречается почти исключительно у мужчин* [Б306; 265][22], *хотя имеются сообщения о нескольких случаях эксгибиционизма у женщин*» [Б280; 283; 286][23].

Несмотря на то, что эксгибиционизм считается прерогативой мужчин, существуют и другие, противоположные точки зрения. Так, например, «*по результатам исследований Г. Б. Дерягина, склонность к эксгибиционизму наблюдается у 4,2 % студенток и 1,6 % студентов*» [Б86]!

Отношение к эксгибиционизму всегда было двояким. Так, мужской эксгибиционизм традиционно рассматривается как психическое отклонение, в то время как наличие женского эксгибиционизма до недавнего времени отрицалось.

Украинские исследователи А. Чуприков и Б. Цупрык считают, что «*половое извращение отмечается тогда, когда несоответствие с нормой направлено против системы норм. А поскольку проявления женского эксгибиционизма в большинстве случаев социально приемлемы и как нарушение нормы не рассматриваются, то и был сделан ложный вывод об отсутствии такового. Более того, женский эксгибиционизм даже поощряется, в частности, в форме стриптиза, во время которого некоторые исполнительницы нередко достигают сексуальной разрядки вплоть до переживания оргазма*» [Б251, с. 162].

Кроме мужского и женского, принято различать «*ложный и истинный эксгибиционизм. При ложном эксгибиционизме обнажение является хулиганским действием. При истинном эксгибиционизме — является заболеванием, относящимся к расстройствам сексуального предпочтения*» [Б259].

Случаи мужского эксгибиционизма получают большую публичную огласку и общественный резонанс. Этому есть несколько объяснений.

Во-первых, основными жертвами **мужского эксгибиционизма** являются женщины. Именно они становятся объектом эксгибиционистского акта, в котором главное действующее лицо — мужчина. Попав в такую ситуацию, женщина испытывает чувство страха и опасности, ведь даже от одетого мужчины, случайно повстречавшегося в уединенном месте, женщина может почувствовать некоторую тревогу, а тут — неожиданно появляющийся и обнажающийся догола мужчина…

Со стороны мужчины акт эксгибиционизма сугубо индивидуален. Осознавая девиантность своего поведения, мужчина направляет свои действия на отдельных женщин, стараясь максимально ограничить публичность своего поступка, но вместе с тем сохранить эту публичность иначе, преследуемая эксгибиционистом цель, не будет достигнута.

В эксгибиционистском акте мужчины, как правило, присутствует один зритель — женщина. Для перевода акта в публичное пространство этого вполне достаточно. Поскольку в сексуальном плане от мужчины, в направлении женщины всегда исходит активность (а иногда и агрессия), то она, эта активность, подкрепленная эксгибиционистским актом, представляется женщине явной угрозой ее сексуальной безопасности и, соответственно, порождает незамедлительную реакцию в виде апелляции к публике с просьбой о защите (крик удивления, призыв о помощи). Именно такая реакция как раз и

[22] Цит.: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 414.

[23] Там же.

желанна для мужчины-эксгибициониста, поскольку для него она является подтверждением его якобы сексуального могущества.

Во-вторых, уже в случае **женского эксгибиционизма** — наоборот, жертвой выступает мужчина. Но его отношение к эксгибиционистскому акту со стороны женщины совершенно другое — он не видит в нем для себя сексуальной угрозы или агрессии и не считает себя жертвой. Скорее он испытывает удивление, заинтересованность, но только не страх. «*Мужчины очень редко жалуются на такое проявление девиации, поэтому статистику по ней сложно назвать полной*» [Б60]. Именно поэтому общественный резонанс от женского эксгибиционизма не столь значителен как от мужского.

Таким образом, случаи мужского эксгибиционизма (даже если они и единичны) предаются огласке и регистрируются как сексуальные отклонения, а случаи женского эксгибиционизма чаще всего не рассматриваются как таковые и поэтому не фиксируются.

Кроме того, женский эксгибиционизм в своем большинстве носит не индивидуально-демонстративный (как в случае с мужчинами), а публично-демонстративный характер, и преследует своей целью привлечь внимание как можно большего числа потенциальных зрителей (т. е. — мужчин). И чем их больше, тем лучше, поскольку:

1) с одной стороны, это привлекает внимание к женщине;

2) с другой — является некоей гарантией ее безопасности от сексуальных посягательств со стороны мужчин;

3) ну а с третьей, создает условия конкуренции между мужчинами — самцами за право обладания женщиной — самкой с целью продолжения рода.

Ко всему вышесказанному следует добавить, что, по нашему мнению, существует еще явный и скрытый эксгибиционизм.

Так, мужской эксгибиционизм в своем большинстве носит явный, демонстративный характер, а женский — наоборот, скрытый и по этой причине не всегда идентифицируется как таковой. Более того, во многих случаях, женский эксгибиционизм носит нормативно-одобрительный характер со стороны общества.

Причины возникновения скрытого женского эксгибиционизма, по всей видимости, следует искать в конфликте между традиционными, консервативными взглядами в сфере половых отношений (точнее — пуританской идеологии в ее различных вариантах и проявлениях) с одной стороны и естественным половым влечением женщины с целью соблазнения подходящего полового партнера для продолжения рода с другой.

Скрытый женский эксгибиционизм проявляется в следующих социальных практиках и сферах общественных взаимоотношений:

– виды спорта, предполагающие максимальное оголения тела — фигурное катание, художественная гимнастика, пляжный волейбол, синхронное плавание и др.;

– некоторые профессии, требующие публичной демонстрации тела, такие как стриптиз, балет, кордебалет, танцы вокруг шеста, модельный бизнес, натурщицы, фотомодели и др.;

Примечание:

Кордебалет, стриптиз, танцы вокруг шеста и т. д. — все это представляет собой еще одну узаконенную форму эксгибиционизма. При анализе этих танцевальных жанров в первую очередь обращает на себя внимание категория потребителей, коими являются преимущественно мужчины.

Кроме того, мотивация женщин к занятию этими танцевальными жанрами может сводиться не только к получению материальной выгоды. Несомненно, что к этому должно быть еще и стремление (чуть не сказал — призвание) и желание, которое присутствует не у всех женщин и не у всех представителей перечисленных профессий.

Таким образом, эксгибиционизм в данном случае маскируется необходимостью получения материального вознаграждения за публичное оголение, сопутствующие такому оголению ритмичные телодвижения и презентуется социуму как специфическая форма занятости и вид искусства.

Примечание:

Танец вокруг шеста имеет много синонимичных названий:
– танец на пилоне;
– шестовая акробатика;
– пилонный танец;
– шестовый танец;
– Pole dance.

– демонстрация тела посредством минимизации купальных костюмов;

– ношение модной одежды с оголением и публичной демонстрацией тех частей тела, которые до этого традиционно прикрывались одеждой и т. д.

Примечание:

Одежда не обязательно должна открывать отдельные части тела ко всеобщему обозрению. Достаточно, чтобы она была полупрозрачной или обтягивающей, копирующей линии тела. Такой вид эксгибиционизма широко представлен в линейке эротической одежды и одежды, предназначенной специально для секса (одежда из натурального латекса, винила, натуральной кожи и других подобных материалов).

Пример (257) из истории костюма:

В ампирной моде (примерно с 1795 по 1820-е гг.) «*Все в женском костюме было направлено на обрисовывание формы тела. Прозрачная батистовая рубашка позволяла видеть всю ногу, украшенную над коленом золотыми обручами. Если у женщины не видны были ноги от туфель до ягодиц, то говорили, что она не умеет одеваться. Когда дама шла, платье, кокетливо подобранное спереди и сзади, обтягивающе показывало всю игру ягодиц и мускулов ее ног при каждом шаге*» [Б178].

«*В моде были обнаженность и античная красота, минимализм в одежде и красивые “естественные” складки. Для создания последних дамы смачивали водой свои тонкие муслиновые платьица и в таком виде ходили по гостям/балам/прогулкам*» [Б122].

«*Кстати, о самих платьях. Порой они были НАСТОЛЬКО откровенны, что не каждая современная девушка отважится надеть такое даже на пляж. Не говоря уже о прогулке или званном вечере. А они так на балы ходили — и ничего. Никто не брюзжал на современную молодежь*» [Б122].

В результате скрытность женского эксгибиционизма достигается посредством публичного обнажения отдельных частей тела. Этой же точки зрения придерживаются украинские исследователи А. Чуприков, Б. Цупрык: «*К проявлениям женского эксгибиционизма можно отнести обнажение не половых органов, а других частей тела, например груди, с помощью определенных особенностей одежды*» [Б251, с. 162].

Таким образом, частичное обнажение женщинами своего тела, как правило, не осуждается обществом, а если и осуждается, то в незначительных пределах и ненадолго — до момента утверждения (если так можно выразиться)

новых социальных норм и стандартов оголенности, которые в общественном публичном пространстве легализуются через такое явление как мода.

В связи с вышеизложенным можно предложить еще одну классификацию эксгибиционизма — осознанный и неосознанный эксгибиционизм.

Осознанный эксгибиционизм — это сознательное публичное раздевание с демонстрацией половых органов. У мужчин он может заканчиваться эрекцией, мастурбацией и семяизвержением, а у женщин — оргазмом. В зависимости от ответной поведенческой реакции невольных зрителей, акт эксгибиционизма может быть воспринят как глупая шутка, агрессия или банальное приглашение к половому акту.

Примечание:

Именно в таком аспекте воспринимают женскую европейскую моду многие мужчины нехристианского вероисповедания (особенно из числа мигрантов, исповедующих ислам). Откровенность женских нарядов понимается ими не как культурная традиция страны пребывания, а как символ доступности женщины, т. е. так, как это и предписано в рамках их культурных традиций и религиозных норм.

Также, именно этим можно попытаться объяснить многочисленные факты агрессии в отношении европейских женщин со стороны мужчин-мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока. С точки зрения их традиционной культуры, так фривольно могут одеваться только проститутки, которые не заслуживают уважения и поэтому с ними можно обращаться, как угодно.

Неосознанный эксгибиционизм — наоборот, не предполагает сознательного раздевания. Он ищет легальные способы и возможности, к оголению тела и демонстрации половых органов, т. е. такие способы, которые не осуждались бы обществом как явные поведенческие аномалии. Именно к таким способам и прибегает большинство женщин.

С учетом степени оголенности тела, эксгибиционизм может быть абсолютным и относительным.

Абсолютный, широко описан в специализированной медицинской литературе. Чаще всего он практикуется мужчинами и подразумевает полное раздевание.

Относительный, предполагает разную (но не полную!) степень оголенности. В основном он практикуется женщинами с целью привлечения к себе внимания мужчин. Такой эксгибиционизм стандартизируется, нормируется обществом, и не рассматривается как отклонение. Впрочем, в силу особенностей мужской сексуальности абсолютного эксгибиционизма со стороны женщин и не требуется. В реальной жизни такой (относительный) женский эксгибиционизм маскируется обычаями, традициями, нормами морали и модой. Что же касается относительного эксгибиционизма мужчин, то он не всегда получает в обществе одобрение и, как правило, ассоциируется с поведенческой девиацией.

Пример (258):

В СССР, в 70-е гг. прошлого века ношение мужчинами шорт, воспринималось именно как непристойность и явная девиация. Даже походы в шортах на пляж и с пляжа не приветствовались.

В возрастном отношении «*эксгибиционизм обычно начинает проявляться до 18 лет, его пик приходится на третий десяток, а после 40 лет*

наблюдаются лишь единичные случаи» [Б265][24]. Исходя из этого, можно полагать, что эксгибиционизм, в своем классическом варианте (если так можно выразиться), для детско-подростковой среды явление нехарактерное. Однако в 70-е гг. прошлого века случаи эксгибиционизма среди подростков в нашей стране все же имели место. Но это был не мужской, а женский эксгибиционизм, замаскированный (как это ни покажется странным!) товарно-денежными отношениями. Речь идет о т. н. «Чебурашке» или «Буратино» — демонстративном показе женского тела за деньги.

Вот характерный пример (259):

«*А было в пору моей молодости такое действо как "показать Буратино/Чебурашку". Это про одно и то же, и о незначительном отличии я поясню чуть позже. Выглядело действо так. Идет поздно вечером по темной улице одинокий прохожий. К нему подходит миловидная девушка. То же одна. Трезвая, красивая. И бархатным голосом вопрошает, а не хочет ли, славный прохожий, посмотреть Чебурашку. Ну, или Буратино. Вот вы бы отказались? ... И народ, в большинстве своем, тоже не отказывался. Девушка распахивала свой плащик. Широко так распахивала. И становилось понятно, что кроме распахнутого плащика, милой улыбки и туфелек на девушке ничего нет. Минуту, другую девушка абсолютно откровенно позировала, а потом, запахнув плащик, просила расплатиться за полученное удовольствие. Те, кто изначально были не против заплатить, становились против, когда узнавали цену — 10 рублей. По тем временам деньги приличные. И как только человек выражал свое несогласие, девушка жаловалась на это в темноту, и из темноты материализовались пять-шесть крепких ребят, и деньги в пользу девушки, а скорее всего всей честной компании, взыскивались. Причем, как утверждали потерпевшие, даже если у человека было больше требуемой суммы, то бралось только 10. Ну а Буратино от Чебурашки отличался лишь конституцией девушки.*

Посмотрел как-то Чебурашку и я. Лет мне было 15. Мы с друзьями поехали на концерт уже и неважно кого. И только когда мы выехали, то выяснилось, что наш бывший одноклассник, на тот момент переехавший с родителями жить в Ростов, пригласил всех нас к себе с ночевкой. А я и не знал. Соответственно и не отпросился. И поэтому я в одиночестве после концерта срезал углы дворами по пути на электричку. И в очередной подворотне мне навстречу вышла девушка и предложила посмотреть Чебурашку. Я тактично отказался. Видимо, это был нестандартный поворот событий. Девушка удивилась и спросила почему. Я честно ответил, что из денег, что у меня только мелочь на билет. Девушка, немного подумав, а думать ей явно было тяжело, Господь создал ее для другого, сказала, что, мол, все равно смотри. И распахнула свой плащик. Даже по истечению уже немалого количества лет могу твердо утверждать, что девушка была хороша. Молода, фигуриста и упруга. Бежать смысла не было, и я попытался получить максимум удовольствия от созерцания прекрасного. Тем более что контрастный душ был уже не за горами. Дальше по схеме. Плати — я же говорил, что денег нет — ребята этот тоже платить не хочет. И вот уже пара крепких ребят держит меня под локти. Кто-то стоит сзади. А тот, что стоит передо мной, вопрошает, зачем я девушку обижаю. Я ему пытаюсь объяснить, что я девушку честно предупреждал, что я еще безденежный пионэр, иду с концерта, в кармане мелочь. В Ростове всегда была сильная школа бокса. Один удар под дых и я уже должен быть благодарен тем, что держат меня под локти, за то, что все еще в вертикали, а не принял горизонталь. Карманы быстро обшарили. Мелочь даже не взяли. И, как и не было никого. Я поприседал, чтобы восстановить дыхание. И даже успел с билетом на свою электричку» [Б264].

Комментарий:

Кстати, в приведенном выше примере автор прямо указывает на одну из причин этого явления: «*Видеосалонов в те годы и в помине не было, порножурналы на каждом углу не*

[24] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 415.

продавали. Да и жены не у каждого были 90×60×90. А тут такое зрелище, и всего за какие-то 10 рублей» [Б264].

Пример второй (260):

«*Как-то поздно ночью возвращалась с дежурства. Девушка стояла на обочине... Распахивая шубку, можно было лицезреть ее обнаженное тело. Я, естественно, сначала не совсем въехала от неожиданности и попросила водителя дать задний ход, чтобы еще раз посмотреть... Чем вызвала веселье остальных пассажиров. Они меня и просветили, что такое имеет место быть среди проституток и называется это "чебурашка"*»[Б17].

Так вот, в данных примерах женский эксгибиционизм был вынужден, если так можно выразиться, комерционализироваться. Это было необходимо не только для получения материальной выгоды, но и для страховки от сексуального насилия и надругательства со стороны потенциальных потребителей — мужчин. Согласимся, что в случае мужского эксгибиционизма, трудно себе представить, ситуацию, когда после акта публичной демонстрации обнаженного тела, зрители — женщины совершат над мужчиной — демонстратором некие действия сексуального характера. В крайнем случае, при неудачном для него стечении обстоятельств, эксгибиционист получит по морде и все. В случае с женщиной опасность подвергнуться насилию после совершенного ею акта эксгибиционизма неимоверно выше. Именно поэтому и необходима была некая страховка в виде сутенера или группы поддержки (если так можно их назвать) — сборщиков денег.

Мужчина — эксгибиционист получает сексуальное удовлетворение от самого акта демонстрации, эпатажности действа, поднятия своей самооценки в своих собственных глазах и от реакции зрителей, какой бы она ни была — страх, возмущение, ответная агрессия — все равно. Но стремления к половому контакту здесь нет — разве что только желание привлечь к себе внимание как к объекту противоположного пола. Таким образом, эксгибиционистский акт не является приглашением к коитусу — он самодостаточен и представляет собой суррогатный аналог половых отношений, от которого инициатор подобного действа получает сексуальное удовольствие. Соответственно и у невольных зрителей — женщин также не возникает половой страсти от лицезрения голого мужчины.

С женщинами-эксгибиционистками все несколько по-другому. Демонстрация ими своей обнаженности воспринимается мужчинами как безусловное приглашение к половому акту. Вот поэтому-то женский эксгибиционизм и вынужден маскироваться различными способами, дабы с одной стороны показать готовность к половым отношениям, а с другой — не спровоцировать мужчин на неправомерные действия. То есть акт эксгибиционизма женщин подсознательно направлен на всех мужчин, с целью выбора из их числа наиболее подходящего — того, с которым, можно будет завязать в будущем сексуальные отношения.

Теперь что касается непосредственно «Чебурашки» или «Буратино».

О том, что существует такое явление, я узнал достаточно поздно — во время учебы в военном училище, в возрасте примерно 19-ти лет. Об этом мне поведал знакомый прапорщик, родом из г. Кондопоги (Карелия). Соответствующее его воспоминание, которым он со мной поделился, относилось примерно к 1975–1977 гг.

Так что два, достоверно и точно зафиксированных случая из 70-х гг. — г. Ростов и г. Кондопога (Карелия) могут, по нашему мнению, свидетельствовать о том, что это явление было распространено по всему Советскому Союзу. Но все же оно не было массовым по ряду причин, а именно:

– понимания аморальности этого действа всеми его участниками, как исполнителями, так и зрителями;

– недостатка решительных претенденток на главную роль (девушек) и потенциальных зрителей (юношей);

– отсутствия подходящих условий (сцены) для разворачивания данного действа во времени и пространстве.

Говоря об эксгибиционизме, нельзя обойти стороной и такую его разновидность как мунинг.

Мунинг — это «*демонстрация перед публикой задней части таза. Это не всегда связано с отклонением, так как зачастую исполняется из озорства или в знак протеста против чего-либо*» [Б60].

В большинстве человеческих культур такой жест считается непристойным. Он «*применяется в знак протеста или презрения, в шутку или ради эпатажа. Непристойность жеста связана с актом дефекации, который считается нечистым*» [Б85].

Как пишет психоаналитик Дж. Франкл, «*Демонстрация ягодиц может выражать желание оскорбить того, кто это видит, проецировать грязь на него и, так сказать, очистить себя, как бы утершись лицом смотрящего и дав ему почувствовать себя самого грязным*» [Б236, с. 103].

Но есть и другая точка зрения, предполагающая более древнюю мифологическую и фольклорную природу этого явления. В данном контексте мунинг можно рассматривать как частный случай, существующий в системе различных форм и причин оголения. «*Утрачивая со временем магические функции, ритуальное оголение начинает ныне осмысляться как оскорбительный жест и вызывает реакцию отторжения или смеха*» [Б230, с. 16].

Итак, детский мунинг не всегда связан с описанными выше причинами. Довольно часто — он представляет собой взаимную демонстрацию детьми разного пола своих гениталий друг другу с познавательной целью. Однако взрослыми такое поведение детей обычно расценивается как непозволительное и по мере возможности табуируется.

Случаи детского мунинга чаще всего проявляются в дошкольном возрасте, например, в детском саду. Не вдаваясь в излишние подробности и детали, автор может свидетельствовать об этом, основываясь на собственных детских впечатлениях.

§ 4.2.7. Совместная утренняя физическая зарядка и демонстративные занятия спортом

Школьного общения с девочками явно не хватало. Поэтому совместная утренняя физическая зарядка за час до начала уроков была той отдушиной, когда в неформальной обстановке можно было пообщаться с одноклассницами. Обтягивающие трико, разминки, растяжки, попытки сесть на шпагат и качание пресса, ритмичное подрагивание груди у девушек во время пробежки или прыгания через скакалку, а также отсутствие контроля со стороны взрослых (как

это в свою очередь имело место на занятиях физкультуры) — все это было значительным стимулом для встреч и совместных занятий спортом.

И неизвестно, что тут было первичным, а что вторичным — занятия спортом и сопутствующее ему общение с девушками или наоборот, общение с девушками под предлогом утренней физической зарядки.

Подобная практика проведения совместных утренних зарядок обычно существовала непродолжительное время с сентября по октябрь и с апреля по июнь. Летние каникулы с одной стороны, а с другой — короткий зимний день с длинными и темными ночами вносили в этот процесс свои коррективы.

Кроме того, следует отметить, что такая практика межполового общения подростков не была характерной и типичной для всего СССР. По крайней мере, она существовала в Евпатории во вторую половину 70-х гг. прошлого века. К сожалению, у автора нет эмпирических данных о существовании чего-то подобного в других городах и регионах страны в тот период времени.

Кроме утренней физической зарядки возможность продемонстрировать свою спортивную подготовку и соответственно маскулинность предоставляли самостоятельные занятия на турнике. Нельзя сказать, что подобные упражнения были среди мальчиков — подростков повальным увлечением, но то, что определенная их часть активно использовала турник в качестве основного снаряда для самостоятельных занятий спортом, не вызывает сомнения.

Пример (261):

«*В 1978–1980 гг., во время моей учебы в 8–9 классах, мои одноклассники* (*и я в том числе*) *ходили на детскую площадку, расположенную рядом со школой. На ней было несколько самодельных турников, и мы разучивали на них различные упражнения. Время наших занятий — большая перемена и сразу после уроков. Причем после уроков на турники старались прибежать как можно быстрее, потому что мимо детской площадки должны были идти домой девочки из нашего класса. Именно поэтому, нам нужно было успеть заранее прибежать на детскую площадку, залезть на турник и в момент их появления с дикими криками начать выпендриваться, выполняя какое-нибудь упражнение. Так продолжалось не один год, но, только в теплое время года*» [А138].

Комментарий:

Неизвестно, какое впечатление мы производили на девочек, но мы сами получали от такого полусценического представления неизгладимое удовольствие, чувствуя себя мужественными, сильными и уверенными в себе. Вот только на большее нас не хватало. Может, стоило проводить девочек до дома и понести их портфель? Но на тот момент это было выше наших сил, и на такой подвиг никто из нас не отваживался.

Глава 4.3. Официальные мероприятия и детско-подростковый эротизм

§ 4.3.1. Попытки официального секс-просвета в школе

Несмотря на то, что сексуальное воспитание молодежи в нашей стране было пущено на самотек, некоторые попытки как-то повлиять на этот процесс и организовать его все же предпринимались. Но все проводимые мероприятия преследовали одну основную цель — профилактику добрачных половых связей, незапланированных беременностей и заболеваний, передающихся половым путем. Даже существовало такое устойчивое выражение «гигиена пола», которая рассматривалась как альтернатива сексуальному воспитанию.

Так, в начале 60-х годов в школьную программу был включен курс «Основы советской семьи и семейного воспитания». «*Но знания об этой сфере человеческой жизни… носили поверхностный характер, и никак не влияли на поведение подростков на практике. Поэтому уже 1965 году половое просвещение в школах было отменено*» [Б115]. Даже школьный курс «Анатомия человека», о котором мы говорили в одной из предыдущих глав, не решал проблемы.

Таким образом, 70-е гг. прошлого века — это период, когда реализация запретительно-ограничительных функций государства в сфере сексуального воспитания и регулирования межполовых отношений, достигла своего апогея. Практически полностью отсутствовала литература на эту тему, а любая информация о сексе и сексуальности в СМИ жестко табуировалась. Пристальной цензуре подвергалась культурная продукция из зарубежных стран, не говоря уже о нашей, отечественной. Государство делало выбор за своих граждан о том, что для них полезно, а что нет, и поясняло свои действия якобы заботой об их нравственности и здоровье. Сфера секса объявлялась закрытой и запретной. Любые намеки на ее существование и тем более публичность строго пресекались. И если для взрослых, в силу наличия у них определенного сексуального опыта данная тема уже не представляла особого интереса, то для подростков, вступающих в пубертатный период, она была наиболее значимой и актуальной. Но их ожидал полнейший вакуум информации, как со стороны государства, так и со стороны родителей, которые, в свою очередь, также родились и выросли в таком же информационно ограниченном пространстве, организованном государством.

Вот характерный пример (262) из воспоминаний блогера MAXILLA:

> «*Школа не отвечала ни на какие наши животрепещущие вопросы, и вообще жила на какой-то своей планете, которая находилась где-то далеко за пределами нашей солнечной системы. Онегин — лишний человек, чашелистики, жи-ши пиши через “и”, сабджанктив муд, муссоны-пассаты, диффузия и индуктивность… Что толку во всей этой белиберде, если ты не получаешь ответов на главные вопросы?!*» [Б296].

Только в 1982 году была принята специальная учебная программа «Этика и психология семейной жизни». Появился целый ряд учебных пособий [Б14; 82]. Но подчеркнем еще раз — в 70-е годы ничего подобного не было.

Единственной легальной формой секспросвета (если его так можно назвать) были лекции со старшеклассниками, которые проводили в средних школах врачи — венерологи. Но и они проводились нерегулярно и были малоинформативны. Их главной целью, повторимся, была профилактика венерических заболеваний, снижение числа абортов и незапланированных беременностей. Но ни о какой сексуальности и речи не было!

Вот еще характерный пример (263) из собственных воспоминаний автора:

«*На моей памяти за время учебы в школе со старшеклассниками была проведена одна единственная лекция, на которой рассказывали о половых взаимоотношениях взрослых. Причем лекция касалась не столько самих половых отношений и секса, сколько венерических заболеваний и их опасности для здоровья. Лектором был врач из кожно-венерического диспансера. Всех мальчиков — старшеклассников 8, 9, и 10 классов собрали в актовом зале и рассказывали про сифилис, гонорею и необходимость соблюдения половой гигиены. Содержание лекции я так и не запомнил. Она была краткой и в итоге свелась к одной фразе: "Какие будут вопросы?".*

А вот вопрос, заданный кем-то из продвинутых старшеклассников, мне запомнился. Он спросил, что такое твердый шанкр. Услышав этот вопрос, лектор оживился и долго объяснял, что это такое. Однако суть его объяснения была понятна, по всей видимости, только ему самому и задавшему вопрос подростку. Остальные так ничего и не поняли. Еще из объяснений лектора мне запомнилось, что в отличие от твердого, мягкий шанкр в СССР не встречается и это меня тогда очень сильно порадовало.

С девочками в это же время также была проведена отдельная лекция, но врачом женщиной. Самое интригующее заключалось в том, что нам мальчишкам, очень хотелось послушать о том, что там интересного рассказывают девочкам. Но это, как говорится, осталось за кадром» [А134].

Комментарий:

В принципе, эта лекция вполне вписывалась в рамки традиционно-консервативной культуры сексуального воспитания и просвещения, поскольку после такого публичного запугивания, сделанного посредством апеллирования к науке и медицине, наверное, предполагалось, что у нас, у подростков пропадет всякое желание к общению с девушками.

Интересно, что потом, после окончания этого «просветительного» мероприятия некоторые шести- и семиклассники приставали к старшеклассникам с просьбой рассказать им о том, что же там было интересного в актовом зале. Но от них просто отмахивались, потому что рассказывать-то в принципе было нечего. Однако это еще более распаляло младшеклассников, порождая у них убеждение в том, старшеклассники уже приобщились к тайному знанию взрослых. В их глазах светилась плохо скрываемая зависть и обида за то, что они там, в актовом зале не присутствовали.

Вместе с тем, нельзя не отметить и другую, противоположную точку зрения, которая утверждает, что «*в более широком смысле, 1960–1970-е годы вообще можно назвать временем сексуальной революции, конечно, не столь очевидной и заметной, как западная, и проходившей совершенно иначе*» [Б200].

Как всегда, истина лежит где-то посередине. Дело в том, что с точки зрения раскрепощения женщины и освобождения ее от уз домашнего рабства, весь послевоенный период, можно обозначить как своеобразную ползучую, вялотекущую сексуальную революцию. Но в сфере именно сексуального раскрепощения никаких подвижек не наблюдалось. Именно эта социальная политика власти, направленная на облегчение женского труда и изменение положения женщины в семье, как раз и явилась предпосылкой для кардинальных сексуальных изменений, которые начались в нашей стране вместе с началом

перестройки. Таким образом, сексуальная революция 80-х — 90-х годов в нашей стране возникла не на пустом месте. Исподволь, заранее, она была подготовлена самой властью. Не случиться она уже не могла.

§ 4.3.2. Занятия по физкультуре

Физкультура считалась одним из самых любимых предметов в школе. На этом уроке можно было посмотреть на девочек в трико или спортивных купальниках, а мальчикам продемонстрировать свою силу и ловкость.

Пример (264) из собственных воспоминаний автора:

Про тех девочек, которые не ходили на физкультуру, продвинутые одноклассники говорили, что у них менструация. Но что это такое, мало кто знал, а те, кто знал (а может только делал вид что знал) многозначительно молчали и усмехались [А114].

Физкультура обостряла сексуальные наклонности, которые у детей проявлялись по-разному и неодновременно.

Сексуальность, в сочетании с физкультурой проявлялась в первую очередь у девочек и только потом у мальчиков.

Пример (265) из собственных воспоминаний автора:

«*Переодевание в спортивную форму в начальных классах осуществлялось в одном помещении — школьном классе. Гендерное разделение при этом не предусматривалось. Стыда или неловкости не было. Спустя время, в классе во втором или третьем, некоторые девочки стали бегать переодеваться в… женский туалет, который располагался в непосредственной близости от учебной аудитории. Мода на такое переодевание постепенно стала захватывать все большее и большее число девочек*» [А82].

Комментарий:

Трудно сказать, чего здесь было больше — естественного стеснения, желания казаться взрослой или банального подражания более продвинутым подружкам.

В старших классах было распространено подсматривание и подглядывание в раздевалках (см.: Прим. 252).

Пример (266) из собственных воспоминаний автора:

Особой доблестью считалась публичная демонстрация своей решимости войти в раздевалку девочек в тот момент, когда они там переодевались. Такие попытки, естественно, девочками пресекались. Внешне это выглядело как веселая возня с толчками, пинками, криками и визгами [А121].

Комментарий:

Все это представляло собой своеобразную эротическую игру, в которой мальчики могли показать свою маскулинность и решимость, проявить свою доминантность, а девочки показать свою мнимую неуступчивость, потому что все их возмущения носили гипертрофированно преувеличенный, игровой характер.

Еще пример (267) из собственных воспоминаний автора:

«*Еще одним «мужским» подвигом считалось проникновение в раздевалку девочек во время их отсутствия, т. е., когда они были на занятии по физкультуре, чтобы посмотреть на*

их одежду, которую они носят под платьем. Это не всегда удавалось сделать, потому что, на страже там всегда сидела пара тройка "больных" девиц, т. е. тех, что страдали менструацией. Не все мальчишки понимали это, наивно полагая, что они действительно чем-то больны» [A112].

Примечание:

На определенном этапе взросления возникала ситуация, когда у одних девочек появлялись месячные кровотечения, а у других еще нет. Поэтому часто те девочки, которые не ходили на физкультуру по физиологическим ограничениям, позиционировали себя как состоявшиеся девушки. Так что, даже несмотря на отсутствие возможности публично продемонстрировать свои прелести в спортивной форме, они пытались показать свою нарождающуюся женственность таким, косвенным образом через освобождение от физкультуры. Естественно, что об истинных причинах их отсутствия на занятиях по физкультуре могли догадываться только продвинутые в сексуальном знании одноклассники.

§ 4.3.3. Дежурство по школе

Не смотря на внешнее отсутствие в этом повседневном мероприятии какого-либо эротизма, тайно, он все равно в нем присутствовал.

Пример (268) из собственных воспоминаний автора:

«*Дежурство на площадке между лестничными пролетами предоставляло мальчикам пикантную возможность заглядывать девочкам под юбки. Это было одним из самых выгодных и желанных мест дежурства для мальчиков, за которое стоило побороться*» [A123].

Комментарий:

1. Середина 70-х гг. ознаменовалась пиком моды на мини-юбки. В связи с этим, школьная форма девочек также подверглась соответствующей модернизации. Эффективно бороться с ней учителя так и не смогли.
2. Зная такую пикантную особенность этого места дежурства, девочки старались подниматься по лестнице боком, чем, естественно, резко сокращали возможности мальчиков заглянуть им под юбку. В результате у девочек постепенно вырабатывалась стойкая привычка ходить по лестнице исключительно бочком.

Кроме того, дежурство по школе предоставляло мальчикам легальную возможность демонстрации своей маскулинности.

Пример (269) из собственных воспоминаний автора:

«*Перед первым уроком, в вестибюле у входных дверей в школу, с двух сторон выстраивались дежурные. Они приветствовали входящих громкими криками: "Доброе утро!", "Не забываем здороваться!", "Шапку сними!.*

Причем не зависимо от того снимал ли входящий в школу шапку или нет, дежурные старались успеть отвесить ему подзатыльник еще до того как тот снимет свой головной убор. Зимой у младшеклассников шапки бывали туго завязаны под подбородком, и снять их в один прием было сложно. К вящей радости дежурных, такие малыши получали подзатыльников еще больше. Впрочем, они не были болезненными, скорее — демонстративными, так как у входа в школу вместе с дежурным классом всегда стоял дежурный учитель, следивший за порядком» [A99].

Комментарий:

Конечно, никакого эротизма в подобных действиях не было. Но попытка демонстрации своей маскулинности перед девочками-одноклассницами, несомненно, имела место быть.

Не смотря на пропаганду равенства полов, школьники спонтанно находили способы демонстрации своего гендерного статуса и разграничения ролевых обязанностей, обусловленных их физиологическим полом.

Вот еще характерный пример (270) из собственных воспоминаний автора:

> *Во время уроков, из дежурного класса обычно выделялось два уборщика, которые должны были сделать влажную уборку полов в школьном коридоре. С чем это было связано — то ли с распоряжением вышестоящего руководства, то ли с самодеятельностью и волюнтаризмом директора, то ли с отсутствием в штате работников технического персонала — я не знаю. Но факт остается фактом: на каждом уроке из дежурного класса отсутствовало два ученика, которые мыли полы.*
>
> *Не знаю, как это делали девочки, но мальчики обычно разбрызгивали по всему коридору воду из ведра, а потом размазывали ее шваброй по полу* [А110].

Комментарий:

> Убирать другим способом считалось зазорным и неподобающим для настоящих мужчин.

§ 4.3.4. Субботники, сбор макулатуры и металлолома

Субботники, сбор макулатуры или металлолома в бытность СССР были одной из разновидностей внеклассной воспитательной работы и способом приобщения школьников к общественно-полезному труду.

В принципе, ничего эротичного и сексуального в них никогда не было. Но вместе с тем, даже такие официально организованные мероприятия по возможности использовались подростками для демонстрации своей маскулинности и/или феминности, поскольку предполагали такие формы общения, которые не были связанные напрямую с учебой в школе.

Отсутствие жесткой временной регламентации в виде уроков, перемежающихся переменами, школьной формы, а также поощрение инициативы в рамках поставленных учителями во время субботника заданий, обуславливало заинтересованность подростков в участии в подобных мероприятиях.

Кроме того, большинство одноклассников обычно общались друг с другом исключительно в стенах школы, а круг дворовых товарищей, по их непосредственному месту жительства, чаще всего не совпадал и был совершенно другим. Именно поэтому, такие мероприятия давали возможность одноклассникам увидеть друг друга, если так можно выразиться, в неофициальной, непривычной обстановке — без школьной формы и вне учебного процесса. Естественно, что такая смена обстановки влияла на восприятие и отношение подростков друг к другу.

Во время субботников имело место гендерное разделение труда между всеми участниками трудового процесса. Оно осуществлялось по двум направлениям:

Во-первых, с точки зрения целесообразности его выполнения в физическом смысле. Более сложную и тяжелую работу выполняли мальчики, а более легкую — девочки. Например, перекопка газона, перенос каких-либо вещей и предметов из класса в класс, перестановка мебели или покраска парт, как правило, поручалась мальчикам. Девочки выполняли более легкую в физическом плане работу, например подметание, сбор опавшей листвы, мытье окон и т. д.

Во-вторых, с точки зрения традиционных представлений о гендерных ролях и их внутреннем наполнении. В большинстве случаев, гендерное разделение по видам выполняемых работ, совпадало с физическими возможностями мальчиков и девочек, но, с другой стороны, учителя отлично понимали, что попытка изменения традиционных гендерных установок и предпочтений может привести к некачественному выполнению порученного задания или вообще отказу от работы. И наоборот — соответствие порученной работы гендерным представлениям подростков о том, кто ее должен выполнять, добавляло энтузиазма, особенно в присутствии представительниц противоположного пола.

Что касается сбора макулатуры и металлолома, то здесь, по сравнению с субботниками, гендерные различия были менее выражены (особенно при сборе металлолома), но они все же имели место. Школьники отлично понимали несоответствие гендерных ролей содержанию работы, однако подобная смена позиций понималась всеми как временная и поэтому не влекла за собой серьезных репутационных издержек и, соответственно, вполне допускалась.

Таким образом, наряду с соблюдением гендерной ориентации при выполнении тех или иных видов работ, имела место и некая вариативность при выборе их исполнителя. Такое несоответствие было временным и в принципе рассматривалось как игра, которую в любой момент можно было остановить. Она не воспринималась как постоянная, обязательная практика повседневности.

Демонстрация подростками своей гендерной ориентации бывает хорошо видна на фотографиях, сделанных во время подобных мероприятий. В случае несоответствия вида работ гендерным представлениям, школьники старались не попадать в кадр, отказывались от участия в фотографировании или, в крайнем случае, показывали свое неудовольствие с помощью мимики и пантомимы.

Участие детей и подростков в подобных мероприятиях предоставляло им возможность посмотреть друг на друга в нестандартной, т. е. — во внеучебной обстановке. Естественно, что в таких условиях всем действиям участников коммуникации — их словам, мимике, пантомиме, одежде, оформлению внешности, приписывался несколько иной смысл. По крайней мере, для самих участников такой коммуникации она, выглядела непривычно, и уже этим самым была для них притягательна.

К сожалению, постепенно практика проведения субботников, сбора макулатуры и металлолома ушла в прошлое, но стремление к неформальному общению вне стен учебного заведения у подростков осталась. Как говорится, свято место пусто не бывает, и уже в XXI веке эту функцию постепенно стали выполнять новомодные объекты быстрого питания, хотя функционал этих заведений, конечно же нельзя сравнивать с функционалом рассмотренных выше внеклассных мероприятий. Общение, как таковое осталось, но вот цели, условия и обстоятельства этого общения изменились.

§ 4.3.5. Туристические походы

Школьные туристические походы давали возможность хоть как-то, хоть в какой-то мере посмотреть мальчикам и девочкам друг на друга не в официально-школьной, обстановке, а в ситуации близкой к домашней. Походная одежда

(это уже само по себе необычно), самостоятельное приготовление пищи, вечерние посиделки у костра, утренние умывания, постирушки, взаимовыручка и помощь в походе — все это было так непохоже, на привычную школьную или дворовую жизнь.

Туристический поход как процесс и явление делился на три этапа:

1. Подготовка к походу, которая осуществлялась самостоятельно, но под бдительным руководством взрослых — задействованных в походе учителей. В этот период важно было узнать — кто из одноклассников пойдет в поход, а кто нет. Многочисленные согласования с родителями, учителями, а еще обязательный учет личных хотелок типа «если он пойдет в поход, то я тогда не пойду» или «если она пойдет, то и я пойду» и т. д.

2. Сам поход, изобиловавший многочисленными приключениями локального характера.

3. Послепоходный период, который по своему накалу был не менее эмоционален, из-за совместных (и личных, сугубо интимных) воспоминаний.

Какой же сексуальный опыт давал поход?

Во-первых, это опыт гендерного разделения труда и демонстрации через это своей маскулинности/феминности.

Основным критерием гендерного разделения при производстве тех или иных видов работ в походе заключался в разной степени физической нагрузки и степени их сложности. Так, наиболее сложные в физическом или организационном плане работы выполнялись мальчиками. Поэтому к их обязанностям относилась — разбивка лагеря, установка палаток, заготовка дров и разжигание костра.

В обязанности девочек входили более привычные для них виды работ — приготовление пищи и организация ее приема [Б243].

Во-вторых, это взаимовыручка и демонстрация своей маскулинности мальчиками. Где еще, как не в походе, можно было ее продемонстрировать? [Б243].

В-третьих, это освобождение от условностей школьной формы и вообще от условностей повседневной городской одежды. Природа и отдых в туристическом походе, диктовали другие стандарты внешнего вида. Раскрепощенность в одежде оправдывалась самими условиями похода, т. е. ее якобы утилитарной необходимостью. Но за ней, за этой необходимостью скрывались явные элементы эротизма, выражавшиеся в оголении тех частей тела, которые не принято было демонстрировать не то что в городских условиях (т. е. в повседневной жизни), но даже и на уроках физкультуры в школе. Суть этого скрытого эротизма — подчеркивание своих маскулинных или феминных достоинств [Б243].

В-четвертых, это возможность отработки практик взрослого поведения, содержащих определенный эротический компонент предшествующий или сопутствующий сексу. Прежде всего, это касалось употребления спиртных напитков и табакокурения. Естественно, что это делалось втайне от руководителей похода, но, вместе с тем, демонстративно перед сверстниками (одноклассниками) [Б243].

В-пятых — это, конечно же, вечерние посиделки с кассетным магнитофоном и/или гитарой в руках. Сумерки, пламя костра прослушивание записей популярной музыки или пение под гитару — все это создавало интимную

обстановку, в которой можно было быть более открытым, откровенным, решиться выразить свои симпатии. Такая обстановка создавала предпосылки к более раскованному общению не только в вербальном, но и в тактильном смыслах [Б243].

Естественно, что воспоминания о походе, впоследствии отражались на взаимоотношениях подростков. Поход позволял не только приобрести новые впечатления и навыки общения, но и произвести некий мысленный отбор, ранжирование одноклассников, представить тех или иных из них в роли будущего мужа или жены, и сделать соответствующий (пока еще виртуальный) выбор. Другими словами, с одной стороны, во время туристического похода включались механизмы эротического воздействия на представителей противоположного пола, в первую очередь с помощью внешней привлекательности в условиях нестандартной, непривычной обстановки. А с другой, не менее важной стороны, имела место отработка элементов ролевого поведения взрослого и оценка его окружающими (т. е., такого «взрослого» поведения, каким оно представлялось самим подросткам) на предмет соответствия взрослости. И хотя такие ролевые ситуации возникающие в походе были фрагментарными и обрывочными, для того возраста, в котором пребывали подростки они были достаточными, чтобы домыслить себе все остальное и сделать некоторые выводы на будущее.

Глава 4.4. Специально организованные мероприятия с эротической составляющей

§ 4.4.1. Танцевальные вечера

«*Танец — есть древний живой язык. Без знания языка его, невозможно понимать и воспроизводить его. Однако если во всех устных языках существует понятие «языкового барьера», то языку танца барьеры не присущи — он постоянен и доступен большинству людей на бессознательном, инстинктивно-телесном уровне*» [Б87, с. 240]. То есть *«для того, чтобы показать свою любовь к чему-либо или кому-либо, поднять настроение, получить эмоциональную разгрузку, не обязательно пользоваться словами. Послание будет доставлено с большей выразительностью и силой движений тела. Первой древней формой общения людей был именно танец, такое общение является неотъемлемой частью нашего общества и сейчас*» [Б161].

Несомненно, что танец, как способ общения, несет в себе огромный коммуникативный потенциал, значение которого трудно переоценить. В некоторых случаях он оказывался единственным способом общения между людьми. «*Такие условия исторически складывались, например, в некоторых традиционных обществах Кавказа, где доминировала «бесконтактная» культура, регламентирующая и табуирующая возможные способы коммуникации между молодыми людьми*» [Б87, с. 240–241].

В истории многих народов можно обнаружить культурные традиции, предусматривающие выражение сексуальных намерений исключительно с помощью танцевальных движений. Например, обращаясь снова к культурно-историческим пространствам народов Северного Кавказа можно отметить, что «*вплоть до начала XX века общественные танцы оставались, по сути, единственным местом, где молодые люди могли общаться друг с другом без драматических последствий*» [Б87, с. 241].

Такое огромное значение танца в эротической культуре разных народов неслучайно. Как справедливо отмечают Р. Крукс и К. Баур, «*стимуляция различных участков кожи, вероятно, оказывается наиболее частым источником сексуального возбуждения у человека, нежели какие-либо другие сенсорные стимулы*» [Б138, с. 118]. А в танце как раз это и происходит. Поэтому сам по себе, танец можно воспринимать как способ преодоления существующих традиционных запретов на сексуальное общение.

Кроме того, нельзя упускать из виду и тот факт, что танец обладал высоким компенсаторным потенциалом, обеспечивающим стабильность общества, его защиту от половых преступлений и сексуальных аномалий, оставаясь «*единственно возможным способом самовыражения и выплеска «несанкционированных» эмоций*» [Б87, с. 241].

В СССР танцевальные вечера в 70-е гг. прошлого века были одной из основных форм сексуального, а точнее — предсексуального общения молодежи.

В системе сексуального воспитания, танцы выполняли важную роль половозрастных разграничений. В соответствии с возрастом их участников, танцевальные вечера можно разделить на три группы:

1. Танцы в пионерских лагерях и детских санаториях.

«*Единственным местом, где на танцы могли попасть даже самые младшие, был пионерский лагерь. С лагерными танцами было связано много каких-то неприличных мифов: что мальчики задирают юбки, что они подкарауливают после танцев девочек и как-то некультурно их лапают, что во время медленных танцев мальчики непременно лезут целоваться* (*ибо они поспорили со своими приятелями, что сумеют поцеловать девочку*) *и так далее*» [Б114].

Формально, такие танцевальные вечера представляли собой одну из разновидностей воспитательной работы, проводимой администрацией лагеря (санатория) с целью занять детей хоть чем-нибудь в вечернее время после ужина и до отбоя. Именно поэтому, взрослые относились к таким мероприятиям как к своеобразной форме досуга и развлечения. Здесь невозможно не согласиться с мнением Й. Хейзинга который считал, что танец «*это сама игра в полном смысле слова и притом в одной из ее самых чистых и совершенных форм… Танец — это особая и весьма совершенная форма самой игры как таковой*» [Б239, с. 159–160].

Дети, действительно воспринимали танцы как игру во взрослых. Здесь было больше смеха, смущений и заинтересованности, чем откровенной сексуальности. И хотя о некоей скрытой сексуальности, в виде неуклюжего выражения симпатий все же можно было говорить, все эти скрытые симпатии, в силу возраста танцующих, так и оставались в области детско-подростковых фантазий и грез.

2. Школьные танцевальные вечера.

Как правило, они организовывались администрацией школы для старшеклассников. Подростками они воспринимались уже не как игра, а как вполне осознанная практика сексуального общения с представителями противоположного пола. Однако взрослые (школьные учителя, представители родительского комитета и комитета комсомола школы) воспринимали школьные танцы все также — именно как игру, но, вместе с тем, игру важную и обязательную для детей на данном этапе их жизни. Именно поэтому у взрослых было понимание того, что такие мероприятия необходимы для воспитания сексуальности (хотя это слово никем из них тогда не упоминалось), но без непредсказуемых последствий.

3. Танцы в клубах, домах культуры и на открытых танцевальных площадках.

Их посетителями были вчерашние школьники, т. е. молодые люди, достигшие совершеннолетия. Исходя из этого, и взрослыми, и молодежью, такие танцы воспринимались как полноценная сексуальная практика с целью знакомства и организации межполовых отношений, т. е. варьировались в диапазоне от банального удовлетворения мимолетного полового инстинкта до поиска партнера для завязывания прочных отношений, т. е. — брака. Именно поэтому, одной из задач участников таких танцев была разгадка сексуальных

намерений партнера и в соответствии с этим — выстраивание дальнейшей линии поведения при общении с ним. Умение разгадывать такие намерения приходило с опытом.

Из всех трех перечисленных выше разновидностей танцевальных вечеров нас будут интересовать в первую очередь школьные танцевальные вечера (или, как их тогда кратко называли — «вечера»). Именно они, были одной из основных, официально дозволенных форм сексуального общения подростков друг с другом на этапе взросления (хотя повторимся, ни о какой сексуальности открыто тогда никем не говорилось). Скорее, это было общение юношей и девушек, организованное в неформальной обстановке, не отягощенной учебным процессом, его условностями и правилами и это, само по себе, создавало ощущение взрослости с сопутствующим ему легким налетом эротизма. По сути, вечера предполагали освоение подростками новых форм (моделей) поведения, традиционно практикуемых взрослыми в своей жизни, а именно:

а) Презентация самого себя и своего индивидуального образа, не связанного с учебой в школе.

Здесь большое значение имели невербальные формы воздействия (и, соответственно, восприятия), среди которых важное место занимали:

– одежда (должна была быть модной — см.: соответствующую главу),

– умение танцевать,

– умение вести себя «по-взрослому» (хотя это умение, каждый подросток понимал по-своему).

б) Выражение симпатии к кому либо, причем довольно часто, симпатии до этого момента долго и тщательно скрываемой.

Во время вечера возникала реальная возможность продемонстрировать эту симпатию и не быть за это подвергнутым обструкции, как со стороны сверстников своего пола, так и со стороны объекта вожделения. Наиболее ярко симпатии проявлялись в виде приглашения к танцу (на «медляк»).

в) Знакомство.

По мнению И. Милосердовой, «*танец выполняет свою социальную функцию, облегчая контакты и встречи*» [Б161], а обстановка вечера как раз и создавала необходимые условия для знакомства, поводом к которому было приглашение на медленный танец или «медляк».

г) Попытки ухаживания, которые выражались, прежде всего, в приглашении на танец, а затем в провожании девушки до дома.

Но могли быть и более смелые попытки ухаживания, такие, например, как предложение пойти вместе покурить или угостить девушку вином. Принятие или отвержение тех или иных форм ухаживания зависели от самой девушки — ее характера, степени раскрепощенности, уровня симпатии (или антипатии) к юноше. Ну а сама форма таких ухаживаний зависела от смелости и напористости юноши. Причем главным тут был именно выбор (а точнее — угадывание) адекватных форм ухаживания, которые, по мнению юноши, могли бы понравиться и быть принятыми девушкой.

д) Флирт, как одна из практик сексуального общения взрослых.

Сам по себе, флирт не связан конкретными обязательствами и предполагает возможность в любой момент прекратить отношения. Невербальная

(т. е. — тактильная) коммуникация, которая доминировала во время танцевальных вечеров, только способствовала усвоению различных приемов флирта. Во время флирта, «*благодаря большей неоднозначности, сигналы тела позволяют передать сексуальный интерес, не подвергаясь риску унижения в случае отказа*» [Б313]. Поэтому одной из задач участников вечера было овладение умениями отличать флирт от реальных попыток ухаживания.

е) Соперничество с конкурентами как явными, так и воображаемыми, потенциальными.

Итак, все перечисленные модели (формы) поведения по своему внутреннему содержанию были присущи исключительно взрослому миру и не характерны для мира детства.

Однако зачатки всех этих моделей (форм) можно наблюдать у детей, в их повседневном общении друг с другом (т. е. — не во время танцев). В подавляющем большинстве случаев они не являлись самодостаточными и всегда включались в более широкий игровой контекст или, по крайней мере, маскировались им.

Отличие между игровым поведением, имитирующим взрослые формы межполового общения и поведением подростков на школьном вечере заключалось также в том, что подростки принимали на себя новые для них социальные роли, ассоциируя себя со взрослыми. Другими словами, если внешне, со стороны взрослых (учителей, представителей администрации школы, родительского комитета и т. д.) поведение школьников во время вечера напоминало неуклюжую игру во взрослых, то сами подростки это игрой уже не считали.

Таким образом, школьные вечера выполняли важную функцию сексуального воспитания подростков обоего пола, поскольку в упрощенной и даже примитивной форме, на вечерах школьники обретали первичные знания об этикете межполовых отношений и способах межполовой коммуникации в неформальной обстановке. Вечера давали возможность получить новые ощущения (осязательные, тактильные, кинестезические, статические), такие, какие нельзя было получить во время обычного общения в школе между мальчиками и девочками, а сама обстановка вечера создавала необходимые условия для новых вербальных отношений, не связанных с учебой, и не ограниченных условностями учебной деятельности. Для подростков овладение таким опытом было очень важным. Ну а надзирающие взрослые, старались оградить подростков от возможных ошибок и непродуманных действий, поскольку освоение перечисленных выше ролевых практик осуществлялось подростками без оглядки на старших, самостоятельно, на свой страх и риск, потому что реализовывались ими впервые и границы дозволенного — недозволенного, допустимого — недопустимого у них были смазанными, размытыми. Именно поэтому, несмотря на статус неформального мероприятия, школьные вечера организовывались подростками с помощью и под руководством взрослых, и проводилось под их непосредственным контролем.

Первые танцевальные вечера в советских школах разрешалось проводить с восьмого класса. Когда я учился в седьмом классе, мы с завистью смотрели на старшеклассников, потому что они уже доросли до своего первого танцевального вечера. Этому было несколько объяснений.

Во-первых, восьмой класс был выпускным. После его окончания часть школьников поступала в ПТУ и техникумы, поэтому восьмиклассников, можно было считать почти взрослыми.

Во-вторых, восьмиклассники, это подростки 14-ти летнего возраста. А это возраст уже не детства, а юношества, со всеми вытекающими отсюда последствиями, связанными с пубертатным периодом.

В-третьих, в конце седьмого — в восьмом классах многие школьники вступали в комсомол, поэтому организация таких танцевальных вечеров приобретала некую идеологически правильную окраску. Вступаешь в комсомол — ходи на вечера. Хотя в реальности, соблюдение этого требования было достаточно условным.

Ну и в-четвертых, где как не на танцевальном вечере можно было показать себя не в надоевшей школьной форме, а в современной модной одежде.

Одной из главных проблем, которая возникала при организации танцевальных вечеров, была проблема музыкального сопровождения. В 60-е и начале 70-х гг. прошлого века она решалась несколькими способами:

1. Путем приглашения ВИА (вокально-инструментального ансамбля) со стороны. Для этого членам родительского комитета или самим школьникам приходилось собирать деньги для оплаты музыкантам.

2. В школе был свой собственный, так сказать, доморощенный ансамбль. Надо отметить, что в 70-е годы подобные ансамбли существовали во многих школах, ПТУ и техникумах. Это было модно (Интернет [Б220; Б250).

Особенно остро для самодеятельных школьных ансамблей стояла проблема репертуара. Он должен был отвечать двум взаимоисключающим требованиям: с одной стороны быть модным и популярным у молодежи, а с другой, получить одобрение официальных структур — директора школы, завуча, комитета комсомола, родительского комитета. Оба эти требования не всегда удавалось объединить и согласовать друг с другом. Если говорить упрощенно, то молодежь ориентировалась, в первую очередь, на новинки зарубежной эстрады, а официальные структуры — на отечественных исполнителей [Б89; Б211; Б212; Б213; Б250].

Со второй половины 70-х гг. мода на ВИА постепенно стала уходить в прошлое. Появились дискотеки, и проблема музыкального сопровождения на танцевальных вечерах перестала быть актуальной. Но возникла другая — необходимость визуального сопровождения данного культурного мероприятия. Дискотека предъявляла повышенные требования к световым эффектам — светомузыке, зеркальным шарам, стробоскопам, демонстрации слайдов.

Конец 70-х гг. прошлого века — стал бумом на светомузыку. В основном, светомузыкальные устройства делали сами, благо, что во многих журналах («Моделист-конструктор», «Юный техник», «Радио» и др.) часто публиковались схемы подобных устройств и инструкции по их изготовлению [Б245; Б246].

К светомузыке обычно добавляли стробоскоп из кабинета физики (естественно, с разрешения учителя) и оклеенный кусочками зеркала детский мячик, который подвешивали к потолку за веревочку, чтобы пускать в полутемный зал «зайчиков».

Танцы делились на быстрые и медленные.

Быстрые танцы чаще всего танцевали по-отдельности, группами: юноши сами по себе, а девушки сами по себе. Во время танца образовывался кружок танцующих, объединенных по гендерному признаку. Таких кружков могло быть не два, а несколько — по числу классов или групп друзей или подруг. То есть быстрый танец, как правило, предполагал гендерное разделение танцующих [Б97, Б148].

Медленные танцы — это танцы с девушкой в обнимку. «*В 1970-х приглашение на медленный танец, или на "медляк", показывало степень симпатии. Это и считалось, собственно, тем самым "танцем-обжиманцем". Танцевать "медляк", да еще и в дискотечном полумраке — это и была та разрешенная степень свободы отношений. Поэтому хождение на танцы считалось приличным лишь с определенного возраста*» [Б114].

Бывало и так, что с началом медленного танца зал частично пустел, потому что не все юноши отваживались пригласить девушку на танец. Многие выходили из зала, чтобы за углом перекурить или даже хлебнуть дешевого портвейна.

Более решительными были старшеклассники.

Сам танец представлял собой медленное раскачивание обнявшихся пар из стороны в сторону с одновременным движением по кругу.

По сути, медленный танец был единственной легальной возможностью подержаться за девушку в районе талии. Танец давал возможность испытать совершенно другие ощущения, которые по времени ограничивались лишь длительностью танца. Именно поэтому, они не были похожи на мимолетные, кратковременные «приставалки» и «зажимания» с грубым лапаньем в школьном коридоре или гардеробе во время перемен [Б250; Б222].

Приглашать на танец должен был молодой человек. Но в 70-е гг. XX в. в моде были и так называемые «белые танцы», когда наоборот — девушка могла пригласить на танец понравившегося молодого человека. Один-два белых танца за вечер в репертуаре ВИА были обязательными. Иногда возникали комичные ситуации, когда при объявлении белого танца группы подростков наперегонки стремились покинуть танцевальный зал, дабы не быть приглашенными какой-нибудь несимпатичной, по их мнению, или непопулярной в подростковых кругах девушкой. Порой такое бегство приобретало значительные масштабы со смешками и наигранной имитацией паники. Так что «белый танец» вызывал смущение не только у девушек, но и у юношей. Кроме того, белый танец использовался как пауза, чтобы пойти покурить где-нибудь там, за углом школы (как вариант — в мужском туалете) и/или хлебнуть там же дешевого портвейна.

Отдельно стоит сказать об употреблении спиртного.

Вот характерный пример (271) — воспоминание, относящееся к 1982–1983 гг. прошлого века:

«*Любой залет с алкоголем карался жестко. Разбирали и по комсомольской и по административной линии. Так что на школьных дискотеках мы шифровались. И потом у администрации школы был железный рычаг давления, если случался залет с алкоголем — в зале включался свет и дискотека прекращалась. А этого никто не хотел. Так что, конечно, выпивали. Но чуть-чуть и очень осторожно*» [Б62].

Постепенно вечер перерастал в свою неформальную часть с провожанием одноклассниц до дома (прям как взрослые), а иногда и дракой.

Пример (272):

«*Существовала практика коллективных драк, как на самих танцах, так и после них. Очень часто дрались "местные"* (*скажем, деревенские*) *с "чужими"* (*с городскими студентами, пригнанными "на картошку"*). *Причина могла быть самой банальной — не поделили девочек. Дрались на дискотеках и в связи с принадлежностью к той или иной молодежной группировке*» [Б114].

Но реальная причина драк, была все же в другом — в стремлении некоторых подростков компенсировать свою нерешительность в отношении понравившейся девушки устранением потенциальных соперников с помощью банального мордобоя. Эту ситуацию можно сравнить с известной Эзоповской басней о собаке на сене. В данной ситуации роль этой самой собаки исполнял вот такой нерешительный подросток. Смущение в отношении понравившейся девушки с одной стороны, а с другой — фетишизация ее виртуального образа в воображении подростка, создавали иллюзию ее собственности, полной принадлежности, а раз так, то она требовала защиты от посягательств конкурентов со стороны, как явных, так и мнимых, воображаемых. Причем сам объект вожделения мог даже не догадываться об этом.

Еще одной причиной драк было стремление продемонстрировать свою маскулинность. Причем такая демонстрация была важна скорее самому молодому человеку, нежели девушкам, поскольку поднимала его авторитет в первую очередь среди сверстников своего пола и в своих собственных глазах, а не у девушек.

Итак, отношение подростков к школьным вечерам было различным. На одном полюсе были смущение, волнение, стеснение и даже безразличие (как у моего двоюродного брата — см.: Прим. 273, 274, 275), а на другом — преодоление своей нерешительности. Каждый подросток балансировал между этими двумя полярностями, вырабатывая свою собственную, сугубо индивидуальную линию поведения не столько по отношению к данному мероприятию, сколько по отношению к девушкам, общению с ними.

В качестве примера хочется привести несколько фрагментов касающихся школьных вечеров из детских, а затем подростковых и юношеских писем моего двоюродного брата.

За пятнадцатилетний период его жизни, начиная с 9-ти летнего возраста и до 25 лет, я получил от него 86 писем (первое письмо — от 12.02.1973 г., а последнее письмо — от 18.12.1988). Число писем, в которых могло бы иметь место упоминание танцевальных вечеров сначала в школе, а затем в военном училище (после окончания школы брат туда поступил), составляет всего тридцать, начиная с письма № 50 от 13.09.1977 (начало учебы в 8 классе) и до письма № 81 от 14.03.1984, когда на 4 курсе военного училища вечера уже не проводились. Упоминания о совместных молодежных вечерах — вначале школьных, а затем училищных имеются только в шести его письмах, что составляет 20 % от всех писем, относящихся к «танцевальному» периоду его молодости (N = 30).

Пример первый (273) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 14-летнем возрасте, и адресованном мне из Севастополя от 27.10.1977 г.:

«*Здравствуй Андрей!*
Пишу тебе письмо от 27.10–1977 г.
...
У нас 29.10–1977 намечается комсомольский вечер. Я даже не знаю, идти мне туда или нет. Как ты думаешь» [А57].

Комментарий:

Скорее всего, мой брат писал о первом в его жизни танцевальном вечере в школе. Вопрос брата о том идти ли ему на вечер или нет, я тогда оставил без внимания и не ответил на него, хотя, по всей видимости, он был для него важным.

Впрочем, мой ответ, скорее всего не поспел бы к сроку.

Пример второй (274) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 14-летнем возрасте, и адресованном мне из Севастополя от 23.12.1977 г.:

«*Здравствуй, Андрей!*
Пишу тебе письмо от 23.12–1977 г. Погода у нас ничего.
...
У нас новогодний вечер в школе будет 29 или 30 декабря. Но я на него не пойду, дел много. Сейчас мы в школе пишем много сочинений. У меня в школе дела идут нормально» [А59].

Комментарий:

Брат пишет о том, что у них в школе будет танцевальный вечер и, как всегда, заявляет, что он на него не пойдет. Я думаю, что брат написал мне о предстоящем вечере в надежде на то, что я буду уговаривать на него пойти. К сожалению, в то время я этого не сделал, посчитав его решение не ходить на вечер окончательным и не подлежащим обсуждению.

Пример третий (275) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 15-летнем возрасте, и адресованном мне из Севастополя от 27.10.1978 г.:

«*Здравствуй, Андрей!*
Пишу тебе 27.10–1978 г. Погода у нас не очень хорошая. Поздравляю тебя с праздником ВЛКСМ. Желаю тебе самого хорошего.
...
У нас рядом со школой есть воинская морская часть. Мы ходили туда. У них там есть клуб. Сначала там толкали речи, а потом играл ансамбль из ихней части "Девятый вал". Они очень хорошо поют. Прям закачаешься. Их пригласили в школу 3.11.1978 на вечер. Я на него не пойду, у меня дел до черта» [А60].

Комментарий:

По всей видимости, этот вечер в воинской части был посвящен именно Дню ВЛКСМ (29 октября). Поэтому-то брат и поздравил меня с этим праздником. Иначе, полагаю, он бы о нем и не вспомнил. Сам я тоже никого и никогда не поздравлял с Днем ВЛКСМ.

Брат был «заточен» на учебу, понимая, что от успешного окончания школы зависит его поступление в ВУЗ. И хотя он не был отличником, он все равно, всеми силами старался хорошо учиться.

Пример четвертый (276) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 17-летнем возрасте, и адресованном мне уже из Харькова (т. е., в статусе курсанта первого курса военного училища) от 16.03.1981 г.:

«*Здравствуй Андрюша!*
Пишу тебе письмо от 16.03.1981 г.
…
На 23 февраля нас водили в какой-то дом культуры на митинг, посвященный Дню Советской армии. Потом там танцы устроили. Приходили одни старухи по лет 20–25. Не интересно вечер прошел» [А61].

Комментарий:

Классно звучит: «*Приходили одни старухи по лет 20–25».* Впрочем, мой брат прав, ведь в то время ему, только недавно, в сентябре 1980 г. исполнилось 17 лет. То есть на момент поступления в военное училище ему было еще шестнадцать!

Пример пятый (277) — фрагмент письма моего двоюродного брата, написанного им в 18-летнем возрасте, и адресованном мне из Харькова (уже в статусе курсанта второго курса военного училища) от 10.03.1982 г.:

«*Здравствуй Андрюша!*
Пишу тебе от 10.03.1982.
…
Недавно у нас был вечер с каким-то техникумом.
Каждый сбросился по 5 рублей. В общем он не плохо прошел. С нашей стороны была музыка, с ихней — стол. Наелись там отменно. Из всех четырех вечеров, который мы организовывали, это был самый лучший» [А62].

Комментарий:

За три семестра, которые мой брат прослужил и проучился в военном училище, у них было четыре вечера (по крайней мере о четырех я знаю из его писем).

Вечер в военном училище — это такое увеселительное мероприятие, на которое приглашались девушки. Чаще всего вечер проводили совместно с каким-либо учебным заведением преимущественно женского профиля. Например, это могло быть медицинское, швейное или кулинарное училище и т. д. Вечер предусматривал сладкий стол и танцы. Само собой, что спиртные напитки были категорически запрещены, но их все равно тайком проносили. Однако это не было нормой, скорее — исключением, потому что в случае чего, последствия для курсанта могли быть катастрофическими, вплоть до исключения из училища и отправки в войска.

Вообще, у курсантов первого курса в основном преобладали пищевые рефлексы. В совокупности с жестким распорядком дня и интенсивной физической подготовкой они заглушали любые сексуальные влечения. А вот ближе к старшим курсам, ситуация в корне менялась. Есть хотелось все меньше, а девушки привлекали все больше. Так что слова брата о том, что он с друзьями во время вечера «*наелись там отменно*» свидетельствуют о том, что это и было для них главным.

§ 4.4.2. Мужские и женские праздники

Праздники 23 февраля — «День Советской Армии и Военно-Морского Флота» и 8 марта — «Международный женский день», представляли собой обязательные гендерно-ориентированное мероприятия. Их организация в школе была предельно ритуализирована, хотя в сравнении с другими советскими праздниками, степень этой ритуалистики, заорганизованности и официоза была минимальной. Это объяснялось в первую очередь тем, что

официальная часть этих праздников всегда подразумевала наличие некоей неофициальной составляющей, представляющей для школьников личный интерес.

Кроме того, само учительское сообщество также активно отмечало эти праздники, внося в их организацию и проведение элемент душевной теплоты и раскрепощенности.

В самом общем виде, празднование этих дат сопровождалось дарением подарков. Это были первые легальные способы демонстрации своего отношения к представителям противоположного пола. Эти праздники давали возможность продемонстрировать свои симпатии в одобряемой подростковым сообществом форме и при этом не быть осмеянным со стороны своих, и униженным или отвергнутым со стороны объекта вожделения.

Самым важным здесь было то, что социальное наполнение этих праздников полностью совпадало с тайными желаниями и устремлениями подростков на легальное и открытое (без насмешек) выражение своего отношения к объекту симпатии и возможности его публичной демонстрации.

Но, вместе с тем, все эти дозволенные, неформальные (для школы) практики межполового общения были кратковременными и, в конечном счете, не способствовали усвоению мальчиками и девочками в полном объеме социальных ролей взрослых мужчины или женщины в ситуации ухаживания. За столь короткий срок (всего один день) просто невозможно было усвоить все функции социальной роли влюбленного. Но этого и не требовалось, поскольку с одной стороны, руководство школы не было особо заинтересовано в неформальном сближении учащихся, а с другой, в качестве первого пробного шага подобных взрослых отношений, такого ограниченного опыта в принципе было вполне достаточно.

Пример (278):

«*Мой первый подарок на 23 февраля я получил во втором классе* (*1971 г.*) *от девочки, с которой сидел за одной партой. Она это сделала тайно, положив мне в парту набор цветных открыток. Я, было, подумал, что этот набор остался от кого-то из учеников предыдущего класса* (*мы учились в две смены*) *и поднял руку, чтобы сообщить учительнице о находке. Но девочка меня одернула и шепотом возмущенно сказала: "Это тебе!".*

Спустя две недели я точно также тайно подарил ей уже свой подарок» [А83].

Глава 4.5. Нетипичные половые отношения в детско-подростковом возрасте были ли они или нет?

Проблема нетипичных половых отношений, точнее отношения к ней социума зависит от огромного числа факторов — исторической эпохи, социально-экономического строя, религиозных установок, социальных норм, предписаний, традиций, обычаев и т. д.

«В первых пяти книгах Ветхого Завета, в которых содержатся правила сексуального поведения адюльтер запрещен (*об этом гласит одна из Десяти заповедей*)*, а гомосексуализм строго осуждается*» [Б55][25].

Но в Древней Греции (т. е. в дохристианскую эпоху), к некоторым формам мужской гомосексуальности относились не только терпимо, но и восторженно: «*сексуальные отношения между взрослым мужчиной и мальчиком, достигшим половой зрелости, были широко распространены и обычно сопровождались заботой старшего о нравственном и интеллектуальном развитии юноши*» [Б271; Б289; Б308][26], т. е. они регламентировались силой закона и традиции. «*Если, однако, эти отношения ограничивались только сексом, они не одобрялись, так же как и гомосексуальная связь между взрослыми мужчинами. А гомосексуальные контакты между взрослыми мужчинами и мальчиками, не достигшими половой зрелости, были запрещены законом*» [Б157, с. 8].

«*Негативное отношение к гомосексуальности, проистекавшее из религиозных убеждений, преобладало в западном мире до тех пор, пока в XVIII и XIX вв. этой проблемой не заинтересовались медики*» [Б270][27].

По сути, до середины XX века феномен гомосексуализма в странах Запада, в большинстве случаев вызывал резко отрицательное отношение. Гомосексуальность описывали, как нечто отвратительное, мерзкое и непристойное. Кстати, такое же отношение к гомосексуальности было тогда и в нашей стране.

Спустя каких-то 50 лет, отношение к гомосексуальности на Западе коренным образом изменилось. Этот процесс был не одномоментным, но длительным. Закономерным его итогом стало решение в 1974 году Американской ассоциации психиатров исключить гомосексуализм из перечня психических расстройств [Б157, с. 17][28].

Таким образом, следует признать, что в современном обществе оценка гомосексуальности, как одной из форм полового поведения, варьируется особенно широко — от нормативного запрета, выражающегося в уголовном преследовании и признании гомосексуализма формой психической аномалии, до эпатажной бравады и публичного поощрения, т. е. как это сейчас модно говорить — толерантного отношения к подобного рода связям.

---

[25] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 17.

[26] Там же. С. 8.

[27] Там же. С. 382.

[28] Там же. С. 17.

Если почитать И. Кона, то гомосексуализм в Стране Советов был [Б130; 130]. Но наше повествование касается не столько вопроса, был он или не был, сколько того — как он воспринимался детьми и подростками.

Гомосексуальные контакты представлялись детям и подросткам 70-х чем-то аномальным, грязным и предосудительным, а само слово «3,14дорас», служащее в просторечии для обозначения гомосексуалистов, являло собой, видоизмененный термин «педераст» и в разговорной речи использовалось исключительно как ругательство.

Примечание:

Правды ради следует отметить, что в древности этим словом обозначали любовные или сексуальные отношения между взрослым мужчиной и мальчиком, поскольку с древнегреческого педерастия так и переводится — «любовь к мальчикам».

Среди взрослых это слово и сейчас используется как ругательное (наравне с такими словами как «гомик», «гомосек», «голубой»), что наглядно иллюстрирует отношение общества к данному явлению как к аномалии сексуального поведения.

Такое отношение к гомосексуализму базировалось на социальном неприятии и неприемлемости выполнения лицами мужского пола практик полового поведения, свойственных другому полу (пассивный гомосексуализм) или существенных отклонений в реализации таких практик, присущих своему полу (активный гомосексуализм).

Но с другой стороны можно попытаться нащупать связь между гомосексуальной формой поведения с одной стороны и игровой деятельностью ребенка с другой.

Прежде всего, эта связь неявно и пунктирно прослеживается в смене гендерных ролей во время игры. Такая смена имеет место не только у детей, но и у животных. Российский биолог и этолог В. Дольник утверждает: «*Для игр обязательна смена ролей. Сначала один изображает хищника, а другой — жертву, потом — наоборот. Молодой самец выполняет ритуалы то самца, то самки, самка выполняет ритуалы самца. Молодая особь проверяет не только те действия, которые ей всерьез предстоит производить в будущем, но и те, которые будет выполнять, объект охоты или враг*» [Б90, с. 85].

У детей, смена ролей во время игры — достаточно распространенное явление. Вспомним хотя бы игры в «дочки-матери» или «доктора и пациента», когда половое соответствие между игровым персонажем и самим игроком не особо значимо для играющих. Более важным становится набор ролей (его полнота), нужных для начала игры, а кто их будет выполнять — вопрос второй. По сути дела, распределение ролей в предстоящей игре это уже и есть сама игра.

То есть изначально, в игре не существовало запрета на смену ролей, какие бы они (эти роли) ни были. Смена ролей — это интересно, это обретение нового социального опыта. Запреты и ограничения появляются позже, по мере взросления, а точнее — по мере полового созревания и обретения элементарных, первичных знаний о межполовых отношениях взрослых.

Таким образом, для человека, как и для животного, возможность смены ролей в игре оказывается такой же важной, поскольку «*в играх партнеры*

меняются ролями, осваивая не только свое поведение, но и поведение партнера» [Б90, с. 138].

Но для одних (подавляющего большинства), подобная смена ролей почему-то остается познавательным примером, важным социальным опытом, изучением поведения другого с позиции другого (т. е. противоположного пола), а для других постепенно становится стандартом и желанной нормой повседневного поведения.

Подчеркнем, что из всего вышесказанного вовсе не следует вывод о том, что пристрастие к играм в роли представителя противоположного пола может сместить гендерную направленность в процессе социализации ребенка. Наоборот, разнообразие принятия ребенком различных ролей во время игр, в том числе и гендерно противоположных, обогащает ребенка, помогает ему постичь функции и особенности выполнения даже таких ролей, которые он в своей жизни никогда выполнять не будет и/или не сможет в силу биологических ограничений.

Итак, о существовании гомосексуализма как явления в 70-х гг. XX в. дети и подростки впервые узнавали именно через слово «3,14дорас», поскольку его использование в речевой практике предполагало знание того, что оно означает, а это, соответственно, порождало много вопросов, на которые надо было получить ответы. Взрослые, естественно, ответить на них не могли, поэтому разъяснение поступало от более сведущих сверстников. То есть информация о гомосексуализме, по сути, постоянно воспроизводилась и крутилась в одной и той же возрастной когорте, естественно с уже заранее заложенными в нее оценочными характеристиками отрицательной коннотации.

Знакомство детей и подростков с данной, очень специфической сферой сексуальных взаимоотношений, не ограничивалось только одним этим словом. О существовании и распространенности этого явления можно было судить по надписям в мужских туалетах, изобилующих предложениями и/или пожеланиями гомосексуального контакта.

Например (279):

– «*Даю в ж… буду в субботу с… по …*».
– «*Дам в очко прямо здесь*».
– «*Пассив ищет хозяина с местом*» *и т. д. и т. п.*

Примечание:

Данные образцы надписей взяты из личной коллекции автора.

Комментарий:

Согласимся, что большинству читателей, подобные «объявления» неприятно читать даже в виде примеров. Если они шокируют нас, взрослых, то, что же можно говорить о читающих их детях и подростках?

Подобные надписи можно было обнаружить во многих туалетах Советского Союза: от Калининграда до Петропавловска-Камчатского и от Амдермы до Кушки. Причем, почему-то, чаще всего их можно было увидеть в привокзальных туалетах и туалетах курортных городов.

В условиях отсутствия Интернета такой способ коммуникации для гомосексуалистов был наиболее безопасным. Он сразу отсеивал незаинтересованных в этом виде сексуальных услуг потребителей, а заинтересованным сообщал ценные сведения относительно будущего места и времени встречи, или даже реальный номер телефона для обсуждения условий совместного интимного времяпрепровождения. Такие антисанитарные условия для налаживания коммуникации (и даже самих гомосексуальных контактов) становились единственной реальной возможностью для советских гомосексуалистов по удовлетворению своих пристрастий и при этом не попасть под соответствующую статью уголовного кодекса, ведь гомосексуализм в СССР был уголовно наказуемым деянием.

Примечание:

Уголовная ответственность за мужеложство существовала в УК РСФСР с 1926 г. (ст. 154а) [Б3, Ст. 154а], а затем в УК РСФСР от 07 марта 1934 г. (ст. 121) и просуществовала вплоть до 3 июня 1993 г.:

«*Половое сношение мужчины с мужчиной* (*мужеложство*) *наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.*

Мужеложство, совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, наказывается лишением свободы на срок до восьми лет» [Б2, Ст. 121].

Естественно, что дети и подростки все это читали и, хотим мы этого или нет, осознавали, что такие взаимоотношения между людьми, в принципе возможны и существуют в реальности. Так что подобные надписи в туалетах выполняли не только информационную функцию, но и функцию просвещения и даже пропаганды подобных сексуальных контактов.

Отношение детей к гомосексуальности не исчерпывалось мнением общества, выраженном в ругательстве «3,14дорас» и туалетной эпиграфикой. Отдельного внимания заслуживает вопрос о причинах возникновения и распространения детского гомосексуализма.

Так, «*исследования Кинзи показали, что многие мужчины в подростковом возрасте по меньшей мере однажды вступают в гомосексуальные отношения*» [157, с. 223][29].

По мнению У. Мастерса «*отдельные случаи сексуального общения между подростками одного пола необязательно перерастают в "гомосексуализм". Большинство подростков, вовлекавшихся в такого рода контакты, не считают себя гомосексуалами и, становясь взрослыми, не приобретают гомосексуальной ориентации*» [157, с. 223].

Если мнение о том, что гомосексуализм (или, по крайней мере, склонность к нему) — это не половое извращение, а сексуально-индивидуальная особенность личности, обусловленная генетическими факторами, то в детско-подростковой

[29] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 223.

среде попытки гомосексуальных контактов, скорее всего, имели совершенно другие причины. Заключались они, по всей видимости, в следующем:

Во-первых, в сексуальной недоступности, отдаленности девочек — девушек, отсутствии практики и опыта межполового общения с ними и, соответственно, трудностях, организации с ними половых контактов.

Во-вторых, сами попытки гомосексуальных контактов представляли собой банальное копирование детьми и подростками половых отношений взрослых, в которых роль партнера противоположного пола выполнял представитель своего пола, а не противоположного.

Такие контакты и гомосексуальными-то назвать затруднительно. Все дело в том, что мальчики были ближе друг к другу, и им было проще наладить между собой коммуникацию по обмену информацией об интимных взаимоотношениях взрослых, в том числе и о гомосексуальных контактах. Соответственно такие обсуждения легче и быстрее могли перерасти в пробный гомосексуальный половой акт, который, подчеркнем, носил познавательный характер, а не болезненно-эротическое стремление к представителям своего пола.

В-третьих, партнер своего пола представлялся более желанным объектом для реализации своих собственных эротических фантазий, но не с точки зрения восприятия его как предмета сексуального вожделения, а с точки зрения большей доступности (по сравнению с представительницами противоположного пола) как для вербального обсуждения таких проблем, так и для получения согласия на гомосексуальный контакт. Другими словами, представитель своего пола выглядел более подходящим партнером для полового контакта (особенно первого в жизни), поскольку в случае отказа, разговор всегда можно было свести к шутке, и тем самым избежать ярлыка извращенца. Отказ представительницы противоположного пола от гетеросексуального контакта представлялся более сильным ударом по самолюбию.

В-четвертых, в стремлении к познанию всей сферы половых отношений во всем их возможном многообразии, т. е. в банальном интересе.

В результате первый гомосексуальный контакт, в большинстве случаев являл собой копирование полового поведения взрослых, подчеркнем — именно гетеросексуального поведения, когда роль партнера противоположного пола добровольно брал на себя один из подростков.

Подобные отношения для мальчиков представлялись более доступными, нежели сексуальные контакты с представительницами противоположного пола. Они не несли никакой дополнительной психоэмоциональной нагрузки, возникающей по поводу возможных последствий в виде нежелательной беременности, венерических заболеваний или формирования психоэмоциональной травмы (и имиджа) сексуального неудачника в случае отказа в гетеросексуальной связи.

В свою очередь психоэмоциональные издержки мальчика-подростка в ситуации отказа в реализации гомосексуальной связи, были намного ниже, чем при попытке реализации им гетеросексуального контакта или даже банального ухаживания. Опираясь на дружеские или приятельские отношения с товарищами по играм или с одноклассниками, такие сексуальные эксперименты можно было проще реализовать на практике.

К этому следует добавить, что в некоторых случаях требование и/или реализация гомосексуального контакта могло представляться в виде некоего

акта пресыщения, который, по идее, должен был свидетельствовать, что впечатлений от обычных гетеросексуальных связей уже недостаточно. Именно поэтому попытки гомосексуальных контактов, или по крайней мере вербальное заявление об их желательности, в некоторых случаях могло даже повысить сексуальный статус подростка в кругу сверстников. Но в подавляющем большинстве случаев, смею утверждать, что подобные предложения не выходили за рамки простого вербального озвучивания и/или шуток.

Таким образом, детский и подростковый гомосексуализм оставался в пределах первых сексуальных опытов, обусловленных относительной доступностью партнера, отсутствием каких-либо моральных и этических обязательств перед ним и глубокого чувства к нему.

Так что гомосексуальный контакт хоть и считался чем-то запретным, но, вместе с тем, в детско-подростковой среде был более реальным в качестве первого сексуального опыта. Однако достоверные и точные исследования по данной тематике с опорой на соответствующую отечественную статистику, к сожалению, отсутствуют.

Сходных взглядов на происхождение гомосексуализма придерживается и психолог М. Стормз. «*По его мнению, существует некая связь между ранним половым созреванием с последующим предпочтением эротической активности с представителями своего пола. М. Стормз исходит из того, что раннее половое созревание наступает в возрасте примерно 12–13 лет, когда гомосексуальное экспериментирование достаточно обычно, а сильная установка еще не приобретена. Подростки, рано достигшие половой зрелости, обладают определенным сексуальным превосходством над теми своими ровесниками, у кого процесс полового развития происходит медленнее. Понятно, что более сильное половое влечение усиливает воздействие любого сексуального опыта, доставляющего удовольствие, однако в этом возрасте гомосексуальные контакты гораздо более доступны, чем гетеросексуальные*» [Б307, с. 387][30]. Но, вместе с тем, «*гомосексуальные игры детей* (*так же как и гетеросексуальные*) *служат нормальным элементом их развития. Гомосексуальные игры отнюдь не всегда приводят к гомосексуальности после взросления*» [Б157, с. 203].

Смею полагать, что реальные гомосексуальные опыты у детей и подростков были все же редки и не носили характер повторяющегося события. В своем большинстве они ограничивались вербальной передачей информации друг другу о существовании подобных сексуальных аномалий. А те редкие случаи нетрадиционного секса, которые все же имели место, чаще всего были представлены оральными формами.

Итак, для подавляющего большинства населения нашей страны гомосексуализм официально не существовал. Все осознавали, что он может быть или даже есть, но существует не у нас, а где-то там, далеко, не в нашей стране. Именно поэтому, надписи в туалетах, примеры которых мы привели выше, даже у взрослых вызывали состояние шока.

[30] Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1. — Текст : непосредственный. — С. 387.

Вот характерное наблюдение (280), сделанное С. Дроздовым, которое красноречиво иллюстрирует отношение не только военных, но и подавляющего большинства граждан нашей страны к гомосексуализму в середине 70-х гг. прошлого века.

«*Валера Самосвалов однажды вернулся из увольнения раньше срока и очень мрачный. После долгих расспросов он рассказал, что стряслось. К слову, он был небольшого роста, но штангист, и очень силен физически.*

“В сортире Балтийского вокзала один придурок на меня уставился, — поведал Валера. — Потом он мне предложил такое…” — после чего Валера снова потрясенно замолк. (*Он кстати, так никогда и не рассказал нам, что конкретно сказал ему туалетный гей-любитель*).

“Ну я и йоднул ему разок так, что эта сволочь дверку сортирной кабинки проломила и на толчке успокоилась”, — закончил рассказ о первом в жизни знакомстве с представителем гей-культуры Валера.

Мы тоже были немало потрясены наличием таких негодяев на свободе. Раздавались даже призывы отправиться в “самоход” на Балтийский вокзал, чтобы “замочить в сортире” недобитого Валерой извращенца. Такое было отношение к данному явлению.

Этой темой мы просто брезговали. Не было ни популярных ныне шуток, ни многочисленных анекдотов на “пидарастические” темы» [Б92, с. 85].

Глава 4.6. Места, способствующие открытому выражению и проявлению сексуальности: кинотеатр, подъезд, подвал, чердак

На эффективность сексуальной социализации детей и подростков 70-х гг. прошлого века активно влияла окружающая среда, в виде своеобразной сцены и соответствующих сценическому действию декораций. Она, эта сцена и декорации, предоставляли детям и подросткам возможность наблюдать со стороны за сексуально-эротической жизнью взрослых, а в некоторых случаях, даже пытаться участвовать в ней самим, в качестве дебютантов.

В настоящей главе мы не будем давать характеристику всем публичным (и не очень) пространствам, в которых происходило сексуальное взросление и воспитание (точнее самовоспитание) детей и подростков, поскольку некоторые из них мы уже рассматривали выше. Напомним только, что в первую очередь, к ним относятся: место жительства (дом, квартира), школа, двор, спортивные секции, кружки и студии, пионерские лагеря, детские санатории, танцплощадки и т. д.

Вместе с тем, с точки зрения эротизма и сексуальности все окружающее пространство делилось между двумя полярностями — публичностью и интимностью. Различные сочетания этих двух свойств как раз и порождали разные поведенческие реакции.

Так, например, абсолютная публичность обнаженного тела на пляже (которую можно было всем открыто лицезреть), сопровождалась абсолютной интимностью акта раздевания — одевания, осуществляемого тут же в раздевалке. Очередь в раздевалку и массовость процесса раздевания — одевания снижала эротически-эмоциональный накал, и переводило это действо в категорию рутинного, обыденного, малозначащего в эротическом плане. Хотя, несомненно, важным остается тот факт, что именно пляж представлял собой наиболее открытую и откровенную площадку для публичной демонстрации своего тела и своей сексуальности. Однако пляж не предусматривал конкретных шагов для реализации этой сексуальности, не предполагал перевод созерцательно-визуального восприятия сексуальности в практическую, тактильно-контактную плоскость, ограничиваясь исключительно функцией демонстрации и возбуждения эротизма.

На другом полюсе шкалы публичность — интимность мы имеем ряд специфических объектов, которые сами по себе не имели никакого эротического наполнения, но в силу своих функциональных особенностей (отсутствия публичности) давали возможность для выплеска эмоций эротического и сексуального характера. Речь идет о кинотеатрах, подъездах многоквартирных домов, а также подвалах и чердаках. Рассмотрим их по очереди.

Что касается кинотеатров, то последние ряды в кинозалах традиционно считались наиболее удобными местами, где можно было уединиться влюбленным парочкам — обниматься, целоваться и щупать друг друга, не привлекая внимания и не мешая зрителям. В бытность СССР это было очень важно, поскольку публичная демонстрация своего отношения к объекту вожделения, выражаемая в тактильных ласках, мягко говоря, не приветствовалась. Вспомним

хотя бы фрагмент фильма режиссера В. Меньшова «Москва слезам не верит», в котором этот момент очень реалистично показан. По фильму, действие относится к 1958 г. Но и в 70-е гг. прошлого века такие общественные нравы были еще сильны.

Отсутствие света придавало уверенности действиям партнеров. Темнота провоцировала решительность. Ну а если фильм был про любовь, так тем более. Впрочем, фильмы других жанров также могли спровоцировать якобы случайные прикосновения друг к другу в особо ответственные и страшные моменты. Так что рамки приличия в принципе соблюдались с помощью темноты, и умело (а главное — заранее) подобранного сюжета фильма.

Хождение на фильмы постепенно становилось привычкой, постоянной практикой совместного времяпрепровождения, поскольку других подходящих мест для выражения своих чувств, с помощью тактильных прикосновений у молодых людей, было крайне мало (особенно в холодное время года). Такое посещение кинотеатра способствовало раскрепощению эмоций, преодолению неуверенности, особенно у девушек, поскольку было ясно, что в таких условиях, совершение коитуса просто невозможно, а раз так, то все остальные способы тактильных ласк, могут быть вполне приемлемы. Таким образом, технические условия просмотра кинофильма как бы ограничивали влюбленных в своих эротически-сексуальных стремлениях, придерживая их на определенном этапе.

Следующим шагом на пути раскрепощения сексуальности, было использование обыкновенного подъезда многоквартирного дома. Слабо выраженная публичность этого места, граничащая с интимностью и одновременно его доступность, способствовали овладению тактильными навыками любовного общения между представителями противоположных полов.

По сравнению с кинозалом у подъезда были свои преимущества и свои недостатки. Так, в подъезде ничто не мешало объятиям и поцелуям. Подъезд давал бóльшую тактильную свободу, которая в крайнем, запредельном случае могла закончиться даже коитусом. Кроме того, подъезд давал также бóльшую вербальную свободу, для выражения своих чувств, что во время киносеанса было практически невозможно из-за диалогов экранных героев и гневных реплик соседей — зрителей. Недостатком подъезда был, если так можно выразиться, повышенный уровень опасности быть застигнутым врасплох жильцами дома или посторонними людьми в самый интимный момент общения. По этой причине, молодые люди, жаждавшие интимного общения наедине, старались выбирать чужие подъезды. В этом случае их инкогнито сохранялось, а на замечания жильцов дома можно было даже открыто нахамить, и таким способом, подчеркнуть свою маскулинность.

Вот характерный пример (281) из литературного произведения — романа В. Козлова «Приходи в воскресенье», действие которого относится к 60-м гг. прошлого века.

«Познакомились мы на институтском вечере. Я участвовала в школьной самодеятельности: пела, танцевала. Мы там давали концерт. Ну, а потом остались на танцы… Он проводил меня домой, а потом стал караулить у школы. Впрочем, я от него и не бегала. Мы гуляли вечерами, целовались в подъездах, ходили в кино, кафе» [Б126, с. 188] (выделено мною. *— А. Проноза*).

Что касается чердака и/или подвала, то эти помещения предоставляли возможность испытать максимальное чувство интимности, но с другой стороны, это чувство чаще всего притуплялось антисанитарными условиями подобных помещений.

Пример (282):

Вспомним героев фильма «Курьер» (реж. К. Шахназаров, 1986 г.), которые искали место для уединения, и нашли его в подвале многоэтажного дома. Впрочем, никакого уединения у них так и не случилось из-за спугнувшего их постороннего мужчины. Выбранное место оказалось не таким уж интимным.

Глава 4.7. Практики межполового общения. Первые поражения и обретение опыта

Взросление предполагает постепенное освоение практик межполового общения. Основой такого общения является возникновение симпатий по отношению к представителям противоположного пола, а симпатии, соответственно, требуют хотя бы какой-то практической реализации. Но дело в том, что у детей и подростков нет достаточного опыта межполового общения и опыта репродуктивного поведения. Есть симпатии и есть стремления, а как их реализовать на практике, каждый решает по-своему. Внешне наблюдаемые поведенческие модели взрослых в этом вопросе мало чем могут помочь.

Итак, практическая реализация таких симпатий возможна в двух аспектах — преимущественно инстинктивном и преимущественно социальном.

Первый аспект подразумевает преобладание инстинктивного поведения. Здесь главным является стремление к обладанию объектом вожделения. Настойчивые и даже назойливые домогательства, сцены ревности и акты мести конкурентам, первые поцелуи и первые спонтанные (можно сказать — безответственные) сексуальные эксперименты — все это характерно для данной модели поведения. В ней главное — обретение реального сексуального опыта, удовлетворение своего собственного либидо. Во главу угла при этом ставятся физиологические стремления и только потом все остальное — все то, что мы называем социальным.

В результате возникшее чувство симпатии и первой влюбленности, находит свое воплощение в практической сфере межполовых отношений или, как говорится, в стремлении к плотским утехам. Эта модель поведения ситуативна и ненадежна с точки зрения долгосрочной перспективы. Но вместе с тем, она очень желанна, потому что дает реальный, практический опыт сексуальных взаимоотношений, столь необходимый подростку здесь, сейчас и в обозримом будущем.

Также, данная модель имеет существенные издержки психоэмоционального и этического плана, поскольку на практике часто случается, что ожидаемые (а точнее — воображаемые) результаты явно не совпадает с реальностью. Совместный секс неизбежно порождает множество сопутствующих ему социальных, психологических и этических проблем, к решению которых подростки еще не готовы. Неумение (в силу отсутствия опыта) и неспособность (в силу возраста) их решить постепенно, исподволь разрушает взаимоотношения.

Но, повторимся, главным в этой модели все же остается обретение столь желанного подростками сексуального опыта. Этот опыт (какой бы он ни был — положительный или отрицательный) очень важен для них, потому что в будущем придаст им большей уверенности при общении с представителями противоположного пола. Но все же этот опыт — опыт проб и ошибок, и в силу этого он несет в себе опасность морально-психологических издержек и утрат, которые в дальнейшем могут отрицательно повлиять на жизнь взрослеющего подростка, на его взрослую жизнь.

Второй аспект предполагает преобладание социального контроля над своими сексуально-эротическими стремлениями, мечтаниями и фантазиями.

Желание физиологической близости здесь тормозится наличием некоей идеалистической модели межполовых отношений, которые должны, по идее существовать между влюбленными до брака и поддерживаться между ними после создания семьи. Эта модель ориентирована на будущее, в ущерб обретению реального сексуального опыта в настоящем, т. е. — здесь и сейчас. Осознание издержек спонтанных сексуальных контактов и их игнорирование приводит к попыткам выстроить долгосрочные отношения по той модели, которая распространена у взрослых и которая официально поддерживается и пропагандируется государством и обществом (длительное ухаживание и брак). Именно поэтому такая модель взаимоотношений довольно часто носит у подростков виртуальный характер, т. е. не выходит за рамки грез и мечтаний. В реальной жизни — это банальная любовь-дружба в виде неспешных прогулок под луной или в повседневном совместном времяпрепровождении безо всякой акцентуации на половой сфере и сексуальности партнера.

Первая модель поведения присуща деятельным натурам с холерическим типом темперамента и, как правило, склонным к девиантному поведению. Если говорить проще, то типичными представителями данной модели поведения является городская шпана.

Наиболее ярким и запредельным примером практической реализации такой формы полового поведения являются групповые изнасилования, или современные «вписки».

Вторая модель — наоборот, более характерна для флегматиков и меланхоликов. Наиболее близким их воплощением в реальной жизни является типаж современного «ботана», а наиболее ярким примером практической реализации таких форм полового поведения является литературные образы Обломова (И. Гончаров «Обломов»), Подколесина (Н. Гоголь «Женитьба») и Бальзаминова (советский фильм «Женитьба Бальзаминова» реж. К. Воинов, 1964).

Однако на практике не существует четкого разграничения между той или иной моделью сексуального поведения подростков. В попытках обретения столь желанного опыта межполового общения, ими используются разные сочетания этих двух моделей, что приводит к непониманию друг друга подростками разных полов из-за несовпадения поведенческих ожиданий.

В свою очередь, этот самый набор поведенческих ожиданий относительно вероятного партнера, основывается на заранее в процессе социализации сформированном комплексе источников соответствующей информации (предпосылок, оснований — кому как нравится). К ним, прежде всего, относятся:

– взаимоотношения родителей;

– внешне наблюдаемое поведение других взрослых между собой;

– произведения культуры и искусства (прежде всего — художественная литература, кинематограф);

– актуальная вербальная информация, передаваемая подростками друг другу из уст в уста и т. д.

Поэтому даже в случае обоюдной симпатии эти комплексы ожиданий у подростков могут не совпадать, что в итоге может стать причиной размолвок, конфликтов, разочарований или внутреннего осознания невозможности хоть какой-то коммуникации с объектом вожделения.

Итак, практическая реализация ожиданий происходит в результате отработки ролей, свойственных ситуации ухаживания. Совпадение ожиданий приводит к завязыванию долгосрочных отношений, а несовпадение, хотя бы и незначительное, может привести в будущем или к полному разрыву отношений, или наоборот, к притирке друг к другу и коррекции понимания внутреннего смысла и сути выполняемых ролей.

Интересно, что подобные ролевые несовпадения могут проявляться даже после заключения брака и создания семьи, т. е. на том этапе, когда отношения между влюбленными формально перешли на новый уровень — уровень совместного быта и совместного ведения домашнего хозяйства.

Вот характерные примеры таких конфликтов, которые произошли с повзрослевшими подростками 70-х гг. после заключения ими брака, т. е. уже в 80-е гг. прошлого века.

Пример первый (283):

«*Старший лейтенант А.* (*1963 г. р., женился в 1988 г., в возрасте 25 лет; жена на 8 лет моложе, образование среднее*) *в приватной беседе рассказал о том, как в его семье произошел первый конфликт спустя всего лишь два месяца после заключения брака.*

— Я пришел со службы домой. Жена приготовила к моему приходу ужин. Мы поели. Было очень вкусно. Я поблагодарил жену. Но она сказала: "Давай теперь ты помоешь посуду, а я подмету в кухне полы". Я удивился. Видя мое недоумение, жена сказала: "Ну если ты не хочешь, то давай наоборот — ты подметешь, а я помою посуду". Я не стал делать ни то ни другое и сказал ей, что в семье моих родителей так не делается. Отец никогда не мыл посуды и не подметал на кухне полы. А жена сказала, что в семье ее родителей наоборот было принято помогать друг другу, особенно на кухне при приготовлении пищи или уборке посуды со стола» [А150].

Комментарий:

Причина подобного поведения супругов, как потом выяснилось, крылась в следующем.

В семье мужа, его отец был родом из кубанских казаков. В казачьих семьях, в быту строго поддерживались разделения работы на мужскую и женскую. Оно основывалось на глубоко укоренившихся традициях и обычаях. Выполнение женской работы считалось унижением мужчины. Кроме того, отец в молодости был кадровым офицером и это придавало ему пафоса не браться за работу, которую он считал недостойной не только мужчины, но и офицера. Что же касается матери офицера А., то она вышла замуж поздно, в 27 лет (они с мужем были одногодки). В своей жизни она сильно дорожила браком, потому что всех ее потенциальных женихов, как она сама заявляла, «поубивало на фронте». Стремление сохранить брак было одной из причин ее неконфликтного поведения по отношению к мужу.

Теперь о супруге офицера А. и ее семье. Его жена была из многодетной семьи, где все вынуждены были помогать матери в ведении домашнего хозяйства. Одна мать справиться со всеми домашними делами физически просто не могла. Поэтому мытье посуды или уборка помещения не считались чем-то зазорным или постыдным для мужчины.

Пример второй (284):

«*Офицер Б. также рассказал о первом конфликте с женой, произошедшем буквально в течение первой недели после заключения брака* (*капитан, 1963 г. р., женился в 1989 г., в возрасте 26 лет; жена на 7 лет моложе, образование среднее*).

— Пришел со службы. Поужинали. Сели смотреть телевизор — кино, новости, снова кино. Я уже спать хочу, жду, когда же она постель расстелет. В конце концов, не выдерживаю и говорю ей: "Давай, расстилай кровать, будем спать ложиться". А она мне: "А у нас в семье папа всегда расстилал постель". Ну и пришлось мне расстилать постель самому, потому что я спать хотел. Но секса у нас в эту ночь не было» [А154].

Комментарий:

Как оказалось, в семье жены офицера Б. между ее родителями были натянутые отношения. Это была многодетная семья (также как и в предыдущем примере, чистое совпадение) и жена боялась еще раз забеременеть и родить. Чтобы этого не случилось, она под разными предлогами отказывала своему мужу (т. е. — тестю офицера Б.) в интимной близости. Ну а он, чтобы подвигнуть ее к сексу и сгорая от желания, сам расстилал кровать и приглашал ее ко сну. Постепенно эти действия стали традиционными и в глазах детей воспринимались исключительно как мужская обязанность и повседневный ритуал, якобы существующий во всех без исключения семьях.

Примечание:

Судьбы обоих семей (офицера А. и офицера Б.) схожи. Они просуществовали недолго — не более двух лет с момента заключения брака. И там, и там остались дети. Причиной разводов стали не описанные выше конфликты, а амбициозность и нежелание притереться, пойти на уступки друг другу, поступиться своими принципами.

К слову, члены обоих семей до заключения брака, имели крайне ограниченный индивидуальный сексуальный опыт (или вообще никакой). Поэтому их брачное поведение (по крайне мере со стороны офицеров) соответствовало второй описанной нами модели.

Таким образом, подростковый возраст, как это ни горько констатировать, представляет собой длительную череду неудач на интимном фронте, и подростки вынуждены активно учиться основам межполового общения на своих собственных ошибках. Этот опыт для них очень важен, поскольку его отсутствие может сказаться в будущем, при попытке создания своей собственной семьи — такой семьи, которая представляется идеальной каждому из будущих супругов. Несовпадение этих идеалов, впоследствии становится главной причиной разрыва отношений. Но и наличие сексуального опыта не есть панацея от будущих конфликтов. Поэтому если посмотреть на ситуацию с другой стороны, с позиции первой модели, то сексуальная изощренность — наоборот, может привести к неудовлетворенности партнером и также стать причиной разрыва отношений.

Если заострить внимание на социальности и ее влиянии на межполовые отношения подростков, то часто именно из-за нее, (этой самой социальности) многие подростковые романы и первые влюбленности заканчиваются ничем. То есть во многих случаях, причиной неудач становится именно социальный фактор, который как раз и сдерживает природную, инстинктивную сексуальность, создавая ей преграды, порой вымышленные, надуманные, но вместе с тем действенные (к сожалению).

Вот еще характерный пример (285) такого влияния социальности на взаимоотношения подростков из собственных воспоминаний автора и его опыта взаимоотношений с девушками:

Мне нравилась девушка, с которой я учился в школе, в одном классе. Показать открыто свои чувства к ней, я не смел — робел и боялся. Уже после окончания школы, поступив в военной училище, я встретился с ней в отпуске и пригласил в кино. Она согласилась. Но когда на следующий день я зашел за ней домой, оказалось, что она со своей мамой уехала на вещевой рынок. Меня это настолько покоробило, что все взаимоотношения с нею были раз и навсегда прекращены. Я почувствовал себя оскорбленным и ненужным. Зачем надо было давать согласие куда-то пойти вместе, если заранее знаешь, что на следующий день уже существуют другие планы? [А143].

Комментарий:

Спустя годы выяснилась мотивация девушки. Она просто хотела, как говорится, набить себе цену, чтобы я, побегал за ней. Она хотела создать ситуацию, в которой я сделал бы попытку добиться ее благосклонности. Согласие пойти в кино по первому зову, в ее представлениях принижало ее, характеризовало как доступную и ветреную потаскушку.

Что же касается меня, то я ее поведение воспринял как попытку играть собой, своими чувствами и был настолько оскорблен этим, что в дальнейшем прекратил с ней всякое общение.

В данном примере социальность победила сексуальность — полностью и бесповоротно.

Подобных примеров неудавшихся взаимоотношений подростковый возраст насчитывает огромное количество, и каждый читатель может припомнить из своей молодости не одну похожую историю. Причем поражений всегда намного больше, чем побед, а победы со временем часто оборачиваются поражениями.

Вот еще несколько характерных ситуаций, описанных и выложенных их участниками в сети Интернет.

Пример (286):

© James Liu / Quora:

«*В старших классах был такой случай. Одна хорошенькая одноклассница шла мне навстречу и притворилась, что споткнулась. Видимо, думала, что упадет на меня и я ее поймаю. А я уклонился и пошел себе дальше. Получилось неловко*» [B315].

или (287)

© Zinzigopi / Pikabu:

«*Еще в школе девчонка попросила установить ей какие-нибудь игры на компьютер. Пришел, сделал, показываю, как играть надо. В какой-то момент замечаю, что она не на игру смотрит, а на меня, и прям близко уже. А я ей выдаю: 'Наташа, смотри, сейчас сложный момент будет, запоминай' — и на экран показываю. В общем, осознание пришло много позже*» [B315].

или (288)

© Подслушано / Ideer:

«*Нравился одногруппник, постоянно проводили время вместе, намекала на встречи, звала в кино, флиртовала, но он ничего не воспринимал, и я благополучно отстала. Прошло 5 лет. Я замужем, воспитываю детей. И неожиданно тот самый одногруппник пишет: "Я тут в переписках копался, а ты, оказывается, ко мне подкатывала"*» [B315].

А вот несколько примеров обретения опыта межполовых отношений, но уже из жизни детей, еще не достигших подросткового возраста.

Пример (289):

© Подслушано / Ideer:

«*Когда была в 3-м классе, нравился одноклассник. Я не придумала ничего лучше, как написать ему записку: "Стасик, я тебя люблю!" Только испугалась, что он узнает, кто это, и подписалась: "Катя Баранова, 7б". Когда он нашел в рюкзаке эту записку, он с мальчишками тут же начал обсуждать эту Катю, какая она, симпатичная или нет. Даже бегал на нее посмотреть, да не нашел. А я сидела и сгорала от ревности к этой Кате, выдуманной мною*» [B314].

или (290)

© Палата № 6 / VK:

«*В 3-м классе меня впервые посадили с девочкой, а я влюбился в нее. Долго стеснялся. И однажды пришла мне в голову “гениальнейшая” фраза, которую я посчитал весьма романтичной: “Ты пахнешь освежителем воздуха!” Одноклассница фразу не оценила и на следующий день отсела от меня. Она даже не догадывалась, что это был мой самый любимый запах в мире!*» [В314].

или (291)

«*Мне лет 12, наверное, было. Ноябрь, у нас грязища вперемешку со снегом. Иду я, значит, из музыкалки, а навстречу мне мальчик, который мне очень нравился. У него еще собака была такая крутая — бассет. Никакими способностями к флирту я не отличалась, и почему-то в мозгу созрела идея, что я сейчас, как королева, у него прямо перед носом развернусь и перейду дорогу. Ну, типа эффектный выход. В общем, конечно, через дорогу я перешла, но споткнулась и упала в грязный сугроб. Наверняка он меня запомнил, но не так, как я планировала*» [В314].

Интересный комментарий всем этим воспоминаниям из детства сделала администрация сайта ADME

«*Мы в ADME выслушали неловкие и одновременно очаровательные истории из детства, которыми поделились интернет-пользователи. И пусть от некоторых воспоминаний до сих пор иногда хочется провалиться сквозь землю, годы, которые прошли с того момента, сделали их бесценными*» [В314].

Все эти примеры, в своей совокупности, являют собой столь нужный, для будущей жизни опыт выстраивания межполовых отношений.

По мере взросления, подростковый максимализм уступал место терпимости, умению угадывать и понимать мотивацию действий партнера, находить компромиссы и мириться в случае размолвок. Тем, кто в полной мере прошел такую школу, было легче обрести в будущем желанного, а главное — любимого партнера, с которым можно было связать свою жизнь. Но, повторимся, этому предшествовал длительный этап подростковых мечтаний, проб, ошибок и разочарований.

ЧАСТЬ V
Подростковая сексуальность и половое воспитание в свете происходящих в стране модернизационных процессов

Глава 5.1. Сексуальность и эротизм тогда и сейчас. Попытка сравнения

Сексуальность и эротизм человека обусловлены его биологической природой, т. е. физиологическим стремлением к продолжению рода. Однако эта биологическая основа сексуальности испытывает существенное влияние внебиологических факторов — социально-экономических, историко-культурных, политико-идеологических, религиозных и многих-многих других. Эти факторы очень изменчивы во времени. Именно от них зависит понимание и восприятие сексуального и эротичного в те или иные исторические периоды.

То, что представлялось сексуальным и эротичным в одни исторические эпохи, в другие таковым уже не являлось. То, что у одних народов считалось сексуальным и эротичным, у других вызывало в лучшем случае непонимание и безразличие, а в худшем — неприятие, отторжение и даже омерзение.

Даже в сравнительно короткие исторические периоды понимание сексуального и эротичного сильно варьируется, меняется под влиянием происходящих перемен.

Именно поэтому, закономерно возник вопрос о том, как изменилось понимание (и соответственно восприятие) сексуального и эротичного в нашей стране за прошедшее после развала СССР время.

Отвечая на этот вопрос одной фразой, можно сказать, что сексуальность и эротизм в нашей стране подверглись вестернизации, впрочем, как и все другие сферы жизни и быта россиян — бывших граждан СССР. Однако при ближайшем рассмотрении возникает ряд вопросов более частного порядка:

— Как изменились со временем те формы сексуальности, которые были рассмотрены нами в первых главах данной книги?

— Что с ними стало, и куда они делись?

Ответы на эти вопросы требуют отдельного изучения и поэтому заслуживают того, чтобы остановиться на них хотя бы вкратце.

Несомненно, что социально-экономические и политические преобразования, произошедшие в нашей стране, существенным образом повлияли на сферу сексуальности и эротизма. Предыдущий длительный период запретов, умолчаний и ограничений не смог не отразиться на взаимоотношениях полов. С началом пресловутой перестройки отношение к сексуальности и эротизму в обществе стало более открытым, публичным, и как итог уже бывшие советские граждане бросились в другую крайность — сексуальную свободу, граничащую с предельной вседозволенностью.

Так, 90-е гг. прошлого столетия можно охарактеризовать как время широчайшего распространения порнографической фото- и кинопродукции, легализации в общественном сознании проституции и нетрадиционных форм

сексуальных взаимоотношений, либерализации межполовых отношений и в целом ликвидации системы государственно-идеологической регламентации поведения граждан в этой, сугубо интимной сфере их жизни. То есть сексуальность и эротизм в своем западном варианте были привиты на нашу отечественную почву в пошло-вульгарном виде, через западную массовую культуру. Этот процесс представляется вполне закономерным, и дальнейшее его развитие предполагает, по нашему мнению, обязательное обратное движение, подобно возвратно-поступательному движению маятника. В принципе такие процессы возврата к традиционным семейным ценностям после завершения сексуальной революции 60-х гг. имели место и в большинстве стран Запада.

Итак, под влиянием происходящих в обществе перемен, многие поведенческие формы сексуальности и эротизма в нашей стране претерпели изменения. Одни из них устарели, а затем исчезли, другие изменились до неузнаваемости. Также появились новые, ранее неизвестные формы сексуальности. Попробуем их хотя-бы обозначить, в сравнении с уже описанными выше.

Глава 5.2. Аудио-вербальный контекст полового воспитания. От чего ушли и к чему пришли

§ 5.2.1. Ненормативная лексика как норма повседневной коммуникации

Аудио-вербальный компонент полового воспитания, по всей видимости, всегда занимал одно из ведущих мест в системе социализации детей и подростков. Для нашей страны советского периода это представляется вполне закономерным, поскольку актуальная сексуальная информация и информация о межполовых взаимоотношениях взрослых в детско-подростковой среде, как правило, передавалась из уст в уста. Однако происшедшие в стране изменения все поменяли. Ненормативная лексика, извинимся за каламбур, в межполовой коммуникации детей и подростков стала нормой жизни, чего раньше не наблюдалось. Исчезли все и всяческие социальные табу на ее употребление. О причинах этого явления мы уже говорили выше, в соответствующей главе (см.: Глава 2.1).

§ 5.2.2. Эротические анекдоты и их современная судьба

Эротические анекдоты для современных детей и подростков утратили свой, если так можно выразиться, учебно-воспитательный потенциал (см.: Глава 2.2).

С одной стороны, это связано с тем, что анекдоты стали распространяться не в традиционно изустной форме, а в печатном виде — буклетах, сборниках и даже энциклопедиях [Б50; Б69].

С другой стороны, упадку жанра анекдота (в том числе и эротического) способствовало развитие сети Интернет, в которой появились многочисленные специализированные сайты, с подборками анекдотов на все случаи жизни [Б41; Б43; Б44; Б163].

Ну а с третьей стороны, возникло много других жанров, по своим развлекательным функциям ставших своеобразными аналогами анекдотов и заменой им, но в тоже время более привлекательных для потребителя. В данном случае речь идет, прежде всего, о различных комичных роликах в Интернете, фотожабах, юмористических телепередачах и т. д. и т. п.

Анекдот, даже новый, как бы потерял свою новизну, перестал быть значимым событием межличностной коммуникации. Тайна, которая сопровождала политический анекдот и ощущение запретности, которое было свойственно эротическим анекдотам и анекдотам с ненормативной лексикой ушли в прошлое. Анекдот стал массовым, доступным и это сделало данный вид народного творчества обыденным, привычным явлением. В результате существенно понизился порог их восприятия гражданами.

§ 5.2.3. Стишки эротического содержания, каламбуры, ослышки, оговорки, приговорки, эротические загадки — что с ними стало и где они сейчас?

Что же касается стишков эротического содержания, каламбуров, ослышек, оговорок, приговорок, эротических загадок и т. п. (см.: Глава 2.3), то они постепенно и незаметно перекочевали из области непосредственно межличностного общения в область виртуальную и, будучи снабженными визуальной компонентой (опять-таки при помощи Интернета), стали более привлекательными для восприятия.

Но одновременно с этим безвозвратно ушла в прошлое ответная реакция собеседника. Коммуникация стала однонаправленной, не предполагающей ознакомления коммуникатора (кем бы он ни был) с оценкой реципиентом полученной информации и, соответственно, не предусматривающей учет и коррекцию своего собственного поведения. Таким образом, с помощью новейших технических средств (компьютер, Интернет) мы, с одной стороны, получили широчайшие возможности по ознакомлению заинтересованных граждан (в том числе детей и подростков) со сферой сексуальности, а с другой — некую стандартизацию оценок по ее восприятию, навязываемую потребителям извне, поскольку в данном случае коммуникатор остается анонимным, его воздействие на потребителя опосредованно, а эффект такого воздействия отсрочен во времени.

§ 5.2.4. Нужно ли прислушиваться к разговорам взрослых о сексе и читать художественную литературу эротического содержания?

Подслушанные разговоры взрослых на тему секса и сексуальных взаимоотношений (см.: Глава 2.4) для детей и подростков вообще перестали быть источником значимой сексуальной информации, поскольку опять-таки Интернет сумел полностью их заменить. Решающую роль здесь сыграли наглядность, оперативность, запредельная откровенность и разнообразие информации, предлагаемой компьютерной сетью.

Примерно то же самое, произошло и с художественной литературой (см.: Главы 2.5, 2.6). Те фрагменты литературных произведений, которые будоражили умы и воображение подростков 70-х гг. прошлого века, перестали считаться эротичными и вызывающими сексуальное возбуждение. А после выхода в свет книги Э. Арсан «Эммануэль» (примерно 1992 г.) [Б49], художественная литература вообще перестала привлекать подростков в эротическом и сексуальном плане, поскольку все намеки на эротизм и межполовые взаимоотношения героев литературных произведений, не шли ни в какое сравнение с откровенностью «Эммануэли» и других подобных романов.

Кроме того, для пуритански настроенных читателей в широкой продаже появилось огромное количество низкопробных любовных романов. При отсутствии в них откровенной сексуальности и эротизма, они, вместе с тем, были направлены именно на возбуждение этих чувств. Поэтому-то они и

пользовались спросом у определенной части населения, в основном женской, истосковавшейся по любви, сексу и плотским удовольствиям, не обремененных заботами о нежелательных беременностях, абортах, страхе перед соседями, детьми и венерическими заболеваниями.

§ 5.2.5. Особенности эротизма и сексуальности современной поп-музыки

Эротизм и сексуальность популярной музыки также изменились (см.: Глава 2.7). Легкая музыка утратила свою эксклюзивность, став обыденным явлением и постоянным спутником повседневности. Это произошло в связи с широким распространением различных звукопроигрывающих устройств, а эротизм и сексуальность популярной музыки визуализировались, если конечно так можно выразиться. Притягательность мелодий ушла в прошлое. Вначале, бóльший акцент стал делаться на текстовой, а не на музыкальной составляющей (группы «Кино», «ДДТ», «Аквариум»). Впоследствии тексты песен постепенно утратили свое актуальное социальное значение, стали, если так можно выразиться, более обыденными, социально и политически нейтральными, а главным стало — сценическое действо, обрамленное соответствующей музыкой. Основу такого действа стала составлять подтанцовка и подпевка, с разной степенью оголенности.

Да и сами исполнители (в основном женского пола) перестали гнушаться откровенной демонстрации своего тела. Даже появился такой сценический жаргонизм — «поющие трусы», обозначающий исполнительниц, привлекающих зрителей не столько своими выдающимися вокальными данными, сколько обнаженной фигурой [Б99].

Известные эстрадные исполнители эпохи СССР выходили на сцену более скромно одетыми.

Вот интересная информация в качестве характерного примера (292):

> В 1975 г. «*единственный раз в жизни песня в исполнении Толкуновой была вырезана из телеэфира по цензурным причинам — из финальной программы "Песня-1975" была удалена песня "Не судите меня" на музыку Владислава Успенского, поскольку, как рассказывала в позднем телеинтервью сама Толкунова, стихи поэтессы Марины Осташовой про "голые колени" показались телевизионным чиновникам недостаточно моральными и не соответствующими публичному образу певицы, получившей официальное признание*» [Б226].

С появлением и распространением Интернета, увеличением числа телевизионных каналов и в целом в связи с коммерциализацией телевидения, западная поп музыка окончательно стала доступной для отечественного потребителя, но при этом (как это ни покажется странным) менее желанной для прослушивания. Именно поэтому, трепетное отношение к западной поп-музыке, какое имело место у нас в стране в предперестроечный период, ушло в прошлое. В таких условиях отечественная эстрада (о ужас!) составила ей достойную конкуренцию, причем не столько в плане вокально-музыкальном, сколько в сценически-визуальном. Стилистически, интонационно и тематически, отечественная эстрада стала все больше и больше походить на западную эстраду. Ну а поскольку эротизм эстрады постепенно перенесся с аудио

и сопутствующего ему тактильного восприятия (во время парного танца) в сферу визуального восприятия, изменился и характер ее сексуальности. Она стала более индивидуализированной, не предполагающей тесного эмоционального и физического контакта с объектом вожделения при прослушивании.

Другими словами, если раньше музыка становилась фоном для завязывания знакомства и интимных отношений между людьми, способствовала этим отношениям, то теперь, все внимание переключалось с объекта вожделения на визуальное восприятие откровенного сценического действа, сопровождающего музыку. Ну а само это сценическое действо по степени эротизма и сексуальности вполне себе конкурировало с объектом вожделения.

Таким образом, посещение рок-концертов не решало возникшей проблемы. Создавая ощущение коллективного единства, сопричастности сценическому действию, такие массовидные условия прослушивания музыки не способствовали межличностной коммуникации, воспитанию и, если так можно выразиться, межличностному эротизму.

Глава 5.3. Визуальный контекст полового воспитания. От чего ушли и к чему пришли

§ 5.3.1. Визуализация эротизма и сексуальности в современной поп-музыке

В предыдущей главе мы уже сказали о том, что после распада СССР, аудиоконтент популярной музыки стал постепенно визуализироваться (см.: Глава 5.2, а также 2.7). Наряду с самой музыкой, подростков стал больше привлекать презентуемый со сцены внешний сексуальный образ артистов и сценическое обрамление театрального представления (сценического номера). В целом же, отечественная эстрада пошла по западному пути развития — пути визуализации музыки. В бытность СССР отечественным меломанам и любителям западной эстрады оставалось наслаждаться самой музыкой, мелодией, а все остальное, что ей сопутствовало, нужно было представлять и домысливать самостоятельно. Теперь же такая необходимость в работе воображения отпала сама собой. Однако усиление визуальной составляющей современной эстрады, как следствие, неизбежно привело к снижению качества самой музыки. Да в этом качестве, уже и не было особой необходимости, поскольку визуальный контент сценического представления стал приоритетным и доминирующим.

§ 5.3.2. Эротизм и сексуальность современного кинематографа

а) Экранная эротика и порнография

Теперь что касается кино (см.: Глава 3.2).

После распада СССР продукция западного кинематографа перестала подвергаться цензуре, и отечественный зритель смог увидеть многие шедевры западного киноискусства без купюр.

С точки зрения откровенной демонстрации сексуальности и эротизма, переломным, на взгляд автора, стал показ на советском экране в 1988 г. японского художественного фильма «Легенда о Нараяме» (реж. С. Имамура, 1983 г.). К сожалению, глубокий нравственно-философский контекст этого фильма массовым советским зрителем так и не был понят именно в силу его повышенной сексуальности и запредельной откровенности эротических сцен. И все это потому, что советский зритель акцентировал свое внимание, прежде всего на том, чего ему не доставало в повседневной жизни, чего он не знал и к чему подспудно стремился.

В дальнейшем эротику зарубежного кинематографа потеснила западная пороновидеопродукция.

Вначале ее смотрели дома, организовывая закрытые просмотры «для избранных», затем в видеосалонах, а потом, с развитием сети Интернет — самостоятельно, в любое удобное для этого время. Все и всяческие официальные запреты на ее просмотр были упразднены. И даже если бы они существовали, проконтролировать их соблюдение было бы просто невозможно. «*Причем*

рассчитанные на детей образовательные фильмы об отношениях между полами не пришли к нам, зато полно тех, которые в иных странах относятся к порнографии. Половая жизнь взрослых не просто открылась детям, но предстала в непонятном, запутанном, нелепом и искаженном виде» [Б90, с. 136].

В результате у детей и подростков появился относительно доступный канал получения столь нужных (в соответствии с их возрастом) сведений о межполовых взаимоотношениях взрослых. Предлагаемая им (этим каналом) визуальная информация была притягательна в силу своего натурализма и запредельной откровенности, но, вместе с тем, она не отражала реальных интимных взаимоотношений, которые должны быть между любящими друг друга супругами, поскольку здесь преобладала зрелищность, а не чувственность, эпатажность, а не интимность, грубость, а не нежность.

Использование Интернет-ресурсов для просмотра порновидеоконтента способствовало индивидуализации сексуального восприятия и, соответственно, снижению эффективности влияния традиционных морально-нравственных и этических норм и запретов, существовавших в обществе в сфере межполовых отношений. Все что интересовало и волновало подростков, теперь можно было найти самостоятельно, не прибегая к помощи и советам друзей. В связи с отсутствием у подростков каких-либо первоначальных, базовых знаний о сексе, увиденное возводилось ими в абсолют, некий эталон, на который надо равняться и к которому надо стремиться.

Впрочем, подобная проблема, хоть и в меньшей степени, но все же оказалась актуальной и для США. В своей книге «Сексуальность», Р. Крукс и К. Баур отмечают, что «*стремительный рост сети Интернет, содержащей самую разнообразную сексуальную информацию, а также дезинформацию, привел к обострению политической борьбы между сторонниками свободы слова и цензуры*» [Б138, с. 32].

Как ни странно, при всех ограничениях экранного эротизма, которые существовали в СССР, он (этот самый эротизм) в 70-е — 80-е гг. прошлого столетия был более публичным явлением, по сравнению с современной практикой кулуарного просмотра порноконтента из сети Интернет. Такая публичность (банальный просмотр фильма в кинотеатре), наряду с существовавшими в обществе морально-нравственными и этическими ограничениями в сфере сексуальных взаимоотношений, позволяла зрителям (в основном молодежи) усваивать рекомендуемые государством и обществом социальные нормы межполовых отношений. То есть с одной стороны мы имели некие, нормативные ограничения в сфере интимных взаимоотношений граждан (не обязательно законодательно регламентированные), а с другой — допущение определенной публичности этих самых взаимоотношений на экране и, соответственно, в жизни. В результате симбиоза этих двух разнонаправленных тенденций рождалось понимание того, какие интимные чувства и проявления симпатии допустимо демонстрировать на публике, а какие нет, что следует скрыть от взора посторонних (например, поцелуи в губы), а что дозволительно продемонстрировать и при этом не быть подвергнутым обструкции и осуждению (например, те же самые поцелуи, но уже в щечку, лобик или ручку).

Таким образом, западные фильмы, в их урезанном цензурой варианте, выполняли ту воспитательно-просветительную функцию в сфере межполовых отношений, которую должны были выполнять родители, школа и общество, и от которой они (родители, школа и общество) отстранялись под влиянием государства. В дальнейшем, постепенное снижение контроля, за экранным эротизмом и сексуальностью закономерно вело к изменению взглядов на публичное выражение интимных чувств.

К сожалению, индивидуализация просмотра порнографических фильмов не предусматривает описанного выше механизма взаимодействия личности, общества и государства в сфере сексуального просвещения и воспитания, потому что:

Во-первых, акт совокупления, показанный на экране, априори является сугубо интимным актом. Но осознание того, что он осуществлен специально, целенаправленно для публичного показа, субъективно снижает степень индивидуального контроля, за своими эмоциями и чувствами. В реальной жизни это приводит к конфликту между публичным проявлением переживаемых человеком эмоций и чувств и теми ограничительными нормами общества, которые существуют на этот счет.

Во-вторых, в ходе просмотра порнографических фильмов происходит невольное усвоение зрителем, особенно неподготовленным (каким и является молодежь), виртуальных, т. е. искусственно смоделированные экранных эмоций и чувств как настоящих, реально существующих, хотя на самом деле они не могут быть признаны искренними и, извинимся за такое слово — аутентичными. К сожалению, потребители порновидеопродукции (особенно современная молодежь) не всегда это понимают.

б) Латиноамериканские сериалы и раскрепощение чувств

Дозволенная публичность интимных отношений в советском кинематографе, не совпадала с западной экранной публичностью. И дело тут не столько в эротизме и порнографии (которые были там, и которых не было у нас), сколько в способе выражения чувств. Если в отечественных фильмах (и в реальной жизни тоже) симпатия и любовь считались глубоко личными, интимными чувствами главного героя, обрекающими его на счастье или страдание, то в западном кинематографе они таковыми не являются.

В западных фильмах в сферу интимных переживаний главного героя включается огромное количество окружающих его персонажей, публично участвующих в обсуждении его чувств и любовных похождений (несомненно, что неискушенного советского зрителя это очень привлекало).

В советском же кинематографе вербализация своих интимных чувств и переживаний носила как бы вынужденный характер. Обычно главный герой силой обстоятельств попадает в такую ситуацию, в которой был вынужден с кем-то поделиться своими чувствами и переживаниями и это в дальнейшем изменяет ход его жизни.

В западном же кинематографе демонстрация интимных чувств более публична в том смысле, что она носит не вынужденно-интимный, а декларативно-публичный характер. Главный герой говорит о своих чувствах на каждом шагу — всем и каждому. Такая открытость в выражении

чувств, для советских людей была в новинку. Подтверждением нашей точки зрения может служить феномен популярности латиноамериканских сериалов (см.: *Табл. 5*) в которых переживания героев выставлялись напоказ не только зрителю (как это было принято в советском кинематографе), но и всем другим персонажам сериала. Причем делалось это не просто открыто, но даже (с точки зрения отечественного зрителя) до неприличия назойливо.

Таблица 5

Латиноамериканские сериалы, демонстрировавшиеся в нашей стране в конце 80-х — первой половине 90-х гг. XX в.

№ п/п	Название сериала	Страна происхождения	Начало показа на отечественном телевидении
1	Рабыня Изаура	Бразилия	Премьера: 16.10.1988 г.
2	Богатые тоже плачут	Мексика	Премьера: 18.11.1991 г.
3	Просто Мария	Мексика	Премьера: 9.03.1993 г. на 1-м канале «Останкино»
4	Дикая роза	Мексика	Премьера: 31.05.1994 г.
5	Тропиканка	Бразилия	Премьера: 26.06.1995 г.

В нашей стране, в силу традиции (якобы правил хорошего тона) женщине, девушке возбранялось публично выражать свои чувства и симпатии, а тем более публично говорить о них понравившемуся мужчине или молодому человеку. Это считалось верхом неприличия.

Западная же культура межполовых отношений, представленная в нашей стране латиноамериканским кинематографом, этого не знала. Сериалы демонстрировали зрителям, что выражение интимных чувств может быть другим, и ухаживание — тоже может быть другим, и в вопросе публичного выражения своих чувств между мужчинами и женщинами существует равенство, и никто этого не стесняется, тем более не считает чем-то постыдным, неприличным и аморальным.

Интересно, что зрителями (если не сказать по-современному — потребителями) подобных сериалов были в основном люди старшего и среднего возраста. Можно предположить, что в таких сериалах многие из них видели себя в молодости и под впечатлением от просмотренного, реконструировали свою, уже состоявшуюся жизнь — как бы она изменилась, будь они в молодости немного решительнее, раскрепощеннее и менее стеснительными.

Несмотря на то, что подобные сериалы были не слишком популярны в молодежной среде, они сыграли свою положительную роль в деле сексуальной модернизации нравов. По крайней мере, можно предположить, что такие сериалы способствовали либерализации взглядов старшего поколения в отношении молодежи, росту терпимости и понимания их интимных проблем. Другими словами, планка нормативно-нравственных запретов, ограничений и условностей под воздействием сериалов стала постепенно и неизбежно снижаться.

§ 5.3.3. Мир одежды и моды

Интересные изменения произошли и в сфере моды (см.: Глава 3.3). В советские времена повседневная одежда должна была быть модной, а значит, эротичной и сексуальной. Однако это не всегда удавалось соблюсти, а если и удавалось, то с большим трудом, поскольку для этого требовались значительные финансовые затраты — модная одежда, как правило, ассоциировалась с одеждой импортной, стоившей дороже отечественного ширпотреба.

В XXI веке эротизм повседневной одежды, хотя и сохранился (и даже развился), но, вместе с тем, частично утратил свою былую значимость, в силу массовизации этого эротизма и сексуальности. Так, если в СССР эротичность (а равно модность) одежды ассоциировалась в первую очередь с дефицитностью вещи, то в настоящее время, в условиях отсутствия дефицита перед потребителем возникли другие, более сложные задачи выражения своей эротичности и сексуальности через одежду.

Реализация возможности свободного выбора и покупки подходящей (а главное модной) одежды в магазинах или на вещевых рынках привела к тому, что одежда потеряла свойство эксклюзивности и индивидуально-сексуальной презентации ее носителя. Именно поэтому в продаже появились новые разновидности одежды, которых ранее, в СССР и в помине не было — лосины (легинсы), тайсы, джегинсы, дольчики, гольфины, капри, велосипедки, джинсы-стрейч, боди, комбидресс, топы (топики), лонгсливы, стринги, слитные купальники (в СССР было распространено словосочетание — «закрытый купальник»), парео, банданы и т. д. и т. п. Особенностью всех этих новомодных разновидностей одежды было то, что они подчеркивали эротичность и сексуальность их владельца (носителя).

В целом, развитие моды после 70-х гг. прошлого века пошло по пути максимализации в ней маскулинных и феминных тенденций. В этом, как раз и заключается ее, если так можно выразиться, сексуализация.

С одной стороны, получило широкое распространение ношение камуфлированной, военизированной одежды (маскулинные тенденции), а с другой — усилились тенденции эротизма и сексуальности в женской одежде (феминные тенденции). Что может быть более мужественным (а равно — эротичным и сексуальным), чем военная форма или что может выглядеть более женственным, чем откровенная женская одежда с максимальной степенью оголенности отдельных частей тела или намеками на такую оголенность? Другими словами, военная форма или одежда похожая на нее стала восприниматься как эталон, маскулинности и мужской сексуальности, к которому надо стремиться, а символом феминности в женской одежде стало стремление к максимальной оголенности или ее имитации посредством широкого использования обтягивающих материалов, подчеркивающих фигуру.

Наряду с этой тенденцией появилась и другая, противоположная, когда сугубо мужская или сугубо женская одежда становится предметом гардероба представителей противоположного пола. В 70-е гг. прошлого века такое было просто невозможно. В результате подобного симбиоза произошло смещение полоролевых стандартов в одежде. Появились мужеподобные девочки и женоподобные мальчики. Возникла неопределенность в понимании соответствия одежды полоролевым стандартам, что в свою очередь внесло дискомфорт и

неопределенность и в межличностные взаимоотношения, особенно на начальном этапе их построения. Таким образом, в погоне за сексуальностью потребитель эту самую сексуальность потерял, поскольку внешняя, публичная презентация сексуальности посредством одежды вошла в противоречие с внутренними представлениями о своей собственной сексуальности с одной стороны и с представлениями о сексуальности партнера по общению — с другой.

Таким образом, понимание модности одежды окончательно стало ассоциироваться с понятием сексуальности. То есть требование сексуальности одежды переместилось в совершенно другие сферы взаимоотношений между людьми, обусловленные не бытовой повседневностью, а эротизмом ее внешнего восприятия. Главные же тенденции развития моды, на просторах бывшего СССР (кроме тех, о которых мы говорили выше) были следующими:

Во-первых, появилось такое понятие и соответственно явление как клубная одежда, которая отличается от обычной повышенным эротизмом и сексуальностью. Эти эротизм и сексуальность в ней настолько зашкаливают, что носить такую одежду в другом месте или при других обстоятельствах просто невозможно.

Во-вторых, широкое распространение получила спортивная одежда обтягивающего кроя и фасона, особенно женская, для занятий фитнесом, пилатесом, гимнастикой и йогой. Мода на нее перешагнула границы спортзалов. Многими такая одежда стала использоваться как повседневная (особенно лосины, легинсы, велосипедки, топы). Естественно, что кроме удобства для занятий спортом, внешне она выглядит достаточно сексуально, что и привлекает в ней многих потребителей.

В-третьих, появились так называемые ролевые костюмы и костюмы, предназначенные исключительно для занятий сексом, точнее, для возбуждения сексуальных желаний партнеров. Эта одежда сделана из экзотических материалов: натурального латекса, винила, натуральной или искусственной кожи.

В-четвертых, появилась и получила широкое распространение сценическая одежда, потенциальными потребителями которой стали исключительно артисты эстрады.

В-пятых, понимание модности одежды постепенно переместилось с восприятия покроя и фасона, на восприятие бренда. Внешне одинаковые образцы одежды, но изготовленные разными фирмами стали восприниматься и оцениваться потребителями по-разному — как модные или не модные. Более того. В последние годы в подростковой среде появилось такое явление, как «поясни за шмот».

Если кратко, *««пояснить за шмот» — значит объяснить, какое ты право имеешь носить то, что сейчас на тебе надето. Не сможешь — тебя побьют*» [Б192].

«*Кроме того, придраться могут не только по поводу марки одежды, но и из-за того, как ты ее носишь. Например, подвернутые джинсы, бейсболка поверх банданы или козырьком набок. Плюс, если совсем захотят докопаться, то могут начать выяснять, не подделка ли на тебе* (*что совсем глупо, ведь это даже профи порой сделать непросто*), *знаком ли ты с историей бренда, чью вещь носишь, а также известно ли тебе значение символики, изображенной на принте*» [Б304].

Таким образом, изобилие модной одежды и одежды разных фасонов, стилей, брендов явилось причиной того, что та или иная ее разновидность стала ассоциироваться с той или иной молодежной субкультурой.

Подобные тенденции восприятия бренда как модного, стильного и популярного имели место и в 70-е гг. прошлого века (например, джинсы — «Монтана»), но они не были в подростковой среде такими запредельными (если так можно выразиться) как сейчас.

Ну и в-шестых, значительно расширился ассортимент женского нижнего белья. Оно также претерпело качественные изменения. Так, появилось:

а) удобное и красивое белье на каждый день;

Например (293), женские трусы «неделька»:

«*80-е случилась еще одна малозаметная, но при этом фундаментальная перемена в личном быту: появился комплект трусиков "неделька". Мода на "недельку" распространилась стремительно, и достать такое белье мечтала каждая советская девушка. Производили ее в Финляндии и прибалтийских республиках. Каждый день недели был отмечен английским названием, особым цветом и отдельным цветком.*

Новым было недвусмысленное понимание того, что белье нужно менять каждый день. Надеть дважды понедельничные трусики было нелогично и сулило быстрый износ вещи, которой дорожили.

Новым было и то, что "недельки" можно было со спокойной душой показать избраннику. До той поры основная масса нижнего белья представляла собой «стыдные» вещи, которые нужно было прятать во всех ситуациях. «Неделька» при всей своей простоте несла в себе оттенок чистоты и лиричности с едва заметной эротической ноткой» [Б299].

Кстати, трусы «неделька» отметились и в городском фольклоре тех лет. Вот характерный анекдот (294):

«*Англичанка спрашивает у продавщицы в магазине:*

— Дайте мне трусы "недельку" из семи штук.

— А зачем Вам столько?

— Ну как? Понедельник, вторник, среда…

Француженка спрашивает у продавщицы в магазине:

— Дайте мне трусы "недельку" из пяти штук.

— А почему так мало?

— Ну как? Понедельник, вторник, среда… а в субботу и воскресенье я их так часто снимаю — одеваю, снимаю — одеваю, что вообще могу и без них обойтись.

Русская спрашивает у продавщицы в магазине:

— Дате мне трусы "недельку" из двенадцати штук.

— А зачем Вам так много?

— Ну как? Январь, февраль, март…» [А32].

б) одежда и белье для сна и домашнего отдыха (пеньюары, сорочки, пижамы, халаты), заметно отличающееся по фасону, покрою и используемым тканям от тех, что были в продаже в торговой сети бывшего СССР;

в) белье, предназначенное для ношения под праздничную, вечернюю одежду;

г) красивое белье, предназначенное исключительно для секса.

§ 5.3.4. Современные сексуальные тенденции в оформлении внешности

Отдельно следует сказать и об оформлении внешности (см.: Пар. 3.3.4). За прошедшие годы и десятилетия оно также как и мода претерпело существенные изменения. Прически, солнцезащитные очки, целлофановые пакеты, пляжные сумки, колечки, перстни, печатки и цепочки — все это, конечно же, осталось в повседневном обиходе современных подростков, но подрастеряло свою актуальность и значимость (а равно — эротичность и сексуальность), стало обыденным.

Вместе с тем появились новые тренды, которые в 70-е гг. XX в. или вообще отсутствовали или были не столь массовыми как сейчас. В первую очередь это касается женских татуировок, наращивания ногтей и маникюра, наращивания ресниц, пирсинга.

§ 5.3.5. Сексуализация и эротизация мира игрушек современных детей

Говоря о визуальном контексте полового воспитания, нельзя не обратить внимания на то, как за прошедшие десятилетия изменился детский мир и детская субкультура, выраженная в первую очередь в игрушках.

«*Современного ребенка окружает гигантский мир игрушек, которые поставляет весьма прибыльная производственная индустрия игрушек. Десятки тысяч опытных специалистов ищут и находят пути к сердцу ребенка, создавая все новые модели, перед которыми ему не устоять. Они знают массу секретов, далеко не очевидных*» [Б90, с. 93].

В СССР, в системе воспитания детей практиковалось строгое гендерное разделение игрушек. Мальчикам — оружие, оловянные солдатики и машинки, девочкам — детская посуда, набор доктора, куклы и все, что с ними связано.

Цель такого разделения — усвоение мальчиками и девочками своих будущих взрослых гендерных ролей, т. е. таких, какими они представляются обществу наиболее правильными.

Вот характерное наблюдение блогера Л. Мазикиной: «*Воспитанию служили и куклы. Чтобы не стимулировать интерес к половому созреванию, они должны были быть принципиально похожими на детей и не иметь половых признаков. Основной их задачей было воспитание девочек — матерями, а мальчиков — отцами…*» [Б152].

Именно поэтому, для детских игрушек эпохи СССР была характерна скрытая сексуальность, которая выражалась в их повышенной маскулинности и/или феминности. Другими словами, в образах игрушек отразилось понимание обществом сексуальности и эротизма, характерное для тех времен. Для эпохи СССР высшей степенью мужской сексуальности и эротизма была военная профессия, что и находило свое отражение в игрушках для мальчиков. Что же касается девочек, то здесь эротизм и сексуальность напрямую увязывались с репродуктивной функцией и заботой о детях, ведением домашнего хозяйства и повседневным бытом. Поэтому игрушки для девочек в основном представляли собой кукол, пупсиков, наборы детской посуды, инструменты врача и т. д.

В настоящее время ситуация изменилась, поскольку значение защитной и репродуктивной функций как основных, служащих для презентации и разграничения гендера, сошло на нет. Но эти функции не исчезли окончательно, а под воздействием происходящих в обществе перемен видоизменились кардинальным образом.

Так, защитная функция с образа солдата, воина, переместилась на образ супермена, бэтмена, трансформера, человека-паука. И в самом деле, эти герои несмотря на то, что являются вымышленными персонажами, обладают свойством абсолютной маскулинности, ведь их априори никто не может победить. Ну а сексуальности таким игрушкам добавляет одежда (согласимся, что супермен в колготках и надетых поверх них трусах — это нонсенс) — облегающая, и тем самым акцентирующая внимание на выпуклостях в соответствующих местах.

Что же касается игрушек для девочек, то здесь главной функцией стала демонстрация природной женской сексуальности, совершенно не связанной с репродуктивной функцией. Апофеозом такой сексуальности можно считать куклу Барби. Ее уже нельзя сравнивать с обыкновенным советским пупсом или голышом. Это особый жизненный мир, хотя и кукольный, но очень привлекательный и завораживающий, это целая индустрия.

Большинство современных игрушек в той или иной мере копируют жизнь взрослых, презентуя ее детям в упрощенном, понятном для них виде. Однако просмотр всех этих барби-наборов (и многих других им подобных) вызывает ощущение того, что жизнь взрослых — это сплошной праздник. Тут даже розовых очков не надо — все и так представлено в розовом цвете. Даже кукольные домики, в которых живет Барби со своими друзьями, переполнены эротизма, сексуальности. Какие-либо семейные хлопоты и заботы в них полностью отсутствуют, а внимание акцентируется на отдыхе, развлечениях и свободном времяпрепровождении.

По всей видимости, стремление к обладанию подобными игрушками на постсоветском пространстве возникало не только у детей, но и у их родителей. С одной стороны это вписывается в теорию компенсации, сенсорного голодания имевшего место в бытность СССР (об этой теории мы уже говорили выше, в одной из предыдущих глав), а с другой — стремлением восполнить пробел сексуальной информации — такой, какая была недополучена ими самими в детстве.

§ 5.3.6. Судьба визуально-вещных артефактов молодежной моды 70 х гг. прошлого века в веке нынешнем

Что касается визуально-вещных артефактов молодежной моды 70-х гг. то здесь произошли смены приоритетов, которые можно обозначить буквально одним — двумя предложениями.

1. Переводные картинки производства ГДР окончательно стали достоянием истории — предметом мены, продажи и коллекционирования (см.: Пар. 3.4.1). В связи с этим они вышли из широкого употребления и утратили свой сексуально-эротический потенциал.

2. Жевательные резинки, оставшись символом маскулинности и феминности, также подрастеряли свою эротичность и сексуальность ввиду массовой доступности (см.: Пар. 3.4.2).

3. Гитара из маскулинно ориентированного инструмента за прошедшие годы превратилась в инструмент гендерно нейтральный, которым одинаково владеют и юноши, и девушки (см.: Пар. 3.4.3). Эротизм гитары, конечно же, сохранился, но он внутренне несколько изменился ввиду увеличения числа девушек, владеющих им. Тетради-песенники с аккордами и текстами песен ушли в прошлое. Интернет в полной мере заменил их.

4. Радиоприемники и переносные магнитофоны стали достоянием истории (см.: Пар. 3.4.4). В качестве аналога, их заменили мобильные телефоны с возможностью прослушивания аудио контента через наушники. Но при этом пострадала публичность. Такое прослушивание отличается индивидуальностью и даже некоторой скрытностью, а не демонстративностью. Поэтому акцент восприятия был перенесен с музыки на сам факт владения мобильным телефоном и соответственно возможность прослушивания с его помощью музыки. Ну а музыка, как способ сексуального воздействия на окружающих, в таком контексте восприятия потеряла свою актуальность и значимость.

5. Эспандеры как символ маскулинности также ушли в прошлое и стали достоянием истории (см.: Пар. 3.4.5). Им на смену пришли другие, более технологичные и финансово затратные способы демонстрации своей маскулинности (феминности). Это фитнес, занятия йогой, посещение тренажерных залов, различного рода качалок.

6. Мопед и мотоцикл потеснились, уступив место автомобилям (см.: Пар. 3.4.6). Если в 70-е гг. прошлого века автомобиль был предметом роскоши и дефицитной вещью, то сейчас, купить подержанное авто для молодого человека не представляет особой проблемы. Соответственно появились и новые формы досуга — стрит-рейсинг (уличные гонки), дрифтинг. Автомобиль стал символом маскулинности, таким, каким когда-то были мопед и/или мотоцикл.

7. Коллекционирование фотографий известных артистов и артисток (см.: Пар. 3.4.7) также стало историей. По всей видимости, одной из причин подобного собирательства была реализация возможности в любое время достать фотокарточку понравившегося артиста (артистки) и полюбоваться, помечтать, вызвать в воображении некие образы, в том числе и сексуально-эротические. В настоящее время аналогичную функцию предоставляет Интернет, с помощью которого можно в любой момент времени разыскать не только фотографию любимого артиста, но и посмотреть фильм с его участием или его концертное выступление.

§ 5.3.7. Табакокурение, спиртные напитки и презервативы в современной молодежной субкультуре

а) Табакокурение

Особый интерес вызывает отношение современной молодежи к таким артефактам взрослого мира как табачные изделия (сигареты), спиртные напитки и презервативы. В данном случае мы можем опираться исключительно на свои собственные наблюдения, не обремененные количественными данными.

Итак, что касается табакокурения (см.: Пар. 3.5.1), то здесь можно отметить несколько разнонаправленных тенденций.

Первая — это неформальная легализация табакокурения девушками и женщинами. Общество стало к нему более терпимым.

Вторая — это усилившаяся борьба государства с табакокурением. В результате за прошедшие годы отношение к курению в корне изменилось. В настоящее время, практически невозможно встретить людей, курящих в публичных местах. К тому же люди стали более ответственными и не стесняются делать замечания за курение в общественном месте, если это мешает им, их родным и близким.

Третья — это появление альтернативных способов курения, таких как электронные сигареты и кальян. Если ранее курение сигарет традиционно считалось прерогативой исключительно мужчин, то в настоящее время курение электронных сигарет или кальяна можно признать гендерно нейтральным, а сам процесс их употребления, со стороны воспринимается как достаточно сексуальный и эротичный. По всей видимости, именно по этой причине, электронные сигареты и кальян получили широкое распространение в молодежной среде, как среди юношей, так и среди девушек.

б) Употребление спиртных напитков

Определенные изменения произошли и в отношении спиртных напитков (см.: Пар. 3.5.1). Общество стало более нейтральным (если не сказать — терпимым) к детскому и подростковому алкоголизму. По крайней мере, он уже не воспринимается как вопиющая поведенческая девиация, как это имело место в 70-х гг. прошлого века. К сожалению, мы к нему привыкли и стали рассматривать его как одну из характерных особенностей нашего современного образа жизни.

Понизился возрастной порог употребления спиртных напитков молодежью, в том числе и девушками.

Повысился уровень пивного алкоголизма среди молодежи. Употребление пива стало обычной поведенческой практикой в гендерно разнородной молодежной среде.

Появилась альтернативная замена алкогольным напиткам и пиву в виде различного рода энергетических напитков (т. н. энергетиков).

Вместе с тем, ужесточились запретительно-ограничительные меры, государства в сфере реализации и потребления алкогольной продукции.

в) Презервативы и секс-шопы

Отношение общества к презервативам изменилось в связи с легализацией их продажи в супермаркетах и магазинах, не имеющих ничего общего с аптечной сетью (см.: Пар. 3.5.1). Вопрос прибыли и дохода перевесил нравоучительные позывы пуритански настроенных продавцов и покупателей. Ну а распространение ВИЧ-СПИДА добавило терпимости к этому предмету интимной гигиены.

Кроме того, вместе с массовизацией продажи презервативов, определенным прорывом во взглядах общества на интимную сферу взаимоотношений между людьми сыграли секс-шопы. Их появление в нашей стране по времени следует отнести к началу 90-х гг. XX в.

С одной стороны, как это принято считать, они способствовали внесению разнообразия в интимную жизнь мужчин и женщин, но с другой давали возможность особо нерешительным субъектам с помощью индивидуального применения различных эротических товаров замкнуться в своем собственном мире эротических и сексуальных фантазий. Такая доступность использования товаров из секс-шопа лишала людей стремления и желания к общению с представителями противоположного пола, поскольку они (эти товары) предлагали простую альтернативу сексу. Но такая простота использования товаров из секс-шопа, если посмотреть с другой стороны, часто экстраполировалась на реальные человеческие отношения. В этом случае партнер по общению, а точнее, объект вожделения воспринимался уже не как человек со своими чувствами, переживаниями и даже комплексами, а как некая машина из секс-шопа, предназначенная для сексуального удовлетворения. И хорошо, если подобные мысли и настроения возникали одновременно у мужчин и женщин, возжелавших обоюдного секса, потому что ситуация несовпадения таких ожиданий в лучшем случае могла привести к недопониманию и разрыву отношений, а в худшем к сексуальному насилию. В любом случае, из общения мужчин и женщин выхолащивалась чувственность, которая подменялась банальной технической стороной дела, направленной на достижение сексуального удовлетворения как можно более различными способами и с использованием «различных эротических штучек». Так что секс-шоп таил в себе не только разнообразие сексуальной жизни, но и угрозу ее разрушения, предлагая собой альтернативную суррогатную замену сексу — более доступную и дешевую в смысле незначительных морально-нравственных издержек.

г) Наркомания

И последняя тенденция, на которую стоит обратить внимание и которая ранее совершенно отсутствовала в общественном сознании как актуальная социальная проблема, — это проблема наркомании.

Употребление наркотиков можно рассматривать как некий суррогат и альтернативу несбывшимся сексуальным мечтам и эротическим фантазиям. Именно в этом, по нашему мнению, и кроется одна из причин повышенной зависимости молодежи от этого социального порока. Незнание и неумение выстроить откровенные отношения с объектом вожделения, робость и стремление победить свою застенчивость, по нашему мнению, как раз и являются одной из скрытых причин распространения наркомании. С этой точки зрения, употребление наркотиков в чем-то схоже с употреблением спиртных напитков. Но если незначительные дозы спиртного в результате своего воздействия на организм человека могут инициировать и активизировать сексуальные стремления, подтолкнуть к определенным действиям сексуального характера, то наркотики — полностью их заменяют, создавая внутреннюю виртуальность и самодостаточность, не имеющую никаких связей и ничего общего с окружающей реальностью.

Глава 5.4. Поведенческий контекст полового воспитания. Каким он был и каким стал

Очень трудно говорить о том, какие формы предсексуального, раннего сексуального и псевдосексуального поведения получили распространение среди современных детей и подростков. Для этого требуется проведение отдельных, специализированных исследований. Однако то, что они изменились за прошедшие 40 с лишним лет, не вызывает сомнения.

Не вдаваясь в излишние подробности, мы можем зафиксировать только те моменты, которые наиболее бросаются в глаза.

Во-первых, криминализация нашего общества, которая произошла в 90-е гг. прошлого века (т.н. «лихие девяностые»), привела к тому, что граждане стали бояться за жизнь и здоровье своих детей. Двор и улица стали представляться уже не такими безопасными, как это воспринималось ранее. В результате свобода на передвижение, которой дети пользовались в 70-х гг. прошлого века оказалась сильно ограниченной. Естественно, что это сильно сократило разнообразие коммуникаций в детско-подростковой среде. Особенно это коснулось неформального общения вне стен учебного заведения, т. е. общения, не обусловленного учебой и учебной деятельностью.

В большей степени это относится к детям младшего и среднего школьного возраста. В итоге, недостаток межличностного общения стал компенсироваться общением виртуальным, реализуемым с помощью Интернета и телекоммуникационных систем. Однако сами дети таких изменений не почувствовали, так как им не с чем было сравнить произошедшие изменения в силу своего возраста. Поэтому данный вид коммуникации был ими воспринят как само собой разумеющийся и вполне удобный в сложившихся обстоятельствах ограниченной межличностной вербальной коммуникации (добавим к этому, что коммуникация с помощью Интернета действительно имеет много преимуществ).

В таких условиях наличие мобильного телефона стало расцениваться как значимый признак маскулинности — феминности.

Изменение форм межличностной коммуникации закономерно привело к изменению и форм презентации своей личной сексуальности и эротизма. Они незаметно и плавно перетекли в виртуальную плоскость. С одной стороны они стали более публичными, доступными многим пользователям сети Интернет, а с другой, появилась возможность их фантазийного конструирования, т. е. такого конструирования, результат которого с реальностью может не иметь ничего общего.

В настоящее время трудно сказать, какой процент именно виртуального общения составляет у современных детей и подростков в общей массе их взаимного общения, но то, что его доля достаточно велика и продолжает расти, не вызывает сомнения.

Во-вторых, вполне вероятно, что эротические игры или игры с явно эротическим и сексуальным уклоном остались прерогативой детей дошкольного и младшего школьного возраста. Их сохранность обусловлена отсутствием у детей этого возраста современных средств связи и отсутствием навыков

владения ими в достаточном объеме. В таких условиях, получение актуальной сексуальной информации от сверстников через общение или игры, представляется более удобным и оперативным, чем с помощью различных гаджетов, которыми ребенок еще не умеет пользоваться в достаточной мере. Но к средней, а тем более к старшей школе ситуация меняется. Если раньше, в 70-х гг. прошлого века первоисточником сексуальных знаний были сами подростки, то теперь таковым стал Интернет и телевидение. Даже специализированная литература о сексуальных взаимоотношениях взрослых, и та отошла на второй план, став в одночасье скучной и не актуальной.

Однако наигранность, нереальность виртуальных отношений (в том числе и в области секса) совершенно не воспринимается детьми и подростками как таковая. Наоборот, они считают их реально существующими, т. е. такими, к которым надо стремиться. Именно по этой причине неизбежно возникает противоречие между рекомендуемым виртуальным эталоном (хотя это слово — «эталон», сюда не совсем подходит) межполовых взаимоотношений и реальной жизнью. Таким образом, стремление современных подростков реализовать на практике сексуальные сценарии, в изобилии предлагаемые Интернетом, терпят крах. В результате мы имеем рост числа подростковых психозов, депрессий и разного рода поведенческих девиаций.

В целом можно говорить о том, что каналы получения актуальной сексуальной информации о половой жизни взрослых изменились, но качество поставляемой информации не улучшилось. В своем большинстве она представляет собой суррогатное знание — в виде порнографии, экстремальных, а точнее, аномальных способов удовлетворения сексуальных желаний.

В-третьих, повысилась общая сексуальная осведомленность молодежи в области секса и сексуальных взаимоотношений. Причем в своем большинстве эта осведомленность своим источником имеет не родителей и родственников, не школу и органы власти и государственного управления, а некие посторонние неофициальные или полуофициальные источники. Другими словами, при росте общей сексуальной осведомленности она, в своем большинстве, так и осталась по своей сути фрагментарной и несистемной.

В-четвертых, взрослые стали более терпимо и лояльно относиться к проблеме информированности детей о сексе и сексуальных взаимоотношениях. Существенно снизился уровень ханжества и пуританства родителей. У автора есть подозрение, что многие родители как бы вздохнули с облегчением в связи с тем, что им теперь не надо разговаривать с детьми на столь деликатные темы, потому что за них это делают другие источники информации (хотя качество и эффективность этой информации, как мы уже говорили выше, остается довольно сомнительными). В принципе, такая ситуация вполне закономерна, поскольку родители (бывшие дети 70-х — 80-х гг. прошлого века) не имеют практического опыта подобных разговоров и общения со своими собственными родителями (нынешними дедушками и бабушками) в то время, когда они (родители современных детей) сами были детьми или подростками.

В-пятых, появились новые виды общения подростков друг с другом, по форме напоминающие сугубо взрослое общение. Это посещение кафе, баров, кинозалов, торгово-развлекательных центров и комплексов, сети быстрого питания, такие, например, как «Вкусно и точка», “Burger King”, “Domino's Pizza, “KFS” и др. В каждом городе возникли свои точки притяжения молодежи,

основу которых чаще всего составляют заведения общепита, принадлежащие той или иной сети быстрого питания.

Правды ради следует сказать, что подобные тенденции, наметились еще в 70–80-х гг. прошлого века, но как массовые поведенческие практики, они получили самое широкое распространение именно сейчас.

Например (295):

Вспомним героев фильма «Курьер» (реж. К. Шахназаров, 1986 г.), которые нашли место для своего свободного времяпрепровождения в дешевом кафе.

В-шестых, широкое распространение у молодежи получили совместные занятия спортом в спортивных секциях, фитнесс-клубах, спортзалах, качалках. Их постоянными посетителями стали, в том числе и девушки, что ранее, в 70-е гг. прошлого века представить было невозможно.

В-седьмых, широкое распространение получили добрачные половые связи. В своем подавляющем большинстве они перестали осуждаться обществом как аморальный и девиантный тип поведения, получив своеобразную легализацию в массовом сознании.

Конечно, данный перечень можно было бы продолжить, но банальное перечисление всех форм предсексуального, раннего сексуального и псевдосексуального поведения современных детей и подростков займет слишком много места и потребует соответствующего анализа, что не вписывается в тематику настоящего повествования. Поэтому мы ограничились лишь теми, которые, как говорится, лежат на поверхности и видимы невооруженным взглядом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Делать выводы по результатам исследований в сфере секса и сексуальных взаимоотношений, занятие неблагодарное, поскольку каждый читатель считает себя в той или иной мере специалистом в данной области. В итоге мы можем соглашаться или наоборот — не соглашаться с мнением автора, апеллируя к своему собственному опыту, но в тоже время с удовольствием читать подобные книги. Что и говорить, секс несмотря на свою распространенность, остается глубоко интимным актом, поэтому возникновение тайного желания узнать о том «а как это происходит у других?» — представляется вполне логичным.

Пример (296):

«*Когда политика пресловутой перестройки стала набирать обороты, то вместе с импортными видеомагнитофонами в нашу страну хлынул поток нелегальной порновидеопродукции.*

В то время (*1990 г.*) *один из моих сослуживцев организовывал у себя дома просмотры подобных фильмов. На эти вечерние "посиделки" собирались военные всех возрастов, от безусых лейтенантов, до древних майоров предпенсионного возраста. Отбор зрителей был жестким. КПСС тогда еще существовала, и нужно было опасаться стукачей. Интересно, что одним из организаторов таких просмотров был заместитель начальника политотдела воинской части* (*!*), *т. е. коммунист до мозга и костей. Именно он негласно утверждал окончательный список потенциальных зрителей, рекомендуя одних и вычеркивая других из перечня приглашенных на "сеанс".*

Кстати, свою жену мой сослуживец (*организатор этих "посиделок"*) *на время просмотра порнушки отправлял в гости к соседке. Жена знала об этих сеансах, но не препятствовала их организации и проведению*» [А151].

Комментарий:

Повальное увлечение просмотром порнофильмов гражданами нашей страны (причем независимо от возраста), в тот период было явлением широко распространенным и вполне закономерным. Дело в том, что несмотря на всю запредельную аморальность подобных видео, они выполняли важную функцию секспросвета, заполняя собой ту информационную нишу, которая не признавалась официальными властями, или, в крайнем случае, считалась само собой разумеющейся. Подобные просмотры компенсировали десятилетия информационного вакуума о сексуальной сфере взаимоотношений между людьми.

Мы полагаем, что вполне может обнаружиться большое число несогласных читателей, считающих, что те или иные аспекты межполовых отношений изложены в данной книге недостаточно или наоборот — слишком подробно. Именно поэтому нам не хотелось бы повторяться, и обращаться к пространным выводам, тем более что практически каждая глава содержит свою резюмирующую часть, не говоря уже о завершающей пятой части, имеющей обобщающий характер.

Кроме того, очень сложно делать какие-либо выводы о том, что было когда-то, смотря на все это из дня сегодняшнего, потому что свидетели и очевидцы тех событий под влиянием времени, постепенно меняют свои оценки, мнения, отношения к происшедшему когда-то, не зависимо от того, хотят они этого или нет. С таких позиций изложенные в книге материалы — заметки, наблюдения, воспоминания, свидетельства очевидцев, а также пространные

замечания и комментарии могут заслуживать не столько критики, сколько дополнения и уточнения.

В целом же, подводя итог, можно ограничиться следующими основными положениями:

1. 70-е гг. XX в. в истории нашей страны получили название «застоя». Это в полной мере относится и к проблеме полового (сексуального) воспитания. В рассматриваемый период оно практически полностью отсутствовало, а если и существовало, то имело исключительно медико-профилактический, этико-моральный и воспитательно-педагогический характер. Но ничего сексуального и эротичного в нем, в современном понимании этих слов не было. Это был период, если так можно выразиться, максимального эротического и сексуального вакуума, который продлился в нашей стране с момента отмены полового просвещения в школах в 1965 г. и до начала пресловутой перестройки, начатой по инициативе М. Горбачева в 1985 г.

2. Огромное значение в организации сексуального воспитания и просвещения в рассматриваемый период имела ограничительно-запретительная политика государства. В своей основе она опиралась на идеологически жесткие установки, подразумевающие что секс и все, что с ним связано — явление аморальное, свойственное «загнивающему Западу» и не характерное для светлых и возвышенных отношений, возникающих между разнополыми строителями коммунизма. Поэтому, наверное, было бы правильнее говорить не столько об отсутствии сексуального воспитания и просвещения, сколько о его запрете.

3. Система традиционного семейного воспитания в сфере пола и секса в своих основных чертах совпадала с политикой государства.

4. Вместе с тем, в 70-х — первой половине 80-х гг. прошлого века в стране одновременно существовала и другая, параллельная и независимая модель сексуального воспитания и просвещения, предполагающая свободное творчество масс и отбрасывающая все и всяческие сексуальные запреты и ограничения. Ее основной формой было самообразование детей и подростков, а своеобразие и вариативность этого самообразования зависели от многих факторов: психологического склада личности ребенка, его физических и физиологических особенностей, темперамента, скорости полового созревания, социального окружения, образовательного уровня родителей и их дохода, условий проживания и т. д. и т. п.

5. В результате дети и подростки 70-х гг. прошлого века в сфере сексуального воспитания и образования, в своем большинстве были предоставлены сами себе и самостоятельно решали данную проблему. Влияние на этот процесс государства, общества и родителей было минимальным и выражалось на практике не в распространении соответствующей информации о сексе и межполовых отношениях, а ее максимальном ограничении. Такое невнимание порождало спонтанные, уникальные практики сексуального самовоспитания, многие из которых еще ждут своего исследователя.

6. К концу рассматриваемого периода в стране наметились некоторые тенденции к модернизации системы полового самообразования и самовоспитания детей и подростков. Они были обусловлены изменениями в политико-экономической и культурной жизни страны. Сексуальное самовоспитание и самообразование все больше и больше получает подпитку извне, в виде

различной, еще достаточно фрагментарной, но в тоже время важной информации, из-за рубежа. Прежде всего, это касается зарубежного кинематографа, скрытного распространения порнографических материалов, западной моды, популярной музыки и, в целом, пропаганды западного образа жизни. Все это не могло не сказаться на сексуальном воспитании (самовоспитании) детей и подростков тех лет.

7. Начавшаяся в стране перестройка и гласность закономерно привели к модернизации системы полового воспитания и просвещения, а точнее — самовоспитания и самообразования. Однако это процесс был спонтанным, неорганизованным и представлял собой стихийное творчество масс. Оказалось, что в знаниях о сексе и сексуальности в одинаковой мере заинтересованы не только дети и подростки, но и сами взрослые. Ну а государство от этого процесса постаралось всячески дистанцироваться, не зная и не понимая как к нему отнестись и как его квалифицировать. Годами насаждавшиеся идеологические нормы и предписания уже не срабатывали. В условиях такой оценочной неопределенности, вопросы сексуальности стали быстро комерционализироваться и приобрели уродливый, гипертрофированный вид (та же самая порнография — фото и видео, легализация проституции, сутенерство), не имеющий ничего общего с тем, какой должна быть настоящая сексуальность, имеющая в своей основе взаимную любовь мужчины и женщины.

8. Таким образом, несмотря на произошедшие в этой области перемены и обилие разнообразных сведений о межполовых отношениях (начиная от публикации серьезных трактатов о любви, кончая доступностью просмотра порнографического контента в Интернете), современные юноши и девушки все равно остаются лишенными объективной и правдивой информации о сексе и сексуальных взаимоотношениях. И в этом нам видится сходство между подростками 70-х гг. прошлого века, пребывавших в полном информационном вакууме в вопросах секса и сексуальности и современными подростками буквально утопающими в море самой разнообразной информации об этих самых отношениях, но, по сути, также ничего о них не знающих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

А. Полевые материалы

1. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 01). Услышан от одного из дворовых приятелей. Примерно 1969–1970 гг., г. Евпатория.
2. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 02). Услышан от родного отца. Пер. пол. 70-х гг. XX в., г. Евпатория.
3. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 03). Услышан от одного из дворовых приятелей. Примерно в 1972–1973 гг. XX в., г. Евпатория.
4. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 04). Услышан от двоюродного брата (одного с ним возраста). Примерно 1973–1974 гг., г. Севастополь.
5. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 05). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1974 г., г. Евпатория.
6. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 06). Услышан от одного из дворовых приятелей. Примерно 1974–1975 гг., г. Евпатория.
7. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 07). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1974–1976 гг., г. Евпатория.
8. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 09). Услышан от одного из одноклассника. Примерно 1974–1975 гг., г. Евпатория.
9. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 08). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1975 г., г. Евпатория.
10. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 09). Услышан от одного из дворовых приятелей. Примерно 1974–1976 гг., г. Евпатория.
11. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 10). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1974–1977 гг., г. Евпатория.
12. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 11). Услышан от одного из одноклассников. Сер. 70-х гг. XX в., г. Евпатория.
13. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 12). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1975–1976 г., г. Евпатория.
14. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 13). Услышан от двоюродного брата (одного с ним возраста). Примерно 1975–1977 г., г. Евпатория.
15. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 14). Услышан от одного из дворовых приятелей. Примерно 1975–1977 г., г. Евпатория.

16 Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 15). Услышан от родного отца. Примерно 1975–1978 гг., г. Евпатория.

17. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 16). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1976 г., г. Евпатория.

18. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 17). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1976–1977 гг., г. Евпатория.
19. Анекдот из собственных детских воспоминания автора (№ 18). Услышан от одного одноклассников. Примерно 1976–1979 гг., г. Евпатория.
20. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 19). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1977 г., г. Евпатория.
21. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 20). Услышан от приятеля по детскому санаторию. 1977 г., г. Евпатория.
22. Анекдот из собственных детских воспоминаний автора (№ 21). Услышан от двоюродного брата (одного с ним возраста). Примерно 1977 г., г. Севастополь.
23. Анекдот из собственных подростковых воспоминания автора (№ 22). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1977–1978 гг., г. Евпатория
24. Анекдот из собственных подростковых воспоминаний автора (№ 23). Услышан от одного из дворовых приятелей. Примерно 1977–1978 гг., г. Евпатория.
25. Анекдот из собственных подростковых воспоминаний автора (№ 24). Услышан от двоюродного брата (одного с ним возраста). Примерно 1977–1978 гг., г. Евпатория.
26. Анекдот из собственных подростковых воспоминания автора (№ 25). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1977–1979 гг., г. Евпатория.
27 Анекдот из собственных подростковых воспоминания автора (№ 26). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1978 г., г. Евпатория.
28. Анекдот из собственных подростковых воспоминаний автора (№ 27). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1978–1979 гг. г. Евпатория.
29. Анекдот из собственных подростковых воспоминаний автора (№ 28). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1978–1980 гг., г. Евпатория.
30. Анекдот из собственных подростковых воспоминаний автора (№ 29). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1979 г., г. Евпатория.
31. Анекдот из собственных подростковых воспоминаний автора (№ 30). Услышан от одного из одноклассников. Примерно 1979–1980 гг., г. Евпатория
32. Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 31). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Нач. 80-х гг. XX в., г. Ленинград.
33. Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 32). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1980–1981 гг., г. Ленинград.
34. Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 33). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1980–1982 гг., г. Ленинград.

35. Анекдот из собственных юношеских воспоминания автора (№ 34). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1980–1983 гг., г. Ленинград.
36. Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 35). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1980–1984 г., г. Ленинград.
37. Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 36). Услышан от одного из сослуживцев по военному училищу. Примерно 1980–1984 гг., г. Ленинград.
38. Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 37). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1981–1983 гг., г. Ленинград.
39. Анекдот из собственных юношеских воспоминания автора (№ 38). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1981–1984 г., г. Евпатория.
40. Анекдот из собственных юношеских воспоминания автора (№ 39). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1982 г., г. Евпатория.
41 Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 40). Услышан от одного из сокурсников по военному училищу. Примерно 1982–1983 г., г. Ленинград.
42. Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 41). Услышан от одного из сослуживцев по военному училищу. Примерно 1982–1983 гг., г. Ленинград.
43 Анекдот из собственных юношеских воспоминаний автора (№ 42). Услышан от одного из преподавателей военного училища. Примерно 1984 г., г. Ленинград.
44. Анекдот из собственных юношеских воспоминания автора (№ 43). Услышан от одного из сослуживцев. Примерно 1985 г., г. Керчь.
45. Воспоминание моего двоюродного брата — Обухова С. В., 1952 г. р. которое относится к 1966 г., г. Воронеж. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 2021 г., г. Рязань.
46. Воспоминание моей жены — Пронозы (Седых) Е. В., которое относится к 1985–1986 гг., с. Хоб-Богоявленское Первомайского района Тамбовской области. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 2015 г., г. Рязань.
47. Воспоминание моей жены — Пронозы (Седых) Е. В., которое относится к 2012–2013 гг., г. Керчь, Республика Крым. Записано мною (Проноза А. В.) в 2018 г., г. Керчь.
48. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1976–1980 гг. (возраст 13–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2019 г., г. Рязань.
49. Воспоминание моей жены — Пронозы (Седых) Е. В. которое относится к концу 80-х — концу 90-х гг. XX в., с. Хоб-Богоявленское, Первомайского р-на, Тамбовской обл. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 2021 г., г. Нижний Новгород.
50. Воспоминание моей матери — Пронозы Н. С., 1927 г. р., которое относится к 1938 г., с. Алпатьево, Луховицкого р-на, Московской обл. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 2021 г., г. Рязань.

51. Воспоминание моей матери — Пронозы Н. С., 1927 г. р., которое относится ко второй половине 30-х гг. XX в., с. Алпатьево, Луховицкого р-на, Московской обл. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 2019 г., г. Рязань.
52. Воспоминание моей матери — Пронозы Н. С., 1927 г. р., которое относится к 70-м — 80-м гг. XX в., г. Евпатория, Крымской обл. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 2020 г., г. Рязань.
53. Воспоминание моего отца — Пронозы В. А., 1927 г. р., которое относится к 50–60 гг. XX в. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 2003 г., г. Керчь.
54. Воспоминание моей тетки Власовой В. А. — двоюродной сестры моего отца, которое относится к началу 50-х гг. XX в. Зафиксировано мною (Проноза А. В.) в 1995 г., г. Краснодар.
55. Письмо моего двоюродного брата от 14.02.1977 г. из Севастополя. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
56. Письмо моего двоюродного брата от 18.09.1977 г. из Севастополя. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
57. Письмо моего двоюродного брата от 27.10.1977 г. из Севастополя. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
58. Письмо моего двоюродного брата от 06.12.1977 г. из Севастополя. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
59. Письмо моего двоюродного брата от 23.12.1977 г. из Севастополя. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
60. Письмо моего двоюродного брата от 27.10.1978 из Севастополя. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
61. Письмо моего двоюродного брата от 16.03.1981 г. из Харькова. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
62. Письмо моего двоюродного брата от 10.03.1982 г. из Харькова. Оригинал письма находится в семейном архиве автора.
63. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1966–1967 гг. (возраст 3–4 года), г. Севастополь. Зафиксировано в 2016 г., г. Рязань.
64. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1966–1967 гг., (возраст 3–4 года), г. Севастополь. Зафиксировано в 2017 г., г. Рязань.
65. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1966–1967 гг. (возраст 3–4 года), г. Севастополь. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
66. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1967–1968 гг. (возраст 4–5 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2019 г., г. Рязань.
67. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1968 г. (возраст 5 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
68. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1968–1969 гг. (возраст 5–6 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2018 г., г. Керчь.
69. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1968–1970 гг. (возраст 5–7 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Керчь.

70. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1968–1971 гг. (возраст 5–8 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2013 г., г. Керчь.
71. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1969 г. (возраст 6 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2017 г., г. Рязань.
72. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1970 г. (возраст 7 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2016 г., г. Рязань.
73. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1970–1972 гг. (возраст 7–9 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
74 Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1970–1972 гг. (возраст 7–9 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
75. Собственное воспоминание автора, которое относится к началу 70-х гг. XX в., г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
76. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1970–1973 гг. (возраст 7–10 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2011 г., г. Керчь.
77 Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1970–1973 гг. (возраст 7–10 лет), г., Евпатория. Зафиксировано в 2012 г., г. Керчь.
78. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1970–1973 гг. (возраст 7–10 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2013 г., г. Керчь.
79. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1970–1973 гг. (возраст 7–10 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань
80. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 70-м гг. XX в, г. Евпатория. Зафиксировано в 2015 г., г. Рязань.
81. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1971–1972 гг. (возраст 8–9 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
82. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1971–1973 гг. (возраст 8–10 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
83. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1971–1972 гг. (возраст 8–9 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2019 г., г. Рязань.
84. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1971–1980 гг., г. (возраст 8–17 лет), Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
85. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1972 г. (возраст 9 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2011 г., г. Керчь.
87. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к лету 1973 г. (возраст 10-лет), г. Евпатория, пионерлагерь «Лазурный». Зафиксировано в 2021 г., г. Керчь.
87. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1973–1977 гг. возраст 10–14 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Керчь.

88. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974 г. (возраст 11 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
89. Собственное воспоминание автора, которое относится к сер. 70-х гг. XX в., г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
90. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1973–1978 гг. (возраст 10–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2014 г., г. Севастополь
91. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1973–1978 гг. (возраст 10–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2017 г., г. Рязань.
92. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1978 гг. (возраст 11–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2012 г., г. Керчь.
93. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1975 гг. (возраст 11–12 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2015 г., г. Рязань.
94. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1978 гг. (возраст 11–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
95. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1978 гг. (возраст 11–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
96. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1979 гг. (возраст 11–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2010 г., г. Керчь.
97. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1979 гг. (возраст 11–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2015 г., г. Москва.
98. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1979 гг. (возраст 11–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
99. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1979 гг. (возраст 11–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
100. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1980 гг. (возраст 11–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2011 г., г. Керчь.
101. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1974–1980 гг. (возраст 11–17 лет), Евпатория. Зафиксировано в 2015 г., г. Рязань.
102. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1975 гг. (возраст 12 лет), г. Евпатория, школа № 2. Зафиксировано в 2012 г., г. Керчь.
103. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к сер. 70-х гг. XX в., г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.

104. Собственные воспоминания автора, которые относятся примерно к 1972–1980 гг. (возраст 9–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
105. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к сер. 70-х гг. XX в., г. Евпатория. Зафиксировано в 2022 г., г. Рязань.
106. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к сер. 70-х — сер. 80-х гг. XX в., г. Евпатория, Ленинград, Керчь. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
107. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к сер. 70-х — сер. 80-х гг. XX в., г. Евпатория, Ленинград, Керчь. Зафиксировано в 2022 г., г. Рязань.
108 Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1978 гг. (возраст 11–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2019 г., г. Керчь.
109 Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1978 гг. (возраст 11–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
110. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1978 гг. (возраст 11–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
111. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1978 гг. (возраст 11–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
112. Собственное наблюдение автора, которое относится примерно к 1975–1979 гг. (возраст 12–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
113. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1979 гг. (возраст 12–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
114. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1979 гг. (возраст 12–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2022 г., г. Керчь.
115. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1980 гг. (возраст 12–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Керчь.
116. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1975–1980 гг. (возраст 12–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Краснодар.
117. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к весне 1976 г. (возраст 13 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Керчь.
118. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1976 г. (возраст 13 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
119. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1976–1978 гг. (возраст 13–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2013 г., г. Рязань

120. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1976–1978 гг. (возраст 13–15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2015 г., г. Рязань
121. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1976–1979 гг. (возраст 13–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
122 Собственное детское воспоминание автора, которое относится примерно к 1976–1980 гг. (возраст 13–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
123. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1976–1980 гг. (возраст 13–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
124. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1976–1980 гг. (возраст 13–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2022 г., г. Рязань.
125. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1977 г. (возраст 14 лет), г. Евпатория, Детский санаторий «Алые паруса». Зафиксировано в 2021 г., г. Керчь.
126. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1977 г. (возраст — 14 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Нижний Новгород
127. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к ноябрю — декабрю 1977 г. (возраст 14 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
128. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1977–1982 гг. (возраст 14–19 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2019 г., г. Рязань.
129. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978 г., г. Евпатория. Зафиксировано в 2013 г., г. Керчь.
130. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978 г. (возраст 15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
131. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978 г. (возраст 15 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Краснодар.
132. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978–1979 гг. (возраст 15–16 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
133. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1979 г. (возраст 16 лет), г. Брест. Зафиксировано в 2018 г., г. Рязань.
134. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978–1980 гг. (возраст 15–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2010 г., г. Керчь.
135. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978–1980 гг. (возраст 15–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.

136. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978–1980 гг. (возраст 15–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
137. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978–1980 гг. (возраст 15–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Керчь.
138. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978–1980 гг. (возраст 15–17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2022 г., г. Рязань.
139 Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1978–1985 гг. (возраст 15–22 года), г. Ленинград — г. Керчь. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
140 Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1979 г. (возраст 16 лет), Евпатория. Зафиксировано в 2018 г., г. Рязань.
141. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1979 г. (возраст 16 лет), Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
142. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1979–1980 гг. (возраст 16–17 лет), Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Керчь.
143. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1979–1982 гг. (возраст 16–19 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2019 г., г. Рязань.
144. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1979–1985 гг. (возраст 16–22 года), г. Евпатория. Зафиксировано в 2015 г., г. Рязань.
145. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1980 г. (возраст 17 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Нижний Новгород.
146. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1980–1982 гг. (возраст — 17–19 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
147. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1980–1983 гг. (возраст — 17–20 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань
148. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 1980–1985 гг. (возраст 17–22 года), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
149. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1983 г. (возраст 20 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2021 г., г. Санкт Петербург.
150. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1990 г., г. Керчь. Зафиксировано в 1996 г., г. Евпатория.
151. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1990 г., г. Керчь. Зафиксировано в 2011 г., г. Керчь.
152. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1990 г., г. Евпатория. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.
153. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1990–1991 гг., г. Керчь. Зафиксировано в 2022 г., г. Рязань.

154. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1991 г., г. Керчь. Зафиксировано в 1996 г., г. Керчь.
155. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 2012 г., г. Керчь. Зафиксировано в 2021 г., г. Рязань.
156. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1996 г., г. Краснодар. Зафиксировано в 1996 г., г. Краснодар.
157. Собственное воспоминание автора, которое относится к 1997 г. (возраст 14 лет), г. Евпатория. Зафиксировано в 2007 г., г. Керчь.
158. Собственное воспоминание автора, которое относится примерно к 2002–2003 гг., г. Керчь. Зафиксировано в 2017 г., г. Рязань
159. Собственное вспоминание автора, которое относится примерно к 2010–2014 г., когда его сыну было 11–15 лет, г. Керчь. Зафиксировано в 2020 г., г. Рязань.

Б. Литература

1. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г.
2. Уголовный кодекс РСФСР от 07 марта 1934 г.
3. Уголовный кодекс РСФСР от 1926 г.
4. «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» был введен с ноября 1941 года на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. “О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР” и от 8 июля 1944 г. (раздел IV “О налоге на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР”) с последующими дополнениями и изменениями».
5. «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» был введен с ноября 1941 года на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. “О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР” и от 8 июля 1944 г. (раздел IV “О налоге на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР”) с последующими дополнениями и изменениями».
6. Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родительных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах» — 1936, 27 июня.
7. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изделий, изображений и иных предметов и торговлю ими» — 1935, 17 октября.
8. Постановление Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции «Об искусственном прерывании беременности» — 1920, 16 ноября.
9. 2Андрей1 [77.5K]. Кому продавали презервативы в СССР? Продавали ли их подросткам? / 2Андрей1 [77.5K] // Большой вопрос.ru : [сайт] — URL: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/ 3116862-komu-prodavali-

prezervativy-v-sssr-prodavali-li-ih-podrostkam.html (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
10. 18 любопытных фотографий о том, какими были выпускники в СССР // Брянск : [сайт] — URL: https://123ru.net/bryansk/206474418/ — Дата публикации: 30 июня 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
11. Аввакумов, М. Как играть в ножички / М. Аввакумов // Школа Жизни ру. Познавательный журнал : [сайт] — URL: https://www.shkolazhizni.ru/sport/articles/904/ — Дата публикации: 28 июля 2006 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
12. Агапкина, Т. А. Качели, качаться на качелях / Т. А. Агапкина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. — Т. 2: Д-К (Крошки) — Москва : Международные отношения, 1994. — 704 с. — (Институт славяноведения РАН) — ISBN 5-7133-0982-7 (т. 2). — Текст : непосредственный.
13. Адорно, Т. В. Избранное: социология музыки / Т. Адорно ; [сост.: С. Я. Левит, С. Ю. Хурумов ; пер.: М. И. Левина, А. В. Михайлов]. — [2-е изд.]. — Москва : РОССПЭН, 2008 (Ульяновск : Ульяновский Дом печати). — 444, [1] с. — (Книга света); ISBN 978-5-8243-0878-5 (в пер.). — Текст : непосредственный.
14. Азаров, Ю. П. Семейная педагогика / Ю. П. Азаров ; 2-е изд., перераб и доп. — Москва : Издательство политической литературы, 1985. — 238 с., ил. — (Библиотечка семейного чтения). — Текст : непосредственный.
15. Айвазян А. Секс в СССР в рассказах участниц соитий / А. Айвазян, И. Кравцова, Н. Красильникова // Афиша daily : [сайт] — URL: https://daily.afisha.ru/relationship/157-seks-v-sssr-v-rasskazah-chastnic-soitij/ — Дата публикации: 25 декабря 2015 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
16. Акушерство и гинекология. — Москва : Медицина, 1974 — № 1. — Текст : непосредственный.
17. Алиса А. Эксгибиционисты / А. Алиса // Откровения. Форум «Моей Семьи»; Общероссийская газета Моя семья : [сайт]. — URL: http://forum.moya-semya.ru/index.php?app=forums&module=forums&contro ller=topic&id=3603&page=14 — Дата публикации: 20 декабря 2004 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
18. Ал. Олег. Дом Островского — остров русского Замоскворечья / Ал. Олег // Журнал «Самиздат» : [сайт] — URL: http://budclub.ru/o/odinec_o/h-ostrovsky.shtml — Дата публикации: 25 июля 2012 (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
19. Альбинский, В. А. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья / В. А. Альбинский, К. Э. Шумов // Русский фольклор. — Ленинград, 1991, т. 26, с. 171–188. — Текст : непосредственный.
20. Андреева, Л. О понятии принуждения при изнасиловании / Л. Андреева // Правоведение., 1960. — № 2. — С. 14–16. — Текст : непосредственный.
21. Анекдот // Все шуточки : [сайт] — URL: https://vse-shutochki.ru/anekdot/124316 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

22. Анекдот_№ 71647 / anekdot.ru : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/71647/ — Дата публикации: 14 декабря 2003 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
23. Анекдот № 95463 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/ id/95463/ — Дата публикации: 16 мая 2004 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
24. Анекдот № 118811 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/118811/ — Дата публикации: 12 октября 2004 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
25. Анекдот № 162205 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/162205/ — Дата публикации: 21 мая 2005 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
26. Анекдот № 193267 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/193267/ — Дата публикации: 8 ноября 2005 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
27. Анекдот № 223214 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/223214/ — Дата публикации: 16 апреля 2006 (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
28. Анекдот № 424361 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/424361/ — Дата публикации: 27 ноября 2009 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
29. Анекдот № 466784 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/466784/ — Дата публикации: 2 сентября 2010 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
30. Анекдот № 808361 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/808361/ — Дата публикации: 4 февраля 2016 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
31. Анекдот № 831118 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/831118/ — Дата публикации: 18 июня 2016 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
32. Анекдот № 9974366 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-9974366/ — Дата публикации: 29 апреля 2002 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
33. Анекдот № 10093711 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-10093711/ — Дата публикации: 5 сентября 2000 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
34. Анекдот № 110121028 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-110121028/ — Дата публикации: 1 ноября 1998 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
35. Анекдот № 122219015 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-1122219015/ — Дата публикации: 22.12.1999 (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
36. Анекдот № 1010400193 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-1010400193/ — Дата публикации: 4 января 1999 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
37. Анекдот № 1030900100 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-1030900100/ — Дата публикации: 9 марта 1999 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

38. Анекдот № 1102619033 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-1102619033/ — Дата публикации: 26 октября 1999 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
39. Анекдот № 112021 9049 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-1120219049/ — Дата публикации: 2 декабря 1999 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
40. Анекдот № 2051419019 / Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru/id/-2051419019/ — Дата публикации: 14 мая 2000 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
41. Анекдотов.net : [сайт] — URL: https://anekdotov.net — (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
42. Анекдот, по теме: так на чем я остановился… / Форум мужчины и женщины на ykt.ru : [сайт] — URL: https://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=367471 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
43. Анекдоты из России : [сайт] — URL: https://www.anekdot.ru (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
44. Анекдоты.ру : [сайт] — URL: https://anekdoty.ru (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный/
45. Анисимов, Е. В. Россия в середине XVIII века : Борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. — Москва : Мысль, 1986. — 237, [2] с., [24] л. ил. — Текст : непосредственный.
46. Антропология дарения подарков и его культурные последствия / Сайт: Yoair Blog : [сайт] — URL: https://www.yoair.com/ ru/blog/anthropology-of-gift-giving-and-its-cultural-implications/ (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
47. Анурин, В. Ф. Сексуальная революция на марше (предисловие переводчика) / В. Ф. Анурин // Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — Санкт-Петербург : Питер, 2004. — С. 7–28. — Текст : непосредственный.
48. Анурин, В. Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 88–95. — Текст : непосредственный.
49. Арсан, Э. Эммануэль : Роман в 2 ч. : [Перевод] / Э. Арсан. — Тбилиси : Веста ; Москва : Зевс, 1992. — 334, [1] с. — ISBN 5-88492-002-4 (В пер.). — Текст : непосредственный.
50. Атасов, С. Самые красивые… Анекдоты про женщин / С. Атасов. — Москва : Т8, 2021. — 140 с. — ISBN: 978-5-517-03753-4 — Текст : непосредственный.
51. Балкантон / ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Балкантон (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
52. Барбаева, В. Сигареты в СССР в 80 годах стоили от 12 коп. / В. Барбаева // Я-капиталист. Про личные финансы и имущество : [сайт] — URL: https://yakapitalist.ru/finansy/stoimost-sigaret-v-sssr/ — Дата публикации: 5 сентября 2019 (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.

53. Безразличный [221K]. Кому продавали презервативы в СССР? Продавали ли их подросткам? / Безразличный [221K] // Большой вопрос.ru : [сайт] — URL: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3116862-komu-prodavali-prezervativy-v-sssr-prodavali-li-ih-podrostkam.html (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
54. Березков Е. Опус об отце Онуфрии, обсуждение, объявления / Е. Березков // Проза.ру : [сайт] — URL: https://proza.ru/2012/02/24/1472 (дата обращения:). — Текст : электронный.
55. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета — Изд. 5-е. — Москва : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 1376 с. : ил., к., табл. — ISBN 978-5-88017-237-5 — Текст непосредственный.
56. Бледной луной озарился / Дворовые и блатные песни // A-PESNI песенник анархиста-подпольщика : [сайт] — URL: http://a-pesni.org/dvor/blednlunoj.php (дата обращения : 13.02.2022). — Текст электронный.
57. Блонский, П. П. Очерки детской сексуальности / П. П. Блонский. ; Гос. Центр. Науч.-исслед. ин-т охраны здоровья детей и подростков НКЗ РСФСР. — Ленинград ; Москва : Центральный институт охраны здоровья детей и подростков. — 1935. — 124 с. Текст : непосредственный.
58. Бойцова, Л. Л. «Сидор и Дзюд» — святочное представление ряженых / Л. Л. Бойцова, Н. К. Бондарь. // Зрелищно-игровые формы народной культуры: Сб. науч. ст. :. / Отв. ред. И сост. Л. М. Ивлева. Ленинград : ЛГИТМиК, 1990. С. 192–195. — Текст : непосредственный.
59. Боккаччо, Дж. Декамерон / Дж. Боккаччо; Пер. с итал. Н. Любимова ; Вступ. ст. Б. Пуришева ; Примеч. Н. Томашевского. — Москва : Правда, 1989. — 752 с., ил. — Текст : непосредственный.
60. Болезнь или распущенность: кто такие эксгибиционисты и что им нужно? // bigpicture : [сайт] — URL: https://bigpicture.ru/bolezn-ili-raspushhennost-kto-takie-eksgibicionisty-i-chto-im-nuzhno/ (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
61. Брацкий, Я. Жевать, не переживать: психолог объяснила воздействие жвачки на уровень стресса / Я. Брацкий // Livejournal : [сайт] — URL: https://tvzvezda.ru/news/2021424334-VoSBK.html — Дата публикации: 24 апреля 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
62. Был-ли проблемой детский алкоголизм в СССР в 1984–85 годах? Пожалуй, всяко бывало // Дзен [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5bde90a36ff97800aa527c02/byl-li-problemoi-detskii-alkogolizm-v-sssr-v-198485-godah-pojalui-vsiako-byvalo-5daf13d1bc251400ae3f152e — Дата публикации 22 октября 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
63. Бурлаков, И. Г. Как должны жить муж с женой / И. Г. Бурлаков. — Харьков: Научная мысль, 1927. — 32 с. — (Библиотека Санпросвета; № 26). — Текст : непосредственный.
64. Василий. Тетрадь с аккордами / Василий // Livejournal : [сайт] — URL: https://vasilii.livejournal.com/171636.html — Дата публикации: 11 августа 2013 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

65. Василь Иваныч, лошади лысые рождаются! // Анекдоты категории Б [сайт] — URL: https://baneks.site/Василь-Иваныч-лошади-лысые-рождаются / (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
66. Васильченко, Г. Патогенетические механизмы импотенции / Г. Васильченко. — Москва : Медгиз, 1956. — 172 с. : ил. — Текст : непосредственный.
67. Весна (магнитофон // Сайт: ВикипедиЯ Свободная энциклопедния — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Весна_(магнитофон)# «Весна-305»_и_«Весна-306» — Дата публикации: 4 августа 2014 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
68. Видеозапись фрагмента телемоста «Ленинград-Бостон» на YouTube // Youtube : [сайт] — URL: https://www.youtube.com/watch?v=y0FTbeKGPjM — (дата обращения: 18.02.2022).
69. Владимиров, С. С. Медики шутят, или Смех — лучшее лекарство от всех болезней / С. С. Владмиров. — Москва : Ленанд, 2021. — 160 с. — 978-5-9710-9031-1 — Текст : непосредственный.
70. В нашу гавань заходили корабли // Дворовые и блатные песни // A-PESNI песенник анархиста-подпольщика [сайт] — URL: http://a-pesni.org/dvor/vnachugavan.php (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
71. В нашу гавань заходили корабли // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/В_нашу_гавань_заходили_корабли — Дата публикации: 1 февраля 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
72. «В нашу гавань заходили корабли» : [сайт] — URL: http:// www.ngavan.ru (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
73. Волошин С. Гитара первая моя / С. Волошин // Музей СССР «20-й век» Ретро, воспоминания, ностальгия : [сайт] — URL: http://20th.su/2015/08/19/gitara-pervaya-moya/?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения:). — Текст : электронный.
74. Гидденс, Э. Трансформация интимности : Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс : [пер. с англ. В. Анурина]. — Санкт-Петербург : Питер, 2004. — 208 с.; 21. — (Мастера социологии); ISBN 5-469-00133-4 : 4000 — Текст непосредственный.
75. Глафирушка.Teach-In (Тич-Ин) — I'm alone (Я одинок… 1975) Любимые песни из юности… // Liveinternet : [сайт] — URL: https://www.liveinternet.ru/users/pannat/post168476259 (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
76. Голод, С. И. Город меняет моральные нормы / С. И. Голод // Наука и техника. — Рига, 1968. — № 11. — С. 16–19. — Текст : непосредственный.
77. Голод, С. И. Изучение половой морали в 20-е годы / С. И. Голод // Социологические исследования. — 1986. — № 2. — С. 152–155. — Текст : непосредственный.
78. Голод, С. И. Личная жизнь: любовь, отношения полов / С. И. Голод. — Ленинград : Знание, 1990. — 32 с. — ISBN 5-7320-0017-8. — Текст : непосредственный.

79. Голод, С. И. Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX в. / С. И. Голод // Социология сексуальности. — 2010. — № 1. — С. 69–88 — Текст : непосредственный.
80. Голод, С. И. Эмансипация сексуальности в России: рубеж XIX–XX вв. / С. И. Голод // Социологические исследования. 2009. — № 9. — С. 69–79 — Текст : непосредственный.
81. Голомб, Я. Д. Половая жизнь нормальная и ненормальная / Я. Д. Голомб. — 5-е изд., испр. — Одесса : Светоч, 1927. — 31 с. : ил. — Половой вопрос в общедоступных очерках. [1-я сер.]; № 3. — Текст : непосредственный.
82. Гребенников, И. В. Этика и психология семейной жизни / И. В. Гребенников, И. В. Дубровина, Г. П. Разумихина и др. / Под редакцией И. В. Гребенникова. — Москва : Просвещение, 1984. — 256 с. — ISBN В пер. (В пер.). — Текст : непосредственный.
83. Даль, В. И. Пословицы русского народа. Сборник фольклора / В. И. Даль. — Москва : ННН, 1994. — 616 с. : ил. — ISBN 5-87927-005-X — Текст : непосредственный.
84. Дворовые песни — Вдали бушуют камыши, аккорды // AmDm.ru Возьми правильный аккорд : [сайт] — URL: https://amdm.ru/akkordi/dvorovie_pesni/164177/vdali_bushuyt_kamishi/ — Дата публикации: 5 июня 20018 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
85. Демонстрация ягодиц // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демонстрация_ягодиц (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
86. Дерягин, Г. Б. Информированность детей по вопросам пола и сексуальная активность молодежи на европейском Севере России / Г. Б. Дерягин, П. И. Сидоров, А. Г. Соловьев // Сексология и сексопатология. — Архангельск : Северный государственный медицинский университет — 2003. — № 5. — С. 33–39 — Текст : непосредственный.
87. Джиоти, К. Н. Танец как метод общения / К. Н. Джиоти // Ежеквартальный реферируемый, рецензируемый научный журнал «Вестник АГУ». — Майкоп, 2018. — Вып. 2 (222). — С. 240–243. — Текст : непосредственный.
88. Дзеффирелли, Франко. — Ромео и Джульетта — история фильма : [сайт] — URL: http://www.romeo-juliet-club.ru/dseffirelli.html (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
89. «Дискотека» 70-х. Сегодня в школе будут танцы… // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/b_and_s/ diskoteka-70h-segodnia-v-shkole-budut-tancy-5d8de0bb3d008800b 0ca1702 — Дата публикации: 11 октября 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
90. Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы : беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей / В. Р. Дольник. — Санкт-Петербург : Петроглиф, 2009. — 352 с., ил. — ISBN 978-5-98712-040-8. — Текст : непосредственный.
91. Домострой. — Москва : ИД «Экономическая газета», 2015. — 368 с. — ISBN 978-5-4319-0059-4. — Текст : непосредственный.

92. Дроздов, С. Б. Правдивые байки воинов ПВО / С. Б. Дроздов. — Москва : Издательские решения. — 2015. — 547 с. — ISBN 978-5-4474-1158-9 — Текст : непосредственный.
93. Дубогрей, В. По волнам нашей памяти. Телевидение нашего детства. «Утренняя почта» / В. Дубогрей // livejournal : [сайт] — URL: https://dubikvit.livejournal.com/470.html — Дата публикации: 19 декабря 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
94. Егоров, О. Вещи из стран соцлагеря, за которыми охотились в СССР (Фото) / О. Егоров // Сайт: Russia Beyond : [сайт] — URL: https://ru.rbth.com/watch/619-elutnyye-tovary-sssr-iz-sotsstran (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
95. Ерохина, Л. Д. Социальная конструкция сексизма и порнография / Л. Д. Ерохина // Истоки агрессии и недоверия в современном мире. — Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2005. — С. 17–28. — Текст : непосредственный.
96. Если каждому давать — поломается кровать // folklor.academic / Словарь народной фразеологии : [сайт] — URL: https://folklor.academic.ru/504/Если_каждому_давать_-_поломается_ кровать (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
97. Е. Харо. Как проходили первые дискотеки в СССР. Родом из СССР / Е. Харо // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/silver_slider/kak-prohodili-pervye-diskoteki-v-sssr-5ecc3cb8e2850f77eb284736 — Дата публикации: 20 мая 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
98. Железный экран: Какие импортные фильмы пускали в СССР // КиноПоиск : [сайт] — URL: https://www.kinopoisk.ru/media/ article/ 3267388/ — Дата публикации: 7 октября 2018 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
99. Жизнепозитив. Мне одной не нравятся концертные трусы звезд? // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/heloveshe/ mne-odnoi-ne-nraviatsia-koncertnye-trusy-zvezd-5db42af96d29c100b4f8fc8a — Дата публикации: 26 октября 2010 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
100. Жизнь животных. Энциклопедия в 6 томах / Ред. коллегия: проф. Л. А. Зенкевич (глав. ред.) [и др.]. — Москва : Просвещение, 1968–1971. — Текст : непосредственный.
101. Журнал «Кругозор» — Москва, 1983, № 3 — Текст : непосредственный.
102. Залкинд, А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата / А. Б. Залкинд // Революция и молодежь. — Москва : Издательство Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1924. (подлинник). Перепечатано в журнале Родина. — 1995. — № 9.). — Текст : непосредственный.
103. Залкинд, А. Б. Половой вопрос в условиях советской общественности : сборник статей : с послесловием автора: Два года дискуссии по половому вопросу / А. Б. Залкинд / Сб. статей с послесловием автора: два года дискуссии по половому вопросу. — Ленинград : [б. и.], 1926. — 128, [1] с. — Текст : непосредственный.

104. Зарубежные художественные фильмы в прокате СССР, СНГ и РФ (1933–1992, после 1992 года). Краткая фильмография // Киноклуб «Феникс» [сайт] — URL: http://fenixclub.com/index.php?showtopic= 187315&st=0 — Дата публикации: 18 ноября 1921 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
105. Зарубина, А. Сексуальная революция. “Make love, not war” / А. Зарубина // Дилетант : [сайт] — URL: https://diletant.media/articles/45259822/# — Дата публикации: 7 июля 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
106. Ивлева, Л. М. Масленичная похоронная игра в традиционной культуре белорусского Поозерья / Л. М. Ивлева, А. В. Ромодина // Зрелищно-игровые формы народной культуры: Сборник научных статей / [Составитель Л. М. Ивлева]. — Ленинград : ЛГИТМИК, 1990 (1992). — 237,[2] с. : ил., нот. ил. — (Серия «Фольклор и фольклористика». Ленингр. Гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова); ISBN 5-7196-0107-4 — С. 196–203. — Текст : непосредственный.
107. Игра / ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Игра — Дата публикации: 18 апреля 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
108. Игрушка Ёлочная. Короткие детские платья 70-х. Мода или нищета / Игрушка Ёлочная // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.kz/media/igrushka/korotkie-detskie-platia-70h-moda-ili-nisceta-5e21b0a70a451800b2340d5e — Дата публикации: 22 января 2020 (дата обращения:). — Текст : электронный.
109. Игры с ножами: воспоминания о детстве // Rezat.ru : [сайт] — URL: https://rezat.ru/articles/igry_s_nozhami_vospominanija_o_ detstve_/ — Дата публикации: 25 мая 2018 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
110. Игры с ножами из нашего детства. Помните правила? / Метание ножей и не только // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/knifethrowing/igry-s-nojami-iz-nashego-detstva-pomnite-pravila-5b17ceb0a936f406b7537069 — Дата публикации: 7 июня 2018 (дата обращения: 14.12.2022). — Текст : электронный.
111. Игры с ножом // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Игры с ножом — Дата публикации: 27 ноября 2020 (дата обращения:). — Текст : электронный.
112. Ильф, И. 12 стульев; Золотой теленок: Романы / И. Ильф, Е. Петров. — Москва : Художественная литература, 1992. — Текст : непосредственный.
113. История «голого» платья из фильма «Высокий блондин в черном ботинке» // Livejournal : [сайт] — URL: https://picturehistory.livejournal.com/ 6114285.html — Дата публикации: 25 декабря 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
114. История развития танца // Citifox.ru Развлечения города : [сайт] — URL: https://citifox.ru/2017/01/03/istoriya-razvitiya-tanca-v-sssr/ — Дата публикации: 3 января 1917 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
115. Как в СССР занимались половым образованием // Русская семерка : [сайт] — URL: https://russian7.ru/post/kak-v-sssr-zanimalis-polovym-obrazov/ (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

116. Как расширяли кругозор советских меломанов // Livejournal : [сайт] — URL: https://paradoxov.livejournal.com/187351.html — Дата публикации: 12 октября 2016 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
117. Как ходили на танцы в СССР // Назад в СССР. Вспомним наше советское прошлое : [сайт] — URL: https://back-in-ussr.com/2019/01/kak-hodili-na-tancy-v-sssr.html (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
118. Калинова, М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е — конец 1980-х гг.) / М. А. Калинова // Омский научный вестник — Омск. — 2009, № 2 (76). — С. 60–63. — Текст : непосредственный.
119. Калмин, О. Однажды Отец Онуфрий — возможный первоисточник / Олег Калмин-Песенник-Сценарист // Стихи.ру : [сайт] — URL: https://stihi.ru/2014/07/17/4013 (дата обращения: 13/02/2022). — Текст : электронный.
120. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Родина, 2019. — 1280 с. — Текст : непосредственный.
121. Каркасси, М. Школа игры на шестиструнной гитаре / М. Каркасси. — Москва : Музыка, 1965. — 152 с. — Текст : непосредственный.
122. Кипренская Style. Мода, которая убивала. Мокрое платье посреди русской зимы / Кипренская Style // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/kiprenskaya/moda-kotoraia-ubivala-mokroe-plate-posredi-russkoi-zimy-5f854662a144c35a279cf8a3 — Дата публикации: 13 октября 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
123. Классики (игра) // ВикипедиЯ Свободна энциклопедия [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Классики_(игра) — Дата публикации: 26 сентября 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
124. Классическая Камасутра : [полный текст легендарного трактата о любви : 18+] / [Ватсьяяна, Малланага ; пер. Ю. Бойко]. — Москва : Эксмо, 2016. — 223 с. : цв. ил.; 29 см. — (Камасутра XXI века для продвинутых) — ISBN 978-5-699-83605-5. — Текст : непосредственный.
125. Козлов В. Витька с Чапаевской улицы / В. Козлов. — Москва : РИПОЛ классик, 2015. — 496 с.
126. Козлов, В. Ф. Приходи в воскресенье. Роман / В. Ф. Козлов. Вступ. статья С. Воронина. — Москва : Современник, 1976. — 366 с. — (Новинки «Современника»). — Текст : непосредственный.
127. Коллонтай, А. М. Дорогу крылатому Эросу!: (Письмо к трудящейся молодежи) / А. М. Коллонтай // Молодая гвардия, 1923. — № 3 (10). — С. 111–113. — Текст : непосредственный.
128. Коллонтай, А. М. Новая мораль и рабочий класс / А. М. Коллонтай — Издательство Всероссийского Исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов. — Москва, 1919 [обл. 1918]. — 61 с. — Текст : непосредственный.
129. Комароф, Е. Сексуальные отношения школьников девяностых, нулевых и десятых / Е. Комароф // Севастопольские мамочки : [сайт] — URL: https://sevmama.info/news/seksualnye otnoshenija shkolnikov devjanostykh nulevykh i desjatykh/2016-05-23-550 — Дата публикации: 23 мая 2016 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

130. Кон, И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви / И. С. Кон. — Москва : Олимп; ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1998. — 496 с. ил. — ISBN 5-7390-0761-5 (Олимп) ISBN 5-237-00456-3 (АСТ). — Текст : непосредственный.
131. Кон, И. С. Любовь небесного цвета : Науч.-ист. взгляд на однополую любовь / И. С. Кон. — Санкт-Петербург : Продолж. Жизни, 2001. — 382, [1] с. : табл. — ISBN 5-7654-1238-6 — Текст : непосредственный.
132. Кон, И. С. Мальчик — отец мужчины / И. С. Кон. — Москва : Время, 2009. — 790 с. — ISBN 978-5-9691-0469-3 — Текст : непосредственный.
133. Кон, И. С. Половая мораль в свете социологии / И. С. Кон // Советская педагогика. 1966. — № 12. — С. 64–77. — Текст : непосредственный.
134. Кон, И. Сексология : учеб. пособие / И. С. Кон. — Москва : Academia, 2004 (ГУП Сарат. Полигр. Комб.). — 382, [1] с. : ил., табл.; 22 см. — (Высшее профессиональное образование. Психология); ISBN 5-7695-1679-8 (в пер.)
135. Кон, И. С. Сексуальная культура России: клубничка на березке / И. С. Кон. — Москва : ОГИ, 1997. — 464 с. — ISBN 5-900241-33-5 — Текст : непосредственный.
136. Костальцев, М. История песни — 115 Постой паровоз / М. Костальцев // Liveinternet : [сайт] — URL: https://www.liveinternet.ru/users/5390352/post485021008/ — Дата публикации: 26 июня 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
137. Кругозор (журнал, СССР) // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Кругозор (журнал, СССР) — Дата публикации: 23 ноября 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
138. Крукс, Р. Сексуальность / Р. Крукс, К. Баур ; [пер. Исакова О. и др.]. — 9-е междунар. изд. — Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК ; Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 475 с. : ил. — (Проект Психологическая энциклопедия). — ISBN 5-93878-189-2 (в пер.).
139. Крупатин, Л. Анекдоты-41 / Л. Крупатин // Стихи.ру : [сайт] — URL: https://stihi.ru/2009/10/25/119 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
140. Куроедова, Л. Развитие теории личности Э. Эриксона / Л. Куроедова // Психологи на b17.ru : [сайт] — URL: https://www.b17.ru/article/10683/ — Дата публикации: 18 марта 2013 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
141. Лавров, В. М. Ленинская политика по уничтожению православной русской семьи / В. М. Лавров // Православный взгляд на ленинский эксперимент над Россией. — Москва : Отчий дом, 2018. — 94 с. — Текст : непосредственный.
142. Ласковый май // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ласковый_май — Дата публикации: 8 декабря 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
143. Лаубе, Ф. Жалею тебя / Ф. Лаубе // Параллель : [сайт] — URL: https://45ll.net/feliks_laube/zhaleyu_tebya.html (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

144. Лашутин, Э. Народный юмор. Том-73. / Э. Лашутин // Проза.ру : [сайт] — URL: https://proza.ru/2019/01/31/141 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
145. Лейла Шишкина. Teach In — I`m Alone 1975 // Youtube : [сайт] — URL: https://www.youtube.com/watch?v=KPU_QTk3jRI (дата обращения: 13.02.2022).
146. Летка-енка // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Летка-енка (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
147. Луначарский, А. В. Молодежь и теория «стакана воды» / А. В. Луначарский // О быте: Данная брошюра представляет собой переработанную стенограмму доклада т. Луначарского, читанного им в Ленинграде 18/XII 1926 г. — Ленинград : Гослитиздат, 1927. — С. 3–83. — 89 с. — Текст : непосредственный.
148. Лихие дискотеки 80-х и 90-х: как молодежь развлекалась в СССР // Копилка оригинальных идей : [сайт] — URL: https://sovet-ok.ru/lixie-diskoteki-80-x-i-90-x-kak-molodezh-razvlekalas-v-sssr/ — Дата публикации: 14 мая 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
149. Лурье, М. Л. О школьной скабрезной поэзии / М. Л. Лурье // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. Учебный материал по русскому фольклору. — Таллинн, 1992. — С. 156. — Текст непосредственный.
150. Любовь Земная. Комментарий / Youtube : [сайт] — URL: https://www.youtube.com/watch?v=KPU_QTk3jRI (дата обращения: 13.02.2022).
151. Мазель, Л. А. Вопросы анализа музыки: Опыт сближения теоретического музыкознания и эстетики. / Л. А. Мазель. — Москва : Сов. композитор, 1978. — 352 с. : нот. ил. — Текст : непосредственный.
152. Мазикина, Л. Секспросвет в СССР: садик маленьких фрейдистов и учебник семейной жизни / Л. Мазикина // Домашний очаг : [сайт] — URL: https://www.goodhouse.ru/family_and_children/sex/seksprosvet-v-sssr-sadik-malenkih-freydistov-i-uchebnik-semeynoy-zhizni/ — Дата публикации: 30 октября 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
153. Макаренко, А. С. Книга для родителей / А. С. Макаренко. — Москва : Учпедгиз, 1954. — 352 с. — Текст : непосредственный.
154. Малая медицинская энциклопедия в 12-ти томах / Москва : Советская энциклопедия, 1965–1970. — Текст : непосредственный.
155. Маркиза ангелов в Стране Советов: Почему фильмы об Анжелике вызвали в СССР бурю негодования и волну обожания // Культурология.РФ : [сайт] — URL: https://kulturologia.ru/blogs/110418/38560/ (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
156. Мастер-Ок. Забытый тренд из СССР: цепочка из проволоки своими руками // Мастер-Ок / Яндекс-дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/1master_ok/zabytyi-trend-iz-sssr-cepochka-iz-provoloki-svoimi-rukami-5d3b09411d656a00adddb1bf — Дата публикации: 27 июля 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

157. Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1 — Текст : непосредственный.
158. Матвеев, О. «Здесь постоянно происходили облавы». Как и чем жили московские меломаны в 70-е годы? / О. Матвеев // Мослента : [сайт] — URL: https://moslenta.ru/istoriya/zdes-postoyanno-proiskhodili-oblavy-kak-i-chem-zhili-moskovskie-melomany-v-70-e-gody.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com — Дата публикации: 16 августа 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
159. Мелодии и ритмы зарубежной эстрады // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Мелодии_и_ритмы_зарубежной_эстрады — Дата публикации: 23 мая 2018 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
160. Менталитет // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Менталитет (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
161. Милосердова, И. В. Социальная значимость танца / И. В. Милосердова // cyberleninka : [сайт] — URL: https://cyberleninka.ru/article/ n/sotsialnaya-znachimost-tantsa/viewer (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
162. Мираж (группа) // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мираж_(группа) — Дата публикации: 16 мая 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
163. Мир анекдотов : [сайт] — URL: https://www.anekdotovmir.ru (дата обращения : 13.02.2022). — Текст : электронный.
164. Мирович, М. Жвачка в СССР, как это было / М. Мирович // Livejournal : [сайт] — URL: https://maxim-nm.livejournal.com/ 394145.html — Дата публикации: 20 февраля 2018 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
165. Мирович, М. Секс в СССР. Как это было / М. Мирович // livejournal.com : [сайт] — URL: http://maxim-nm.livejournal.com/ 350425.html?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen — Дата публикации: 23 августа 2017 (дата обращения : 13.02.2022). — Текст электронный.
166. Михельсон М. И. Русская мысль и речь : Свое и чужое : Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. Наук, 1902–1903. — т. 1. — 1902. — [2], VIII, 779 с. — Текст : непосредственный.
167. Мода // ВикипедиЯ. Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мода (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
168. Мода и советские купальники // Вконтакте : [сайт] — URL: https://vk.com/wall-106008997_13100 — Дата публикации 1 августа 2018 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
169. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва: Олма Медиа Групп, 2007. — Текст : непосредственный.

170. Мопассан, Г. Д. Милый друг / Г. Д. Мопассан // Полное собрание сочинений : В 12 т. : [Пер. с фр.] / [Под общ. ред., вступ. статьей, с. 3–36, коммент. Ю. И. Данилина], Т. 5. — Москва : Правда, 1958. — 495 с., 6 л. ил. — (библиотека «Огонек»). — Текст : непосредственный.
171. Морской царь и Василиса Премудрая / Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : В 3 т. / [Подготовка текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа]. — Москва : Гослитиздат. [Ленингр. Отд-ние], 1957. Т. 2. — 510 с. — Текст непосредственный.
172. Надежда Максимова. Стоит статуя в лучах заката… // Fabulae : [сайт] — URL: https://fabulae.ru/note.php?id=45983 — Дата публикации: 01 апреля 2019 (дата обращения : 13.02.2022). — Текст электронный.
173. Наши первые джинсы // Назад в СССР. Вспоминаем наше советское прошлое : [сайт] — URL: https://back-in-ussr.com/2014/08/ nashi-pervye-dzhinsy.html (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
174. Новиков-Прибой, А. С. Соленая купель / А. С. Новиков-Прибой // Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. — Москва: Общество сохранения литературного наследия, 2004. — 552 с. — ISBN 5-902216-14-1. — Текст : непосредственный.
175. Нойберт, Р. Новая книга о супружестве : Проблема брака в настоящем и будущем / Р. Нойберт : Перевод с 15-го нем. издания. Редакция и вступит. статья [с. 7–23] проф. В. Н. Колбановского. — Москва : Прогресс, 1967. — 320 с. : ил. — Текст : непосредственный.
176. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 524 с. — ISBN 978-5-94380-077-1. — (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 17). — Текст : непосредственный.
177. Никонов, А. Эволюция на пальцах : для детей и родителей, которые хотят объяснять детям / А. Никонов. — Москва : АСТ, печ. 2018. — 318, [1] с. : ил. — (Библиотека вундеркинда). — ISBN 978-5-17-112469-4. — Текст : непосредственный.
178. Нерсесов Я. Н. Они определяли моду / Я. Н. Нестеров. — Москва : АСТ: Астрель, 2005. — 461, [1] с. : ил. — (Великие и знаменитые); ISBN 5-17-029214-7 (АСТ). — Текст : непосредственный.
179. Новый год без «Иронии судьбы» — что смотрели в СССР, помимо культового фильма // Sputnik Казахстан : [сайт] — URL: https://ru.sputnik.kz/society/20191231/12378414/kino-sovetskie-filmy-novyy-god.html — Дата публикации: 31 декабря 2012 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
180. Ностальгия по СССР. Открытки советских актеров театра и кино // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/antiq/ nostalgiia-po-sssr-otkrytki-sovetskih-akterov-teatra-i-kino-5d9e243d118d7f00ae94a28b. — Дата публикации: 10 октября 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
181. Ослышка // Сайт: ВикипедиЯ. Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ослышка (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.

182. Основы служебного собаководства : [Сборник] / Ред.-сост. засл. вет. врач РСФСР В. Н. Зубко — Москва : Издательство ДОСААФ, 1975. — 286 с., 8 л. ил. — Текст : непосредственный.
183. Орлов П. «В СССР культивировались плохие семьи»: о природе любви и супружеского счастья. / П. Орлов // Домашний Очаг : [сайт] — URL: https://www.goodhouse.ru/family_and_children/ psihologiya/v-sssr-kultivirovalis-plohie-semi-o-prirode-lyubvi-i-sup ruzheskogo-schastya/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex. com — Дата публикации: 14 июля 2021 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
184. Откровенные сцены в фильме «Москва слезам не верит» // Fishki.net : [сайт] — URL: https://fishki.net/3463365-otkrovennye-sceny-v-filyme-moskva-slezam-ne-verit.html — Дата публикации: 2 ноября 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
185. Очки-авиаторы / ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Очки-авиаторы — Дата публикации: 23 июля 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
186. Панкратова Л. С. Сексуальная культура современного общества: взгляд социолога / Л. С. Панкратова // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Философия 2011. № 1 (13). — С. 152–156. — ISBN 1998-9946 — Текст : непосредственный.
187. Парадоксов. СССР и переводные картинки из ГДР / парадоксов // Livejournal : [сайт] — URL: https://paradoxov.livejournal.com/ 158201.html — Дата публикации: 17 сентября 2016 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
188. Песнь Песней. — Москва : ЭКСМО-Пресс; Харьков : Око, 2001. — 464 с. — (Антология мудрости). — Б. ц. — ISBN 5-04-007412-3. — Текст : непосредственный.
189. Познер о телемосте «Ленинград — Бостон» и крылатой фразе: «У нас секса нет!» / Сайт: Youtube.com : [сайт] — URL: https:// www.youtube.com/watch?v=59hkPjUG58c (дата обращения: 13.02.2022).
190. Половое созревание // Большая Российская энциклопедия : [сайт] — URL: https://bigenc.ru/biology/text/3155528 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
191. Поручик Ржевский (часть 44) / anekdot.1002.ru : [сайт] — URL: https://anekdot.1002.ru/content/13/44.html (дата обращения : 13.02.2022). — Текст электронный.
192. Поясни за шмот: что это значит и как пояснить // Комсомольская правда : [сайт] — URL: https://www.kp.ru/daily/26699.7/3723381/ — Дата публикации: 1 июля 2017 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
193. Программа «Музыкальный киоск». Прогулки по Москве / Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/fond/programma-muzykalnyi-kiosk-progulki-po-moskve-5e58dce59138406fd21d 2d3d — Дата публикации: 7 марта 2020 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст электронный.
194. Психиатрия / Под ред. Н. Г. Незнанова, Ю. А. Александровского, Л. М. Барденштейна, В. Д. Вида, В. Н. Краснова, Ю. В. Попова. — Москва : «ГЭОТАР-Медиа», 2009. — 512 с. — (Серия «Клинические рекомендации»). — ISBN 978-5-9704-1297-8. — Текст непосредственный.

195. Пушкарева, Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков / Н. Л. Пушкарева // Женщина в российском обществе. — Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008. — № 2 (47). — С. 3–18. — ISBN 1992-2892 — Текст : непосредственный.
196. Пушкин, А. С. Евгений Онегин : Роман в стихах / А. С. Пушкин. — Москва : Дрофа, 2002. — 192 с. — (Школьная программа). — ISBN 5-7107-5530-3. — Текст : непосредственный.
197. Пушкин, А. С. Телега жизни / А. С. Пушкин // Поэзия / Сост. предисл. и коммент. И. З. Сурат. — Москва : СЛОВО/CLOVO, 1999. — 808 с. — ISBN 5-85050-384-6; ISBN 5-85050-379-X — Текст : непосредственный.
198. Рабичев, Л. Манеж 1962, до и после / Л. Рабичев // Знамя. — 2001. — № 9. — Текст : непосредственный.
199. Райх, В. Сексуальная революция (пер. с нем. В. А. Брун-Цехового) / В. Райх / общ. ред. и предисл. В. П. Наталенко. Санкт-Петербург : Университетская книга; Москва : АСТ, 1997. — 350 с. — (Классики зарубежной психологии); ISBN 5-7914-0005-5. — Текст : непосредственный.
200. Ролдугина, И. О том, как историки изучают сексуальность / И. Ролдугина. // vk.com/@lenorman : [сайт] — URL: https://vk.com/@lenorman_club-istoriya-sovetskoi-seksualnosti — Дата публикации: 30 января 2019 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
201. Роткирх, А. Сексуальные биографии женщин двух поколений: Первая попытка сравнения России и Финляндии / А. Роткирх // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. — Санкт-Петербург, 14–17 ноября 1996 / Под ред. Воронкова В., Здравомысловой Е. — СПб. : ЦНСИ, 1997. Труды. Вып. 5. — С. 93–99. — СПб., 1997. — Текст : непосредственный.
202. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург: Питер, 2002. — 720 с. — ISBN 5-314-00016-4 — Текст : непосредственный.
203. Рыбникова, М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова; Отв. ред. Б. П. Кирдан. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. — 232 с. — Текст : непосредственный.
204. Савчук, А. А. Была ли сексуальная революция в России в 1920-е гг. К постановке проблемы / А. А. Савчук. // История повседневности. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2017 — № 3 (5). — С. 22–40. — Текст : непосредственный.
205. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города / М. Е. Салтыков-Щедрин Москва : Советская Россия, 1979. — 248 с. — Текст : непосредственный.
206. Санников, В. З. Каламбур как семантический феномен / В. З. Санников // Вопрос языкознания — 1995 — № 3. — С. 56–69. — Текст : непосредственный.
207. Светличная, Т. Г. Анализ мировых тенденций развития сексуальной культуры в XX–XXI веках / Т. Г. Светличная, И. Г. Мосягин,

С. В. Губерницкая // Экология человека. — 2012. — Т. 19. — № 7. — С. 42–49. — Текст : непосредственный.
208. Свядощ, А. О некоторых биологических причинах по классификации аноргазмии женщины / А. Свядощ // Вопросы психиатрии, психотерапии и сексопатологии. Караганда, 1967. — С. 119–121. — Текст : непосредственный.
209. Секс в СССР у подростков // Woman.ru : [сайт] — URL: https://www.woman.ru/relations/sex/thread/4919561/18/ — Дата публикации: 19 января 2018 (дата обращения: 13.02.2022). — Текст : электронный.
210. Сексмиссия — эротические сцены // Xcadr [сайт] — URL: https://xcadr.tv/movies/seksmissiya-eroticheskie-sceny/ — (дата обращения: 18.02.2022).
211. Семидесятые: Забытые хиты школьных вечеров // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/b_and_s/semidesiatye-zabytye-hity-shkolnyh-vecherov-6022c6f3064ec93518e10239 — Дата публикации: 9 февраля 2021 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
212. Семидесятые: еще раз о забытых хитах школьных вечеров // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/b_and_s/ semidesiatye-esce-raz-o-zabytyh-hitah-shkolnyh-vecherov-604c90f8af41a 36641c1b7b3 — Дата публикации: 13 марта 2021 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
213. Семидесятые: хиты школьных вечеров. Часть 3 // Яндекс Дзен [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/b_and_s/semidesiatye-hity-shkolnyh-vecherov-chast-3-60a51d1f2b5fbd2cdfac6b68 — Дата публикации: 19 мая 2021 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
214. Сколько стоила советская мототехника? // Назад в СССР. Вспоминаем наше советское прошлое : [сайт] — URL: https://back-in-ussr.com/2020/09/skolko-stoila-sovetskaya-mototehnika.html?cmtpage=3 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
215. Слипаются ли люди как собаки // Вопросы Html Sitemap : [сайт] — URL: https://why-why.ru/info/slipajutsja-li-ljudi-kak-sobaki/ Дата публикации: 10 марта 2020 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
216. Советская школа секса: от пуританских брошюр до подпольной эротики (18+) // Яплакал : [сайт] — URL: https://www.yaplakal.com/forum2/topic1662777.html — Дата публикации: 20 сентября 2017 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
217. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Р. Стайтс; [пер. с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой; Ин-т соц. и гендер. политики]. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 614,[1] с. — ISBN 5-8243-0387-8 : 2000 — Текст : непосредственный.
218. Сталин, И. В. Выступление на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 года / И. В. Сталин // Сочинения. — Москва : Писатель, 1997. — Т. 15. — С. 232. — Текст : непосредственный.
219. Станислав Каретников Teach In — I`m Alone 1975 // Youtube : [сайт] — URL: https://www.youtube.com/watch?v=KPU_QTk3jRI (дата обращения: 14.02.2022).

220. Стекломоев, В. Танцы-обжиманцы: дискотеки СССР, как это было на самом деле / В. Стекломоев // Усадьба Урсы. Клуб любителей переводов : [сайт] — URL: http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/ 237245-tantsy-obzhimantsy-diskoteki-sssr-kak-eto-bylo-na-samom-dele/ — Дата публикации: 16 мая 2017 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
221. Суходрев, В. М. Язык мой — друг мой : От Хрущева до Горбачева… / В. М. Суходрев. — Москва : Издательский дом «Тончу», 2008. — 536 с. — ISBN 978-5-91215-036-4. — Текст : непосредственный.
222. Танцы на пионерском расстоянии. На каком расстоянии танцевали пионеры // На завалинке. Музыкальная соцсеть : [сайт] — URL: https://tunnel.ru/post-tancy-na-pionerskom-rasstoyanii (дата обращения: 15.02.2022). — Текст : электронный.
223. Твен М. Приключения Тома Сойера ; Приключения Гекльберри Финна / [Пер. с англ. Н. Л. Дравзес; Предисл. М. О. Мендельсона; Худож. Ю. К. Зайцев]. — Харьков : Прапор, 1985. — 383 с., ил. — Текст : непосредственный.
224. Текст песни Поющие сердца — В реку смотрятся облака // PesenOk : [сайт] — URL: https://pesenok.ru/15/Poyushchie-serdtsa/tekst-pesni-V-reku-smotryatsya-oblaka — Дата публикации: 15 июня 2014 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
225. Темкина, А. Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: Опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия / А. Темкина // Гендерные тетради / Под ред. А. А. Клецина. — Санкт-Петербург : ИС РАН, 1999. Вып. 2. — С. 20–55. — Текст : непосредственный.
226. Толкунова, Валентина Васильевна // Сайт: ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Толкунова_ Валентина_Васильевна (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
227. Толстой, Л. Н. Война и мир: Роман / Л. Н. Толстой // Кн. 1, т. 1 и 2. — Москва : Художественная литература, 1978. — 548 с. — Текст : непосредственный.
228. Толстой, Л. Н. Война и мир: Роман / Л. Н. Толстой // Кн. 2, т. 3, 4. — Москва : Художественная литература, 1978. — 556 с. — Текст : непосредственный.
229. Тополя, тополя все в пуху… (из наших былых дворов…) // Изба-Читальня : [сайт] — URL: https://www.chitalnya.ru/work/787936/ — Дата публикации: 19 апреля 2013 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
230. Топорков, А. Л. Эротика в русском фольклоре / А. Л. Топорков // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост., науч. редактирование, [вступ. ст., с. 5–18 и примеч.] А. Л. Топоркова; Худож. Д. Шимилис. — Москва : Науч.-изд. Центр «Ладомир», 1995, 6460[1] с. — (Русская потаенная литература). — ISBN 5-86218-217-9 (В пер.). — Текст : непосредственный.

231. Тургенев И. С. Отцы и дети : [роман] / И. С. Тургенев. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 288 с.
232. Тютчев, Ф. И. Весенняя гроза / Ф. И. Тютчев // Весенние воды: Лирика / Сост. и предисл. К. Пигарева; Примеч. К Пигарева и В. Коровина; Рис. Г. Волхонской. — 3-е изд., доп. — Москва : Детская литература, 1985. — 126 с. ил. — (Школьная библиотека).
233. Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский. // Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Язык и культура. — Москва : Гнозис, 1994. — 688 с. — С. 53–128. — ISBN 5-7333-0406-5. — Текст : непосредственный.
234. Утренняя почта // ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Утренняя_почта — Дата публикации: 30 декабря 2021 (дата обращения: 15.02.2022). — Текст : электронный.
235. Фадеев, А. А. Молодая гвардия : роман / А. А. Фадеев. — Москва : Молодая гвардия, 1982. — 655 с. — (Библиотека юношества). — Текст : непосредственный.
236. Файнгольд, Л. И. Онанизм, его причины, последствия и меры борьбы с ним / Л. И. Файнгольд. — 3-е изд., испр. — Одесса : Светоч, 1927. — 32 с. : ил. — (Половой вопрос в общедоступных очерках. 1-я серия; № 7). — Текст : непосредственный.
237. Франкл Дж. Неизведанное Я / Дж. Франкл : Пер. с англ. И. Е. Киселевой — Москва : Издательская группа «Прогрес», 1998. — 246 с. — ISBN 5-01-004469-2 — Текст непосредственный.
238. Халецкий, А. М. Половое влечение и его сущность / А. М. Халецкий — 2-е изд., испр. — Одесса : Светоч, 1927. — 31 с. — (Половой вопрос в общедоступных очерках. 2-я сер. / Под ред. д-ра С. И. Малова; № 3). — Текст : непосредственный.
239. Харчев, А. Молодежь и брак / А. Харчев, С. Голод // Человек и общество. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1969. Вып. VI. С. 125–142. — Текст : непосредственный.
240. Хейзинга, Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. // Й. Хейзинга / Сост., пер. и авт. вступ. ст. Д. В. Сильвестров; Науч. коммент. Д. Э. Харитоновича. — Москва : Прогресс-традиция, 1997. — 412,[1] с., [1] л. портр. : ил. — ISBN 5-89493-010-3 (В пер.). — Текст : непосредственный.
241. Ходаков, Н. М. Молодым супругам / Н. М. Ходаков — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Медицина, 1979. — 167 с. : ил. — (Научно-популярная медицинская литература). — Текст : непосредственный.
242. Хоть ссы в глаза — все божья роса // МатвикИ Энциклопедия мата : [сайт] — URL: https://mat.pifia.ru/wiki/Хоть_ссы_в_глаза_—_все_божья_роса (дата обращения: 14.02.2022) Текст : электронный.
243. Хрипкова, А. Г. Разговор на трудную тему : Заметки о половом воспитании / А. Г. Хрипкова. — Москва : Педагогика, 1970. — 61 с. — Текст : непосредственный.
244. Хумус. Лица Советской эпохи. Часть 61. Некрестовый поход детей московской школы № 235 // Livejournal : [сайт] — URL: https://humus.livejournal.com/3556734.html — Дата публикации: 12 июля 2013 (дата обращения: 14.02.2022).

245. Царевна Лягушка (269) / Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : В 3 т. / [Подготовка текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа]. — Москва : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1957. — 3 т. — 510 с. — Текст непосредственный.
246. Цветомузыка в журнале Радио. Подборка материалов опубликованных ранее в журнале «Радио» по Цветомузыкальным устройствам. / audioGO : [сайт] — URL: http://audiogo.ru/tsvetomuzyka-v-zhurnale-radio/ — Дата публикации: 13 июня 2013 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
247. Цветомузыкальная танцплощадка // Юный техник — 1979. — № 9. — С. 72–74. — Текст : непосредственный.
248. Цеткин, К. Воспоминания о Ленине / К. Цеткин — [Предисл. Н. К. Крупской] ; ИМЭЛС при ЦК КПСС. — Москва : Госполитиздат, 1955. — 72 с. — Текст : непосредственный.
249. Цузмер, А. М. Человек — Анатомия, Физиология, Гигиена. 8 класс / А. М. Цузмер, О. Л. Петришина — Москва : Просвещение, 1979. — 255 с. — Текст : непосредственный.
250. Чаковский, А. Б. Блокада. Роман. Книга первая и вторая / А. Б. Чаковский. — Москва : Известия, 1975. — 672 с. — Текст : непосредственный.
251. Что играли в 70-х на школьных вечерах. Репертуар школьных ВИА 70-х годов // На завалинке. Музыкальная соцсеть : [сайт] — URL: https://tunnel.ru/post-chto-igrali-v-70-kh-na-shkolnykh-vecherakh (дата обращения:). — Текст : электронный.
252. Чуприков, А. П. Общая и криминальная сексология: учеб. пособие / А. П. Чуприков, Б. М. Цупрык. — Киев : МАУП, 2002. — 248 с. — ISBN 966-608-220-9 — Текст : непосредственный.
253. Шаргородский, М. Ответственность за преступления против личности / М. Шаргородский. — Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, 1953. — 106, [2] с. — Текст : непосредственный.
254. Шварц, Д. Mrs Vandebilt (история шлягера) / Д. Шварц // Liveinternet.ru : [сайт] — 05 августа 2011 г. — URL: https:// www.liveinternet.ru/ users/2496320/post178835603/ Дата публикации: 5 августа 2011 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
255. Шепелев, О. Л. Подростковый алкоголизм / О. Л. Шепелев / Красота Медицина : [сайт] — URL: https://www.krasotaimedicina.ru/ diseases/narcologic/teen-alcoholism — Дата публикации: 24 июня 2021 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
256. Шимановский, Ю. Радиостанция «Отдых» / Ю. Шимановский // Livejournal : [сайт] — URL: https://pan-szymanowski.livejournal.com/12177.html — Дата публикации: 23 июня 2006 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
257. Шмаков, И. Промышленная филология / И. Шмаков // Проза.ру : [сайт] — URL: https://proza.ru/2009/07/25/103 (дата обращения: 14.02.2022). — Тест : электронный.
258. Шульгина, Е. В. Сексуальное образование и возраст сексуального просвещения в западной социологии / Е. В. Шульгина // Социологическая

наука и социальная практика. — 2015. — № 3 (11). — ISBN 2308 6416. — Текст : непосредственный.
259. Шутки из детства / Prodota.ru : [сайт] — URL: https://prodota.ru/forum/topic/55949/page/27/ — Дата публикации: 13 апреля 2011 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
260. Эксгибиционизм / Сайт: ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://wiki2.net/Эксгибиционизм (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
261. Энгельс, Ф. Книга откровения // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 30 т., изд. 2-е. — Москва : Госполитиздат, 1961. — т. 21, май 1883 — декабрь 1889. — 746 с. — Текст : непосредственный.
262. Ювелирные поделки и советского детства // Назад в СССР. Вспоминаем наше советское прошлое / Свободная энциклопедия — URL: https://back-in-ussr.com/2020/11/yuvelirnye-podelki-iz-sovetskogo-detstva.html?cmtpage=2 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
263. 30 лет группе «Ласковый май»: как «Белые розы» зазвучали из всех ларьков страны / tass.ru : [сайт] — URL: https://tass.ru/kultura/ 3844000 — Дата публикации: 6 декабря 2016 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
264. Adams G. R., Huston T. L. Social Perception of Middle-Aged Persons Varying in physical Attractivteness / Developmental Psychology 11:657-658, 1975.
265. Ace-alex. Показать чебурашку // livejournal : [сайт] — URL: https://ace-alex.livejournal.com/41176.html — Дата публикации: 22 сентября 2010 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
266. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 3rd. rev. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1987.
267. Barocas R., Karoly P. Effects of Physical Appearance on Social Responsiveness. / Psychology Review 31:495-500, 1972.
268. Benson P. L., Karabenick S. A., Lerner R. M. Pretty Pleases: The Effects of Physical Attractiveness, Race, and Sex on Receiving Help / Journal of Experimental Social Psychology 2:409-415, 1976.
269. Berscheid E., et al. Physical Attractiveness and Dating Choice: A Test of the Matching Hypothesis. / Journal of Experimental Social Psychology 7:173-189, 1971. — URL: https://www.litmir.me/bpr/?b=252306 — Текст электронный.
270. Bigler V. O. “Adolescent Sexual Behavior in the Eighties”. SIE-CUS Report 18:6-9? October|342ikimedi, 1989.
271. Bullough V. L. “Variant Life Styles: Homosexuality”. In Murstein D. I. (ed.), Exploring Intimate Life Styles, pp. 245–257. New York: Springer, 1978.
272. Bullough V. L. Sexual Variance in Society and History / New York: Wiley, 1976.
273. Denis. Комментарий / Сайт: Youtube. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=KPU_QTk3jRI (дата обращения: 18.02.2022).

274. Dermer M., Thiel D. L. When Beauty May Fail / Journal of Personality and Social Psychology 31:1168-1176, 1975. — URL: https://www.litmir.me/bpr/?b=252306 — Текст : электронный.
275. Dion K. K., Berscheid E. Physical Attractiveness and Peer Perception Among Children / Sociometry 37:1-12, 1974.
276. Dion K. K., Berscheid E., Walster E. What Is Beautiful Is Good / Journal of Personality and Social Psychology 24:285-290, 1972.
277. dokukin.info. 5 дворовых игр советской детворы / dokukin.info. // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/ trank/5-dvorovyh-igr-sovetskoi-detvory-5bc40f543887bf00ac5259ea — Дата публикации: 15 октября 2028 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
278. don Sezar [6.2K]. Кому продавали презервативы в СССР? Продавали ли их подросткам? // don Sezar [6.2K] // Большой вопрос.ru : [сайт] — URL: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3116862-komu-prodavali-prezervativy-v-sssr-prodavali-li-ih-podrostkam.html (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
279. Dronova Nona. Вспомним колечки «недельки» из СССР! Кто и как их носил? И что сейчас? // Сайт: Яндекс-дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5e3843b55c980e6fecc6cb02/vspomnim-kolechki-nedelki-iz-sssr-kto-i-kak-ih-nosil-i-chto-seichas-5f5bd80ed709247317dd4895 — Дата публикации: 12 сентября 2020 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
280. Ehrenberg, M. And Ehrenberg, O. The Intimate Circle: The sexual Dynamics of Family Life. New York: Simon & Schuster, 1988.
281. Evans, D. R. “Exhibitionism.” In Costello, C. G. (ed.), Symptoms of Psychopathology/ New York: Wiley, 1970.
282. Gebhard, P. H. “The Acquisition of Basix Sex Information”. Journal of Sex Reseach 13:148-169, 1977.
283. Gebhard P., et al. Sex Offenders: An Analysis of Types. New York: Harper and Row, 196.
284. Grab, C. S. “Female Exhibitionism”. Jornal of Nervous and Mental Disease 173: 253, 1985.
285. Gvardei. Презерватив как символ демократии и личной свободы / Gvardei // Livejournal : [сайт] — URL: https://gvardei. livejournal.com/338522.html — Дата публикации: 16 февраля 2009 (дата обращения: 14.02.2022). — Текст : электронный.
286. Hass A. Teenage Sexuality Ntw York: Macmillan. 1979.
287. Hollender, M. H., Brown, C. W., and Roback H. B. “Genital Exhibitionism in Women”. American Jornal of Psychiatry 134:436-438, 1977.
288. Jožin z bažin / ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Jožin_z_bažin (дата обращения:). — Текст : электронный.
289. Kallen, D. J., Stephenson, J. J., and Doughty, A. “The Need to Know: Recalled Adolescent Sources of sexual and Contraceptive Information and Sexual Behavior” Journal of Sex Research 19:137-159, 1983.
290. Karlen A. “Homosexuality in History”. In Marmor, J. (ed.) Homosexual Behavior, pp. 75–99. New York: Basic Books, 1980.

291. Kirby, D., Alter J., and Scales P. An Analysis of U. S. Sex Education Programs and Evalution Methods. GA: U. S. Department of Health Education and Welfare, Public Health Service, Centers for Disease Control, Bureau of health Education, Report CDC — 2021-79-DK-FR, 1979.
292. Krebs D. and Adinolfi A. A. Physical Attractiveness, Social Relatives, and Personality Style / Journal of Personality and Social Psychology 31:245-253, 1975.
293. Lee Alan Dugatkin, Sarina Rodrigues. Games Animals Play (англ.). Greater Good: The Science of a Meaningful Life. Greater Good Science Center.
294. Linz D. "Exposure to Sexyally Emplicit Materials and Attitudes Toward Rape: A Comparison of Study Results". Journal of Sex Research 26:50-84, 1989.
295. maxilla-k. Сексуальное воспитание в советской школе (Часть 2) // Livejournal : [сайт] — URL: https://maxilla-k.livejournal.com/ 111888.html — Дата публикации : 15 февраля 2009 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
296. maxilla-k. Сексуальное воспитание в советской школе (Часть 5) / Глубина резкости. Отстойник непрошенных мыслей / livejournal : [сайт] — URL: https://maxilla-k.livejournal.com/ 112797.html — Дата публикации: 18 февраля 2009 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
297. maxilla-k. Сексуальное воспитание в советской школе (Часть 6). / Глубина резкости. Отстойник непрошенных мыслей / livejournal : [сайт] URL: https://maxilla-k.livejournal.com/236283.html — Дата публикации: 11 февраля 2011 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
298. Martinson F. M. "Childhood Sexuality". In Wolman B. B. and Money J. (eds.). Handbook of Human Sexuality, pp. 29–59. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980.
299. Money J. Love and Love sickness. Baltimore: Johns Hopkins university Press, 1980.
300. Nucisarbor. «Неделька» / Nucisarbor // Livejournal : [сайт] — URL: https://soviet-life.livejournal.com/470551.html (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
301. Nyancatmeow12. Этому меня в 8 лет брат научил ☺ Стишок) / pikabu.ru : [сайт] — URL: https://pikabu.ru/story/yetomu_menya_v_8_let_brat_nauchil_ _stishok_645492 (дата обращения: 18.02.2022). — Текст : электронный.
302. Ornado. Продажная любовь. Куба / Fishki.net : [сайт] — URL: https://fishki.net/2156411-prodazhnaja-ljubovy-kuba.html — Дата публикации: 5 декабря 2016 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
303. Polydor Records / ВикипедиЯ Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Polydor_Records (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
304. Puttin' On the Ritz / ВикипедиЯ. Свободная энциклопедия : [сайт] — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Puttin'_On_the_Ritz (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
305. Soberger. Работа с претензиями — поясни за шмот / Soberger // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/soberger/rabota-s-pretenziiami-poiasni-za-shmot-5a78b4df7ddde840c0cee75e — Дата публи-

кации: 5 февраля 2018 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
306. Soullaway soullaway. Итальянская эстрада в СССР или бесконечные приключения итальянцев в России / Soullaway soullaway // Яндекс Дзен : [сайт] — URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5dbc544f2f1e4400aff32830/italianskaia-estrada-v-sssr-ili-beskonechnye-prikliucheniia-italiancev-v-rossii-6005ade5e0a5593cf75454bc — Дата публикации: 18 января 2021 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
307. Stoller, R. J. Sexual Deviations. In Beach, F. (ed.), Human Sexualiti in Four Perspectives, pp. 190–214. Baltimor: Johns Hopkins University Press, 1977.
308. Storms M., 1981 / Цит. по: Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. — Москва : Мир, 1998. — 692 с. : ил. — ISBN 5-03-003223-1 — Текст : непосредственный.
309. Tannahill R. Sex in History. New York: Stein & Day. 1980.
310. Teach-In (Тич-Ин) — I'm alone (Я одинок… 1975) Любимые песни из юности… // Liveinternet : [сайт] — URL: https://www.liveinternet.ru/users/pannat/post168476259 (дата обращения: 12.03.2022). — Текст : электронный.
311. Tollison C. D. and Adams, H. E. Sexual Disorders: Treatment, Theory, Research. New York: Gardner Press, 1979.
312. Unis TBM De Luxe — образец изящества промышленного дизайна 70-х / История в вещах // Яндекс Дзен : [сайт] — URL : https://zen.yandex.ru/media/id/5d0b793eecd5cf00afaf16cd/unis-tbm-de-luxe--obrazec-iziascestva-promyshlennogo-dizaina-70h-5d2f2ad6c0dcf200ae4e70b2 — Дата публикации: 19 июля 2019 (дата обращения: 16.02.2022). — Текст : электронный.
313. Van Rheenen, Boys who play hopscotch // in: R. S. Reifel, Theory in Context and Out, v. 3, Greenwood Publishing Group, 2001.
314. Whitty M. T. Ceber-flirting: Plaing at love on the Internet / M. T. Whitty // Theory and Psychology — 2003 — Т. 13, № 3. — С. 339–357 (с. 343).
315. 15 уморительных и неловких воспоминаний из детства, от которых щеки краснеют, словно маки // ADME : [сайт] — URL: https://adme.media/zhizn-nostalgiya/15-umoritelnyh-i-nelovkih-vospominanij-iz-detstva-ot-kotoryh-scheki-krasneyut-slovno-maki-2516660/ — (дата обращения: 14.06.2022). — Текст : электронный.
316. 15+ человек, которые не понимают намеков до последнего, пока им прямо в лоб все не выпалишь // ADME : [сайт] — URL: https://adme.media/svoboda-narodnoe-tvorchestvo/15-chelovek-kotorym-nuzhno-srazu-v-lob-govorit-a-ne-eti-vashi-nameki-kidat-2513819/ — (дата обращения: 14.06.2022). — Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Указатель сказочных, фольклорных, литературных и кинематографических персонажей

Абрам	персонаж советских анекдотов, собирательный, стереотипный образ советского еврея	*71, 72*
Акакий Акакиевич	персонаж русской литературы	*147*
Анжелика	персонаж зарубежной литературы и кинематографа	*141, 142, 333*
Анка-пулеметчица	персонаж советской литературы, кинематографа и анекдотов	*75*
Арап (Петра Великого)	историческая личность и персонаж русской литературы и советского кинематографа	*138*
Афоня	персонаж советского кинематографа	*144*
Бальзаминов	персонаж русской литературы и советского кинематографа	*284*
Барби	игрушка (кукла), персонаж западной массовой культуры	*303*
Буратино	персонаж зарубежной сказки и советского мультфильма	*251, 252*
Бэтмен	персонаж западной массовой культуры (комиксы, кинематограф и т. д.)	*303*
Вандербильт (мисс)	песенный персонаж зарубежной популярной музыки	*203*
Василиса Прекрасная	персонаж русских народных сказок	*26, 335*
Венера	персонаж древнегреческой мифологии, богиня любви	*29, 120*
Вовочка	персонаж советских анекдотов	*42, 58, 66, 67, 68, 234, 235*
Волк	персонаж советского мультфильма	*58, 158*
Гамельнский крысолов	персонаж зарубежной сказки	*180*
Гарри	персонаж советского городского фольклора	*191, 192*
Гиви	персонаж советских анекдотов	*213*
Горбачев М.	историческая личность, персонаж советских и постсоветских анекдотов	*311, 339*
Джульетта	персонаж зарубежной литературы и кинематографа	*142, 328, 46*
Дата Туташхиа	персонаж советского кинематографа	*132, 138*
Домбер	персонаж советской литературы	*100, 101*
Евгений Онегин	персонаж русской литературы	*82, 131, 176, 337, 95*
Елена Прекрасная	персонаж древнегреческой мифологии	*131, 132, 133, 134, 226*
Зевс	персонаж древнегреческой мифологии, верховное божество	*226, 325*
Зина Коваленко	персонаж советского кинофильма	*131*
Йожин з бажин	песенный персонаж зарубежной популярной музыки	*123*
Капитан Грант	персонаж западной литературы и советского кинематографа	*185*
Коля Бэс	персонаж советской литературы	*154*
Лутатини	персонаж советской литературы	*101*
Люся Воробьева	персонаж советской литературы	*154, 155*
Марс	персонаж древнегреческой мифологии, бог войны	

Марь Иванна	персонаж советских анекдотов	*66, 67, 68*
Микаладзе Ксаверий Георгиевич	персонаж русской литературы	*97*
Мюллер	политический деятель III рейха, персонаж советских анекдотов	*69, 76*
Мэри	персонаж советского городского фольклора	*224*
Наташа Ростова	персонаж русской литературы и советских анекдотов	*74, 96, 97, 251*
Обломов	персонаж русской литературы и советского кинематографа	*284*
Петька	персонаж советской литературы, кинематографа и анекдотов	*65, 75, 76, 214*
Подколесин	персонаж русской литературы и светского кинематографа	*284*
Пьер Безухов	персонаж русской литературы и советских анекдотов	*102*
Разиня	персонаж зарубежного кино	*142, 147, 165, 125*
Ржевский (поручик)	персонаж советского кинематографа и анекдотов	*70, 72, 74, 336*
Робинзон	персонаж зарубежной литературы и кинематографа	*143, 145, 203*
Робот-трансформер	персонаж западной массовой культуры (комиксы, кинематограф и т. д.)	*303*
Ромео	персонаж зарубежной литературы	*46, 142, 328*
Сара	персонаж советских анекдотов, собирательный, стереотипный образ советской еврейки	*71, 332, 72*
Сашка Ладонщиков	персонаж советской литературы	*154*
Стах (король)	персонаж советской литературы и кинематографа	*133, 141, 142, 48, 132, 138, 143, 288*
Супермен	персонаж западной массовой культуры (комиксы, кинематограф и т. д.)	*303*
Тарзан	персонаж зарубежной литературы и кинематографа	*147*
Том Сойер	персонаж зарубежной литературы	*50, 51, 132, 176, 224, 326, 333, 339*
Трубадур	персонаж советского мультфильма	*163*
Фантомас	персонаж зарубежной литературы и кинематографа	*141, 148*
Фима Собак	персонаж советской литературы	*203*
Фредди	персонаж западного кинематографа	*142, 149*
Чебурашка	персонаж советского мультфильма и анекдотов	*251, 252*
Человек-паук	персонаж западной массовой культуры (комиксы, кинематограф и т. д.)	*303*
Чин-Ха	персонаж советской литературы	*100, 101*
Шурик	персонаж советского кинематографа	*131, 135, 137, 166*
Штирлиц	персонаж советской литературы, кинематографа и анекдотов	*69, 76*
Эллочка-людоедка	персонаж советской литературы	
Эммануэль	эротический персонаж зарубежной литературы	*292, 325*

Именной указатель

Абдулов А. Г. *132*
Абуладзе Т. Е. *141*
Авербах И. А. *132*, *139*
Адамс *244*
Адлер А. *221*
Адорно Т. Л.В. *110*, *117*, *323*
Айтуаров А. Т. *134*
Аксенов В. Е. *133*
Александров Г. В. *2*, *7*, *131*, *137*, *337*
Алеников В. М. *133*
Алентова В. В. *132*
Алферова И. А. *132*, *134*
Альбинский В. А. *323*
Аманова С. Г. *133*
Амелин А. А. *134*
Амитова В. *133*
Андреева Л. *103*, *323*
Андрейченко Н. Э. *132*
Анурин В. Ф. *17*, *325*, *327*
Аринбасарова Н. У. *131*
Арсан Э. *292*, *325*
Артмане В. Ф. *131*
Аскольдов А. Я. *132*, *134*
Астрахан Д. Х. *194*
Баллинг Э. *149*
Банионис Д. Ю. *203*
Барков И. С. *95*, *108*
Баталов А. В. *132*
Баур К. *14*, *242*, *263*, *296*, *332*
Белозорович Л. Г. *133*
Беляева Г. В. *134*
Берлин И. *119*, *152*
Бернар Ж. *144*
Битюкова О. Б. *133*
Бланк А. И. *133*
Блонский П. П. *326*
Бойцова Л. Л. *326*
Болотова Ж. А. *132*
Бондарчук Н.С *132*, *141*
Бондарчук С. Ф. *132*, *141*
Бондарев О. А. *133*
Бондарь Н. К. *326*
Брике И. *132*
Бриль И. М. *120*
Броварская З. И. *131*
Бродский И. А. *147*
Вавилова Н. Д. *132*
Вайнштok В. П. *132*, *185*
Валентино В. (Виола Валентино) *127*
Вальдма В. *133*
Варлей Н. В. *132*, *137*
Вебер Ф. *147*
Виролайнен Л. И. *132*
Вертинская А. А. *131*, *133*
Визбор Ю. И. *184*, *194*
Викторов Р. Н. *2*, *132*
Виноградова В. Н. *134*
Воинов К. Н. *284*
Волошин С. *184*, *327*
Воронцов О. Р. *132*
Выготский Л. С. *221*
Высоцкий В. С. *184*
Габескирия Г. Ш. *132*, *138*
Гайдай Л. И. *131*, *132*, *133*, *134*, *135*, *136*, *137*, *138*, *144*, *166*
Галич А. А. *184*
Гейнор Г. (Глория Гейнор) *126*
Гаккель Т. А. *133*
Гельман И. Г. *18*
Герасимов Е. В. *134*
Германова Е. А. *133*
Гидденс Э. *17*, *325*, *327*
Гиляровский Ф. В. *129*
Глаголева В. В. *133*
Глянько В. *131*
Говорухин С. С. *193*
Гагнидзе П. *132*
Гогоберидзе Л. Л. *133*
Гоголь Н. В. *284*
Головня Л. Е. *132*
Голод С. И. *17*, *18*, *19*, *103*, *327*, *328*, *340*
Голубкина Л. И. *167*
Гончаров И. А. *284*
Гребенщиков Б. Б. *122*
Гресь В. С. *133*
Гришин В. В. *139*
Гросс К. *18*, *220*
Гроссер Ф. *18*
Губенко Н. Н. *132*, *136*, *139*
Губерницкая С. В.*338*
Гузеева Л. А. *134*
Гуревич З. *18*
Гурченко Л. М. *120*
Далида *127*
Демьяненко А. С. *131*, *133*
Данелия Г. Н. *132*, *144*
Дарк М. *168*
Державин М. М. *2*, *7*, *120*
Дерягин Г. Б. *247*, *328*
Джонсон В. *13*, *334*, *345*
Джордана Д *133*
Джоэл Б. (Билли Джоэл) *120*, *127*
Дзасухова С. *133*
Дзеффирелли Ф. *142*, *328*
Дзюра И. *131*
Дилан Б. (Боб Дилан) *122*, *126*
Димитрова Е. *132*

Добролюбов И. М. *132*
Довженко А. П. *131*, *134*, *135*
Довлатян Ф. В. *131*
Догилева Т. А. *133*, *134*
Дольник В. Р. *21*, *28*, *220*, *228*, *244*, *274*, *328*
Достоевский Ф. М. *115*
Драпенко Е. Г. *133*
Дроздов С. Б. *28*, *52*, *279*, *329*
Друбич Т. Л. *133*
Дубогрей В. *119*, *329*
Дунаевский И. О. *185*
Дуров Б. В. *193*
Дыховичный И. В. *133*
Екатерина II *132*, *133*, *206*
Елизавета (императрица России) *206*
Ермаш А. Ф. *133*
Ершов К. В. *133*
Жигунов С. В. *134*
Жиро Ж. *144*
Залкинд А. Б. *24*, *329*
Захаров М. А. *132*, *133*, *137*
Звягинцев А. П. *141*
Земная Л. *124*, *333*
Зиди К. *135*, *147*, *149*
Зыкина Л. Г. *190*
Иваницкая А. *134*
Ивлева Л. М. *326*, *330*
Игнатова Т. П. *132*
Извицкая И. В. *131*
Ильинская С. Н. *134*
Ильф И. А. *121*, *203*, *330*
Имамура С. *145*, *295*
Ирсаева Н. И. *133*
Кабо О. И. *133*
Кадочникова Л. В. *131*
Казанский Г. С. *131*
Каирбекова Д. *134*
Калатозов М. К. *131*, *139*, *141*
Калик Н. М. *132*
Каневская Е. *133*
Каневский В. Е. *133*
Каплина Г. *202*
Караченцов Н. П. *120*
Карелов Е. Е. *132*
Каретников С. *124*, *339*
Кара Ю. В. *120*, *133*, *167*, *181*, *331*, *338*
Кара-Мурза С. Г. *181*, *331*
Каркасси М. *186*, *331*
Карра Р. (Рафаэлла Карра) *112*, *126*
Кастро Ф. А. (Фидель Кастро) *22*
Кватро С. (Сьюзи Кватро) *126*
Кетч С. С. (Си Си Кетч) *112*, *127*
Кийск К. К. *133*
Ким Ю. Ч. *184*
Кинзи А. Ч. *276*
Климов Э. Г. *133*, *134*
Козлов В. Ф. *281*, *331*
Колли А. В. *55*
Коллонтай А. М. *22*, *331*
Колодни Р. *13*, *334*, *345*
Колчеев Ю. В. *134*
Кон И. С. *3*, *16*, *17*, *21*, *23*, *26*, *28*, *33*, *35*, *37*, *40*, *41*, *43*, *44*, *46*, *47*, *54*, *68*, *71*, *73*, *76*, *81*, *95*, *96*, *103*, *106*, *107*, *108*, *129*, *131*, *132*, *133*, *134*, *139*, *141*, *143*, *145*, *154*, *160*, *164*, *170*, *171*, *189*, *191*, *196*, *198*, *200*, *203*, *207*, *219*, *226*, *228*, *231*, *234*, *245*, *252*, *253*, *258*, *267*, *274*, *309*, *332*
Кондулайнен Е. И. *134*
Кончаловский А. С. *131*, *132*
Корбуччи С. *145*
Коренев А. А. *132*, *133*, *134*
Коренева Е. А. *132*, *133*
Коренева Т. *132*, *133*
Котовский Г. И. *214*
Кохан Г. Р. *133*
Краснопольский В. А. *134*
Кренбергс И. А. *132*
Криевс А. К. *133*
Крукс Р. А. *14*, *15*, *222*, *223*, *242*, *263*, *296*, *332*
Крылов И. А. *66*, *67*, *69*
Крючкова С. Н. *133*
Кузева С. П. *133*
Кулагин Л. Н. *132*
Купченко И. П. *132*
Куравлев Л. В. *203*
Куприн А. И. *99*
Кустинская Н. Н. *165*
Кустодиев Б. М. *29*
Кутуньо Т. (Тото Кутуньо) *127*
Лавров В. М. *23*, *332*
Лапина Н. А. *134*
Лапшин Я. Л. *133*
Лаубе Ф. Я. *190*, *333*
Лебедев-Кумач В. И. *185*
Ленин В. И. *16*, *23*, *52*, *71*, *103*, *172*, *314*, *315*, *319*, *321*, *323*, *326*, *327*, *330*, *332*, *333*, *335*, *336*, *337*, *340*, *341*
Леонов Е. П. *131*
Лир А. (Аманда Лир) *127*, *340*
Лордкипанидзе Г. Д. *132*, *138*
Лотнер Ж. *149*
Лотяну Э. В. *132*, *139*
Лужина Л. А. *132*
Луначарский А. В. *23*, *333*
Лурье М. Л. *81*, *333*
Лютаева Т. Б. *134*
Мазель Л. А. *123*, *333*
Мазикина Л. *48*, *333*
Мазуркевич И. С. *132*

Майорова Е. В. *134*
Макаренко А. С. *27*, *333*
Макарова Е. *132*, *203*
Макарова Т. Ф. *132*, *203*
Максимова Е. А. *131*, *335*
Максимова Н. *131*, *335*
Мани Дж.У. *57*
Маркузе Г. *17*
Мартинес Х. *22*
Мартинсон У. *50*, *133*
Мартинсоне М. *133*
Масленников И. Ф. *133*
Мастерс У. Х. *34*, *37*, *41*, *42*, *46*, *48*, *57*, *73*, *96*, *98*, *180*, *222*, *235*, *241*, *244*, *246*, *276*, *334*, *345*
Матвеев Е. С. *132*, *139*, *334*
Матье М. *172*
Махульский Ю. *145*
Мельников В. В. *133*
Меньшов В. В. *132*, *136*, *139*, *141*, *144*, *194*, *281*
Метелина А. *183*
Метелкина Е. В. *132*
Микаэлян С. Г. *133*, *139*
Милосердова И. В. *334*
Мирович М. *28*, *334*
Миронова А. *203*
Митич Г. *163*
Митта А. Н. *132*, *134*, *137*, *138*
Михайлов Я. *115*, *134*, *323*
Михалков Н. С. *133*, *141*, *203*
Мкртчян Ф. М. *132*
Младек И. *123*
Моисеев И. А. *140*
Мопассан Г. Д. *99*, *335*
Мордюкова Н. В. *132*
Мосс М. *174*
Мосягин И. Г. *30*, *338*
Мотыль В. Я. *132*
Мясоедов Г. Г. *29*
Навратил З. *123*
Назаров У. Э. *132*
Назарьева А. В. *134*
Наруцкая О. Л. *133*
Небиеридзе Б. К. *133*
Негода Н. И. *133*
Никонов А. П. *228*, *229*, *335*
Никулин Ю. В. *187*
Нильская Л. В. *132*
Новиков-Прибой А. С. *335*
Нойберт Р. *104*, *108*, *335*
Носов Н. Н. *83*
Окуджава Б. Ш. *184*
Орлов П. *24, 336*
Орлова Л. П. *131*, *137*
Осепьян М. Д. *132*, *134*, *139*
Осипенко А. Е. *133*
Осепьян М. Д. *132*, *134*, *139*
Осетчук А. В. *120*
Осташова М. Н. *293*
Островский А. Н. *323*
Остроумова О. М. *132*
Павел (апостол) *21*
Папанов А. Д. *132*, *136*
Параджанов С. И. *131*, *134*
Пауэр А. Б. (Аль Бано Пауэр) *126*
Пауэр Р. (Ромина Пауэр) *126*
Петришина О. Л. *341*
Петров Е. П. *77*, *121*, *203*, *330*
Петр I *23*, *77*, *105*, *121*, *132*, *138*, *203*, *206*, *275*, *325*, *328*, *330*, *341*
Пичул В. В. *133*, *146*
Подшивалов А. Н. *131*
Полока Г. И. *131*, *137*
Полынников А. Н. *134*
Понаровская И. В. *182*
Поповский М. А. *103*
Пресняков В. В. *120*
Пшенная Н. Н. *133*
Пугачева А. Б. *182*
Пупо (Энцо Гинацци) *126*
Пушкарева Н. Л. *28*, *47*, *337*
Пушкин А. С. *51*, *82*, *95*, *337*
Пчелкин Л. А. *133*
Рабичев Л. Н. *55*, *337*
Райзман Ю. Я. *132*, *133*
Раскина Н. Д. *16*
Робер И. *149*, *150*, *167*
Розанова М. В. *133*
Рокотов Я. *160*
Ромодина А. В. *330*
Ростоцкий С. И. *132*, *136*, *138*
Ротару С. М. *120*
Рубинчик В. Д. *132*, *133*, *138*
Рубинштейн С. Л. *221*, *337*
Рублев А. *131*, *134*
Рудная Н. В. *132*
Румянцева Л. Г. *131*
Русос Д. (Демис Русос)
Рязанов Э. А. *120*, *132*, *138*, *144*, *167*
Савельева Л. М. *97*
Савчук А. А. *17*, *337*
Салтыков А. А. *97*, *133*, *337*
Салтыков-Щедрин М. Е. *337*
Саммер Д. (Донна Саммер) *126*
Самойова Т. Е. *131*
Самохина А. В. *133*
Самсонов С. И. *132*
Сантилли А. *132*, *138*
Сафаралиев О. М. *134*
Сафонова Е. В. *133*
Светличная С. А. *132*, *338*
Светличная Т. Г. *132*, *338*
Свядощ А. М. *103*, *338*
Седова В. Б. *134*
Селезнева Н. И. *131*

Семина Т. П. *132*
Сенчина Л. П. *132*
Серый А. И. *68*, *147*
Сигалова А. М. *134*
Симон А. (Африк Симон) *127*
Скляр И. Б. *120*
Смирнов А. С. *132*, *139*, *203*
Смирнова Л. Н. *132*, *203*
Смирнова С. С. *132*, *203*
Снегина Н. Н. *131*
Сокуров А. Н. *133*
Сотникова В. М. *133*
Спенсер Г. *220*
Степанов Б. С. *131*
Стормз М. *278*
Строева В. П. *133*
Сурикова А. И. *133*
Суходрев В. М. *54*, *339*
Талызина В. И. *132*
Тарковский А. А. *131*, *132*, *133*, *134*, *139*, *141*
Твен М. (Клеменс С. Л.) *177*, *224*, *339*
Твердюкова Е. Д. *181*
Тепцов О. П. *133*
Терехова М. Б. *131*
Толисон *244*
Толстой А. Н. *115*, *339*
Толстой Л. Н. *115*, *339*
Тольятти П. М.Н. *115*
Тома С. А. *132*, *176*, *224*, *326*, *339*
Тодоровский П. Е. *133*, *146*
Толкунова В. В. *293*, *339*
Троэлл Я. Г. *150*
Туманов С. И. *132*, *139*
Тютчев Ф. И. *82*, *340*
Удовиченко Л. И. *134*
Узнадзе Д. Н. *221*
Ури Ж. *126*, *144*, *147*, *149*, *165*
Усков В. И. *134*
Успенский Б. А. *47*, *340*
Успенский В. А. *47*, *340*
Успенский Э. Н. *47*, *340*
Фадеев А. А. *98*, *99*, *340*
Файбишенко В. *160*
Файнциммер А. М. *166*
Фандера О. О. *133*
Фатеева Н. Н. *165*
Фетин В. А. *131*, *132*, *137*
Федоров И. *202*
Филатов Л. А. *98*, *132*, *134*
Фигуровский Н. Н. *131*, *139*
Фольи Р. (Рикардо Фольи) *126*
Фрагонар Ж. О. *228*
Франкл Дж. *253*, *340*
Фрейд З. *103*, *104*, *183*, *189*, *220*
Фюнес Л. Д. *144*
Харчев А. Г. *103*, *340*
Харшиладзе Д. *133*
Хейзинга Й. *264*, *340*
Хендрикс Дж. М. *126*
Хитяева Л. И. *132*
Ходаков Н. М. *31*, *32*, *94*, *104*, *340*
Хотиненко В. И. *134*
Христос И. (Иисус Христос) *21*
Хрипкова А. Г. *340*
Хрущев Н. С. *54*, *55*, *56*, *147*, *339*
Цахилова З. А. *133*
Целиковская Л. В. *203*
Цилинский Г. А. *133*
Цузмер А. М. *105*, *341*
Цупрык Б. М. *247*, *249*, *341*
Чаковский А. Б. *341*
Чапаев В. И. *331*
Чеботарев В. А. *131*
Челентано А. *120*, *126*
Четвериков В. П. *132*
Чулюкин Ю. С. *144*
Чуприков А. П. *247*, *249*, *341*
Чурсина Л. А. *133*
Чухрай Г. Н. *131*
Шаинский В. Я. *83*
Шаргородский М. Д. *103*, *341*
Шекспир У. *46*
Шепелев О. А. *210*, *341*
Шимановский Ю. *341*
Ширвиндт А. А. *120*
Шишкина Л. *125*, *333*
Шишков В. Я. *99*
Шмелева И. В. *134*
Шумов К. Э. *221*, *323*
Щербаков Б. В. *133*
Эдвардс Б. *149*, *150*
Экимян А. Г. *190*
Энгельс Ф. *22*, *23*, *342*
Энрико Д. Р. *166*
Эренберг М. *235*
Эренберг О. *235*
Эриксон Э. Х. *188*, *332*
Эркенов Х. С. *134*
Юнгвальд-Хилькевич Г. Э. *133*, *166*
Юнебель А. *150*
Юхананов Б. Ю. *133*
Яковлева А. Е. *132*, *133*, *134*
Яковлева Е. А. *132*, *133*, *134*
Яковлева М. А. *132*, *133*, *134*
Янковский О. И. *203*
Ярошенко Л. Н. *133*
Ясулович И. Н. *132*

Научное издание

Проноза Андрей Викторович

Подростковая сексуальность и половое воспитание в СССР «эпохи застоя» (опыт качественного социологического исследования)

Монография

Текст приводится в авторской редакции

18+

Ответственный редактор *Ю. Подрезова*
Верстальщик *М. Глаголева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел. +7 (495) 258-90-28, 8-800-333-68-45
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru